

НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ЮЖНОГО УРАЛА

Челябинск, 2026

ВЫПУСК 10

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Историко-филологический факультет

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ЮЖНОГО УРАЛА**

Выпуск 10

Научный ежегодник

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2026

УДК 94(082)
ББК Т3
Г945

Издание осуществлено по решению
Ученого совета историко-филологического факультета
Челябинского государственного университета

Редакционная коллегия:

Баканов Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран;

Белоусова Елена Германовна, доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка и литературы;

Гришина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент,
декан историко-филологического факультета (главный редактор);

Зорин Василий Анатольевич, кандидат политических наук, доцент,
заведующий кафедрой политических наук и международных отношений;

Петров Федор Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры
истории России и зарубежных стран (ответственный секретарь);

Селютин Андрей Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания

Г945 **Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала** : науч. ежегод. [сетевое
научное издание]. Вып. 10. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2026. 203 с. URL: <https://histphil.csu.ru/scientific-activities/NCS/>
ISSN 2658-5103

В 2026 г. историко-филологический факультет Челябинского государственного университета в шестой раз провел международную научную конференцию молодых исследователей «Neo Classical Scholar». Данный выпуск содержит статьи, подготовленные участниками конференции на основе их выступлений. Статьи представляют результаты научных исследований студентов, аспирантов и молодых ученых в области социально-гуманитарных наук: истории, филологии, международных отношений, политических наук, лингвистики и педагогики.

УДК 94(082)
ББК Т3я43 + Ш.я43

ОГЛАВЛЕНИЕ

Археологические исследования: развитие современных методов и новые результаты

Гатауллина Р. Р. Отщеповый инвентарь стоянки Михеевская 2	7
Годунова А. О. Сакральное значение погребального инвентаря населения эпохи бронзы Южного Зауралья.	11
Доронина М. Д. Метрический анализ энеолитических грузил Южного Зауралья.	14
Зайцева Е. В. Религиозные представления населения минойского Крита: возможности изучения и реконструкции	17
Зубков А. М. Каменная индустрия стоянки Богдановка эпохи среднего палеолита: новые данные по материалам коллекции сборов 2005–2017 гг.	20
Плавская У. Н. Универсальный знаковый код в культурах бронзового века Южного Зауралья: корреляция орнаментальных традиций керамики и текстиля	22
Сурканова Е. О. Анализ изображений копытных зверей в искусстве кочевников РЖВ: семантика и региональные особенности.	26
Филинский К. В. Энеолитические погребения, обнаруженные при раскопках Новониколаевского медного рудника в 2025 году	30
Хайрулин Д. Д. Значение региональных школьных конференций при подготовке юных археологов в учреждениях дополнительного образования.	33

Визуальные источники в историко-культурном исследовании

Беликова С. Д. Воспитание детей в концепции массового советского журнала «Семья и школа». Сравнительный анализ текстовых и иллюстративных материалов в выпусках 1950-х–1970-х гг.	37
Воротынцев Г. Д. Проблема изучения раннесоветской «производственной фотографии» как источника формирования советской идентичности	41
Иванцова Е. Д. Визуальная антропология городского отдыха: репрезентация публичных пространств и досуговых практик в советском кинематографе 1960–1970-х гг.	45
Курганов Н. С. Гражданская война в России (1917–1923 гг.) в частной фотографии участников событий: к постановке проблемы.	49
Ципровский И. Д. Танатологические образы в искусстве как форма рефлексии о порядке и смысле социокультурного бытия. Серия гравюр Г. Гольбейна «Пляска смерти» (1538)	52
Шерстобитов Н. С. «Тело Победы»: телесная репрезентация воинов Красной Армии в 1943–1945 гг. (на материалах журнала «Фронтовая иллюстрация»)	56

Историческая память и символическая политика

Дергачева В. Е.

Динамическая природа цифровой коммеморации на примере проекта
September 11 Digital Archive в США 61

Куниц И. В.

«Крестьянская генеалогия» и изучение повседневных практик
«недворянского населения» сквозь призму семейной истории:
анализ историографии и современных социальных практик 64

Лешукова М. С.

Terra incognita — Челябинский элеватор: символ аграрного величия в пространстве
забвения и пустоты? 68

Экономическая и социальная история России

Булдакова Д. Д.

Химическая промышленность России в конце XIX — начале XX вв.
(по воспоминаниям Владимира Николаевича Ипатьева). 72

Быкова В. В.

Развитие сети лечебно-профилактических учреждений в Челябинске в послевоенное время ... 77

Ганичева Д. А.

ГАСТ «похоронили» горьковские депутаты? К вопросу о политической истории
периода перестройки. 80

Исаева Ю. С.

Меркантилистская деятельность А. Л. Ордина-Нащокина в контексте развития торговли
и торговых дословных корпораций второй половины XVII в. 83

Кувшинова С. А.

Августовский путч 1991 года как опыт информационного вакуума: как слухи
формировали коллективное восприятие событий. 86

Всеобщая история Нового и Новейшего времени

Сердюков Ф. В.

Мирдитская республика (1921 г.) в контексте политики Лиги Наций 90

Шапкина И. М.

Образ руководителей НКВД и руководителей Коминтерна в письмах
У. фон Брокдорф-Ранцау в условиях Рурского кризиса. 95

История международных отношений и мировая политика

Винокурова С. Д.

Становление советско-турецких отношений: миссия Халил-паши в Москву в мае 1920 г.
в оценках Г. В. Чичерина 99

Водопьянова В. В.

Французская инициатива европейской безопасности в период президентства Э. Макрона 103

Гатиятуллина К. В.

Парламентская дискуссия о месте и роли Британии в американо-европейских отношениях ... 106

Дементьева В. Н.

Миграционные потоки как фактор двусторонних отношений и национальной
безопасности: опыт Испании в начале XXI в. 110

Мехтиева Х. Н.

Участие китайской делегации в работе конференции в Думбартон-Оксе (1944 г.). 112

Этноконфессиональные процессы и отношения: история и современность

Коркин А. А.

Национально-территориальное деление как основа советского этнофедерализма. 115

Селедкова К. А.

Этноконфессиональная политика Российской империи на территории Поволжья
и Южного Урала во второй половине XVIII в. 119

Современные исследования национализма и национальной идентичности

Анисимов А. С.

Государство без нации: проблема конструирования общей идентичности
в Тринидаде и Тобаго 123

Современная российская политика

Васильев А. В.

Цифровая трансформация социальной сферы России: противоречия федеральных
приоритетов и региональной имплементации (опыт Челябинской области). 127

Грошев С. В.

Этнический фактор электорального поведения: корреляционный анализ 133

Пильщиков А. К.

Государственная кадровая политика в сфере здравоохранения в фокусе внимания
отечественных исследователей: от обобщений к действию 137

Скорнякова К. Н.

Трансформация института местного самоуправления в регионах Сибирского
федерального округа: анализ в рамках теории постепенных институциональных
изменений Дж. Махони и К. Телен 141

Хорошеньков С. А.

«Уральская республика» в отечественной историографии: основные направления,
оценки, перспективы изучения 144

Актуальные вопросы преподавания истории и обществоведческих дисциплин

Аладина Т. В.

Региональные сюжеты в школьном курсе истории России для 9–11 классов
(на примере истории Уральского региона) 147

Капелюшник А. Р.

Эволюция теоретических подходов к преподаванию истории в российской школе
в конце XX — первой четверти XXI вв. 150

Халимова К. Р.

Эволюция образа Ивана Грозного в школьных учебниках 1990–2025 гг. 153

Чистякова К. А.

Образовательные концепции XVIII столетия в современных учебных программах 156

Яруллина Л. С.

Использование делопроизводственной документации партийных и советских органов
на уроках истории родного края 160

Актуальные проблемы преподавания русского как иностранного

Лахтачева К. В.

Формирование лингвострановедческой компетенции в процессе обучения
студентов-инофонов на программах бакалавриата негуманитарного направления 162

Соснина А. Д.

Создание тематического учебного словаря «Путешествия» для уровня А2 166

Актуальные вопросы преподавания языка и литературы

Ильиных О. Д.

Использование сериалов для формирования навыка аудирования при подготовке к ЕГЭ по английскому языку в старших классах (на примере сериалов «Phil of the Future», «Drake and Josh», «Girl Meets World»)168

Киселева М. А.

Использование рассказов для детей на уроках английского языка в 5–6 классах170

Копылова Е. А.

Стрип-комиксы как средство формирования лексического навыка на уроках английского языка в 9 классе173

Могиленец В. А.

Использование игровых методов обучения на уроках английского языка на среднем этапе (5–9 классы)177

Чернорецкая Е. А.

Использование мнемотехнических приемов в обучении иностранному языку школьников 7-х классов179

Чигарева В. Е.

Языковое портфолио как методический инструмент для обучения чтению на английском языке в 3–4 классах181

Проблемы современного языкознания

Ефименко Е. А.

Образ фейри в наивной картине мира кельтов184

Малюга А. Ю.

Лексико-грамматические особенности текстов песен группы Zoloto (на примере песен альбома «Перевоплотиться»)189

Литература в кросс-культурных проекциях

Лопатин Д. Я.

Эпическая традиция в мировой литературе XX века сквозь призму «нобелевского формата» 192

Рухлин А. Д.

Феномен мифологического мышления в романе Давида Диопа «Ночью вся кровь черная»195

Педагогический дизайн образовательной среды

Ларионова Е. Е.

Семиотическое развитие ребенка младшего школьного возраста средствами отечественной и зарубежной анимации (на примере мультсериалов «Смешарики» и «Леди Баг и Супер-Кот») 199

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ И НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Отщеповый инвентарь стоянки Михеевская 2

Гатауллина Р. Р.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Петров Ф. Н. (ЧелГУ)

*Научный консультант: Яковлева Е. С.
(Музей-заповедник «Аркаим»)*

Анализ каменного инвентаря — основа изучения производственной деятельности первобытной эпохи. Однако в исследованиях урало-казахстанских степей внимание исследователей часто фокусируется лишь на нуклеусах и готовых орудиях, оставляя отщеповый комплекс на периферии научного интереса из-за некоторой трудоемкости в его интерпретации. Тем не менее детальное изучение отходов производства позволяет частично реконструировать технику расщепления, невозможную при изучении только готовых форм. Кроме того, пространственное распределение отщепового комплекса служит надежным источником для первичной реконструкции структуры хозяйственно-производственной деятельности на территории стоянки, что позволяет локализовать производственные зоны и специфику организации жилого пространства.

Ключевые слова: *отщепы, каменный век, Южное Зауралье, неолит, энеолит.*

Стоянка Михеевская 2 — один из ключевых памятников эпохи неолита — энеолита в степях и лесостепях Южного Зауралья¹. Предварительно она может быть датирована в пределах данных периодов: эпоха неолита в Зауралье датируется VII — серединой V тыс. до н. э.², а эпоха энеолита — серединой V — началом III тыс. до н. э.³

Памятник был открыт в 2021 г. разведочным отрядом археологической экспедиции ЧелГУ под руководством Н. С. Батаниной. Исследования стоянки в 2022–2025 гг. велись совместной археологической экспедицией ЧелГУ и ООО «Архонт» при участии целого ряда специалистов под общим руководством Е. В. Куприяновой. В ходе исследования памятника была получена обшир-

ная коллекция, превышающая 30 тыс. ед. по коллекционной описи. На данный момент коллекция находится в обработке в Учебно-научном центре изучения проблем природы и человека ЧелГУ.

Коллекция стоянки Михеевская 2 богата каменным инвентарем, в ней встречаются пластины с ретушью и без ретуши, орудия на пластинах и на отщепах, отщепы, сколы, нуклеусы, технические сколы и прочее. Помимо этого, в состав коллекции входит и керамический комплекс, представленный в основном фрагментами сосудов⁴.

Данная статья представляет один из этапов в цикле исследования каменной индустрии стоянки Михеевская 2. Первоначально нами была обработана коллекция отщепов 2022 года⁵, а затем проанализировано планиграфическое

¹ Яковлева Е. С., Куприянова Е. В., Плешанова Н. В. Каменный инвентарь стоянки Михеевская 2: предварительные результаты раскопок 2022 г. // Геоархеология и археологическая минералогия–2025. Миасс-Челябинск, 2025. С. 76.

² Мосин В. С. Хронология неолитических памятников в социокультурном пространстве Зауралья // Археология евразийских степей. 2024. № 4. С. 92.

³ Епимахов А. В., Мосин В. С. Хронология зауральского энеолита // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 27.

⁴ Яковлева Е. С., Куприянова Е. В., Плешанова Н. В. Керамический комплекс стоянки Михеевская 2: предварительные результаты // XXIII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. В 2 т. Т. 1. Оренбург, 2025. С. 70–74.

⁵ Гатауллина Р. Р. Отщепы стоянки Михеевская 2: некоторые замечания к технологии // LVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАК): материалы Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2026. С. 46–47.

распределение артефактов на площади раскопа того же 2022 года¹. В настоящей работе обобщаются результаты изучения отщепового инвентаря со стоянки Михеевская 2, полученного за два года ее исследований (2022–2023 гг.). Расширение источниковой базы позволяет уточнить специфику производственной структуры памятника.

В ходе проделанной работы были учтены отщепы, сколы и орудия на отщепах коллекций с раскопок 2022 и 2023 гг. Весь каменный инвентарь этих коллекций представлен доминирующим числом низкокачественного «микрокварцита» (его порядка 96–97 %) и в меньшей степени — высококачественного «кремня». Под микрокварцитами или яшмокварцитами мы понимаем кварц-гематитовую породу², которая встречается в серых, светло-серых, буровато-серых, розовато-желтых и темных разновидностях, иногда с патинизацией. Нужно отметить, что яшмокварциты, встречающиеся в коллекции данной стоянки, имеют выраженную зернистость, а кристаллическая структура этого материала делает его несколько капризным при обработке, что затрудняет получение длинных и тонких заготовок. Вероятно, этот материал является местным, о чем говорит его доминирующее количество, но, безусловно, данный аспект требует уточнения.

Встречающиеся в коллекции халцедоны имеют микрозернистую или однородную структуру, полупрозрачность, иногда стеклянно-шелковистый или матовый блеск. Нами подобное, привередливое к обработке сырье было включено в группу микрокварцитов, хотя исследователи нередко относят его в отдельную группу³.

Кремнистые породы — силициты, находящиеся в меньшинстве в сравнении с низкокачественным сырьем, представлены темными, почти черными фтанидами, несколько более светлыми фтанитоидами (иногда тяготеющими к синим и зеленоватым оттенкам) и яшмами, в частности зелеными и полосатыми. Силициты характеризуются высокой плотностью и твердостью⁴ и, самое

главное, способностью к тонкому расщеплению. Структура данного материала преимущественно микрозернистая, текстура — однородная, тонкослоистая. Это сырье было идеальным для изготовления тонких длинных заготовок.

О точном происхождении силицитов в данном районе говорить сложно: они могли быть принесены из района Магнитогорского прогиба или распространяться через речные системы. В целом использование разных видов сырья может говорить о разновременном или разнокультурном характере данного памятника. Так, на стоянках Северного Казахстана ввиду, вероятно, геологических особенностей региона часто встречаются категории каменного инвентаря из низкокачественного сырья, то есть преимущественно из группы микрокварцитов. На памятнике Белкарагай 1 в Костанайской области основной массив камня представлен кварцитопесчаниками⁵. И здесь возникает вопрос: могли ли переселенцы из того региона принести с собой на территорию Зауралья приверженность к понятному для них материалу и как в таком случае трактовать наличие на памятнике микролитической традиции на кремнистом сырье?

Морфологически отщепы выделялись нами на основе принятых в археологии каменного века ключевых аспектов каменного скола: наличия вентральной поверхности (брюшка), ударного бугорка на спинке, ударной площадки, спинки (дорсальной поверхности), на которой могут фиксироваться негативы предыдущих снятий⁶. Данная категория артефактов была распределена и учтена по размерным группам: чешуйки < 1 см, мелкие отщепы 1–2 см, средние отщепы 2–5 см и крупные отщепы > 5 см.

В коллекции 2022 года среди категории микрокварцитов преобладают мелкие (46,9 %) и средние отщепы, крупных же — менее 2 %. Обилие мелких отщепов связано с тем, что это микродебитаж от изготовления двусторонне обработанных орудий. Среди категории кремней почти 82 % составляют чешуйки и мелкие отщепы, средних экземпляров — 17 %, крупные практически отсутствуют (1,5 %).

⁵ Логвин А. В., Шевнина И. В. Поселение Белкарагай // Древний Тургай и великая степь: часть и целое: Сборник научных статей, посвященный 70-летию юбилею В. Н. Логвина. Костанай–Алматы, 2015. С. 122–123.

⁶ Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск, 1994. С. 93.

¹ Гатауллина Р. Р., Доронина М. Д. Отщепы стоянки Михеевская 2: технологический и планиграфический аспекты // Актуальная археология 8. Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых. СПб., 2026. С. 33–36.

² Мосин В. С., Никольский В. Ю. Распространение кремнистых пород (силицитов) — сырья для изготовления орудий в каменном веке на Южном Урале // Известия Челябинского научного центра. 2005. № 3 (29). С. 96–100.

³ Там же.

⁴ Там же.

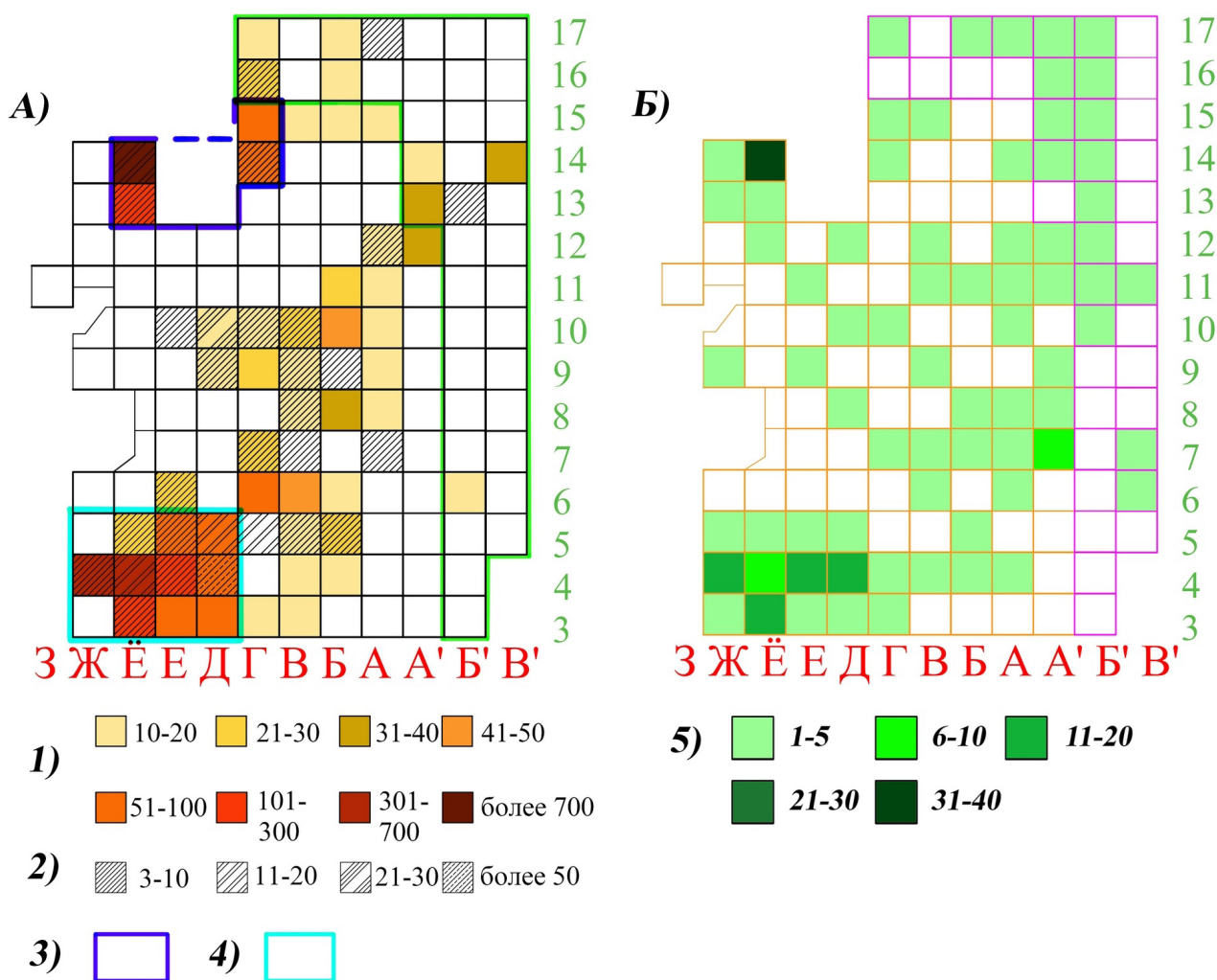

Рис. 1. Стоянка Михеевская 2, план-схема раскопов 2022 и 2023 гг.: А — план-схема распределения отщепов и сколов; Б — план-схема распределения орудий на отщепах; 1) — отщепы; 2) — сколы; 3) — площадка 1; 4) — площадка 2; 5) — орудия на отщепах.

Микрокварциты в коллекции 2023 г. представлены мелкими и средними формами: чешуек — 15 %, мелких отщепов — 30 %, средних — 49 %, крупных — 6,6 %. Среди кремней наблюдается средний перекося в сторону микроформ — чешуек и мелких отщепов в сумме более 73,4 %, доля средних экземпляров значительно ниже — 22,4 %, крупных — 4 %.

При этом размерность отщепов согласуется с тем, что кремнистое сырье связано с микролитической индустрией, где направленность была на получение пластин как ведущей заготовки, в то время как микрокварциты характеризуются явной отщеповой направленностью (тяготение к средним формам), где ведущей заготовкой были сами отщепы.

На основе полученной базы были составлены план-схемы распределения отщепов и сколов, а также орудий на отщепах (рис. 1: А–Б).

Пространственный анализ этих категорий артефактов в пределах исследованной площади

памятника выступает одним из важнейших инструментов для реконструкции хозяйственно-производственной деятельности.

Так, на плане (рис. 1: А), где отщепы указаны общим массивом, мы видим общую интенсивность «замусоренности» территории продуктами расщепления. Совпадение плотных «пятен» сколов и отщепов позволяет нам примерно локализовать мастерские (рис. 1: 1–2).

Вероятно, тот факт, что подготовительные сколы сосредоточены в тех же точках, что и основной массив отщепов, говорит о том, что процесс не был разделен в пространстве. Подготовка нуклеуса и последующая вторичная обработка происходили на обеих площадках. Обе площадки — стыковые зоны с раскопами последующих годов, потому целесообразным будет уточнить «планиграфию» площадок позже.

На плане распределения орудий на отщепах (рис. 1: Б) отчетливо видно, что зоны концентрации орудий практически полностью совпадают

с участками скопления мусора (как отщепов, так и сколов).

Как мы уже подчеркнули выше, основной массив отщепов концентрируется в двух зонах: *зона 1* — уч. Ё/13 и Ё/14, и, видимо, Г/14 и Г/15 (рис. 1:3); *зона 2* — уч. Ё/3 и Ё/4 (рис. 1:4). Выявленные скопления интерпретируются нами как производственные площадки по расщеплению камня.

Размерность отщепов на площадках различна: на северной площадке (*зоне 1*) преобладают мелкие отщепы и чешуйки, в то время как на южной площадке (*зоне 2*) концентрируются мелкие и средние отщепы.

Можно сделать следующие выводы: различия в размерных характеристиках отходов производства внутри сырьевых групп напрямую

коррелируют с выделенными исследователями ранее технокомплексами — микропластинчатым и отщеповым¹, что подтверждает наличие технологического своеобразия индустрии стоянки Михеевская 2 и на уровне отходов производства. Пространственное распределение отщепов позволило локализовать площадки обработки камня, а приуроченность к ним основной массы орудий доказывает функциональную интерпретацию этих зон именно как активных мастерских; наблюдаемое неполное совпадение ареалов орудий и мастерских указывает на то, что часть орудий покидала производственные зоны для работы за их пределами.

¹ Яковлева Е. С., Куприянова Е. В., Плешанова Н. В. Каменный инвентарь стоянки Михеевская 2... С. 76.

Библиографический список

1. Гатауллина, Р. Р. Отщепы стоянки Михеевская 2: некоторые замечания к технологии / Р. Р. Гатауллина // LVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК): материалы Всероссийской научной конференции. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2026. — С. 46–47.
2. Гатауллина, Р. Р. Отщепы стоянки Михеевская 2: технологический и планиграфический аспекты / Р. Р. Гатауллина, М. Д. Доронина // Актуальная археология 8: материалы всероссийской научной конференции молодых ученых. Санкт-Петербург, 6–9 апреля 2026 г. — СПб. : ИИМК РАН, 2026. — С. 33–36.
3. Деревянко, А. П. Палеолитоведение: введение и основы / А. П. Деревянко, С. В. Маркин, С. А. Васильев. — Новосибирск : Наука, 1994. — 288 с.
4. Епимахов, А. В. Хронология зауральского энеолита / А. В. Епимахов, В. С. Мосин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2015. — № 4 (31). — С. 27–37.
5. Логвин, А. В. Поселение Белкарагай 1 / А. В. Логвин, И. В. Шевнина // Древний Тургай и великая степь: часть и целое : сборник научных статей, посвященный 70-летию юбилею В. Н. Логвина. — Костанай – Алматы : Костанайполиграфия, 2015. — С. 122–140.
6. Мосин, В. С. Распространение кремнистых пород (силицитов) — сырья для изготовления орудий в каменном веке на Южном Урале / В. С. Мосин, В. Ю. Никольский // Известия Челябинского научного центра. — 2005. — № 3 (29). — С. 96–100.
7. Мосин, В. С. Хронология неолитических памятников в социокультурном пространстве Зауралья / В. С. Мосин // Археология евразийских степей. — 2024. — № 4. — С. 92–101.
8. Яковлева, Е. С. Каменный инвентарь стоянки Михеевская 2: предварительные результаты раскопок 2022 г. / Е. С. Яковлева, Е. В. Куприянова, Н. В. Плешанова // Геоархеология и археологическая минералогия-2025. Миасс — Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ, 2025. — С. 73–77.
9. Яковлева, Е. С. Керамический комплекс стоянки Михеевская 2: предварительные результаты / Е. С. Яковлева, Е. В. Куприянова, Н. В. Плешанова // XXIII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / отв. ред. А. А. Евгеньев. В 2 т. Т. 1. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2025. — С. 70–74.

Сакральное значение погребального инвентаря населения эпохи бронзы Южного Зауралья

Годунова А. О.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Петров Ф. Н. (ЧелГУ)

В статье анализируется сакральное значение основных категорий погребального инвентаря эпохи бронзы Южного Зауралья и подходы к их изучению. На материалах синташтинской, петровской, алакульской и срубной культур показано, что оружие, керамика, украшения и колесничный комплекс не только маркировали статус умершего, но и выполняли ритуально-защитные функции, а также отражали религиозные представления населения. Рассмотрена эволюция сакрального значения инвентаря от элитарного, индивидуализированного к унифицированному, родовому значению.

Ключевые слова: Южное Зауралье, эпоха бронзы, погребальный инвентарь, оружие, керамика, украшения, колесница, сакральное значение, ритуальная порча.

Погребальный инвентарь эпохи бронзы Южного Зауралья является основным источником для реконструкции религиозных представлений в условиях отсутствия письменных свидетельств. В основе интерпретации погребального инвентаря лежат несколько взаимодополняющих подходов. Контекстуально-пространственный базируется на понимании того, что сакральное значение инвентаря раскрывается через его точное место в могиле. Семиотико-символический подход рассматривает каждый предмет как знак, который несёт в себе символическую нагрузку. Социально-статусный подход помогает реконструировать социальную жизнь, маркирует пол, возраст, однако современные исследователи углубляют эту модель, так как состав инвентаря не всегда соотносится с физическим статусом индивида. Также в интерпретации важен ритуально-процессуальный подход, который рассматривает инвентарь в качестве активных атрибутов погребального обряда, где анализ инвентаря позволяет восстановить последовательность ритуальных действий, направленных на обеспечение умершего в ином мире.

Современный междисциплинарный подход к интерпретации погребального инвентаря включает все вышеперечисленные подходы. Он предполагает, что сакральное значение инвентаря раскрывается только при учёте всех факторов одновременно, а именно при учёте инвентаря в сакральном пространстве погребения, его символической семантики, функции инвентаря как маркера социальной и сакральной идентичности погребённого и его роли в конкретном ритуальном сценарии. Такой многоуровневый анализ позволяет перейти от обычного описа-

ния инвентаря к реконструкции религиозного сознания¹.

В синташтинской культуре, с которой начинается поздний бронзовый век в Южном Зауралье, оружие представлено бронзовыми наконечниками копий и дротиков, топорами-кельтами, каменными булавами, кинжалами, а также псалями. В элитных захоронениях оружие зачастую соседствует с остатками колесниц и костями лошадей, которые вместе формируют колесничный комплекс. Оружие встречается не только в мужских, но и в детских и женских погребениях, что исключает использование оружия исключительно как маркера военного положения или пола и позволяет трактовать его как средство защиты души на посмертном пути и в загробном мире. В петровской культуре набор оружия сохраняется, но всё чаще оно фиксируется именно в мужских захоронениях. В алакульской культуре значение оружия в погребальном обряде несколько утрачивается, вероятно, уступая место родовой символике, однако следы намеренной порчи указывают на сохранение сакрального статуса — через разрушение предмета его «душа» освобождалась для служения владельцу в ином мире. Ритуальные депозиты бронзовых изделий за пределами погребений также подтверждают коммуникативную роль оружия в контакте с потусторонними силами².

Керамическая посуда является самой массовой категорией погребального инвентаря.

¹ Краснов С. В. Методика исследования погребального обряда // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 744–747.

² Берсенева Н. А. О подходах к изучению милитаризации синташтинского общества // Краткие сообщения Института археологии. 2013. № 231. С. 40–42.

В синташтинской культуре сосуды имели тонкостенную орнаментированную поверхность, где геометрические узоры были организованы по вертикальной оси и могли, по ряду предположений, моделировать трёхчастную структуру мира: днище символизировало подземный мир, тулово — мир людей, а шейка — небесный мир. Сосуды сопровождали ритуальную поминальную трапезу и обеспечивали переход элиты в иной мир. В петровской культуре орнамент несколько упрощается, а в алакульской строго канонизируется. В срубной культуре керамика приобретает функцию «почтового ящика», внутри которого помещали мелкие предметы для передачи божествам. Иногда в погребениях различных культур встречаются фрагменты сосудов, что могло символизировать разрыв с миром живых, а также служить заменой целого сосуда¹.

Украшения и детали костюма выполняли обереговую функцию. В синташтинской культуре преобладают сложные металлические украшения, среди них височные подвески, наконечники, браслеты, которые подчёркивали элитарный статус погребённых. В культурах позднего бронзового века распространяются амулеты из зубов животных, астрагалов (таранные кости мелкого рогатого скота), кристаллов горного хрусталя, подъязычных костей крупного рогатого скота. Эти предметы встречаются и на поселениях, что говорит о повседневной вере в магическую защиту. Ношение зубов хищников могло символизировать передачу качеств тотемного предка; астрагалы, вероятно, использовались как игровые кости, гадательные инструменты и обереги²; особенно часто присутствовали астрагалы в детских погребениях. Эволюция костюма от элитарных, сложных, металлических украшений к более простым и массовым украшениям из природных материалов и костей животных отражает демократизацию обереговой практики, более явно демонстрирует веру в тотемизм, а также отражает доступность такого рода обрядов более широким слоям населения³.

¹ Алаева И. П. Сосуды для погребального пира в захоронениях бронзового века Южного Зауралья // *Вещь в контексте погребального обряда*. М., 2020. С. 55–58; Куприянова Е. В. Сосуд в погребении – утварь или символ? // XXII Уральское археологическое совещание: материалы конференции. Курган, 2022. С. 112–113.

² Марков С. С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // *Вестник Общества открытых исследований древности*. 2002. № 1. С. 39–48.

³ Валавин Н. А. Апотропеи в материалах бронзового века Южного Зауралья // *Материалы Международной конференции «Ломоносов–2021»*. М., 2021. С. 2–3.

Колесничный комплекс занимал важное место в синташтинской и петровской культурах. В могилах находят остатки двухколёсных повозок с колёсами со спицами, роговые и костяные псалии, оружие и жертвоприношения лошадей в виде черепов и костей ног; встречаются реже и целые скелеты. Этот набор интерпретируется как материальное воплощение мифа о путешествии души на колеснице в загробный мир, что находит прямые параллели в ведической традиции, где присутствует образ божественных близнецов Ашвинов, которые перевозили умерших в загробный мир. Вероятнее всего, колесница служила в погребальном обряде символом воинской доблести, сакральной власти и космического порядка. В алакульской культуре реальная колесница и её части заменяются на модели, а место жертвоприношений лошадей занимают наборы из костей мелкого рогатого скота, что говорит о переходе от элитарного ритуала к общедоступному и родовому. В срубной культуре колесничный комплекс почти полностью исчезает, а его место занимают коллективные поминальные трапезы без транспортной атрибутики⁴.

Таким образом, анализируя погребальный инвентарь с помощью контекстуально-пространственного, семиотико-символического, социально-статусного и ритуально-процессуального подходов, его можно рассматривать как свидетельство целостной религиозной системы бронзового века. Каждая категория инвентаря, судя по всему, несла определённую символическую нагрузку. Оружие защищало душу на посмертном пути, керамика обеспечивала ритуальную трапезу и отражала строение мира, украшения выполняли обереговую функцию, колесничный комплекс воплощал собой миф о путешествии в загробный мир. На протяжении бронзового века происходила эволюция сакральных значений от элитарных, строго дифференцированных символов синташтинской культуры к унифицированным, родовым атрибутам алакульской и индивидуальным представлениям о загробном существовании в срубной культуре. Универсальной практикой оставалась ритуальная порча вещей, через которую предметы переводились из профанного в сакральное состояние.

⁴ Виноградов Н. Б. Миф о путешествии души и погребальные памятники синташтинского и петровского типа в Южном Зауралье // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2020. № 2 (49). С. 24–26.

Библиографический список

1. Алаева, И. П. Сосуды для погребального пира в захоронениях бронзового века Южного Зауралья / И. П. Алаева // Вещь в контексте погребального обряда: материалы международной научной конференции. — М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2020. — С. 54–59.
2. Берсенева, Н. А. О подходах к изучению милитаризации синташтинского общества / Н. А. Берсенева // Краткие сообщения Института археологии. — 2013. — № 231. — С. 36–43.
3. Валавин, Н. А. Апоτροпеи в материалах бронзового века Южного Зауралья / Н. А. Валавин // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2021». — М. : Изд-во Московского ун-та, 2021. — С. 1–4.
4. Виноградов, Н. Б. Миф о путешествии души и погребальные памятники синташтинского и петровского типа в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2020. — № 2 (49). — С. 11–35.
5. Краснов, С. В. Методика исследования погребального обряда / С. В. Краснов // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 27. — С. 744–747.
6. Куприянова, Е. В. Сосуд в погребении — утварь или символ? / Е. В. Куприянова // XXII Уральское археологическое совещание: материалы конференции. — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2022. — С. 112–113.
7. Марков, С. С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья / С. С. Марков // Вестник Общества открытых исследований древности. — 2002. — № 1. — С. 39–48.

Метрический анализ энеолитических грузил Южного Зауралья

Доронина М. Д.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Петров Ф. Н. (ЧелГУ)

Научный консультант: Яковлева Е. С.
(Музей-заповедник «Аркаим»)

В статье представлены результаты метрического анализа 155 керамических грузил эпохи энеолита из коллекций пяти памятников с территории Южного Зауралья (святилище Велижаны-2, городище Калачик, поселения Курья 1, Чепкуль 5, Чепкуль 20). Для сигаровидных грузил выявлена сильная линейная корреляция между диаметром и весом, разработана модель для реконструкции их веса. Для биконических грузил аналогичная зависимость статистически незначима. Показаны межпамятниковые различия в наборе и весовых характеристиках грузил.

Ключевые слова: энеолит, Южное Зауралье, керамические грузила.

Настоящая работа является продолжением исследования, посвящённого функциональному анализу энеолитических керамических грузил, происходящих с памятников Южного Зауралья, в котором была выполнена классификация грузил по морфологии и весовым категориям, а также рассмотрены следы их изготовления и использования¹. Однако метрические закономерности — связь между размерами, весом и сохранностью — оставались за рамками того исследования и были представлены лишь в общем виде.

Цель данной работы — восполнить этот пробел и предложить инструмент для работы с фрагментированными грузилами. На основе измерений 155 артефактов мы проверяем, существует ли статистически значимая корреляция между максимальным диаметром и весом, и, если да, можно ли построить регрессионную модель, позволяющую реконструировать вес по диаметру фрагмента. Такой подход принципиально важен, поскольку доля фрагментов в коллекции превышает 86 %. В отличие от предшествующих работ Е. Н. Волкова² и В. А. Заха³, сосредоточенных

на типологии и культурной атрибуции, мы попытаемся найти закономерности в метрических данных изделий.

Источниковой базой исследования выступают грузила из коллекций фондов Института проблем освоения Севера СО РАН, обнаруженные при раскопках пяти археологических памятников: святилища Велижаны-24, городища Калачик⁴, поселения Курья 1⁶, поселения Чепкуль 5⁷ и поселения Чепкуль 20⁸. Всего по форме можно выделить три основных типа грузил: биконические (самая массовая группа, 65 экз.), сигаровидные (39 экз.) и «моталки» (10 экз.). Также выделены подтипы — тяжелые «пирожки» на городище Калачик и миниатюрные биконическо-сигаровидные грузила на поселении Чепкуль 20.

Самый большой весовой диапазон демонстрируют биконические грузила (от 7 до 85 г). Подтип «пирожки», встреченный только на городи-

⁴ Дрябина Л. А. Пространственно-временная модель мира святилища Велижаны-2 // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. Вып. 3. С. 75–84.

⁵ Зах В. А., Цембалюк С. И. Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Приоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 54–67.

⁶ Волков Е. Н. Энеолитический комплекс многослойного поселения Курья 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 15–26.

⁷ Зах В. А., Ефремов М. И. Комплексы раннего неолита и байрынской культуры поселения Чепкуль 5 на севере Андреевской озёрной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 2 (61). С. 16–33.

⁸ Зах В. А., Скочина С. Н. Раскопки многослойного поселения Чепкуль 20 // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2006. № 7. С. 231–234.

¹ Доронина М. Д. Проблема функционального назначения керамических грузил населения Зауралья в период энеолита // LVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК): материалы Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2026. С. 51–53.

² Волков Е. Н. Глиняные грузила Тюменского Приоболья (энеолит и ранний бронзовый век) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 4–11.

³ Зах В. А. Образ водоплавающих птиц и глиняные грузила в культурах эпохи раннего металла Зауралья: существует ли связь? // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 149–160.

ще Калачик, имеет вес 90–128 г. Сигаровидные грузила тяготеют к более узкому интервалу: основная масса экземпляров сосредоточена в диапазоне 25–45 г, однако отдельные экземпляры достигают веса 75 г. Для «моталок», или грузил с раздвоенными концами, из-за фрагментарности невозможно точно установить вес целых изделий. Отдельно выделяется группа биконически-сигаровидных грузил, их вес крайне мал — от 5,5 до 11,3 г, что позволяет предположить их неутилитарное назначение (вотивные предметы, игрушки).

Одной из главных проблем при работе с керамическими грузилами является фрагментарность сохранившихся артефактов. Степень сохранности изделий существенно варьируется в зависимости от типа. Так, биконические грузила (без учёта «пирожков»), являясь самой многочисленной группой, также демонстрируют самую высокую фрагментированность — 81,5 % (53 фрагмента из 65 экземпляров). Наилучшая сохранность отмечена для «пирожков» (42,9 % фрагментов), тогда как «моталки» и грузила с загнутым концом представлены исключительно фрагментами. Сигаровидные грузила также демонстрируют очень высокую степень фрагментации (92,3 %), что затрудняет их метрический анализ. В целом по коллекции доля фрагментов составляет 86,5 % (134 из 155 экз.).

Для сигаровидных грузил выявлена сильная положительная линейная корреляция между максимальным диаметром и весом (рис. 1). Для построения регрессионной модели были использованы 9 целых и хорошо сохранившихся сигаровидных грузил из памятников Курья 1 и Чепкуль 20. Методом наименьших квадратов получено уравнение линейной регрессии: вес грузила = $39,8 \times \text{диаметр} - 31,7$, при этом 79 % вариации

веса объясняются изменением диаметра. Таким образом, каждый дополнительный сантиметр диаметра увеличивает вес грузила примерно на 40 граммов; так, если диаметр вырос с 1,5 см до 2,5 см, то вес возрастает с ~28 г до ~68 г. Так можно реконструировать вес фрагментированных сигаровидных грузил по сохранившемуся диаметру с приемлемой точностью (ошибка прогноза около 10–15 г). На основе этой модели была составлена шкала реконструкции веса для диаметров 1,5–2,4 см (таблица 1). Такая взаимосвязь длины и диаметра (а, следовательно, и веса), вероятно, объясняется тем, что более тонкие и длинные грузила могли чаще ломаться, тогда как более широкие неудобны для привязки к сети.

Говоря о биконических грузилах, также можно отметить наличие общей положительной корреляции между диаметром и весом, однако она выражена слабее и имеет больше исключений, чем в случае с сигаровидными грузилами, из-за того, что у одних экземпляров биконическая форма выражена сильнее, изделие выглядит «вздуто», а у других она сглажена, что существенно влияет на объём и, следовательно, вес. Попытка построить линейную регрессию для биконических грузил показала, что модель статистически незначима и непригодна для практического использования.

Сопоставление материалов разных памятников обнаружило различия как в типологическом составе, так и в весовых параметрах грузил. Так, поселение Чепкуль 5 интересно высокой долей находок моталок (5 экз. из 9), что может отражать локальную традицию. На святилище Велижаны-2 были обнаружены только биконические грузила, что, возможно, связано с сакральным статусом памятника. На городище Калачик доминируют биконические изделия и «пирожки». При этом на данном памятнике биконические грузила отчётливо распадаются на две весовые группы: лёгкие (около 20 г) и тяжёлые (около 78 г). Такое распределение, вероятно, говорит о преднамеренном изготовлении двух функционально различных весовых типов грузил для разных рыболовных задач (например, для плавающих и донных сетей). Поселение Курья 1 — единственный памятник, где сигаровидные грузила численно преобладают; биконические изделия здесь имеют широкий диапазон весов, что говорит об универсальном рыболовстве без жёсткой специализации. Поселение Чепкуль 20 выделяется обилием лёгких биконических (5–26 г)

Таблица 1
Реконструкция веса сигаровидных грузил по диаметру

Диаметр (см)	Вес (г)
1,3	18–22
1,4	21–27
1,5	25–31
1,6	28–36
1,7	32–40
1,8	36–44
1,9	40–48
2,0	44–52
2,1	48–56
2,2	52–60
2,3	56–64
2,4	60–68

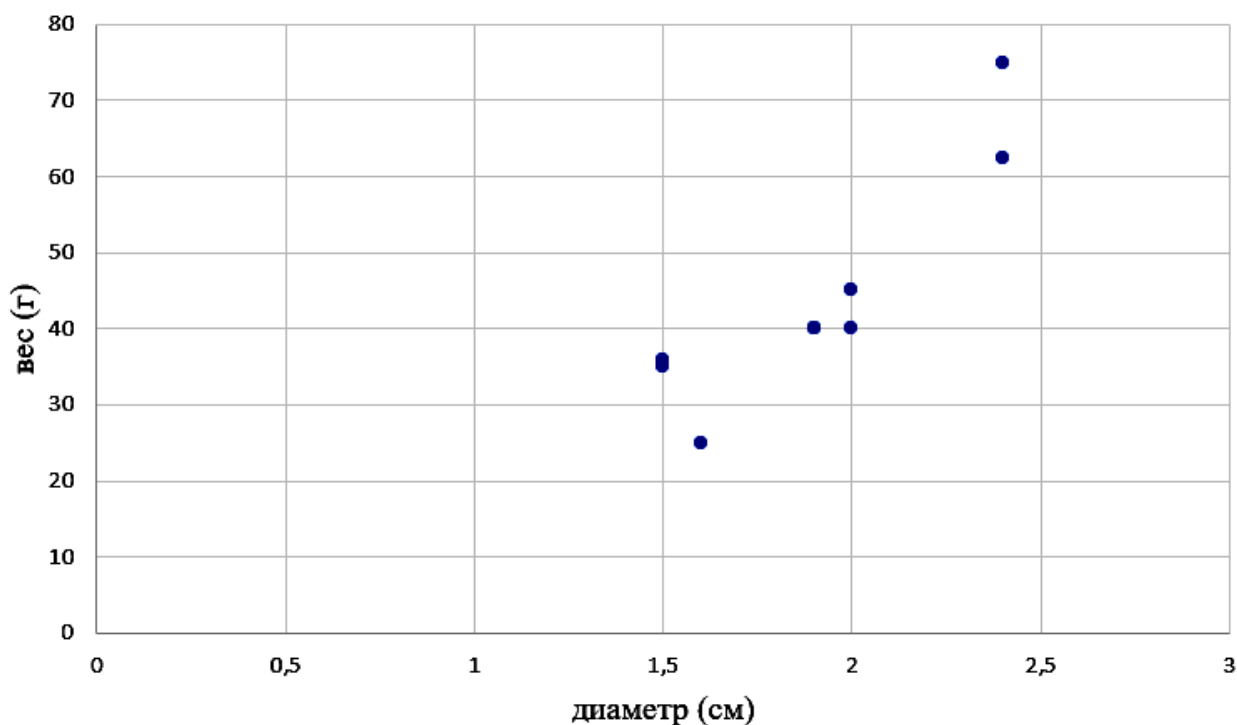

Рис. 1. График корреляции диаметра и веса сигаровидных грузил.

и биконическо-сигаровидных грузил (5,5–11 г); последние, вероятно, не были связаны с сетевым ловом (возможно использовались как votivные предметы или игрушки).

Таким образом, для сигаровидных грузил установлена сильная положительная линейная связь между диаметром и весом: увеличение диаметра на 1 см в среднем даёт прирост веса примерно на 40 г. Была создана таблица рекон-

струкции веса по диаметру изделия, которая позволяет включить в статистический анализ даже фрагментированные грузила, что существенно увеличивает репрезентативность выборок. Для биконических грузил столь же четкую закономерность выявить не удалось; это связано с сильной вариацией формы изделий внутри данного типа, что существенно влияет на объём и вес грузил при близких диаметрах.

Библиографический список

1. Волков, Е. Н. Глиняные грузила Тюменского Притоболья (энеолит и ранний бронзовый век) / Е. Н. Волков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2009. — № 10. — С. 4–11.
2. Волков, Е. Н. Энеолитический комплекс многослойного поселения Курья 1 / Е. Н. Волков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2010. — № 1 (12). — С. 15–26.
3. Доронина, М. Д. Проблема функционального назначения керамических грузил населения Зауралья в период энеолита / М. Д. Доронина // LVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК): материалы Всероссийской научной конференции. — Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2026. — С. 51–53.
4. Дрябина, Л. А. Пространственно-временная модель мира святилища Велижаны-2 / Л. А. Дрябина // Вестник Тюменского государственного университета. — 2003. — Вып. 3. — С. 75–84.
5. Зах, В. А. Образ водоплавающих птиц и глиняные грузила в культурах эпохи раннего металла Зауралья: существует ли связь? / В. А. Зах // Уральский исторический вестник. — 2022. — № 2 (75). — С. 149–160.
6. Зах, В. А. Комплексы раннего неолита и байрыкской культуры поселения Чепкуль 5 на севере Андреевской озёрной системы / В. А. Зах, М. И. Ефимов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2023. — № 2 (61). — С. 16–33.
7. Зах, В. А. Раскопки многослойного поселения Чепкуль 20 / В. А. Зах, С. Н. Скочина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2006. — № 7. — С. 231–234.
8. Зах, В. А. Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Притоболье / В. А. Зах, С. И. Цембалюк // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 3 (22). — С. 54–67.

Религиозные представления населения минойского Крита: возможности изучения и реконструкции

Зайцева Е. В.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Петров Ф. Н. (ЧелГУ)

В статье на основе анализа письменных и археологических источников обосновывается, что реконструкция религиозных представлений минойского Крита возможна лишь на уровне материальных практик культа. Недешифрованность двух из трёх систем письменности не позволяет реконструировать системы верований и определить чёткое распределение функций между божествами. Теория Артура Эванса о центральном женском божестве минойского Крита критикуется исследователями, тогда как современный подход предполагает, что женское начало представлено множеством локальных культов. Рассмотрение вопроса о преемственности религиозных воззрений показывает, что минойское влияние на микенскую религию носило избирательный характер и ограничивалось заимствованием символов власти при отвержении экстатических обрядов и ритуальных практик.

Ключевые слова: *минойский Крит, минойская религия, Артур Эванс, Великая богиня, культовая практика.*

Минойский Крит является хронологически первой высокоразвитой цивилизацией на европейском континенте, чья сложная религиозная система предшествовала формированию классической древнегреческой культуры. Характерной чертой источниковой базы исследования минойской религии является её неравномерность. Изучение критских текстов бронзового века начинается с Артура Эванса, который выделил три системы письменности: критское иероглифическое письмо, линейное письмо А и линейное письмо Б. А. М. Кондратов и В. В. Шеворошкин отмечают, что, «если учесть, что иероглифическое письмо существовало вплоть до XVII в. до н. э., станет ясно, что несколько столетий оба вида сосуществовали»¹. Две из трёх систем письма до сих пор не дешифрованы, из-за чего изучение минойской религии сталкивается с трудностями в реконструкции религиозных верований. Линейное письмо Б дешифровано, но его сфера в минойской культуре ограничивалась административным учётом. Косвенным письменным источником выступает античная литература. К ней стоит относиться критически, потому что она является переработанным наследием минойской культуры, адаптированным к собственным мифологическим целям.

В связи с этим основную роль в исследовании минойской религии играют археологические источники. Архитектурные сооружения позволяют судить о характере ритуалов и социальной ор-

ганизации культа. Крупнейшие дворцы были не только административными, но и религиозными центрами. Народный аграрный культ существовал в горных святилищах с их каменными оградами и алтарями, а также в пещерах, считавшихся входами в потусторонний мир. Характерной чертой минойской религии являются святилища на вершинах гор, такие как Юктас и Петсофас, которые отличаются отсутствием капитальных построек, но содержат тысячи глиняных фигурок людей и животных. Пещеры Крита использовались в культовых целях с неолита вплоть до римского времени, что свидетельствует о чрезвычайной устойчивости сакральной традиции. Ритуальная утварь указывает на практику жертвоприношений и очищений. Находки фигурок показывают, что дары были способом общения с богами, посредством которого человек просил об исцелении и плодородии. Реконструировать представление о ритуалах помогают фрески, в которых важное место, по мнению Нанно Маринатос, занимали Великая богиня и женщины, выполнявшие функцию жриц².

Интерпретация этого богатого археологического материала долгое время определялась теорией Артура Эванса, первооткрывателя цивилизации минойского Крита. Его концепция значительно повлияла на историческую науку, однако к настоящему времени стало ясно, что она содержала значительные методологические недочёты. В противовес общепринятой

¹ Кондратов А. М., Шеворошкин В. В. Когда молчат письмена. Загадки древней Эгеиды. М., 1970. С. 53.

² Marinatos N. Minoan Religion: Ritual, Image, and Symbol. Columbia (South Carolina), 1993. P. 41.

эволюционной теории, которая утверждает переход от многобожия к единобожию, Эванс выдвинул гипотезу о первоначальном минойском монотеизме, в центре которого находились Богиня-Мать и её юный супруг.

Первоначально теория Артура Эванса о центральном образе Великой Богини в религии Крита нашла поддержку со стороны ряда авторитетных учёных, однако в дальнейшем она подверглась обоснованной критике. Современный подход не отрицает очевидного доминирования женского начала в этой религии в образах божеств и значении женщин-служительниц, но исходит из мысли, что атрибуты божеств были изменчивы, а попытка фиксации универсального пантеона, скорее всего, невозможна. Как отмечает Диамантис Панагиотопулос, в минойской религии нет однозначных атрибутов, закреплённых исключительно за конкретными божествами, что накладывает чёткие ограничения на любые попытки реконструировать пантеон¹. Вместо образа единой богини исследователи реконструируют множество локальных женских культов. Кроме того, мужские божества также присутствовали в минойской религии, хотя их образы менее выражены.

Споры о структуре минойского пантеона не могут быть разрешены только на основе критских источников. Определённую информацию, хотя и косвенную, даёт анализ того, как минойские религиозные образы воспринимались в микенской культуре. Широкое минойское влияние обычно рассматривается как определяющая характеристика раннего микенского периода. Многие из предметов, найденных в качестве погребального инвентаря в могилах, отражают минойскую религиозную символику и ритуальную практику. К ним относятся двойные топоры (лабрисы), головы быков, грифоны, трёхсторонние святилища с рогами освящения. Однако, как отмечает Томас Дж. Палайма, нет оснований предполагать, что в микенском обществе все эти атрибуты сохранили своё первоначальное значение: они могли быть экзотическими предметами роскоши, импортируемыми из-за рубежа, или артефактами, изготовленными критскими мастерами по найму². Впрочем, до сих пор обсуждаются степень и смысл их заимствований. Одни специалисты считают, что минойские религиозные симво-

лы, взятые микенцами, воспринимались как предметы роскоши или знаки власти, утратив при этом свое изначальное культовое значение. Другие исследователи убеждены, что в период активных контактов микенцы всё же знали о сакральном значении некоторых использовавшихся ими минойских символов. Микенцы вписывали их в свою религиозную систему, в свои представления о власти и ритуалах, поэтому избирательно подходили к заимствованию. При этом они отвергли или не воспроизвели ключевые элементы минойской религии, такие как экстатические обряды, ритуальные видения, люстральные бассейны или специфические погребальные практики.

Минойская религия представляла собой живую, телесно-ориентированную практику. Божественное не было отделено от мира, а присутствовало в природных объектах: горах, пещерах, деревьях, столбах и в животном мире. Эллен Адамс подчёркивает, что горы служили моделями воображаемого пространственного порядка во все периоды критской истории³. Пещеры, как отмечает Хелен Уиттакер, по своей природе имеют пограничный характер и поэтому могут функционировать как место между реальным и трансцендентным миром⁴. Религиозный опыт был глубоко телесным, переживаемым через физические действия: восхождение на гору, спуск в пещеру, экстатические танцы, прыжки через быка, ритуальные омовения и возлияния. Прыжки через быка Джоан Сихон связывает с минойским представлением о возрождении, а сам бык выступает символом возрождения и становления, сочетая риск, мастерство и сакральный опыт⁵. Нанно Маринатос также рассматривает прыжки через быков как обряд посвящения⁶. Религиозный опыт достигался не через вербальные формы и вероучения, а через структурированную иерархию телесных действий, которые были интегрированы в конкретную топографию.

Таким образом, реконструкция минойской религии возможна лишь на уровне того, что можно увидеть и описать: типы святилищ, формы

³ Adams E. *Cultural Identity in Minoan Crete: Social Dynamics in the Neopalatial Period*. Cambridge, 2017. P. 28.

⁴ Whittaker H. *Religion and Society in Middle Bronze Age Greece*. N. Y., 2014. P. 109.

⁵ Cichon D. *Matriarchy in Bronze Age Crete: A Perspective from Archaeomythology and Modern Matriarchal Studies*. Oxford: Archaeopress, 2022. P. 155.

⁶ Marinatos N. *Minoan Religion: Ritual, Image, and Symbol...* P. 204.

¹ Panagiotopoulos D. *Minoan Crete: An Essay on Island Culture in the Bronze Age*. Berlin, 2021. P. 123.

² *Aegean Bronze Age* / ed. by Cynthia V. Shelmerdine. N. Y., 2008. P. 402.

ритуальных предметов, зафиксированные в иконографии сцены. Интерпретация этих данных, напротив, остаётся гипотетической. Всё, что вы-

ходит за пределы материальной фиксации культа, остаётся за рамками того, что доступно для изучения с учетом имеющихся источников.

Библиографический список

1. Кондратов, А. М. Когда молчат письма. Загадки древней Эгеиды. / А. М. Кондратов, В. В. Шеворошкин. — М. : Наука, 1970. — 225 с.
2. Adams, E. Cultural Identity in Minoan Crete: Social Dynamics in the Neopalatial Period. / E. Adams — U. K. : Cambridge University Press, 2017. — 342 p.
3. Aegean Bronze Age / ed. by Cynthia V. Shelmerdine. — N. Y. : The Cambridge Companion, 2008. — 443 p.
4. Cichon, D. Matriarchy in Bronze Age Crete: A Perspective from Archaeomythology and Modern Matriarchal Studies. / D. Cichon. — Oxford : Archaeopress, 2022. — 241 p.
5. Marinatos, N. Minoan Religion: Ritual, Image, and Symbol / N. Marinatos. — Columbia (South Carolina) : University of South Carolina Press, 1993. — 303 p.
6. Panagiotopoulos, D. Minoan Crete: An Essay on Island Culture in the Bronze Age / D. Panagiotopoulos. — Berlin : W. Kohlhammer GmbH, 2021. — 301 p.
7. Whittaker, H. Religion and Society in Middle Bronze Age Greece / H. Whittaker. — N.Y. : Cambridge University Press, 2014. — 282 p.

Каменная индустрия стоянки Богдановка эпохи среднего палеолита: новые данные по материалам коллекции сборов 2005–2017 гг.

Зубков А. М.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Петров Ф. Н. (ЧелГУ)

Статья посвящена анализу каменного инвентаря из материалов сборов 2005–2017 гг., проведенных А. М. Кисленко, Н. С. Татаринцевой, Ф. Н. Петровым и А. Н. Страховым, выяснению его специфики и сравнению с другими орудиями эпохи среднего палеолита Южного Зауралья в контексте характеристики каменной индустрии. Богдановка остаётся ключевым для региона объектом археологического наследия этой эпохи благодаря большой площади, сохранности слоёв и находкам фауны. Находки, сделанные на этой стоянке в 2005–2017 гг., в том числе кости мамонта и каменные орудия, хранятся в фондах Челябинского государственного историко-археологического музея-заповедника «Аркаим». При подготовке статьи были изучены орудия со вторичной обработкой и отходы производства. Сравнение с другими материалами позволило иначе интерпретировать некоторые находки.

Ключевые слова: Южное Зауралье, археология, Богдановка, каменная индустрия, средний палеолит.

Исследовательская литература, посвящённая среднему палеолиту Южного Урала, остаётся весьма ограниченной по объёму и содержанию. Сравнительный анализ палеолитических памятников Южного Зауралья позволил определить стоянку Богдановка как наиболее перспективный объект для дальнейшего изучения¹. Она же выступает самым поздним объектом в данном ряду, так как ее возраст определяется в пределах 90–60 тыс. лет. В 1989 г. она изучалась раскопками В. Н. Широкова. Стоянка Богдановка расположена в Кизильском муниципальном округе Челябинской обл., на левом берегу р. Урал, в 150 км к югу от г. Магнитогорска и в 1,5 км ниже по течению от с. Богдановка².

Ее уникальность обусловлена как хронологической позицией, так и наличием значительного количества фоссилезированных остатков фауны, которые не зафиксированы на других памятниках региона. Комплекс орудий характеризуется как мустьерская культура одностороннего облика. Отмечается преобладание лицевой отделки орудий, выполненной чешуйчатой ретушью. Палеозоологические данные указывают на степной характер ландшафта в период функционирования стоянки. В 2005 г. археологами музея-заповедника

«Аркаим» А. М. Кисленко, Н. С. Татаринцевой и Ф. Н. Петровым стоянка была переобследована³. Новое обследование выполнено в 2014 г. под руководством Ф. Н. Петрова⁴, затем в 2017 г. стоянка была еще раз осмотрена сотрудником музея-заповедника «Аркаим» А. Н. Страховым.

В ходе разведочных работ 2015–2017 гг. осматривался размываемый обрыв левого берега реки Урал, где ранее, в 1989 г., был выполнен раскоп В. Н. Широкова. Согласно актам из фондов музея-заповедника «Аркаим», в 2005 г. на стоянке Богдановка были найдены: фрагменты костей мамонта (10 экз.), кремниевые сколы (3 экз.), фрагменты зуба крупного неопознанного животного (3 экз.), кремниевая проколка (1 экз.)⁵. В 2014 г. были найдены: кремниевые отщепы (4 экз.), ножевидные кремниевые пластины (2 экз.), кремниевый остроконечник (1 экз.), кремниевый резец на пластине (1 экз.)⁶. В 2017 г. была найдена пластина (1 экз.).

Находки, сделанные на стоянке Богдановка в 2005–2017 гг., были изучены при подготовке настоящей статьи в фондах музея-заповедника

³ Аркаимские археологи откопали мамонта. 24.10.2005 // Музей-заповедник «Аркаим». URL: <https://arkaim-center.ru/News/arkaimskie--arheologi--otkopali--mamonta> (дата обращения 18.05.2026).

⁴ В разведочных работах 2014 г. на стоянке Богдановка принимали участие С. С. Марков, Д. С. Марков, М. А. Угаева, Е. А. Угаев и Н. Ф. Петров.

⁵ Акт № 144 от 25.04.2009 приема на временное хранение в Челябинский государственный историко-археологический музей-заповедник «Аркаим».

⁶ Акт № 331 от 15.06.2014 приема на временное хранение в Челябинский государственный историко-археологический музей-заповедник «Аркаим».

¹ Зубков А. М. Южное Зауралье в среднем палеолите: современное состояние исследований // LVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК): материалы Всероссийской научной конференции, Челябинск, 2026. С. 55–59.

² Широков В. Н., Волков Р. Б., Косинцев П. А., Лаптева Е. Г. Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) // Российская археология. 2011. № 1. С. 125–139.

«Аркаим». Рассмотренная коллекция состоит из 13 кремневых артефактов. В коллекции преобладают отходы производства без вторичной обработки (7 шт.). Часть орудий отчасти покрыта патиной. Двусторонняя обработка присутствует лишь частично, полностью двусторонне обработанные изделия отсутствуют.

Тип некоторых изделий при оформлении фондовых документов был определен не вполне правильно. В частности, изделие под номером МАРК НВФ 1368/2 указано в фондовой документации как скол, в то время как оно обладает чертами проколки, в частности выраженным жалом (рис. 1: 1). Также оно имеет нетипичный выступ в проксимальной части. Изделие с учетным номером ПР-331/7 было оформлено как отщеп (рис. 1: 2), однако, учитывая наличие на нем нерегулярной двусторонней ретуши, предлагается интерпретировать его как орудие на отщепе (скребло). На отщепе с ретушью под номером ПР 331/5 выделяется ступенчатая ретушь, а также на нем присутствуют следы сработанности от строгания твердого материала, вероятно, дерева (рис. 1: 3). Особенно выделяется орудие под номером ПР-331/1 (рис. 1: 4). Оно представляет собой остроконечник мустьерского типа с ярко выраженной леваллуазской технологией. Также выделяется сильно патинизированная находка под номером МАРК НВФ 1368/1 (рис. 1: 5). В музейной документации она определена как скол, однако на изделии присутствуют характерные черты, которые позволяют определить его как двуплощадочный нуклеус со встречным скалыванием.

На изделиях со вторичной обработкой преобладает чешуйчатая ретушь, но на части предметов присутствует ступенчатая ретушь, в частности на одной из проколки под номером МАРК ОФ-1538-1. На этой же проколке фиксируется и краевая ретушь; сама проколка выполнена на плоском отщепе. Её выделяет отсутствие типичной ретуши на брюшке орудия в районе жала (рис. 1: 6).

Материал коллекции подъемных сборов можно охарактеризовать как смешанный по составу

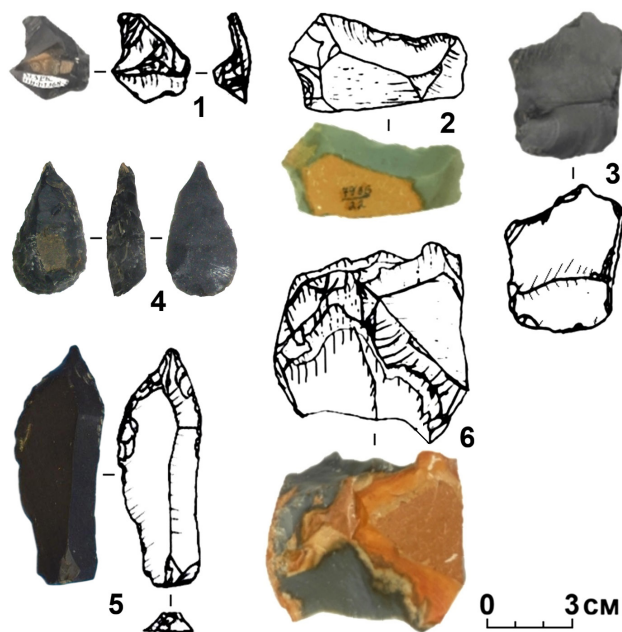

Рис. 1. Стоянка Богдановка, предметы из подъемных сборов 2005–2017 гг.

индустрий. Преобладающий материал — серая яшма (7 шт.), далее идет фтонитоподобная черная яшма (5 шт.), что соотносится с ранее известными находками с этой стоянки. Орудия со вторичной обработкой представляют собой изделия для утилизации охотничьей добычи, что подтверждается находками фаунистических останков и согласуется с предыдущими исследованиями. Анализ распределения материалов подъемных сборов 2005–2017 гг. со стоянки Богдановка подтверди предположение о большой площади стоянки, которое выдвинул автор ее раскопок В. Н. Широков.

Сочетание крупной площади стоянки, подтвержденной разведочными исследованиями 2005–2017 годов, с хорошей сохранностью остеологического материала подтверждает мнение о высокой перспективности стоянки Богдановка для дальнейших исследований. Это позволяет рассматривать данный памятник как потенциальное место для обнаружения антропологических находок, что может иметь особое значение для реконструкции процессов расселения гоминид.

Библиографический список

1. Зубков, А. М. Южное Зауралье в среднем палеолите: современное состояние исследований / А. М. Зубков // LVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК) : материалы Всероссийской научной конференции. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2026. — С. 55–59.
2. Широков, В. Н. Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) / В. Н. Широков, Р. Б. Волков, П. А. Косинцев, Е. Г. Лаптева // Российская археология. — 2011. — № 1. — С. 125–139.

Универсальный знаковый код в культурах бронзового века Южного Зауралья: корреляция орнаментальных традиций керамики и текстиля

Плавская У. Н.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Куприянова Е. В. (ЧелГУ)

В статье рассматриваются механизмы передачи культурной информации в дописьменных обществах Южного Зауралья эпохи бронзы. На основе анализа орнаментации сосудов синташтинской, петровской и алакульской культур, а также текстильных находок из могильника Степное VII обосновывается существование в этих культурах универсального знакового комплекса (УЗК). Выявляется корреляция между гончарными канонами и структурами ткачества. Особое внимание уделяется реализации антропоморфного кода через семантическую модель сосуда и анализу орнаментальных «сбоев» как разомкнутой линейной записи.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южное Зауралье, орнамент, универсальный знаковый комплекс, керамика, текстиль, антропоморфный код.

В археологии дописьменных обществ степной Евразии одной из самых сложных задач остается реконструкция того, как древнее население фиксировало и передавало сакральные и социальные смыслы. В эпоху бронзы роль такого «языка» выполнял геометрический орнамент, который современные исследователи определяют как универсальный знаковый комплекс (УЗК). Традиция украшения вещей — от повседневной посуды до элитного оружия и одежды — понималась именно как процесс «оживления» предмета, наделения его магическими свойствами и включения в общую модель мироздания.

Необходимость системного сравнения узоров на разных материалах (глине, ткани, металле) продиктована тем, что анализ керамики в отрыве от других артефактов больше не дает полной картины орнамента в системе культуры. Именно поэтому для выявления единого семиотического кода, который обеспечивал стабильность культур Южного Зауралья на протяжении веков, требуется комплексный подход. Объектом нашего внимания стал Степнинский археологический микрорайон — территория, где сосредоточены памятники синташтинского, петровского и алакульского круга.

Изучение знаковых систем бронзового века началось ещё в 1907 г., когда В. А. Городцов¹ обнаружил на сосуде срубной культуры знаки, предположив наличие неизвестной письменности. Позже Е. Ю. Кричевский показал, что первобытная орнаментика носила магический харак-

тер, где каждый элемент был носителем смысла. А. А. Формозов развил эту идею термином «знаки в потенции», отметив нанесение символов «скорописью» на сырую глину². В 1980-х гг. Л. С. Клейн обратил внимание на «числовые предпочтения» древних обществ: доминирование «четверичности» (кресты, квадраты) указывало на развитие основ математического мышления³. Современная наука опирается на принципы палеоинформатики, где культура — единое информационное поле, орнамент — инструмент рационализации пространства, а вещь — сложный «текст».

Центральное место в нашем исследовании занимает интерпретация антропоморфной структуры сосуда, предложенная Ф. Н. Петровым⁴. Опираясь на его обоснованные предположения, мы рассматриваем структуру сосуда как визуальное воплощение женского образа. В рамках этого семантического подхода шейка, плечо и тулово сосуда соотносятся с частями человеческого тела, а орнаментальные пояса дублируют элементы реального костюма.

Параллельно используются разработки Е. В. Куприяновой и Д. Г. Здановича в рамках

² Там же. С. 193–19.

³ Клейн Л. С. Происхождение нуля, или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997. С. 50.

⁴ Петров Ф. Н. Семантическая модель синташтинского сосуда // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург – Сургут, 2007. С. 161–162.

¹ Формозов А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // Вестник древней истории. 1953. № 1 (43). С. 193.

модели «Эпохи геометров»¹. Авторы обосновали, что орнаментальный ярус воспринимался не как цикл, а как разомкнутая линейная или спиральная «запись». Это позволяло кодировать сложные календарные циклы и мифологические сюжеты.

Для понимания глубины кода необходимо обратиться к энеолитической ботайской культуре Северного Казахстана (IV–III тыс. до н. э.). Ключевым источником служит серия из 78 орнаментированных фаланг лошадей, классифицируемых как древнейшая разновидность антропоморфной пластики². Анализ этих находок позволяет выделить три важных момента, ставших фундаментом для традиций эпохи бронзы. Во-первых, узоры на фалангах (зигзаги, сетки) воспроизводят детали кроя древнейшей туникообразной рубахи с вырезом ворота и вставками. Это доказывает, что традиция «одевания» предмета в орнамент для придания ему сакрального статуса возникла задолго до формирования синташтинской культуры. Во-вторых, среди находок преобладают левые фаланги (около 75 %), которые в мифологии связывались с женской сферой и культом плодородия³. В-третьих, прослеживается семантическая связь ботайских «идолов» с костяными лопаточками-«идолами» из синташтинских могильников (например, Степное-1), которые также, возможно, являются стилизованными изображениями Великой Богини.

Практическая часть исследования основана на анализе коллекции сосудов из могильников Степное-1, Степное VII и Степное-25. Изучение массива керамики позволило проследить смену канонов: от перенасыщенных синташтинских композиций к лаконичным алакульским схемам⁴. При анализе декора мы опирались на интерпре-

тацию Ф. Н. Петрова⁵, согласно которой сосуд транслировал женский образ. Подтверждением служат парные налпные «шишечки», имитировавшие грудь (рис. 1: 3).

Особый интерес вызывают ритуальные инсталляции, найденные в Степном-1 (курган 33) и Степном VII⁶. Речь идет о так называемых «матрешках» — вложении одного сосуда в другой. В одном из погребений синташтинской культуры внутри большого сосуда находились сразу три меньших, причем один из них был специально сломан, чтобы пройти сквозь узкое горлышко. Скорее всего, они символизировали беременность и идею продолжения рода, превращая керамику в сакральноеместилище жизни.

Примечательной чертой степнинской керамики является высокая частота «сбоев» в узорах (рис. 1: 4–6). Около 70 % сосудов содержат нарушения ритма или обрывы поясов. Согласно теоретической модели «Эпохи геометров» Е. В. Куприяновой и Д. Г. Здановича, эти «ошибки» не были небрежностью⁷. Напротив, они показывают, что орнамент воспринимался как разомкнутый текст — «линейная запись» с началом и концом⁸. В этих экспериментах видны сюжеты. На сосудах из могильников Степное VII и Исиной зафиксирована трансформация фигур: треугольник переходит в полукруг, затем в «радугу» (рис. 1: 6), или меандр «дорастает» до свастики, что интерпретируется как идея роста, развития во времени⁹. Иногда в композициях различимы «голова» и «хвост», что позволяет трактовать узор как изображение змеи¹⁰.

Важнейшим этапом работы стало сопоставление гончарных традиций с текстильными. Прямым доказательством их единства стала уникальная шапка из комплекса 8 могильника

¹ Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. «Эпоха геометров»: пространство и время как факторы организации орнаментальных композиций бронзового века Южного Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург – Сургут, 2011. С. 64–79.

² Усманова Э. Р., Захаров С. В., Палагута И. В., Мерц В. К., Плешаков А. А. Орнаментированные фаланги животных на поселениях ботайской культуры: археологический контекст, особенности декора и интерпретация // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2024. № 17. С. 19.

³ Там же. С. 11–17.

⁴ Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи / Е. В. Куприянова, В. С. Стоколос, Н. Ф. Петров, Н. С. Батанина. Челябинск, 2020. С. 97–138.

⁵ Петров Ф. Н. Семантическая модель синташтинского сосуда... С. 161–162.

⁶ Степное: новые горизонты / Е. В. Куприянова, Н. С. Батанина, Б. К. Хэнкс [и др.]. Челябинск, 2023. С. 155.

⁷ Зданович Д. Г., Куприянова Е. В. Проблемы изучения стилевых вариаций керамики бронзовой эпохи (общие вопросы и орнамент) // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. Материалы заседания круглого стола, Челябинск, 2003. С. 8–13.

⁸ Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. «Эпоха геометров»... С. 66–69.

⁹ Куприянова Е. В. Эстетические каноны и образ мироздания в бронзовом веке Южного Зауралья // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 142–143.

¹⁰ Там же. С. 143.

Степное VII. Это сложный головной убор, верхняя часть которого сшита из импортного тонкого полотна, а нижняя — из местной шерсти, окрашенной в красный цвет мареной и отороченной мехом корсака¹. Нижний ярус шапки украшен меандроидным узором, выполненным в технике сумах (встречная обвивка). Важно отметить, что этот тканый орнамент практически идентичен «сбойным» композициям на керамике петровской и алакульской культур². Это подтверждает, что многие геометрические символы (зигзаги, ромбы) активно входили в обиход как на керамике, так и на ткани, образуя некий канонический стандарт. Радиоуглеродный анализ показал, что ткань шапки значительно старше костей погребенной девушки. Это означает, что головной убор был ценной родовой реликвией, которую передавали по наследству от петровских предков к алакульским потомкам как носитель семейного знакового кода³.

Наше исследование подтвердило, что знаковый код был универсальным для всех материалов. Одни и те же символы — ромбы, зигзаги, свастики и треугольники — мы видим на костяных псалях, бронзовых бляшках и оружии. Ромб в этой системе выступал как устойчивый структурный элемент, связанный с идеей плодородия и маркировавший престижные вещи, такие как рукоять ритуального кинжала из Степного VII. Свастический орнамент и крест занимали высшую позицию в иерархии символов, являясь «абсолютной точкой», центром мироздания и воплощением солнечного цикла; их избирательное использование на элитных предметах и днищах сосудов подчеркивает их высокий сакральный статус (рис. 1: 1–2). Треугольник же служил наиболее «демократичным» и массовым мотивом — универсальным «строительным» элементом знаковой системы, чья динамика и направление вершины передавали фундаментальные космологические оппозиции. Причем эти символы работали не только в графике, но и в пространстве погребального обряда. В могилах 17 и 78 могильника Степное VII было зафиксировано перекрещен-

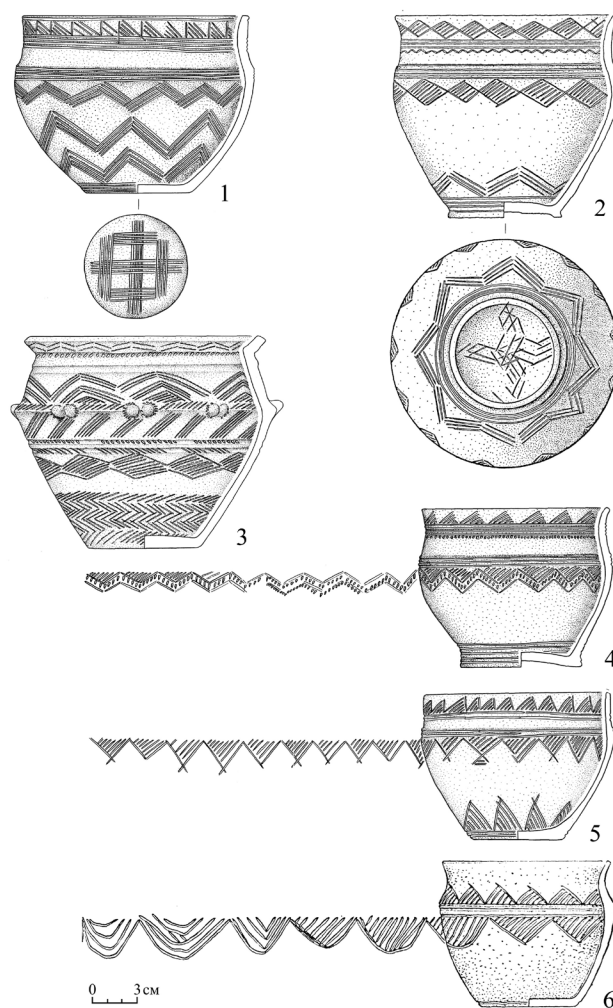

Рис. 1. Орнаментальные композиции на сосудах памятников у с. Степное: 1 — мог. Степное VII, яма 59; 2 — мог. Степное VII, яма 5; 3 — мог. Степное-1, кург. 4, яма 2; 4–5 — мог. Степное VII, яма 58, 6 — мог. Степное VII, верхние слои.

ное положение боевого топора и топора-тесла⁴. Эта «пространственная свастика» дублировала позу «объятия» погребенных и служила защитным оберегом, охраняющим вход в иной мир.

Таким образом, материалы Степнинского микрорайона позволяют говорить о существовании целостной и очень устойчивой знаковой системы. Геометрический орнамент служил универсальным бесписьменным языком, который объединял быт, костюм и ритуал. Преимущество этого кода показывает, что население Южного Зауралья обладало сложной интеллектуальной традицией, с помощью которой фиксировало свои представления о человеке и мире.

¹ Куприянова Е. В. Головной убор бронзового века из могильника Степное VII в Южном Зауралье (реконструкция и комплексные исследования) // Российская археология (в печати).

² Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. «Эпоха геометров»... С. 66–72.

³ Куприянова Е. В. Головной убор бронзового века...

⁴ Куприянова Е. В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). Челябинск, 2016. С. 94–95.

Библиографический список

1. Зданович, Д. Г. Проблемы изучения стилевых вариаций керамики бронзовой эпохи (общие вопросы и орнамент) / Д. Г. Зданович, Е. В. Куприянова // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода : материалы круглого стола. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. — С. 8–31.
2. Клейн, Л. С. Происхождение нуля, или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом / Л. С. Клейн // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. — СПб. : Нестор-История, 1997. — С. 47–66.
3. Куприянова, Е. В. Головной убор бронзового века из могильника Степное VII в Южном Зауралье (реконструкция и комплексные исследования) / Е. В. Куприянова // Российская археология (в печати).
4. Куприянова, Е. В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.) / Е. В. Куприянова. — Челябинск : Энциклопедия, 2016. — 118 с.
5. Куприянова, Е. В. «Эпоха геометров»: пространство и время как факторы организации орнаментальных композиций бронзового века Южного Урала / Е. В. Куприянова, Д. Г. Зданович // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. — Екатеринбург — Сургут : Магеллан, 2011. — С. 64–79.
6. Куприянова, Е. В. Эстетические каноны и образ мироздания в бронзовом веке Южного Зауралья / Е. В. Куприянова // Культура и цивилизация. — 2016. — № 4. — С. 137–146.
7. Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи : коллективная монография / Е. В. Куприянова, В. С. Стоколос, Н. Ф. Петров, Н. С. Батанина. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2020. — 155 с.
8. Петров, Ф. Н. Семантическая модель синташтинского сосуда / Ф. Н. Петров // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. — Екатеринбург – Сургут : Изд-во «Магеллан», 2007. — С. 161–162.
9. Степное: новые горизонты / Е. В. Куприянова, Н. С. Батанина, Б. К. Хэнкс [и др.]. — Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2023. — 312 с.
10. Усманова, Э. Р. Орнаментированные фаланги животных на поселениях ботайской культуры: археологический контекст, особенности декора и интерпретация / Э. Р. Усманова, С. В. Захаров, И. В. Палагута, В. К. Мерц, А. А. Плешаков // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. — 2024. — № 17. — С. 7–36.
11. Формозов, А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками / А. А. Формозов // Вестник древней истории. — 1953. — № 1 (43). — С. 193–200.

Анализ изображений копытных зверей в искусстве кочевников РЖВ: семантика и региональные особенности

Сурканова Е. О.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Куприянова Е. В. (ЧелГУ)

В статье представлен анализ изображений копытных зверей в искусстве кочевников раннего железного века Центральной Евразии по материалам скифо-сибирского звериного стиля. Параллельно с иконографическим анализом была определена общая роль всех копытных в религиозно-мифологической системе кочевников, а именно роль жертвы в ритуалах и в охоте. Региональные особенности заключаются в трансформациях всего звериного стиля в период существования скифской кочевнической цивилизации и популярности отдельных видов зверей в разных регионах Евразийской степи.

Ключевые слова: *звериный стиль, копытные животные, религия, иконография, ранние кочевники.*

Семантика образов животных остаётся проблемной и дискуссионной темой в исследованиях скифо-сибирского звериного стиля. Поскольку своей письменности у ранних кочевников не было, основой для исследования и реконструкции их культуры и религии остаётся археологический материал и нарративные источники, упоминающие народы скифского круга или косвенно с ними связанные. Такими источниками являются свидетельства античных и китайских авторов, индоиранские религиозные тексты, нартский эпос, разнообразные материалы о более поздней традиции шаманизма и религии тюрко-монгольских кочевников — тенгрианстве, привлекаемые на основе общего мировоззрения и образа жизни. С начала второй половины двадцатого века всё чаще выражаются мнения о том, что зооморфные образы в искусстве скифского мира имели не только декоративную функцию, но и определённое сакральное значение, отражающее общие представления о мире и происходящих в нём процессах. Переодетые в рогатые маски лошади в погребениях пазырыкских курганов, сохранившиеся в вечной мерзлоте татуировки царя из второго Пазырыкского кургана и «Укокской принцессы» из могильника Ак-Алаха-3, неестественные позы в некоторых изображениях и превращение рогов оленей в птичьи головы указывают на символизм искусства и особую роль копытных животных, что делает исследование зооморфных изображений актуальным как в археологии, так и в религиоведении.

Целью нашего исследования было проследить наиболее популярные подгруппы копытных зверей на территориях Центральной Евразии и выявить их значение в религиозно-мифологической системе кочевников племён скифского облика. Методы исследования: сравнительно-типоло-

гический, иконографический и семантический анализ. Географические рамки обозначены степной полосой Центральной Евразии, прежде всего это Южный Урал и центрально-азиатские регионы Алтая, Тывы и Казахстана. Кроме того, в исследовании факультативно привлекаются материалы из сопредельных регионов, к которым относятся памятники Монголии и Северного Китая. Также были задействованы результаты масштабного исследования А. Р. Канторовича по типологии и классификации звериного стиля Восточной Европы¹.

В выборку центрально-евразийской области вошли 27 памятников. Критерием для их выбора послужило наличие копытных животных в репертуаре звериного стиля, датировка которых находится в рамках конца IX — III вв. до н. э. Список памятников оформлен в таблицу, где также представлены расчёты изображений копытных животных каждого из видов (табл. 1). Для каждого памятника был проведён сплошной подсчёт всех хорошо идентифицируемых изображений диких копытных на опубликованных изображениях предметов. Видовое определение животных в зверином стиле опирается на исследования останков млекопитающих П. А. Косинцева в коллективных работах по изучению костных остатков на территориях Северной Евразии², в частности Урала³,

¹ Канторович А. Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы: в 2 ч. Ч. 1. М., 2022. 431 с.

² Пластеева Н. А., Гасилин В. В., Девяшин М. М., Косинцев П. А. Голоценовое распространение и вымирание копытных в Северной Евразии // Зоологический журнал. 2020. Т. 99, № 5. С. 554–568.

³ Косинцев П. А., Бачура О. П. Формирование современных ареалов млекопитающих Урала в голоцене // Зоологический журнал. 2013. Т. 92, № 9. С. 1100–1103.

Западной Сибири¹, Казахстана². На основе сопоставления палеозоологических исследований остатков копытных и ареала их обитания с анализом изображений были выделены следующие виды подсчитанных животных: олень, лось, лань, конь, горный козёл, архар, джейран, кабан. При этом образ джейрана в наших подсчетах является условным объединением таких животных как, косуля, сайга и т. п., поскольку все они внешне похожи друг на друга и в искусстве звериного стиля встречаются только в мелкой пластике, в связи с чем возникает трудность чёткого выделения каждого из них. По такому же принципу данную группу животных Е. Ф. Королькова объединила под общим названием «антилопы»³. Предметы были также дополнительно прорисованы (рис. 1).

Подсчёт изображений показал, что в представленной выборке наиболее часто встречающимся животным является олень — 31 %. За ним идут горный козёл — 27 %, архар — 15 %, кабан — 10 %, лошадь — 6 %, лань — 5 %, лось — 4 %, джейран — 2 %. С наибольшей стилизацией в изображениях также фигурирует олень.

Семантический анализ позволяет интерпретировать копытных как символы Среднего мира трёхчастной космологии: посредников между мирами, воплощений Мирового древа в виде оленя с рогами в форме ветвей или птичьих голов, а также отметить ассоциацию лошади с солнцем, что проявлялось ещё в культах племён бронзового века⁴. В индоарийской мифологии Мировое древо служит опорой солнцу, а в целом в индоевропейской мифологии оно является отражением представлений о мироустройстве Вселенной⁵. Основным характером как самих изображений, так и их сакрального значения является жертвенность, выражающая-

Рис. 1. Некоторые изображения скифо-сибирского звериного стиля: 1, 2, 14, 18 — Филипповка; 3, 15, 21 — Шиликты (Чиликты); 4 — Елекле-Сазы; 5, 6, 11, 19, 22 — Аржан; 7 — Чинге-Тей; 9, 17 — Варна; 10, 20 — Кичигино; 12, 13 — Туннуг; 16 — Иссык.

ся в сценах терзания травоядных хищниками или грифонами и в одиночных изображениях в позах с вытянутой вверх шеей.

Сюжет борьбы или терзания зверей имеет разные варианты трактовки символического значения: 1) символ перерождения через убийство⁶; 2) маркер власти и статуса⁷; 3) талисман или оберег, наделённый усиленными магическими свойствами через слияние двух зверей, передающиеся человеку⁸. В особенностях изображений копытных четко проявляются региональные особенности. Так, в Восточной Европе, по исследованиям А. Р. Канторовича, среди всего репертуара изображений животных преобладают олень и лось. Здесь прослеживается влияние греческой, переднеазиатской и кавказской традиций, шире представлены ярусные сцены жизни скифов и генеалогические легенды. Синкретические

¹ Девяшин М. М., Косинцев П. А. Копытные млекопитающие среднего и позднего голоцена юго-востока Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2013. № 2 (22). С. 129–136.

² Косинцев П. А., Бачура О. П., Гасилин В. В. [и др.] Новые данные о фауне млекопитающих плато Устюрт в голоцене // Доклады Российской академии наук. Науки о жизни. 2020. Т. 492, № 1. С. 276–278.

³ Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху. СПб., 2006. С. 50–51.

⁴ Зданович Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 22 с.

⁵ Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2001. С. 168.

⁶ Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на Чертомлыкской вазе // Советская археология. 1976. № 3. С. 70.

⁷ Грач А. Д. Произведения скифо-сибирского искусства в пределах этнокультурных зон азиатских степей // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии. М., 1972. С. 30.

⁸ Фёдоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. С. 25.

и антропоморфные элементы здесь выражены ярче, чем на востоке, где доминируют горные козлы и архары.

Звериный стиль, представленный в Филипповских курганах на территории Оренбургской области, справедливо можно считать

уникальным, аналогов которому практически не встречается, либо они слабо выражены. На изделиях из памятников Алтая, Тывы и Казахстана крупные олень и лось уступают другим животным. Таким образом, копытные занимали центральное место в искусстве звериного

Таблица 1

Изображения копытных животных на разных памятниках

Название объекта (памятника)		Северная широта	Восточная долгота	Кол-во изображений диких копытных животных
Урало-Поволжье				
1	Филиповка	51°21'	54°07'	Всего 166: олень — 122, архар — 24, конь — 10, горный козёл — 10.
2	Кичигино	54°31'	61°13'	Всего 14: олень — 4, конь — 2, горный козёл — 8.
3	Варна	53°22'	60°58'	Всего 4: конь — 1, архар — 1, горный козёл — 2.
4	Озёрский район	55°44'	60°52'	Всего 1: горный козёл — 1.
Алтай				
5	Пазырык	50°45'	88°04'	Всего 22: горный козёл — 1, лось — 14, олень — 5, конь — 2, архар — 1.
6	Башадар	50°37'	85°49'	Всего 15: лось — 4, архар — 9, кабан — 2.
7	Туэкта	50°50'	85°53'	Всего 34: лось — 15, джейран — 9, лошадь — 5, архар — 4.
8	Ак-Алаха	49°18'	87°33'	Всего 15: олень — 7, лось — 1, архар — 4, конь — 2.
Тыва				
9	Туннуг-1 (Аржан-0)	52°17'	94°44'	Всего 2: архар — 2.
10	Аржан-1	52°02'	93°34'	Всего 6: архар — 5, кабан — 1.
11	Аржан-2	52°06'	93°43'	Всего 301: олень — 24, лань — 36, горный козёл — 53, джейран — 3, архар — 80, баран — 12, кабан — 81, конь — 6.
12	Чинге-Тей I	52°03'	93°35'	Всего 20: олень — 6, джейран — 6, лань — 4, архар — 1, кабан — 1.
13	Минусинская котловина	54°00'	91°30'	Всего 109: олень — 45, лань — 38, конь — 22, горный козёл — 4.
Казахстан				
14	Берёл	49°20'	86°22'	Всего 20: олень — 11, конь — 2, лось — 9, архар — 4.
15	Шиликты	47°10'	84°32'	Всего 353: олень — 48, горный козёл — 306, архар — 1, кабан — 7.
16	Елеке Сазы	47°48'	81°16'	Всего 34: олень — 17, лань — 6, горный козёл — 3, архар — 6, конь — 2.
17	Иссык	43°15'	77°29'	Всего 27: олень — 16, конь — 3, архар — 2, горный козёл — 3, джейран — 1, кабан — 1, лось — 1.
18	Уйгарак	44°14'	63°53'	Всего 5: олень — 1, кабан — 1, горный козёл — 2.
19	Таксай	51°12'	52°05'	Всего 4: горный козёл — 3, конь — 1.
20	Талды-2	49°05'	75°51'	Всего 23: горный козёл — 22, олень — 1.
21	Тагискен	44°14'	63°43'	Всего 5: архар — 1, горный козёл — 2, конь — 2.
Монголия и Китай				
22	Улангом (Чандманьский)	49°58'	92°04'	Всего 5: олень — 4, джейран — 1, конь — 1.
23	Калбак-Таш	50°24'	86°49'	Всего 9: олень — 4, горный козёл — 4, кабан — 1.
24	Алучайдэн	39°51'	109°51'	Всего 8: горный козёл — 2, джейран — 2, архар — 2, лошадь — 2.
25	Сигоупань	39°36'	109°47'	Всего 7: архар — 4, конь — 3.
26	Налиньгаоту	40°12'	109°58'	Всего 3: архар — 1, лошадь — 1, олень — 1.
27	Провинции Ганьсу и Нинсян	37°30'	105°00'	Всего 9: олень — 4, лань — 1, конь — 2, архар — 1, кабан — 1.

стиля на всей территории скифо-сибирского мира. В отличие от птиц, связанных с верхним миром, они символизировали средний мир людей. Именно копытные выступали главными жертвами в ритуалах и охоте, олицетворяли природные силы и космологические представления. Среди них особенно выделяется олень как наиболее частый и сильно стилизованный

образ, воплощавший Мировое древо, олицетворяя структуру мира. Для существования кочевников копытные были реальной опорой, например источником пищи, а конь — верным спутником воина. Всё это придавало их образам глубокое сакральное значение в мировоззрении ранних кочевников, выражающееся через язык звериного стиля.

Библиографический список

1. Грач, А. Д. Произведения скифо-сибирского искусства в пределах этнокультурных зон азиатских степей / А. Д. Грач // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии. — М. : ИА АН СССР, 1972. — С. 30–32.
2. Девяшин, М. М. Копытные млекопитающие среднего и позднего голоцена юго-востока Западной Сибири / М. М. Девяшин, П. А. Косинцев // Вестник Томского государственного университета. Биология. — 2013. — № 2 (22). — С. 129–136.
3. Зданович, Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — археология / Д. Г. Зданович. — Челябинск, 2005. — 286 с.
4. Канторович, А. Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция): в 2 ч. Ч. 1. / А. Р. Канторович. — М. : Изд-во Московского гос. ун-та, 2022. — 431 с.
5. Королькова, Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху / Е. Ф. Королькова. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. — 272 с.
6. Косинцев, П. А. Формирование современных ареалов млекопитающих Урала в голоцене / П. А. Косинцев, О. П. Бачура // Зоологический журнал. — 2013. — Т. 92, № 9. — С. 1100–1103.
7. Косинцев, П. А. Новые данные о фауне млекопитающих плато Устюрт в голоцене / П. А. Косинцев, О. П. Бачура, В. В. Гасилин [и др.] // Доклады Российской академии наук. Науки о жизни. — 2020. — Т. 492, № 1. — С. 276–278.
8. Кузьмина, Е. Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе / Е. Е. Кузьмина // Советская археология. — 1976. — № 3. — С. 68–71.
9. Пластеева, Н. А. Голоценовое распространение и вымирание копытных в Северной Евразии / Н. А. Пластеева, Г. В. Гасилин, М. М. Девяшин, П. А. Косинцев // Зоологический журнал. — 2020. — Т. 99, № 5. — С. 554–568.
10. Туаллагов, А. А. Скифо-сарматский мир и нартский эпос осетин / А. А. Туаллагов. — Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2001. — 315 с.
11. Фёдоров-Давыдов, Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов / Г. А. Фёдоров-Давыдов. — М. : Искусство, 1976. — 228 с.

Энеолитические погребения, обнаруженные при раскопках Новониколаевского медного рудника в 2025 году

Филинский К. В.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Петров Ф. Н. (ЧелГУ)

Научный консультант: Петров Н. Ф. (ЧелГУ)

Статья посвящена анализу погребений, обнаруженных на Новониколаевском руднике при раскопках в 2025 г., выяснению их специфики и сравнению с другими погребениями эпохи энеолита Южного Урала и Северного Казахстана, а также общей характеристике погребального обряда этого периода в регионе. В работе выполнено сравнение новониколаевских погребений с аналогичными «сидячими» погребениями могильника Бестмак. Оно показало, что исследуемый вариант погребального обряда, наряду с иными методами погребения, такими как погребение лёжа или кремация, имел определенное распространение на территории урало-казахстанских степей периода энеолита.

Ключевые слова: *энеолит, Южное Зауралье, Северный Казахстан, погребение, обрядность.*

Первые сведения о медном месторождении у с. Новониколаевка Карталинского муниципального округа Челябинской области относятся к середине XX в.; оно было открыто и разведано бурением геологами А. Н. Переляевым и В. Н. Пономаревым. В 2012 г. отрядом геологов Института минералогии УрО РАН под руководством А. М. Юминова старый карьер на данном месторождении был определен как Новониколаевский медный рудник; в его окрестностях собрана небольшая коллекция каменных орудий: кайло, наковальня и пест, а также найдено несколько фрагментов керамических сосудов позднего бронзового века¹. Осенью 2021 г. полевой отряд Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека (УНЦ) ЧелГУ под руководством Н. С. Батаниной установил границы рудника как объекта культурного наследия и обнаружил в его окрестностях еще четыре памятника археологии: стоянки Новониколаевская III и Новониколаевская IV, расположенные в 200 м к востоку – юго-востоку от рудника, стоянку Михеевская 2 в 600 м к северо-востоку и курганный могильник Михеевский 3 — в 640 м к северо-западу от рудника². По итогам разведочных

работ стоянки Новониколаевская III и Михеевская 2 были датированы периодом неолита – энеолита, Новониколаевская IV — с эпохи неолита до бронзового века, могильник Михеевский 3 — ранним железным веком.

Исследования Новониколаевского медного рудника проводились полевым отрядом совместной археологической экспедиции УНЦ ЧелГУ и ООО «Архонт» с 2022 по 2025 гг. под руководством Н. Ф. Петрова³. В ходе этих работ в 2025 г. на территории рудника были обнаружены три грунтовых захоронения четырех человек. На основании инвентаря и способа погребения они были датированы периодом энеолита.

Погребение № 1 находится к северо-востоку от котлована рудника. Могильная яма округлая, диаметром до 70 см; в ней обнаружено одиночное погребение взрослого человека, кости которого компактно расположены по центру ямы и находятся не в анатомическом порядке, что говорит о том, что здесь было совершено вторичное захоронение.

Погребение № 2 расположено в 6 м от погребения № 1. Яма овальной формы, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток, более 90 см в длину и около 80 см в ширину. Захоронение в яме — парное и совершено по обряду

¹ Зайков В. В., Юминов А. М., Анкушев М. Н., Ткачев В. В., Носкевич В. В., Епимахов А. В. Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1 (2). С. 177.

² Батанина Н. С. Материалы археологического обследования территории Новониколаевского участка Михеевского месторождения медных руд, расположенного в Карталинском и Варненском районах Челябинской области. Отчет. Челябинск, 2022. Архив УНЦ ЧелГУ. С. 10–13, 16–29.

³ Петров Н. Ф. Археологические раскопки рудника Новониколаевский в Карталинском районе Челябинской области в 2024–2025 гг. Отчет. Челябинск, 2025. Архив УНЦ ЧелГУ. С. 4; Анкушева П. С., Анкушев М. Н., Васючков Е. О., Епимахов А. В., Петров Н. Ф., Фомичев А. В. Инфраструктура рудников бронзового века Южного Зауралья // XXIII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции: в 2 т. Т. 1. Оренбург, 2025. С. 83–86.

ингумации. Над погребенными, в южной части ямы, был зафиксирован развал сосуда кысыкуль-суртандинской культуры эпохи энеолита. Согласно расположению костей, можно предположить, что изначально тела были расположены в сидячем положении, спиной на северо-восток. На запястье одного из погребенных обнаружен медный разомкнутый браслет с геометрическим орнаментом. Также в погребении обнаружены две фаланги лошади.

Погребение № 3 расположено в 7 м от погребения № 1. Костяк находился в небольшой ямке и принадлежал, по предварительным данным, ребенку в возрасте до одного года; часть костей не сохранилась; первоначальное положение тела не вполне ясно, инвентарь отсутствовал.

Керамический сосуд из погребения № 2 можно соотнести с третьей типологической группой керамического комплекса, выделенной на расположенной рядом с рудником стоянке Михеевская 2; он орнаментирован по всей поверхности геометрическим орнаментом, орнаментация стремится к простой вертикальной зональности¹.

В целом необходимо отметить, что погребения эпохи энеолита находят на Южном Урале и на севере Казахстана крайне редко. Связано это прежде всего с тем, что обнаружить их возможно лишь случайно, т. к. на поверхности, без проведения каких-либо земляных работ, они не фиксируются. Население того периода не создавало курганных насыпей, и погребения обнаруживаются лишь при раскопках на площадках стоянок или недалеко от них, на более поздних могильниках, а также изредка в пещерах. Тем не менее можно выделить некоторое количество памятников этой эпохи: это погребения на поселениях Дружный I и Ботай², на Новониколаевском медном руднике³, на могильниках Бестамак, Александровский IV, Березки Vг⁴, а также в пещерах Усть-Катавская

II, Бурановская, Старичный гребень, Каменное Кольцо⁵. В сумме на перечисленных археологических объектах обнаружено 35 погребений эпохи энеолита.

По Д. Я. Телегину, для памятников «северной неолитической погребальной традиции»⁶ характерно положение тела вытянутое на спине, обилие охры и отсутствие сосуда, а для «южной» традиции характерно положение костяка скорченное, отсутствие охры и наличие сосуда⁷. Рассматривая вышеуказанные памятники через призму этой системы, можно прийти к выводу, что пещерные погребения и погребения в могильнике Березки Vг с уверенностью можно отнести к «северной» традиции, более южные памятники, за некоторым исключением, можно отнести к «южной» традиции. Исключения отмечены на поселении Ботай и могильнике Бестамак, где присутствуют погребения с вытянутым на спине положением.

Аналогичные «сидячему» погребению № 2 Новониколаевского рудника объекты можно обнаружить в материалах раскопок могильника Бестамак. Погребение № 117 было совершено в округлой яме размером 1,2×0,9 м. Костяк, согласно антропологическому анализу, принадлежал женщине 50–55 лет и располагался в положении сидя, лицом к восточной стене, руки слегка согнуты в локтях, ноги подтянуты, над телом зафиксирован тлен. Костяк обильно засыпан охрой, а за спиной погребенного находился шарик из копала (окаменевшая смола) 15 мм в диаметре и отщеп без ретуши⁸. Погребение № 144 мог. Бестамак было совершено в могильной яме размером диаметром около 1,0 м и глубиной 0,4 м.

селения Аркаим: Александровский IV. Захоронения патриархов Аркаимской долины // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. 1. Челябинск, 2010. С. 179–206; Шорин А. Ф. Доандроновское погребение могильника Березки Vг в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 68–79.

⁵ Бибиков С. Н. Неолитические и энеолитические останки культуры в пещерах Южного Урала // Советская археология. 1950. Т. XIII. С. 95–139.

⁶ Исследователь относил к «северной» традиции неолитические культуры Прибалтики, Восточной Европы, Урала, Южной Сибири и Прибайкалья, а к «южной» — южные и юго-западные районы Европы и Азии.

⁷ Телегин Д. Я. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место // Советская археология. 1966. № 1. С. 10.

⁸ Логвин А. В., Шевнина И. В. Некрополь Бестамак... С. 20–26.

¹ Яковлева Е. С., Куприянова Е. В., Плешанова Н. В. Керамический комплекс стоянки Михеевская 2: предварительные результаты // XXIII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции: в 2 т. Т. 1. Оренбург, 2025. С. 73.

² Шорин А. Ф. Энеолитические погребения у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 183–188; Зайберт В. Ф. Ботайская культура. Алматы, 2009. 576 с.

³ Петров Н. Ф. Археологические раскопки рудника Новониколаевский...

⁴ Логвин А. В., Шевнина И. В. Некрополь Бестамак. Алматы, 2025. 472 с.; Малютина Т. С., Зданович Г. Б., Гаврилюк А. Г. Некрополи укрепленного по-

Костяк принадлежал женщине 40–50-ти лет и находился в скорченном положении на правом боку. Левая рука вытянута вдоль тела и находилась на бедре, ноги сильно подогнуты, череп лежал сверху на шейных позвонках, голова ориентирована на восток, теменной частью вверх. Исследователи предполагают, что изначально тело находилось в положении сидя и сместилось вследствие естественных процессов. При костяке инвентарь обнаружен не был¹.

Стоит учитывать, что из общего количества погребений каменного века в могильнике Бестамак положение костяка «сидя» занимает лишь 10 %, два из двадцати погребений. Это немного, но свидетельствует о том, что на территории урало-казахстанских степей эпохи эне-

олита практика захоронения умершего «сидя» имела некоторое распространение. Также в исследуемом регионе распространены и другие погребальные практики: как одиночные, так и коллективные захоронения при наличии или отсутствии инвентаря и охры, с разными особенностями выбора места для погребения: в границах стоянки/поселения или в отдаленном месте. На этом фоне обнаруженные на руднике Новониколаевском погребения дополняют представление о высокой вариативности погребального обряда населения региона.

Отдельный интерес представляет факт расположения погребений непосредственно на территории древнего рудника. В настоящий момент отсутствуют основания утверждать наличие прямой связи между погребенными и деятельностью по добыче руды, однако сам факт подобного расположения требует дальнейшего изучения.

¹ Логвин А. В., Шевнина И. В. Некрополь Бестамак... С. 26–27.

Библиографический список

1. Анкушева, П. С. Инфраструктура рудников бронзового века Южного Зауралья / П. С. Анкушева, М. Н. Анкушев, Е. О. Васючков, А. В. Епимахов, Н. Ф. Петров, А. В. Фомичев // XXIII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Отв. ред. А. А. Евгеньев. В 2 т. Т. 1. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2025. — С. 83–86.
2. Батанина, Н. С. Материалы археологического обследования территории Новониколаевского участка Михеевского месторождения медных руд, расположенного в Карталинском и Варненском районах Челябинской области. Отчет / Н. С. Батанина. — Челябинск, 2026. Архив УНЦ ЧелГУ.
3. Бибиков, С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала / С. Н. Бибиков // Советская археология. — 1950. — Т. XIII. — С. 95–138.
4. Зайберт, В. Ф. Ботайская культура / В. Ф. Зайберт. — Алматы : Казакпарат, 2009. — 576 с.
5. Зайков, В. В. Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах / В. В. Зайков, А. М. Юминов, М. Н. Анкушев, В. В. Ткачев, В. В. Носкевич, А. В. Епимахов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Геоархеология. Этнология. Антропология». — 2013. — № 1 (2). — С. 174–193.
6. Логвин, А. В. Некрополь Бестамак. Материалы и исследования по археологии Казахстана; Т. 27 / А. В. Логвин, И. В. Шевнина. — Алматы : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2025. — 469 с.
7. Малютина, Т. С. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV. Захоронения патриархов Аркаимской долины / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович, А. Г. Гаврилюк // Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала. В 2-х ч. Ч. 1. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. — С. 179–206.
8. Петров, Н. Ф. Археологические раскопки рудника Новониколаевский в Карталинском районе Челябинской области в 2024–2025 гг. Отчет / Н. Ф. Петров. — Челябинск, 2026. Архив УНЦ ЧелГУ.
9. Телегин, Д. Я. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место / Д. Я. Телегин // Советская археология. — 1966. — № 1. — С. 3–13.
10. Шорин, А. Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье / А. Ф. Шорин // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. — Куйбышев : Гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева, 1982. — С. 183–189.
11. Шорин, А. Ф. Доандроновское погребение могильника Березки Vг в горно-лесном Зауралье / А. Ф. Шорин // Неолитические памятники Урала. — Свердловск : УрО АН СССР, 1991. — С. 68–79.
12. Яковлева, Е. С. Керамический комплекс стоянки Михеевская 2: предварительные результаты / Е. С. Яковлева, Е. В. Куприянова, Н. В. Плешанова // XXIII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Отв. ред. А. А. Евгеньев. В 2-х т. Т. 1. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2025. — С. 70–74

Значение региональных школьных конференций при подготовке юных археологов в учреждениях дополнительного образования

Хайрулин Д. Д.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Петров Ф. Н. (ЧелГУ)

На примере 33-летней истории Уральской региональной археологической школьной конференции (УРАШК), одной из первых отечественных региональных школьных археологических конференций, рассмотрены предпосылки создания, эволюция и традиции подобного рода форумов. Дополнительно проанализированы всероссийская, региональная и областная школьные археологические конференции для понимания общего контекста движения. На основе интервью с руководителями кружков и изучения программ конференций выявлена специфика регионального компонента, хронологически упорядочены этапы работы со школьниками и определено значение конференций для развития юных исследователей.

Ключевые слова: *школьная археология, дополнительное образование, школьные конференции, УРАШК, ВАШК.*

Школьная региональная конференция — это форма организации научно-исследовательской деятельности обучающихся в учреждениях дополнительного образования и общеобразовательных организациях, предполагающая публичную защиту учебно-исследовательских либо практико-ориентированных работ. Особый интерес к развитию исследовательского потенциала подростков возник в 1960-е гг., что было связано с началом научно-технической революции, а также активными открытиями Дворцов пионеров и увеличением количества различных кружков в них. Так, в Урало-Сибирском регионе первое общегородское научное общество учащихся (далее НОУ) появилось в 1963 г. на базе Дворца пионеров и школьников имени Н. К. Крупской в Челябинске¹. В 1970-е — 1980-е гг. деятельность НОУ активно развивалась в крупных промышленных и культурных центрах Урала и Поволжья.

Во второй половине 1980-х гг. в связи с тенденцией создания НОУ в Урало-Поволжском регионе и регулярным включением в их конференции секций археологии было принято решение созвать в Свердловске организационно-методическое совещание по проблемам школьной археологии. В совещании 1987 г. приняли участие делегаты из Свердловска, Челябинска, Куйбышева, Перми, Нижнего Тагила, Алапаевска. Был создан координационный совет руководителей детских археологических организаций региона. Одной из ведущих форм

сотрудничества была выбрана региональная школьная конференция².

В 1988 г. в Нижнем Тагиле была проведена первая уральская региональная школьная археологическая конференция. В ее работе приняло участие 68 человек в составе десяти делегаций, представлявших следующие населенные пункты: Нижний Тагил, Курган, Пермь, Свердловск, Челябинск, Березники, Коркино, Пласт и посёлок Вятский (Удмуртская АССР). Работа конференции проводилась по двум секциям — «Эпоха камня и бронзы» и «Ранний железный век». Помимо заседаний на конференции были проведены мероприятия со школьниками: выходы на археологические памятники (Горбуновский торфяник, Ермаково городище, святилище Голый камень), экскурсия по городу, посещение музеев, цирка и драмтеатра³. Состоялось совещание руководителей делегаций, на котором были обсуждены актуальные вопросы школьной археологии и задачи будущих региональных конференций. Было решено проводить конференции один раз в два года, начиная с 1989 г.⁴

В 1989 г. была проведена вторая региональная школьная археологическая конференция в Перми. Она была посвящена десятилетнему юбилею

² Марков С. В., Непомнящий А. В., Непомнящая О. В. Из истории уральских археологических школьных конференций (1988–2020 гг.) // Колпинские чтения по краеведению и туризму. СПб., 2020. С. 335.

³ Решение I Уральской археологической конференции школьников // Социальная сеть ВКонтакте, группа «УРАШК». URL: <https://vk.com/nykleyssahem> (дата обращения: 15.06.2026).

⁴ Марков С. В., Непомнящий А. В., Непомнящая О. В. Из истории уральских археологических... С. 336.

¹ Шматько С. В. Детские научные конференции: история, современность, перспективы // Научно-педагогическое обозрение. 2016. № 1 (11). С. 145.

клуба юных археологов «Легенда». На этой конференции появились новые делегации из Уфы, Куйбышева, Набережных Челнов и Харькова. Было представлено 43 доклада на трёх секциях: «Эпоха камня и бронзы», «Ранний железный век» и «Средневековая археология». Для делегатов конференции была проведена экскурсия по городу, организованы посещение археологических фондов краеведческого музея, конкурсы археологической песни и слайд-фильмов. Руководители делегаций обменялись опытом работы детских археологических объединений.

Третья археологическая конференция школьников Урала состоялась в Челябинске в 1991 году. Конференцию провёл областной клуб юных археологов «Муравей» (в дальнейшем «Формика»); она была совмещена с очередным областным тематическим слётом клуба, посвящённым периоду средневековья. Команды из разных городов уральского региона смогли принять участие в игровой программе, а руководители делегаций получили возможность познакомиться с опытом работы школьных объединений клуба «Муравей».

С 1992 по 1996 годы на Урале деятельность школьных археологических объединений на уровне региона не осуществлялась. По оценке руководителей школьных археологических кружков, уже занимавшихся в те годы дополнительным образованием, С. В. Маркова и О. В. Непомнящей, это было связано с недостаточным финансированием учреждений дополнительного образования и малой заработной платой специалистов. Наблюдался отток преподавателей: многие талантливые учителя ушли из археологии в поисках более стабильного источника дохода¹.

После длительного перерыва возникла идея возобновить проведение конференций. Так, в 1997 г. в городе Полевском Свердловской области прошла «Областная археологическая конференция памяти Ефима Зенцова», но фактически эта конференция была региональной, так как, кроме делегаций из Свердловской области (из Екатеринбурга, Полевского, Серова, Ревды, Нижнего Тагила и Новоуральска), на конференцию также прибыли делегации из Перми и Челябинска².

Начиная с 1997 г. региональные школьные археологические конференции проводятся на

Урале каждый год; даже в период пандемии COVID-19 конференция была организована в онлайн-формате на платформе Zoom. Своё постоянное наименование конференция закрепила в 2000 г. — Уральская региональная археологическая школьная конференция (УРАШК).

За свою 33-летнюю историю УРАШК не только претерпел изменения в регламенте, системе оценивания и организации, но и сохранил свой формат и важные традиции. Значимым фактором является система организации УРАШК, которая сохраняется по сегодняшний день: свободный формат конференции; организаторы, исходя из своих возможностей, самостоятельно разрабатывают положение и программу. Из-за такого формата каждая конференция отличается от предыдущей, даже если она уже проходила в этом городе. Например, город Полевской Свердловской области становился принимающей стороной 9 раз.

На УРАШКе существует ряд традиций. Так, на каждой конференции проходит мероприятие «Гитара по кругу», исполняется гимн археологов, осуществляется представление археологического кружка посредством стенгазет, презентаций, фотографий и видеофильмов. Традицией является лопата как символ конференции, которая переезжает из города в город в знак передачи права принять конференцию. Традиционно на конференциях осуществляются экскурсии по музеям, по городу и по археологическим памятникам в его окрестностях; организуются мастер-классы; проводится круглый стол руководителей археологических кружков³.

На первой УРАШК работа проводилась по двум секциям («Эпоха камня и бронзы» и «Ранний железный век»), впоследствии количество секций увеличивалось. Например, на XXI УРАШКе было организовано уже 10 секций: «Эпоха камня», «Эпоха бронзы», «Ранний железный век», «Средневековье», «Археология Нового времени», «История археологии», «Экспериментальная археология», «Этнография», «Охрана наследия» и «Юниор». На последующих конференциях были введены еще две секции — «Археологические проекты» и «Стеновые доклады». Таким образом, прослеживается устойчивая тенденция перехода от двух-трех классических секций к расширению спектра и развитию новых форматов.

Первое упоминание о регламенте выступления появляется в положении VIII УРАШК:

³ Марков С. В., Непомнящий А. В., Непомнящая О. В. Из истории уральских археологических... 2020. С. 335.

¹ Марков С. В. Интервью, 7 мая 2025 г. Из личного архива Д. Д. Хайрулина.

² Областная археологическая конференция школьников памяти Ефима Зенцова. Стенгазета // Социальная сеть ВКонтакте, группа «УРАШК». URL: <https://vk.com/nykleyssahem> (дата обращения: 15.06.2026).

доклад длился 10–15 минут при 10 минутах на обсуждение, а на XXVIII УРАШК время выступления и обсуждения сократилось до 7 минут каждое. Это можно связать с увеличением числа участников (в том числе благодаря появлению онлайн-формата), тогда как ранее максимальный размер делегации ограничивался 3–5 участниками.

На первых конференциях действовала экспертная система оценивания выступлений, за лучшие доклады выдавались дипломы и поощрительные призы по решению жюри. Далее система оценивания развилась до многофакторных критериев. Так, на XXIV УРАШК оценивалось по баллам соответствие доклада теме, цели и задачам; глубина раскрытия проблемы; представление собственных результатов; структурированность; культура речи и дискуссии; владение терминологией; целесообразность использования наглядности. В последние годы на конференции приоритет отдаётся исследовательским работам: за них при оценке доклада начисляются дополнительные баллы.

Сравнение УРАШК с другими подобными конференциями показало их различное функциональное место в системе школьной археологии. Так, программа «Шаг в будущее» ориентирована преимущественно на естественно-научные и технические направления, и секция археологии на этой конференции не всегда выделяется (периодически она сливается с секцией краеведения). Большинство участников конференции — ученики из клуба «Формика» (г. Челябинск) и клуба «Беркут» (г. Полевской Свердловской области).

Челябинская областная археологическая школьная конференция (проведена в 2025 г.), помимо классических задач (развитие исследовательских навыков), выполняет функцию отбора для выхода на всероссийский уровень: согласно положению, члены экспертных комиссий дают рекомендации для участия авторов лучших докладов во Всероссийской археологической школьной конференции (далее ВАШК).

Особого внимания заслуживает ВАШК; можно сказать, что она стала следствием обобщения уральского опыта региональных школьных конференций. Она была инициирована в 2020 г. в значительной степени уральскими педагогами (Центр творчества им. Н. Е. Бобровой, Дворец пионеров и школьников им. Н. К. Крупской г. Челябинска и Федеральный центр детско-юношеского туризма в г. Москве) при поддержке Института археологии РАН. Примечательна эволюция ВАШК: от первой онлайн-конферен-

ции (2021 г.) к очным сессиям в Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Уфе, Москве и, наконец, в Челябинске (2026 г.), где конференция прошла полностью очно на базе Дворца пионеров и школьников им. Н. К. Крупской. Важным критерием ВАШК является состав экспертов — сотрудники Института археологии РАН, других академических институтов и ведущих вузов, что обеспечивает объективность и высокий научный уровень экспертной оценки докладов¹.

Участие в конференции для школьника — это не разовое событие, а результат поэтапной работы. Опыт уральских педагогов дополнительного образования показывает, что эффективная подготовка юного исследователя требует соблюдения соответствующего порядка работы. На основе интервью с руководителями кружков представлена следующая периодизация работы со школьником при подготовке к конференции:

1. Возникновение мотивации. У младших классов — через формат путешествия в другой город, а у старших — через осознание пользы для будущего: сбор портфолио, возможность поехать в полевой лагерь, получение новых знаний.

2. Выбор темы. Осуществляется через знакомство с музейным материалом; стоит также учитывать возможности для написания доклада согласно местоположению кружка и имеющемуся археологическому материалу. В связи с этим фактором актуальность проектных работ возрастает в населённых пунктах, удалённых от научных центров.

3. Определение жанра работы. Выбор ставится между исследовательской или проектной работой, что также определяется спецификой кружка и желаниями школьника.

4. Отбор литературы. Изначально школьник сам ищет литературу по выбранной теме, впоследствии руководитель помогает отобрать верную литературу.

5. Работа с литературой и/или археологическими источниками, коллекциями, отчётами.

6. Подготовка текста для исследовательской или проектной работы.

7. Презентация и работа над выступлением.

8. Участие в конференции².

Представленная система подготовки школьников к конференции была бы неполной без от-

¹ Школьная археологическая конференция // Институт археологии РАН. URL: <https://archaeolog.ru/pub/shkolnaya-arkheologiya/shkolnaya-arkheologicheskaya-konferentsiya> (дата обращения: 15.06.2026).

² Непомнящая О. В. Интервью, 17 апреля 2026 г. Из личного архива Д. Д. Хайрулина.

вета на вопрос о значении конференций для развития юных исследователей. Для его раскрытия было проведено интервью с О. В. Непомнящей, имеющей более чем 30-летний опыт руководства кружком в г. Полевском Свердловской области. На основе интервью, можно сказать, что конференция является инструментом формирования целого спектра личностных компетенций. Участие в ней даёт школьнику понимание того, как писать академический текст — курсовую работу, исследование, проект. Регулярная работа над докладами под руководством педагога формирует у школьника структурированное мышление, умение самостоятельно формулировать проблему, работать с литературой и источниками, выстраивать аргументацию и делать выводы. Кроме того, сам процесс подготовки дисциплинирует, учит планировать время.

Не менее значимым является развитие устной речи и навыков публичной коммуникации. Конференция учит не только говорить, но и слушать, вести дискуссию, а при необходимости — справляться и с «неудобными» вопросами. Эти умения остаются с выпускниками на всю жизнь, помо-

гая им в вузе, в профессии и в любой сфере, где требуется убедительно излагать свою позицию, работать с источниками и литературой, писать тексты¹.

Таким образом, значение конференции для юных исследователей не сводится к «диагностике» уровня подготовки или профориентации. Как убедительно показывает опыт Полевского археологического отряда и клуба юных археологов «Формика», конференция представляет собой комплексную развивающую среду, в которой школьник последовательно осваивает навыки научной работы, публичного выступления, дискуссии и саморефлексии. И главная цель школьной археологии, по мнению педагогов дополнительного образования, заключается не в подготовке новых археологов, а в создании условий для реализации ребёнка, чтобы он мог почувствовать себя исследователем, научиться передавать знания младшим, расширить кругозор и состояться как личность.

¹ Непомнящая О. В. Интервью, 17 апреля 2026 г. Из личного архива Д. Д. Хайрулина.

Библиографический список

1. Марков, С. В. Из истории уральских археологических школьных конференций (1988–2020 гг.) / С. В. Марков, А. В. Непомнящий, О. В. Непомнящая // Колпинские чтения по краеведению и туризму: материалы III межрегиональной с международным участием научно-практической конференции. В 2-х ч. Ч. 2. — СПб. : ЛОИРО, 2020. — С. 335–338.
2. Шматько, С. В. Детские научные конференции: история, современность, перспективы / С. В. Шматько // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). — 2016. — № 1 (11). — С. 145–151.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Воспитание детей в концепции массового советского журнала «Семья и школа». Сравнительный анализ текстовых и иллюстративных материалов в выпусках 1950-х — 1970-х гг.

Беликова С. Д.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Конфедерат О. В. (ЧелГУ)

Статья посвящена анализу материалов журнала «Семья и школа», цель которого — увидеть динамику изменений воспитательных приоритетов в советской педагогике на протяжении тридцати лет и выявить закономерности этих изменений, складывающихся в традиции, актуальные и сегодня.

Ключевые слова: журнал «Семья и школа», 1950-е — 1970-е годы, концепция воспитания детей, креолизованный текст.

Журнал «Семья и школа», выходявший в 1946–2016 гг. и возобновлённый в 2021 г., — ежемесячный научно-популярный и просветительский ресурс, ориентированный на родителей, учителей и воспитателей. Журнал был создан под эгидой Академии педагогических наук РСФСР, и его структура оставалась функциональной на протяжении нескольких десятилетий. Публикации журнала затрагивали широкий круг тем: выбор учебного заведения для ребёнка, взаимодействие родителей с педагогами, методы внешнего образования и воспитания, здоровье ребёнка, круг детского чтения и т. п.¹ Журнал использует креолизованный текст, сочетающий в себе вербальные и визуальные элементы². На протяжении последних десятилетий информационная сфера, в которой живет и воспитывается подрастающее поколение, тотально визуализируется. Это кардинально меняет способ восприятия и понимания информации. Иссле-

дование выпусков журнала «Семья и школа» 1950-х — 1970-х гг. позволяет увидеть характер и динамику креолизации. Имея в виду стабильность структуры журнала, мы взяли для анализа выборку из 36 номеров журнала, вышедших в 1955, 1965 и 1975 годах, в середине каждого десятилетия, когда редакционная стратегия принимает завершённый вид³.

Журнальные рубрики 1950–1970 гг.: динамика изменений.

В структуре выпуска журнала первое место традиционно отводится статьям идеолого-нормативной направленности. Чаще всего в качестве идеологических проводников используются историко-революционные события и деятели, события и герои Великой Отечественной войны. Таким образом, журнал проецировал определенное мировоззрение и правила воспитания, в рамках которых ребенок становился носителем социалистических ценностей, а семья выступала важным инструментом политико-нравственного воспитания. В 1955 г. таких статей насчитывалось 14, в 1965 г. их число увеличивается до 35 публикаций, доминируя в содержании журнала. В 1975 г. насчитывается 38 таких публикаций. Это заставляет думать о проблемах идеологических институций, усилившихся в конце 1950-х гг. в связи с внутривластными

¹ Ефанина Ю. В., Сухотинова А. С. Некоторые приемы и формы педагогического просвещения родителей в СССР в 60-х годах XX века (по материалам журнала «Семья и школа») // Актуальность историко-педагогического просвещения для развития отечественной педагогики и системы российского образования. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Иваново, 2025. С. 609–613.

² Маричев М. Д. Особенности креолизованного текста и его классификация // E-Scio. 2022. № 6 (69). С. 150–156.

³ Архив оцифрованных выпусков журнала «Семья и школа» // Институт изучения семьи, детства и воспитания. URL: <https://семьяишкола.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

изменениями в СССР и открытыми культурными контактами с западным миром. Интенсивность идеологической трансляции должна была противодействовать опасности идейного «разложения» подростков и их родителей.

Материалы, посвященные социальной этике, пропагандируют ценности и стандарты поведения, приемлемые в советском обществе. В 1955 г. эта рубрика была наиболее обширной и включала 83 публикации: статьи, письма читателей, нравоучительные рассказы и т. д. При этом средой этического воспитания, как правило, были детские общественные организации, например, пионерская дружина. В 1965 г. количество публикаций снизилось до 15. В 1975 г. количество публикаций увеличивается до 30, но местом формирования социальной этики становится семья: через повторяющиеся действия в стенах дома ребенок научается регулировать свое поведение в обществе¹.

Можно заключить, что на протяжении 1950-х — 1970-х годов пропаганда идеологических и социально-этических ценностей возрастает, хотя и неравномерно. Для историка это может быть маркером кризиса советской идеологии, наметившегося в послевоенное время и требующего особенного внимания государственных институций, занятых воспитанием подрастающего поколения.

Важной составляющей концепции журнала является пропаганда трудового воспитания. Труд всегда рассматривался как средство формирования личности², однако на протяжении трех десятилетий число статей этой тематики заметно сокращается: в 1955 г. — 24 публикации, в 1965 г. — 6, в 1975 г. — 5. При этом труд связывается с концепцией активного отдыха: летний лагерь с умеренной программой общественно полезных работ, в то время как ранее местом приобщения к труду являлось производство: завод, фабрика.

Вопросы здоровья и гигиены являются неизменно значимыми. В 1955 г. журнал размещает 17 публикаций с врачебными рекомендациями и консультациями, связанными с бытовыми трав-

мами, заболеваниями в результате нарушения гигиены и т. д. Заметные изменения происходят в 1965 г.: количество подобных материалов сократилось в 3 раза. Можно предположить, что вопросы гигиены в семье и школьных учреждениях в это десятилетие успешно решаются и не требуют пристального внимания журнала. Увеличение рубрики происходит в 1975 г. (21 публикация). Вместе с тем происходят изменения в тематике: важной составляющей становится пропаганда подвижности, спортивных упражнений, игр на воздухе и т. д.

Наиболее значимым нововведением становится появление в 1965 г. рубрики, посвященной половому воспитанию подростков (8 публикаций). В 1975 г. эта рубрика сохраняется, но ее объем сокращается до 3 публикаций. Учитывая неизменную актуальность проблемы для подростка и его родителей, можно заключить, что редакция склонна обходить ее вниманием, поскольку в социуме не складывается оптимальный алгоритм решения этой проблемы: половые аспекты жизни чаще замалчиваются.

Значительную часть каждого номера журнала занимают материалы, посвященные организации досуга школьника. При этом досуг рассматривается как продолжение процесса воспитания³, в особенности в концепции 1955 г.: 16 статей, связанных с домашней работой, рукоделием, полезными советами и т. д. В 1965 г. рубрика досуга сохраняет свой объем, но его содержание меняется: доля полезных советов резко снижается, возрастает внимание к играм и творческим занятиям, которые могут и не иметь практической пользы. Эта концепция досуга сохраняется и в 1975 г.

Начиная с 1960-х гг. журнал вводит эстетическое воспитание как важную составляющую общей воспитательной концепции. В 1965 г. значительное место занимают материалы о художниках, раздел художественной критики, в досуговый раздел входят творческие задания и советы. При этом круг художественных явлений ограничивается отечественной и зарубежной классикой. На страницах журнала публиковались материалы о творчестве М. Сарьяна, П. П. Рубенса, В. Фаворского, а также обзорные статьи, посвященные искусству русских художников. Эта тенденция сохраняется и в 1970-е гг.

¹ Бескровная Т. В., Шакурова М. В. Образ советской семьи на страницах журнала «Семья и школа» (1946–1964 годы) // Сибирский педагогический журнал. 2022. № 4. С. 104–114.

² Гончаров М. А., Кривко Я. П. Особенности трудового воспитания детей в семье в 50-х годах XX века (по материалам журнала «Семья и школа») // Наука и школа. 2026. № 1. С. 148–155.

³ Гончаров М. А., Кривко Я. П. Педагогическое просвещение родителей: детско-родительский досуг и отдых. По материалам журнала «Семья и школа». М., 2026. 196 с.

Иллюстрация в структуре журнала «Семья и школа»: динамика изменений за 1950-е — 1970-е гг.

Для анализа визуального компонента журнала были выборочно взяты номера за 1955, 1965 и 1975 гг. (рис. 1), поскольку макет журнала, принятый редакцией, оставался неизменным долгое время, не менялось и оформление его текстового и иллюстративного материала¹. В нашем случае изменения заметны в начале каждого десятилетия и сохраняются практически до его конца.

В 1955 г. на страницах журнала текст оставался главным элементом. Больше половины объема всего выпуска занимали полностью текстовые страницы. Страницы, где изображения занимали до половины площади, встречались гораздо реже, а количество страниц, с преобладанием иллюстраций была совсем незначительным. Чаще других на страницах журнала можно встретить фотографии младших школьников, занятых трудом под руководством взрослых. Подростки изображены как «большие дети», сохраняющие почтительное уважение к старшим. Обложки журнала минималистичны: название журнала, год и номер выпуска. Декор полностью отсутствует. Такое оформление подчеркивало научно-педагогическую направленность журнала и стремление представить журнал как строгий и авторитетный источник.

В 1965 г. происходят заметные изменения. Снижается количество текстовых страниц, увеличивается число страниц, где иллюстрации за-

нимают от 25 до 50 % площади, увеличивается, хотя и незначительно, доля полностью иллюстративных страниц. Иллюстрации становятся не просто дополнением к тексту, но самостоятельными информационными единицами. Присутствие старших необязательно: дети в репрезентации журнала демонстрируют самостоятельность и инициативу. Обложка начинает выполнять не только информирующую, но и повествовательную функцию. Центром композиции на обложке, как правило, является детское лицо с ярко выраженной позитивной эмоцией. Фотографии черно-белые, но графическое оформление обложки цветное.

В 1975 г. тенденция к усилению роли изображения становится еще отчетливее. Увеличивается количество страниц, где изображение занимает больше половины объема, а также полностью иллюстрированных страниц. На фотографиях меняется сам тип изображаемого героя. Теперь в центре внимания подростки, сталкивающиеся с трудностями социализации. Обложки 1975 г. становятся более сюжетными: фотографии постановочные, часто включают несколько персонажей, разыгрывающих некую историю. Фотографии цветные, яркие, насыщенные тематически значимыми элементами: пионерская символика, знаки школы (учебники, классные комнаты, школьные принадлежности), знаки зимних и летних спортивных игр и т. д.

Выводы

Проведенный анализ позволяет выявить динамику как в содержании рубрик журнала «Семья и школа» в период 1950-х — 1970-х гг., так и в способах подачи материала. На протяжении трех десятилетий издание постепенно уходило от жесткой нормативно-идеологической модели

¹ Юрева Т. В. Произведения искусства на страницах советских журналов: ежемесячный журнал для родителей «Семья и школа» // Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2015. С. 318–322.

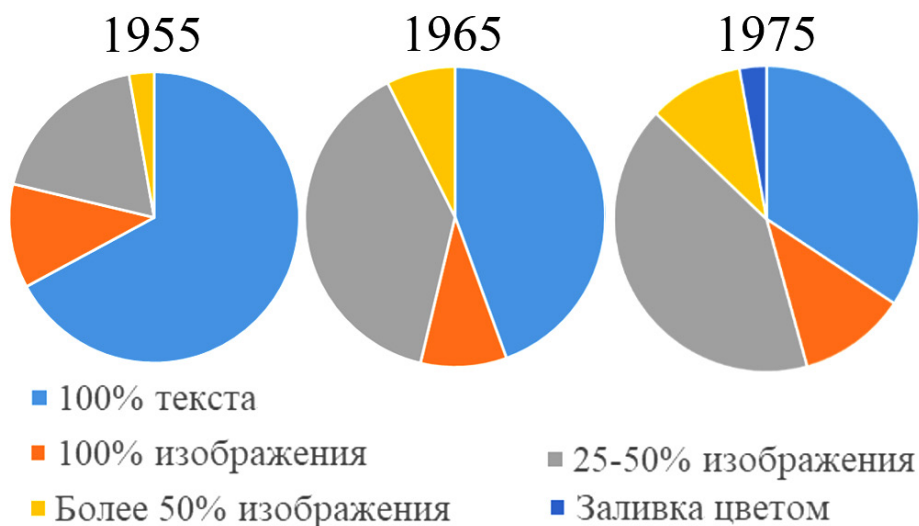

Рис 1. Динамика креолизации журнала «Семья и школа» в 1950-х — 1970-х гг.

в сторону более гибкого подхода к воспитанию детей: отказ от унификации личности, признание ценности индивидуальных особенностей ребенка, возрастание роли искусства, творчества, визуальной культуры в воспитании подрастающего поколения.

Вместе с тем очевидно и другое: снижение ценности усилия в получении жизненного опыта и знания, возрастание рекреативных элементов в со-

держании журнала. Это относится и к изменениям в материалах рубрик, и к возрастающему объему визуального контента, приобретающему характер постановочных цветных фотографий, орнаментальной и сюжетной графики. Полученные выводы актуальны и для современной ситуации, где доминирование визуального контента в современной культуре требует от родителей и педагогов новых подходов к воспитанию ребенка.

Библиографический список

1. Бескровная, Т. В. Образ советской семьи на страницах журнала «Семья и школа» (1946–1964 годы) / Т. В. Бескровная, М. В. Шакурова // Сибирский педагогический журнал. — 2022. — № 4. — С. 104–114.
2. Гончаров, М. А. Особенности трудового воспитания детей в семье в 50-х годах XX века (по материалам журнала «Семья и школа») / М. А. Гончаров, Я. П. Кривко // Наука и школа. — 2026. — № 1. — С. 148–155.
3. Гончаров, М. А. Педагогическое просвещение родителей: детско-родительский досуг и отдых. По материалам журнала «Семья и школа» / М. А. Гончаров, Я. П. Кривко. — М. : Московский гос. пед. ун-т, 2026. — 196 с.
4. Ефанина, Ю. В. Некоторые приемы и формы педагогического просвещения родителей в СССР в 60-х гг. XX века (по материалам журнала «Семья и школа») / Ю. В. Ефанина, А. С. Сухотинова // Актуальность историко-педагогического просвещения для развития отечественной педагогики и системы российского образования. Сборник трудов научно-практической конференции. — Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2025. — С. 609–613.
5. Маричев, М. Д. Особенности креолизованного текста и его классификация / М. Д. Маричев // E-Scio. — 2022. — № 6 (69). — С. 150–156.
6. Юрьева, Т. В. Произведения искусства на страницах советских журналов: ежемесячный журнал для родителей «Семья и школа» / Т. В. Юрьева // Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского». — Ярославль : Ярославский гос. пед. ун-т, 2015. — С. 318–322.

Проблема изучения раннесоветской «производственной фотографии» как источника формирования советской идентичности

Воротынцев Г. Д.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, Санкт-Петербург*

Научный руководитель: Рябова Л. К. (СПбГУ)

Статья посвящена проблеме изучения раннесоветской производственной фотографии 1920-х годов как массового визуального источника для анализа конструирования советской классовой идентичности «снизу». Рассматриваются основные сложности атрибуции фотодокументов, разграничения профессиональной и любительской съёмки, а также выявления маркеров идентичности за пределами официальной символики. Предлагается трёхуровневый аналитический подход, включающий установление авторства, семиотический анализ социальных изменений и интерпретацию фотопрактики как ритуала интериоризации идеологических нарративов.

Ключевые слова: *идентичность, фотодокумент, фотолюбительство, конструирование идентичности, СССР.*

Приступая к вопросу конструирования идентичности, исследователи в качестве аналитической рамки выбирают распространённую благодаря Б. Андерсону оптику: идентичность конструируется «сверху»¹. В данной схеме игнорируется вопрос о том, как подобные нарративы интериоризируются в обществе.

Круг маркеров, позволяющих изучать восприятие обществом советских нарративов, обширен: народное творчество, источники личного происхождения, данные социологии. Каждый из этих видов источников уже стал предметом изучения. Однако вопрос об усвоении идеологических установок «снизу» по-прежнему остаётся на периферии исследовательского внимания. Одним из недооценённых источников являются фотографии трудовых коллективов. Их редко рассматривают как самостоятельный источник в изучении процесса конструирования советской идентичности. Подобная историографическая ситуация не случайна: использование обширного фотографического наследия трудовых коллективов имеет целый ряд сложностей.

В работах предшественников фотолюбительство, как правило, рассматривалось вторично по отношению к профессиональной фотографии². Если же исследователи выбирали в качестве основного предмета изучения непосредственно

фотолюбителей, то, как правило, сосредотачивались либо на аспектах, связанных с системой их обучения и подготовкой³, либо на организации их работы на местах⁴. К самим работам фотолюбителей наиболее часто обращаются как к ценному источнику по истории повседневности⁵.

Цель исследования: обозначить основные проблемы в изучении производственной фотографии 1920-х гг., созданной в рамках фотолюбительского движения, как массового визуального источника для изучения конструирования советской классовой идентичности. Задачи исследования: 1) установление критериев отбора источников; 2) определение источниковой базы исследования; 3) установление степени информативности таких источников.

Методология исследования основана на идеях П. Бурдьё. Он предлагал рассматривать фотографию как социальную практику, утверждая, что освоение фотографии являлось переходом от крестьянской цивилизации к городской⁶. Бурдьё смотрит на фотографию как на источник

³ Ромакина М. А. Фотожурналистское образование в СССР в 1920-е – начале 1930-х гг. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10: «Журналистика». 2024. № 2. С. 139–167.

⁴ Макаров А. Н. Цензурный контроль в сфере советской фотохроники 1930-х гг. // Проблемы российской истории. 2013. № 1. С. 154–164.

⁵ Андрианова Е. Н. Коллекция фотографий документального фонда Государственного центрального музея современной истории России как источник по истории повседневности: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 289 с.

⁶ Bourdieu P. The Cult of Unity and Cultivated Differences // Bourdieu P., Whiteside S. Photography: A Middle-brow Art. Oxford, 1998. P. 3.

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. 320 с.

² Стигнеев В. Т. Век фотографии. 1894–1994: очерки истории отечественной фотографии. М., 2019. 656 с.; Стигнеев В. Т. Зарождение советской фотографии в 1920-е годы. М., 2020. 320 с.; Вальран В. Советская фотография 1917–1955. СПб., 2016. 200 с.

для изучения ценностных установок. Он отмечал, что «большинство тривиальных фотографий выражают, независимо от внутренних интенций фотографа, систему схем восприятия, мышления и оценок, общую для всей группы»¹. В данное понятие включалось стремление обладать фотографией, заниматься фотографией, воспринимать фотографию как базовый элемент хранилища памяти.

В данной работе «производственная фотография» рассматривается как визуальный продукт, созданный и помещенный в конечный контекст трудовым коллективом. Понятие «трудовой коллектив» определяется исходя из трактовки одного из крупнейших в раннем СССР специалистов по организации труда Ф. Р. Дунаевского. В своей работе он одним из первых дал определение данному понятию: «Трудовой коллектив» — разновидность социального института и социальной общности, чья главная цель — производство материальных и духовных благ»².

Первой проблемой изучения подобных фотодокументов является необходимость проведения границы между реализацией «социального заказа» и сопутствующими ему ограничениями, непосредственной инициативой самого коллектива продемонстрировать себя.

В данном вопросе необходимо учитывать источник распространения практики фотографии и институциональные основы организации фотолюбительства.

В советской печати 1920-х гг. активно декларировалась важность фотоработы в жизни предприятия³. Наибольшее распространение фотолюбительство получило в фотокружках и изомастерских при рабочих и сельских клубах. Создание подобных организаций могло быть как проявлением личной инициативы⁴, так и насаждаться «сверху»⁵.

Однако личная инициатива ограничивалась отсутствием оборудования и навыков. Любая

форма массовой фотоработы находилась в зависимости от позиции руководящих органов: они могли обеспечить закупку оборудования, предоставить помещение для кружка, нанять специалиста для обучения⁶.

Подобная зависимость безусловно ограничивала, но не истребляла полностью возможности для самовыражения. Тем более что вопрос о стиле и наборе сюжетов, подлежащих фиксации, активно вырабатывался деятелями, развивающими фотолюбительство. Профессиональные фотографы довольно часто осуществляли съемку на предприятиях по их заказу или же по заказу периодических изданий⁷. Зачастую подобные фотографии оседали в фондах предприятий и архивах изданий в виде негативов, и на сегодняшний день из разрозненных коллекций, атрибутированных по тематическому признаку, крайне сложно установить, что является работой профессионала, а что — фотолюбителя.

Решить проблему установления авторства фотодокумента позволяет унификация массового визуального языка. Наибольший вклад в его формирование внес журнал «Советское фото». Промежуточным этапом формирования можно обозначить 1929 г., когда на страницах журнала вырабатывались общие принципы. Первым критерием, установленным для фотографии, являлась «достоверность». Взгляд в камеру, нарочито постановочный характер подрывают доверие к ней⁸. Фотография должна быть «живой» за счет движения в кадре⁹. Вторым условием являлась «значимость». Фотография должна соответствовать теме, заявленной автором, любой кадр должен быть значимым¹⁰. Смысловая необходимость к 1929 г. приобретает конкретную формулировку — фотография должна отвечать социальному заказу¹¹. Выдвигается тезис, что даже пролетарскую тему можно раскрыть буржуазным «языком»¹².

¹ Ibid. Р. 6.

² Дунаевский Ф. Р. Профессиональный подбор и его социальный смысл: методология профессионального подбора. Харьков, 1932. С. 5.

³ За советскую фотографию // Советское фото. 1926. № 1. С. 1.

⁴ Тислак В. Р. Передовой фотокружок. Опыт работы фотокружка клуба ф-ки «Дукат». М., 1935. С. 5.

⁵ Воротынцев Г. Д. Фотолюбительство в Ленинграде 1920-х годов: институциональные практики и визуальные стратегии в контексте советской культурной политики // Манускрипт. 2025. Т. 18, № 3. С. 821–826.

⁶ Там же.

⁷ Межеричер Л. Советская фотоинформация на новом этапе. М., 1930. С. 26.

⁸ Петров Н. Д. Как не надо снимать // Советское фото. 1927. № 1. С. 23.

⁹ Гроховский П. Динамичный кадр // Советское фото. 1927. № 2. С. 5–6.

¹⁰ Петров Н. Д. Критические заметки // Советское фото. 1927. № 7. С. 218.

¹¹ Стигнеев В. Т. Зарождение советской фотографии... С. 100–102.

¹² Шебуев Н. Чужое в нашем // Советское фото. 1929. № 10. С. 323.

Важно обозначить, что данный набор признаков носил рекомендательный характер, четкой концептуализации ещё не существовало. Было хорошо понятно, что является «буржуазной фотографией»¹, но критерии «социалистической фотографии» ещё не были до конца проработаны, хотя набор требований для фотолюбителей не был столь подвержен изменениям, как у профессионалов. Усвоение этих правил мы можем наблюдать при анализе отчетных фотоальбомов. Это продукт, о котором нам точно известно, что его концептуализацией занимался трудовой коллектив; на основе анализа фотографий мы видим попытки реализации ранее устоявшихся требований. Наиболее явно эта тенденция прослеживается на примере серии альбомов колхозов, выполненных по общему «социальному заказу» и направленных Народным комиссариатом совхозов СССР на III сессию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XV созыва².

Фотолюбительство во многом зависело от периодической печати и воспринимало её как образец. Не случайно, что одним из базовых источников, на основе которых формируются критерии отбора фотографий из архивных коллекций, выступает именно периодическая печать («Советское фото», «Прожектор», «Огонек», «Красная нива»). Все эти издания активно организовывали фотоконкурсы и стремились использовать в своих материалах фотографии фотолюбителей.

Даже получив возможность отобрать фотодокументы, созданные непосредственно фотолюбителями, мы сталкиваемся с проблемой, аналогичной той, что стояла перед пионерами раннесоветской фотографии 1920-х гг.: что в фотографии отображает советскую идентичность?

Первичный уровень анализа предполагает наличие символических конструкций в рамках фотодокумента, напрямую отождествляющих принадлежность социума к советской власти. К ним можно отнести гербы, плакаты, агитационные материалы, портреты государственных и партийных лидеров. Но использование подобной символики характерно, прежде всего, для парадной фотографии. Намеренное использование официальных символов вредило бы одному из ключевых принципов массовой

фотографии — «достоверности», и, как следствие, большинство фотографий, созданных трудовыми коллективами, не содержит в себе официальной символики.

Второй уровень анализа нацелен на выявление неконвенциональных символов, напрямую не отождествляемых с идеологическим контекстом, но демонстрирующих изменения в жизни коллектива. К таким символам можно отнести фотографии, отражающие механизацию производства, улучшение быта трудящихся, изменения гендерного состава. Символы такого уровня сами по себе могут не говорить о характере отношения коллектива к советской власти, но при должной концептуализации их можно трактовать однозначно.

Третий уровень анализа предполагает взгляд на фотографию не только как на буквальный источник, но и как на социальную практику. Активное использование фотографии в культурно-массовой работе само по себе уже являлось ритуалом приобщения к новой идентичности, что требует внимания не только к тому, что запечатлено, но и к тому, что могло быть проигнорировано. Этот уровень анализа предполагает интерпретацию источника не только в рамках целостного контекста, в который он входит, но и погружение в общий контекст практики фотолюбительства.

Таким образом, раннесоветская производственная фотография является эвристически значимым источником для изучения конструирования советской идентичности. Её анализ требует преодоления традиционных проблем атрибуции, направленной на установление конкретного авторства через выявление унифицированного набора визуальных маркеров. Ключевым методологическим решением выступает трёхуровневый подход: установление авторства и контекста создания, семиотический анализ опосредованных маркеров социальных изменений (механизация, быт, гендерный состав) и, наконец, интерпретация самой фотопрактики как ритуала интериоризации новой идентичности. Дальнейшее изучение фотографического наследия в этом ключе способно существенно обогатить источниковую базу социальной истории раннего СССР и предложить новые подходы к анализу механизмов формирования коллективных идентичностей в эпоху идеологических трансформаций.

¹ Болтянский Г. М. Фотокружок за работой. М., 1929. С. 36.

² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 30. Д. 55. 40 л.; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 30. Д. 53. 30 л.; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 30. Д. 54. 36 л.

Библиографический список

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. — М. : Канон-пресс-Ц, 2016. — 320 с.
2. Андрианова, Е. Н. Коллекция фотографий документального фонда Государственного центрального музея современной истории России как источник по истории повседневности: дис. ... канд. ист. наук / Е. Н. Андрианова. — М., 2012. — 289 с.
3. Болтянский, Г. М. Фото-кружок за работой / Г. М. Болтянский. — М. : [б. и.], 1929. — 80 с.
4. Вальран, В. Советская фотография 1917–1955 / В. Вальран. — СПб. : Клаудберри, 2016. — 200 с.
5. Воротынцев, Г. Д. Фотолюбительство в Ленинграде 1920-х годов: институциональные практики и визуальные стратегии в контексте советской культурной политики / Г. Д. Воротынцев // Манускрипт. — 2025. — Т. 18, № 3. — С. 821–826.
6. Гроховский, П. Динамичный кадр / П. Гроховский // Советское фото. — 1927. — № 2. — С. 5–6.
7. Дунаевский, Ф. Р. Профессиональный подбор и его социальный смысл : методология профессионального подбора / Ф. Р. Дунаевский. — Харьков : Госиздат УССР, 1932. — 120 с.
8. За советскую фотографию // Советское фото. — 1926. — № 1. — С. 1.
9. Макаров, А. Н. Цензурный контроль в сфере советской фотохроники 1930-х гг. / А. Н. Макаров // Проблемы российской истории. — 2013. — № 1. м С. 154–164.
10. Межеричер, Л. Советская фотоинформация на новом этапе / Л. Межеричер. — М. : [б. и.], 1930. — 100 с.
11. Петров, Н. Д. Как не надо снимать / Н. Д. Петров // Советское фото. — 1927. — № 1. — С. 23.
12. Петров, Н. Д. Критические заметки / Н. Д. Петров // Советское фото. — 1927. — № 7. — С. 218.
13. Ромакина, М. А. Фотожурналистское образование в СССР в 1920-е — начале 1930-х гг. / М. А. Ромакина // Вестник Московского университета. Сер. 10: «Журналистика». — 2024. — № 2. — С. 139–167.
14. Стигнеев, В. Т. Век фотографии. 1894–1994 : Очерки истории отечественной фотографии / В. Т. Стигнеев. — М. : Либроком, 2019. — 656 с.
15. Стигнеев, В. Т. Зарождение советской фотографии в 1920-е годы / В. Т. Стигнеев. — М. : Либроком, 2020. — 320 с.
16. Тислак, В. Р. Передовой фотокружок. Опыт работы фотокружка клуба ф-ки «Дукат» / В. Р. Тислак. — М. : [б. и.], 1935. — 60 с.
17. Шебуев, Н. Чужое в нашем / Н. Шебуев // Советское фото. — 1929. — № 10. — С. 323.
18. Bourdieu, P. The Cult of Unity and Cultivated Differences / P. Bourdieu // Photography: A Middlebrow Art / P. Bourdieu, S. Whiteside. — Oxford : Polity Press, 1998.

Визуальная антропология городского отдыха: репрезентация публичных пространств и досуговых практик в советском кинематографе 1960–1970-х гг.

Иванцова Е. Д.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Конфедерат О. В. (ЧелГУ)

В статье на материале советского кинематографа 1960–1970-х гг. исследуется репрезентация публичных пространств и досуговых практик городского отдыха. Объектом выступает городской отдых как культурная и пространственная практика, предметом — способы его визуализации в кино. На основе анализа 60 фильмов выявлены ключевые локусы городской рекреации: парки, набережные, кафе, дворы и танцплощадки. Показано, что кинематограф фиксировал нелинейную динамику взаимодействия публичного и приватного, одновременно отражая реальные изменения в досуговых практиках горожан и транслируя нормативные модели поведения. Делается вывод о двойственной роли кинофильмов в качестве исторических источников для реконструкции истории позднесоветского города.

Ключевые слова: *визуальная история; кинематограф; досуг; советское кино; город; СССР.*

Период 1960–1970-х гг. в истории советского общества характеризуется комплексом глубоких социокультурных трансформаций, изменивших облик города, структуру повседневности и формы досуга. Экономическое восстановление, рост уровня жизни, массовое жилищное строительство, демографическое омоложение населения, расширение системы образования и культурных учреждений создали новые условия для развития городской среды. Город во все большей степени начинает функционировать как пространство отдыха, общения, культурного потребления и публичной коммуникации.

Кинематограф является визуальным источником, который зафиксировал процесс трансформации функций городских пространств в 1960–1970-е гг. Репертуарные советские кинофильмы этого периода также выполняли двойную функцию: они репрезентировали институционально одобряемые практики досуга и рекреации, предлагая зрителю нормативные модели поведения, и одновременно отражали реальные изменения в способах освоения городской среды. Для решения задач исследования привлекается концепция «третьего места» Р. Ольденбурга¹ и теория «не-мест» М. Оже². Первая из них описывает пространства, находящиеся между домом и работой и выполняющие функцию неформального общения. Вторая фик-

сирует пространства, возникающие в ситуациях временного пребывания: вокзалы, аэропорты, транзитные зоны. Применительно к советскому городу эти модели требуют корректировки, однако их эвристический потенциал заслуживает отдельного рассмотрения. Эффективный инструментарий для изучения кинематографического образа советского города дает методология К. Линча³. Образ города всегда конструируется субъективно через социальные взаимодействия и целесообразное освоение городского пространства. Любой значимый архитектурный объект неизбежно подчиняется социальной роли. Одиночное здание без понятной общественной функции выпадает из восприятия горожанина. Публичные пространства в такой модели выступают главными регуляторами нормативных паттернов поведения горожан.

Источниковую основу составляет корпус советских репертуарных фильмов 1960–1970-х гг. — всего 60 кинолент. В рамках исследования была выделена репрезентативная группа визуальных источников, позволяющая сформулировать аргументированные выводы о пространственных моделях досуговых практик советского человека.

Для выявления устойчивых визуальных образов мы обращаемся к методической схеме анализа визуального источника П. Штомпки⁴ и А. В. Федорова⁵, включающей следующие процедуры: а) герменевтический анализ, то есть

¹ Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. 456 с.

² Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М., 2017. 136 с.

³ Линч К. Образ города. М., 1982. 328 с.

⁴ Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М., 2007. 150 с.

⁵ Федоров А. В. Анализ аудиовизуальных медиатекстов. М., 2012. 182 с.

интерпретацию адресности визуального образа, мотива, цели автора; б) семиотический анализ, то есть разбор кодов денотации и коннотации, синтагматических и парадигматических обусловленностей использованных знаков; в) дискурсивный анализ, при котором принимается во внимание совокупность историко-культурных условий создания и функционирования визуального образа. Данная методическая схема учитывает различные подходы, методы и способна максимально раскрыть информационный потенциал кинофильма в качестве исторического источника в контексте историко-культурной реальности.

Анализ отобранных фильмов показывает, что кинематограф 1960–1970-х гг. создал устойчивую и детализированную инфраструктуру городского отдыха. В рамках этой инфраструктуры нами были выделены несколько ключевых локусов, каждый из которых обладал собственной семантикой и демонстрировал определенную динамику изменений в указанный период.

В структуре городских локусов особое место занимают парки. Эти пространства репрезентируют прогулку как специфическую форму городского досуга, не связанную с трудовой функцией или бытовой необходимостью. Советский парк конструируется как одомашненная, упорядоченная городской средой природа, призванная компенсировать горожанину отрыв от естественной среды. В фильме «Я шагаю по Москве» (1963) парк культуры предстает светлым и теплым пространством, где звучит музыка и прогуливаются люди. Природа здесь подчинена человеку и выступает условием социальной коммуникации. Иное семиотическое значение зона парка приобретает в фильме «Осенний марафон» (1979). Осенние парки Ленинграда, по которым бежит главный герой, лишаются своей рекреационной функции. Они возвращают себе черты отчужденного пространства. Парк выступает холодным фоном для внутреннего кризиса Бузыкина, визуализируя его одиночество среди природы. С другой стороны, именно в период оттепели парк приобретает широкое значение в качестве публичного и досугового пространства. Его функции определяются на формальном уровне, например, строительством игровых площадок, эстрады, танцевальных площадок, детских аттракционов. Парк остается привычной средой для дружеских встреч, романтических свиданий, прогулок с детьми. Репрезентация пространств парков обнаруживается в ряде кинолент, например, в кинофильмах «Москва

слезам не верит» (1979), «Коллеги» (1962), «Городской романс» (1970), «Мне двадцать лет» (1965).

Другой важный локус — кафе и рестораны. В советском городском пространстве они постепенно выходят за рамки функции общественного питания и приобретают значение мест социального взаимодействия и досуга. В кинематографе подобная семантика выражается через характерные сюжетные сценарии встреч, бесед, свиданий, в рамках которых прием пищи становится частью нормативных повседневных практик. В начале 1960-х гг. ресторан воспринимается как место официальных встреч или случайных сближений, например, в киноленте «Девять дней одного года» (1961). К середине десятилетия социальная роль этих локусов меняется с возникновением молодежных кафе, репрезентирующих собой прототипы европейских бистро. Картина «Дайте жалобную книгу» (1965) превращает заведение «Одуванчик» в пространство неформального взаимодействия. В киноленте «Три тополя на Плющихе» (1968) уличное кафе становится местом интимного диалога. Образ уличного кафе с отдельными столиками и плетеными стульями существенно выделяется на фоне привычной советской городской среды. Предметная композиция кадра последовательно отсылает к эстетике французского кафе. На столиках расположены бутылка шампанского с двумя бокалами на одном и фарфоровая чашка на другом. Поведение посетителей кафе в кадре подчеркивает эту атмосферу. На переднем плане герои неспешно ведут беседу за столиком. В кинофильме «Афоня» (1975) пивная конструируется как мужское социальное пространство. Это мужской топос, где нивелируется профессиональный и общественный статус.

Особое место занимает двор как пространство социальной коммуникации. Он находится между домом и улицей, между частным и публичным, и именно поэтому оказывается особенно выразительным для анализа городской повседневности. В кино двор часто выступает как место спонтанного общения, игр, встреч, соседских разговоров, детских и подростковых практик, неформального досуга. Здесь наиболее отчетливо проявляется коллективный характер советской городской жизни. С точки зрения визуальной антропологии это один из наиболее значимых локусов, позволяющих анализировать формы городской коммуникации. Будучи промежуточной зоной между публичным и приватным, двор выступал главным «третьим местом»

для подростков и молодежи рабочих кварталов. В фильмах «Точка, точка, запятая...» (1972), «Не болит голова у дятла» (1974) и «В моей смерти прошу винить Клаву К.» (1979) двор становится местом для первой любви и конфликтов. В советском городе двор выступает в качестве пространства социальной коммуникации. Он находится между домом и улицей, между частным и публичным, и именно поэтому оказывается особенно выразительным для анализа городской повседневности. В кинофильмах двор нередко становится местом неформального досуга.

Молодежный досуг в 1960–1970-е гг. становится формой социализации подрастающего поколения. Молодежь выступает главным носителем новых культурных и пространственных практик. Появляются публичные мероприятия, танцплощадки, клубы, неформальные встречи, прогулки и совместные походы в кино. Остановимся подробнее на пространстве танцевальной площадки. В культурном ландшафте советского города она функционировала в качестве места легализованной телесности и брачного поиска. Локус танцплощадки обнаруживается в кинолентах «Афоня» (1975), «В моей смерти прошу винить Клаву К.» (1979), «Горожане» (1975), «Девять дней одного года» (1961), «Мама вышла замуж» (1969), «Мне двадцать лет» (1964), «Начало» (1970). Танцплощадка брала на себя функцию главного канала неформальной молодежной коммуникации. В кинофильме «В моей смерти прошу винить Клаву К.» (1979) сцена знакомства подростков во время танца служит главной сюжетной завязкой. В киноленте «Начало» (1970) вечерние танцы выступают единственной формой досуга для героини. Именно на танцах происходит ее первая встреча с возлюбленным. Пространство танцплощадки также выполняет функцию символического перехода в мир взрослых в киноленте «Мама вышла замуж» (1969).

Значимое место в кинематографе 1960–1970-х гг. занимают улица, площадь, набережная и другие публичные пространства, фиксируя заметную трансформацию пространственных моделей и перераспределение функций городских локусов на протяжении двух десятилетий. В лентах 1960-х гг. улица предстает открытым пространством социальной коммуникации, непреднамеренных встреч и юности: залитые светом проспекты, многолюдные тротуары, открытые кафе формируют образ города, открытого человеку (киноленты «Я шагаю по Москве» (1963), «Еще раз про любовь» (1967), «Июльский дождь» (1966) и др.). К 1970-м годам происходит

трансформация образов публичных пространств: улица утрачивает былую приветливость, приобретает черты отчужденности, чаще залита дождем, превращается в подобие лабиринта, внутри которого герой замкнут на собственных переживаниях, например, в киноленте «Осенний марафон» (1979). Набережная и парк выделяются среди прочих локусов своим пограничным положением: они находятся на стыке групп публичного и досугового пространства, выступая привычной средой для романтических свиданий, прогулок с детьми, организации поэтических вечеров и др. Репрезентация пространств парков и набережных обнаруживается в значительной части кинофильмов источниковой базы, например «Москва слезам не верит» (1979), «Коллеги» (1962), «Городской романс» (1970).

Самостоятельную категорию городских пространств образует транспорт, выполняющий функцию перемещения и одновременно обладающий семиотическим значением. Эти пространства выступают метафорами жизненных перемен, маркерами начала новых этапов жизни и завершения прежних, местами встреч и расставаний героев. Вокзал чаще всего выступает сценой для кульминационных драматических событий. Этот топос обнаруживается в кинофильмах «Утренние поезды» (1963), «Путешественник с багажом» (1966), «Долгие проводы» (1971), «Город принял» (1979) и др. В киноленте «Июльский дождь» (1966) троллейбус выступает пространством для знакомства и искреннего разговора. Таким образом, общественный транспорт фиксирует специфику социальных взаимодействий в условиях роста городского пространства.

Кинематограф конструирует детализированную топологию городского досуга, включающую комплекс публичных локусов. К наиболее формализованным локусам относятся институционализированные центры культурного проведения досуга: кинотеатры, киноклубы, театры и дома культуры. Они репрезентируются как места «выхода в свет», социализации и романтических знакомств, что подтверждается при обращении к кинофильмам «Каждый вечер в одиннадцать» (1969), «Еще раз про любовь» (1967) и др.

Таким образом, анализ источниковой базы позволил выявить ключевые топосы советского города. Систематизация визуальных источников позволила составить типологический ряд ключевых топосов в кинематографе. В результате исследования удалось сгруппировать их в три ключевых блока. Первую категорию формируют открытые городские пространства: улицы,

набережные, площади и парки. Вторую группу составляют досуговые пространства: заведения общественного питания, пивные, танцевальные площадки и кинотеатры. Третья категория охватывает городской общественный транспорт и транзитные пространства. Постоянное перемещение человека внутри этой пространственной системы формирует модель советской городской повседневности.

Кинематограф 1960–1970-х гг. зафиксировал нелинейную и внутренне противоречивую динамику взаимодействия публичного и приватного

в советском городе. Рекреационные пространства (парки, набережные, кафе, дворы, танцплощадки) предстают на экране локусами, где разворачиваются процессы социализации, межличностной коммуникации и формирования новых типов общности. «Третьи места» в советском варианте обретали специфические черты, обусловленные двойственным социокультурным контекстом эпохи: они могли выступать как зонами относительной свободы и неформального общения, так и пространствами демонстрации нормативных, институционально одобряемых моделей поведения.

Библиографический список

1. Оже, М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна; пер. с фр. А. Коннова / М. Оже. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — 136 с.
2. Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества; пер. с англ. А. Захарова. / Р. Ольденбург. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — 456 с.
3. Линч, К. Образ города; пер. В. Л. Глазычева / К. Линч. — М. : Стройиздат, 1982. — 328 с.
4. Федоров, А. В. Анализ аудиовизуальных медиатекстов / А. В. Федоров. — М. : МОО «Информация для всех», 2012. — 182 с.
5. Штомпка, П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / П. Штомпка. — М. : Логос, 2007. — 150 с.

Гражданская война в России (1917–1923 гг.) в частной фотографии участников событий: к постановке проблемы

Курганов Н. С.

Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, факультет истории и права, Тула

Научный руководитель: Володина Т. А. (ТГПУ)

В статье рассмотрены особенности отражения событий Гражданской войны в России (1917–1923 гг.) в ракурсе частных фотографий участников событий. Особое внимание уделено использованию политических лозунгов в фотографических практиках. Сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения частной фотографии для рассмотрения социальной реальности периода Гражданской войны в России.

Ключевые слова: *Гражданская война в России, частная фотография, массовая фотокультура, визуальная антропология.*

Одним из способов рассмотрения взглядов участников и очевидцев Гражданской войны в России (1917–1923 гг.) на ее проявления является обращение к их частным фотографиям. Такие снимки позволяют выявить особенности саморепрезентации участников событий, что обусловлено назначением частных изображений — они создавались для ограниченного круга лиц.

Целью данной статьи является выявление направлений и способов репрезентации политических воззрений и особенностей боевых действий в личной фотографии участников Гражданской войны в России.

По мнению Т. А. Немчиновой, фотографии периода Гражданской войны в России являются полноценным источником и культурно-историческим феноменом¹. Сюжеты фото противостоящих сторон аналогичны². Фотографы создавали групповые и индивидуальные портреты, инсценировки, фиксировали результаты боевых действий и жертв террора.

Примером публикации фотографического материала является альбом «Гражданская война в России в фотографиях и кинохронике»³. В издании представлена и научная атрибуция. Т. А. Немчинова рассматривает публикацию как преодоление разрозненности и иллюстративности⁴. Успешным опытом комплексной публикации стало собрание «Белое движение 1917–1922.

Фотоальбом»⁵. Данное издание в значительной степени состоит из личных снимков. Распространение персональных компьютеров, портативных сканеров, удобство оцифровки расширили возможности исследователей, дали возможность для появления репрезентативных выборок частных фотографий данного периода.

Фотографии бойцов большевистских формирований сохранялись в советские годы в разных организациях и публиковались в качестве иллюстраций⁶. Бывшие военнослужащие белых армий в эмиграции также стремились создать героический эпос о борьбе. В условиях идеологического противостояния фотоснимки становились наиболее простым и действенным способом выражения политических воззрений⁷. В качестве атрибутов активно использовались политические лозунги. Обладатели политических взглядов могли оставлять записи. Например, офицер Вооруженных Сил Юга России А. Галкин на паспорту зафиксировал: «Когда убью тысячу проклятых коммунистов, тогда успокоюсь»⁸. Большевик М. Г. Медведев подписал портрет: «От семьи революционной»⁹. Надпись на самом изображении служила для выражения

¹ Немчинова Т. А. Фотодокументы как источник изучения истории гражданской войны: постановка вопроса // Власть. 2022. Т. 30. № 4. С. 158.

² Вальран В. Советская фотография. 1917–1955 гг. СПб., 2018. С. 40.

³ Гражданская война в России в фотографиях и кинохронике. 1917–1922 гг.: альбом. М., 2018. 584 с.

⁴ Немчинова Т. А. Фотодокументы...

⁵ Белая Россия. 1917–1922 гг. Фотоальбом. Под ред. В. Ж. Цветкова, Б. С. Пушкарёва. М., 2003. 320 с.

⁶ Напр.: Комиссары. 2-е изд., испр. М., 1967. 408 с.

⁷ Берк П. Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю. М., 2023. С. 271.

⁸ Фотография: кавалер английского военного Креста А. Галкин // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5536438> (дата обращения: 10.05.2026).

⁹ Фотография М. Г. Медведева и его семьи // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27466109> (дата обращения: 10.05.2026).

корпоративной идентичности¹. По заказу партизана Е. А. Шорина в г. Минусинске на фотографии были отражены сведения о клиенте: «Борец за трудовой народ анархо-коммунист»².

Большевики стремились контролировать функционирование частных фотоателье³. При этом им предоставлялись льготы, освобождающие мастерские от заселения, а специалистов — от трудовой повинности⁴. Снимки, как указывает В. Т. Стигнеев, активно использовались в агитации⁵. Процесс национализации фотоателье начался 27 августа 1919 г. в результате принятия декрета Совета Народных Комиссаров о переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного Комиссариата Просвещения⁶. Процесс огосударствления происходил неравномерно. С. А. Морозов называет эту дату «днем рождения советской фотографии»⁷. Хранение фотографий, на которых были изображены реальные или мнимые враги советской власти, становилось опасным для владельцев⁸. При этом групповые фото, создаваемые во время ареста и суда над контрреволюционерами, могли стать частью семейных архивов⁹.

Выражение взглядов проявлялось при позировании на фоне портретов вождей. Председатель Ижмо-Печорского уездного исполкома Ф. П. Терентьев сфотографировался с портретом

В. И. Ленина¹⁰. Для большевиков характерным был отказ от дореволюционных знаков отличия¹¹. При этом военные специалисты из числа бывших царских офицеров могли позировать с дореволюционными наградами¹². Более распространенной была съемка уже с советскими знаками отличия¹³.

Поддержание коммуникации и коллективной идентичности, по мнению О. Ю. Бойцовой, осуществлялось через групповые фото¹⁴. Популярностью пользовались изображения политических торжеств¹⁵. Похороны становились манифестацией¹⁶.

Представление об участии в боевых действиях выражалось в создании для фото героического образа. Военнослужащие стремились предстать как опытные, вооруженные бойцы¹⁷. Революционные матросы много внимания уделяли брутальному облику¹⁸. Популярным атрибутом являлась кожаная куртка¹⁹.

Любительские снимки могли фиксировать реальные обстоятельства боевых столкновений.

¹⁰ Фотография Ф. П. Терентьева — первого председателя Ижмо-Печорского уездного исполнительного комитета // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12408954> (дата обращения: 10.05.2026).

¹¹ Фотография П. А. Кибкало // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7472376> (дата обращения: 10.05.2026).

¹² Ганин А. В. В тени «Весны». Бывшие офицеры под репрессиями начала 1930-х годов // Родина. 2014. № 6. С. 98.

¹³ Фотография А. В. Дежина // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=58877882> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁴ Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб., 2013. С. 53.

¹⁵ Фотография. Участники 6-го Пугачёвского съезда председателей Советов // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29900340> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁶ Похороны коммуниста — члена комбеда // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5023223> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁷ Фотография: партизаны 1-й Михайловской добровольческой дружины // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12853889> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁸ Фотография: Полупанов А. В. — командир бронепоезда «Свобода или смерть» // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29467707> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁹ Фотография красных командиров, выполненная в мастерской Ф. Ф. Станчуса // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12988081> (дата обращения: 10.05.2026).

¹ Фотография участников революционного движения Амура // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=66988115> (дата обращения: 10.05.2026).

² Фотография анархиста-коммуниста Е. А. Шорина, выполненная в мастерской Ф. Ф. Станчуса // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12988107> (дата обращения: 10.05.2026).

³ Абрамов Г. Этапы развития советского фотоаппаратостроения // Этапы развития отечественного фотоаппаратостроения. URL: <http://www.photohistory.ru/1207248170259168.html> (дата обращения: 10.05.2026).

⁴ Там же.

⁵ Стигнеев В. Т. Зарождение советской фотографии, 1920-е годы. М., 2016. С. 7.

⁶ Декрет Совета Народных Комиссаров о переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного Комиссариата Просвещения. 27 августа 1919 г. // Известия ВЦИК. 1919. № 193. 2 сентября.

⁷ Морозов С. А. Советская художественная фотография. М., 1958. С. 9.

⁸ Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 348.

⁹ Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 28.

Заместитель командующего Таманской армии Е. И. Ковтюх позировал в рваной гимнастерке, соломенной шляпе¹. Командиры инсценировали изучение карты. Такой сюжет символизировал погруженность в управление войсками².

¹ Фотография Е. И. Ковтюха, 1918 год // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5554627> (дата обращения: 10.05.2026).

² Фотография: С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и М. В. Фрунзе изучают карту // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=57558729> (дата обращения: 10.05.2026); Фотография: С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов изучают карту // Госкаталог.РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=57558213> (дата обращения: 10.05.2026).

Таким образом, к настоящему времени сложилась ситуация, позволяющая активно изучать социальные реалии Гражданской войны в России в ракурсе частной фотографии. При использовании снимков происходит выявление особенностей репрезентации политических взглядов, конкретных атрибутов. Особенностью фотографий указанного периода являлось создание групповых портретов участников торжеств и политических действий с большим количеством символики. Бойцы выражали готовность бороться с противником любыми средствами.

portal/#/collections?id=57558213 (дата обращения: 10.05.2026).

Библиографический список

1. Абрамов, Г. Этапы развития советского фотоаппаратостроения / Г. Абрамов // Этапы развития отечественного фотоаппаратостроения. URL: <http://www.photohistory.ru/1207248170259168.html> (дата обращения: 10.05.2026).
2. Белая Россия. 1917–1922 гг. Фотоальбом ; под ред. В. Ж. Цветкова, Б. С. Пушкарёва. — М. : Посев, 2003. — 320 с.
3. Берк, П. Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю; пер. с англ. А. Воскобойниковой / П. Берк. — М. : Эксмо, 2023. — 368 с.
4. Бойцова, О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности / О. Ю. Бойцова. — СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2013. — 266 с.
5. Вальран, В. Советская фотография. 1917–1955 гг. / В. Вальран. — СПб.: Изд-во К. Тублина, 2018. — 352 с.
6. Ганин, А. В. В тени «Весны». Бывшие офицеры под репрессиями начала 1930-х годов / А. В. Ганин // Родина. — 2014. — № 6. — С. 95–101.
7. Ганин, А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны / А. В. Ганин. — М.: Изд-во «Пятый Рим», 2018. — 938 с.
8. Голицын, С. М. Записки уцелевшего / С. М. Голицын. — М. : Орбита, Моск. филиал, 1990. — 736 с.
9. Гражданская война в России в фотографиях и кинохронике. 1917–1922: Альбом. — М. : Кучково поле Музеон, Фонд «Связь эпох», 2018. — 584 с.
10. Комиссары. 2-е изд., испр. — М. : Политиздат, 1967. — 408 с.
11. Морозов, С. А. Советская художественная фотография / С. А. Морозов. — М. : Гос. изд-во «Искусство», 1958. — 310 с.
12. Немчинова, Т. А. Фотодокументы как источник изучения истории гражданской войны: постановка вопроса / Т. А. Немчинова // Власть. — 2022. — Т. 30. № 4. — С. 154–158.
13. Стигнеев, В. Т. Зарождение советской фотографии, 1920-е годы / В. Т. Стигнеев. — М. : URSS, 2016. — 240 с.

**Танатологические образы в искусстве как форма рефлексии
о порядке и смысле социокультурного бытия.
Серия гравюр Г. Гольбейна «Пляска смерти» (1538)**

Ципровский И. Д.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Конфедерат О. В. (ЧелГУ)

Статья посвящена исследованию танатологических образов в европейском искусстве как формы осмысления порядка и смысла социокультурного бытия на примере цикла гравюр Ганса Гольбейна Младшего «Пляска смерти». Рассматривается значение смерти в мировоззрении средневекового общества, а также особенности развития иконографического мотива *danse macabre* в контексте религиозных, социальных и культурных процессов Средневековья и эпохи Реформации. Анализируются жанр «Пляски смерти», его символическое содержание и социально-критическая направленность. Особое внимание уделяется трансформации традиционного мотива в творчестве Гольбейна, где смерть выступает не только как универсальный символ неизбежности человеческого конца, но и как средство критического осмысления общественного устройства, религиозных институтов и нравственного состояния человека. Делается вывод о том, что танатологические образы в искусстве выполняли не только религиозно-назидательную функцию, но и служили важным инструментом философской и социальной рефлексии, позволяющим осмыслить место человека в мире и особенности исторической эпохи.

Ключевые слова: *Пляска смерти, Danse Macabre, Ганс Гольбейн Младший, Реформация, смерть, Средневековье, культура, искусство.*

Отношение к смерти занимает важное место в культурных представлениях различных исторических эпох и нередко рассматривается исследователями как один из индикаторов характера цивилизации. Восприятие смерти отражает представления человека об устройстве мира, его ценностных основаниях и месте личности в системе общественных и духовных координат. Анализ представлений о смерти позволяет глубже понять мировоззренческие установки конкретной эпохи, особенности общественного сознания и способы осмысления человеческого существования. В основе подобных представлений лежит фундаментальная потребность человека в осмыслении собственного бытия, его конечности и значения.

Следует отметить, что образы смерти существенно различались в зависимости от исторического периода, региональных особенностей и религиозных представлений общества. Поэтому их исследование требует учёта конкретного историко-культурного контекста, в рамках которого формировались соответствующие художественные и символические формы. Вместе с тем мотивы смерти, претерпевая изменения и переосмысление, сохраняют свою актуальность и в современной культуре.

Характеризуя значение смерти, французский историк Филипп Арьес отмечал: «В своей

смерти человек открывает собственную индивидуальность. Происходит открытие индивида, осознание в час смерти или в мысли о смерти своей собственной идентичности, личной истории»¹.

В культуре Средневековья смерть занимала одно из центральных мест в системе мировоззрения. Земное существование воспринималось как временный этап на пути к вечности, а человеческие поступки — как подлежащие оценке на Страшном суде. Вера в посмертное воздаяние определяла отношение к жизни как к подготовке к спасению души². Постоянные войны, эпидемии, голод и высокий уровень смертности способствовали формированию устойчивого ощущения близости смерти к повседневной жизни. Социальная незащищённость населения, ограниченное развитие медицины и глубокая религиозность общества усиливали представления о бренности земного бытия и неизбежности человеческого конца.

Одним из наиболее значимых художественных воплощений подобных представлений стал иконографический мотив «Пляски смерти» (*Danse Macabre*), сформировавшийся

¹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 14.

² Хейзинга И. Осень Средневековья. М., 1988. С. 234.

в европейской культуре позднего Средневековья¹. Его возникновение было связано с последствиями эпидемий чумы, социальными потрясениями и усилением осознания хрупкости человеческого существования.

В произведениях данного типа смерть обычно изображалась в образе скелета, вовлекающего в танец представителей различных сословий в соответствии с существовавшей социальной иерархией. Подобные изображения нередко сопровождались текстами нравоучительного характера, напоминавшими о необходимости покаяния и неизбежности смерти.

Постепенно мотив «Пляски смерти» превратился в самостоятельный художественный жанр, получивший широкое распространение в европейской культуре XV–XVI вв. Наиболее ярко он воплотился во фресковой живописи, книжной графике, гравюре, театральных мистериях и других формах художественного творчества.

Особый интерес представляет появление своеобразного «диалога» между живыми и мёртвыми. Подобные композиции соединяли трагическое и комическое начала: смерть увлекала человека в могилу, тогда как сами персонажи нередко изображались улыбающимися или даже участвующими в своеобразном праздничном действии.

Такая двойственность сближала мотив «Пляски смерти» с карнавальным культурой Средневековья, в которой сочетались представления о жизни, смерти и обновлении мира². Благодаря этому сюжет приобретал не только назидательный, но и философский характер, побуждая зрителя к размышлению о конечности человеческого существования.

Важным элементом подобных композиций часто выступала музыка. Смерть изображалась играющей на различных музыкальных инструментах, что усиливало ассоциации с карнавальным действием и символизировало неизбежное вовлечение каждого человека в общий круговорот жизни и смерти.

Примечательно, что мотив «Пляски смерти» нередко был ориентирован прежде всего на представителей высших сословий. Через образы пап,

королей, императоров и знати подчёркивалась тщетность власти, богатства и общественных привилегий перед лицом смерти. Тем самым данный сюжет выполнял не только религиозно-нравоучительную, но и социально-критическую функцию, демонстрируя равенство всех людей перед неизбежностью конца земного существования³.

Одним из наиболее известных памятников данной традиции является «Пляска смерти» Бернта Нотке, созданная в XV в. для церкви в Таллине. В композиции персонажи образуют процессию, в которой смерть поочерёдно вовлекает представителей различных сословий в символический танец.

Наиболее показательным является диалог между Папой Римским и Смертью:

Папа:

«О, какой смысл в том, что я занимал столь высокое положение,

Если теперь мне предстоит стать частью земли, как и ты.

Ни высокое положение, ни богатство не делают меня лучше.

Я должен всё оставить, возьмите с меня пример.

Тот, кто смотрит на меня, видит папу, которым я был долгое время...»

Смерть:

«Я приглашаю к этому танцу всех:

Папу, императора и все создания — Богатого, бедного, большого и малого.

Подходите и не грустите!

Думают всегда, во все времена,

Что если добрые дела имеешь за душой,

То сразу будут грехи покрыты.

Но вы должны плясать под мою дудку!

Господин папа, ты сейчас наивысшее существо.

Станцую же вместе, ты и я»⁴.

Объектом настоящего исследования является цикл из 41 гравюры «Пляска смерти», созданный Гансом Гольбейном Младшим и опубликованный в 1538 г. Для его интерпретации необходимо учитывать историко-культурный контекст эпохи.

К XV–XVI вв. Европа переживала глубокие социальные, политические и религиозные преобразования. Религиозные конфликты, народные восстания, эпидемии и экономические

¹ Нессельштраус Ц. Г. «Пляски смерти» в западноевропейском искусстве XV в. как тема рубежа Средневековья и Возрождения // Проблемы развития зарубежного искусства от Средних веков к Новому времени. СПб., 2013. С. 23–34.

² Иоффе И. И. Синтетическая история искусства: введение в историю художественного мышления. Л., 1933. С. 135.

³ Гуревич А. Я. Проблемы народной средневековой культуры. М., 1981. С. 267.

⁴ Алексеева-Маркезин А. Таллинская пляска смерти // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2018/10/10/1848> (дата обращения: 21.04.2026).

противоречия способствовали ослаблению авторитета католической церкви, сохранявшей значительное влияние на общественную жизнь со времён феодального общества. Одновременно рост городов, развитие торговли, усиление позиций буржуазии и формирование национальных государств способствовали изменению традиционной картины мира и становлению новых форм общественного сознания.

Значительное влияние на духовную жизнь Европы оказала Реформация. Критика продажи индульгенций, стремление к обновлению церковной жизни и утверждение принципа спасения через личную веру способствовали распространению протестантских идей и переосмыслению роли человека в религиозной практике¹. В этих условиях искусство всё чаще становилось средством выражения общественных настроений и критического осмысления существующей действительности.

Цикл Ганса Гольбейна отражает мировоззренческие особенности эпохи Реформации и демонстрирует переоценку традиционных представлений о власти, социальной иерархии и религиозном авторитете. Через систему художественных образов автор раскрывает вопросы справедливости, нравственной ответственности и неизбежности смерти. При этом смерть выступает не только как универсальная сила, объединяющая всех людей, но и как своеобразный судья, разоблачающий человеческие пороки, злоупотребление властью и социальное неравенство.

Цикл открывается сценами из Книги Бытия, посвящёнными грехопадению человека и происхождению смерти. Далее следуют изображения скелетов-музыкантов, символизирующих начало «танца». Завершается серия сценами Страшного суда и изображением герба Смерти, что придаёт всему произведению композиционную завершенность и подчёркивает его нравоучительный характер.

В творчестве Гольбейна жанр «Пляски смерти» существенно трансформируется. Если в более ранних произведениях преобладала традиционная схема общего хоровода представителей различных сословий, то художник создаёт ряд самостоятельных сцен, объединённых общей идеей неизбежности смерти. Каждая гравюра представляет отдельную жизненную ситуацию, в которой Смерть взаимодействует с конкретным

персонажем: королём, купцом, врачом, священнослужителем или крестьянином.

В отличие от средневековой традиции, персонажи Гольбейна нередко пытаются сопротивляться Смерти. Это подчёркивается их позами, жестами и эмоциональными реакциями: они отворачиваются, отталкивают Смерть, выражают тревогу и внутреннее напряжение. Подобная трактовка свидетельствует о возросшем интересе к индивидуальности человека.

Смерть в гравюрах внезапно вторгается в повседневную жизнь и нарушает привычный порядок вещей. Она приходит как к представителям высших сословий, так и к простым людям, подчёркивая всеобщность человеческой судьбы. Вместе с тем ряд композиций содержит выраженную критику злоупотреблений церковной властью, что особенно заметно в сценах, связанных с продажей индульгенций и деятельностью духовенства. Примечательно, что представители низших сословий зачастую изображаются художником с большей симпатией, чем носители власти и богатства.

Гравюры отличаются высокой степенью детализации и насыщены многочисленными элементами повседневного быта. Несмотря на небольшой формат, персонажи наделены ярко выраженной индивидуальностью.

Важно также учитывать, что гравюры были изданы в виде книги, предназначенной для индивидуального чтения. Серия неоднократно переиздавалась в крупных городах Европы, что свидетельствует о её широком распространении и устойчивом интересе со стороны аудитории.

В композициях представлены различные сферы человеческой жизни: труд крестьянина, деятельность ремесленника и купца, старость, проявления светской и духовной власти. Благодаря этому художник подчёркивает универсальность смерти, вторгающейся во все уровни общественного порядка и человеческого существования.

Цикл «Пляска смерти» представляет собой не только развитие средневековой традиции *danse macabre*, но и самостоятельное художественное высказывание, отражающее духовные, социальные и религиозные процессы эпохи Реформации.

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 141.

Библиографический список

1. Алексеева-Маркезин, А. Таллинская пляска смерти / А. Алексеева-Маркезин // Проза.ру. — URL: <https://proza.ru/2018/10/10/1848> (дата обращения: 21.04.2026).
2. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. — М. : Прогресс, 1992. — 509 с.
3. Гуревич, А. Я. Проблемы народной средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — М. : Искусство, 1981. — 359 с.
4. Иоффе, И. И. Синтетическая история искусства: введение в историю художественного мышления / И. И. Иоффе. — Л. : ОГИЗ Ленизгиз, 1933. — 568 с.
5. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 560 с.
6. Нессельштраус, Ц. Г. «Пляски смерти» в западноевропейском искусстве XV в. как тема рубежа Средневековья и Возрождения / Ц. Г. Нессельштраус // Проблемы развития зарубежного искусства от Средних веков к Новому времени. Памяти Цецилии Генриховны Нессельштраус (1919–2010). — СПб. : Ин-т им. И. Е. Репина, 2013. — С. 23–34.
7. Хейзинга, Й. Осень Средневековья / Й. Хейзинга. — М. : Наука, 1988. — 536 с.

«Тело Победы»: телесная репрезентация воинов Красной Армии в 1943–1945 гг. (на материалах журнала «Фронтовая иллюстрация»)

Шерстобитов Н. С.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Конфедерат О. В. (ЧелГУ)

На материале фотографий журнала «Фронтовая иллюстрация» (1943–1945) анализируется визуальная модель «Тела Победы» — идеологически сконструированной телесной репрезентации красноармейца. Выделены семь сюжетно-тематических категорий (парадный портрет, бой, техника, отдых, триумф, женщина на войне, бывалый боец). Рассмотрены маркеры: лицо, поза, жест, эмоция, одежда. Показано, что «Тело Победы» исключает слабость и страх, демонстрирует высокий уровень контроля над действиями и реакциями, служит инструментом конструирования коллективной идентичности воина-освободителя.

Ключевые слова: *телесная репрезентация, визуальная пропаганда, фронтовая фотография, «Фронтовая иллюстрация», Великая Отечественная война, советские СМИ.*

Вопросы репрезентации человеческого тела традиционно являются темой рассмотрения в различных областях гуманитарных наук. «Военному телу» как совокупной телесной модели военнослужащего, воина уделяется несколько меньше внимания. К тому же стоит различать репрезентации «военного тела», адресованные мирному населению, и репрезентации, адресованные самим военнослужащим. Проблемным полем данной статьи является опыт телесной репрезентации воинов, направленной на самих военнослужащих. Причём репрезентации идеологизированной и подконтрольной власти.

В своем исследовании мы опираемся на понятие «режима тела», предложенное О. В. Гавришиной¹, на философские подходы к изучению тела, обозначенные Ж. Л. Нанси², Ж. Делёзом³ и В. А. Подорогой⁴. Используется понятие «военного тела», разработанное в отечественной филологии⁵.

Основным источником служит фотографический материал, размещенный на страницах

издания «Фронтовая иллюстрация». Журнал издавался Главным политическим управлением РККА и распространялся преимущественно среди бойцов Красной армии в период Великой Отечественной войны, непосредственно во время и после коренного перелома, который ознаменован Сталинградской и Курской битвами, по результатам которых стратегическая инициатива перешла в руки Красной армии, а значит вопрос окончательного разгрома Третьего рейха становился вопросом времени. Исчезновение угрозы существованию страны, успешные наступления Красной армии и договоренности с союзниками об открытии Второго фронта — эти факторы способствовали изменению тематики и содержания произведений массовой культуры, в том числе и средств массовой информации. Именно эти изменения и обусловили формирование на страницах журнала новой телесной модели, которую мы условно назовём «Телом Победы». Его анализ позволит лучше понять те механизмы, благодаря которым формировался идеологически выверенный визуальный нарратив, ставший в дальнейшем одной из основ культурной памяти о Великой Отечественной войне.

В подборку вошли фотографии, размещенные на страницах 64 номеров, вышедших в период с 1943 по 1945 г.

Для наиболее полного анализа схем телесной репрезентации было выбрано пять наиболее распространенных сюжетно-тематических категорий, а также две специфические, связанные с гендером и возрастом: 1) «Парадный портрет»; 2) «Солдат в бою»; 3) «Солдат и техника»; 4) «Солдат на отдыхе»; 5) «Солдат в минуту триумфа»; 6) «Женщина на войне»; 7) «Бывалый боец».

¹ Гавришина О. В. «Снимаются у фотографа»: режимы тела в советской студийной фотографии // Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности». М., 2011. С. 31–42.

² Нанси Ж.-Л. Corpus. М., 1999. 255 с.

³ Делез Ж. Кино, тело и мозг, мысль // Кино. М., 2004. С. 506–547.

⁴ Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995. 340 с.

⁵ Мейер-Фраатц А. Военное тело в романе «Асан» Владимира Маканина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2016. № 3. С. 120–128; Хисямутдинова С. Р. «Воюющее тело» в поэзии эпохи «оттепели» // Известия Саратовского университета. Серия: «Филология. Журналистика». 2024. Т. 24, вып. 4. С. 434–442.

Для каждой категории характерен свой набор маркеров, размечающих визуальный облик персонажей (лицо, поза, жест, эмоция, одежда и атрибутика) в соответствии с заданным смыслом. Отмечается типичность и повторяемость определенного набора маркеров при фотографической разработке той или иной темы.

«Парадный портрет»

Парадные портреты – один из наиболее часто встречающихся типов фотографии во «Фронтальной иллюстрации». Как правило, это постановочные снимки отличившихся или награжденных бойцов. Их иконография отсылает к традиционному живописному парадному портрету.

Лицо персонажа как один из важнейших телесных маркеров подвергается тщательной организации. Все герои гладко выбриты (исключение составляют усы), волосы или тщательно уложены, или скрыты головным убором. Взгляд направлен в сторону от камеры, в некоторых случаях вверх и в сторону, что придает ему волевой характер и целеустремленность. Ту же черту характера фотографы стараются моделировать пластически, делая светотеневой акцент на скулах героя. Многонациональность советской армии отмечена присутствием в ряду персонажей представителей разных национальностей, но этнические черты, как правило, не подчеркиваются и не акцентируются¹.

Выбор позы определяется жанром снимка: расправленные плечи, фронтальный разворот к камере, прямая осанка. Фотографии данной категории, как правило, лишены динамических жестов. Руки персонажа покоятся на оружии, на поясе или за спиной². В каждом случае создается ощущение уверенности и стабильности после одержанной победы³. Герои снимков не проявляют ярких эмоций, максимум — улыбка⁴.

Одеты герои снимков в парадную форму либо в аккуратную повседневную, если снимок сделан «в поле». Особый акцент сделан на награды: именно они располагаются в композици-

онно «сильной» точке кадра. Другие наиболее часто встречающиеся атрибуты определяют принадлежность героя к роду войск: погоны, характерные головные уборы (шлемофоны⁵ и лётные шлемы⁶). Снимки лётчиков выполнены в героическом каноне, который сложился ещё в 1930-е гг.: в лётной форме на фоне самолёта, в нижнем ракурсе для придания образу монументальности⁷.

«Солдат в бою»

В данную категорию входят как репортажные снимки, так и постановочные. Лейтмотивом является движение солдат в бою. Динамичность снимков определяет особенности телесных маркеров.

Лицо попадает в кадр редко, как правило, в постановочном кадре. Все герои снимков сосредоточены на выполнении боевой задачи, и это отражается на лицах: напряженный внимательный взгляд обращен в направлении боевых действий, лица строги, решительны, выражают максимальную вовлеченность в действие⁸. Пафосная «плакатная» ненависть к врагу отсутствует полностью.

Позы предельно динамичные, тела напряжены и направлены вперед, фиксируя наступательное движение. Мы не встречаем прячущихся от огня врага бойцов и уж тем более не встречаем снимков бойцов в «эмбриональной» позе крайнего страха. Воины всегда находятся в атаке и не обязательно в полный рост, солдат может идти вперед и несколько пригнувшись. Лежащая поза, как правило, связана с воинскими специальностями, которые требуют скрытности: снайперами и разведчиками⁹. Это артикулируется текстом подписи к снимку. Отдельного рассмотрения заслуживает кадр с обложки выпуска конца 1943 г., где изображён санитар, перевязывающий раненого бойца. В позе санитара не читается спокойствия и заботы, наоборот, его тело напряжено и готово к дальнейшему движению, перевязка — необходимая остановка в его движении¹⁰.

Главный жест — уверенная манипуляция оружием. Оружие может быть направлено в сторону врага или прижато к груди, например, во время перебежки. У разведчиков оружие может заме-

¹ Наиболее яркой иллюстрацией всего вышесказанного будет коллаж портретов: Фронтальная иллюстрация. 1944. № 2. С. 6. Также см.: Фронтальная иллюстрация. 1943. № 4–5. С. 5; Фронтальная иллюстрация. 1943. № 28–29. С. 3; Там же. С. 8; Фронтальная иллюстрация. 1944. № 15. С. 9; Фронтальная иллюстрация. 1945. № 4. С. 6.

² Фронтальная иллюстрация. 1945. № 6. Обложка.

³ Фронтальная иллюстрация. 1943. № 16. С. 3.

⁴ Практически весь доступный спектр эмоций можно проиллюстрировать коллажем портретов в: Фронтальная иллюстрация. 1945. № 5. С. 5.

⁵ Фронтальная иллюстрация. 1945. № 4. С. 6.

⁶ Фронтальная иллюстрация. 1943. № 16. С. 2.

⁷ Фронтальная иллюстрация. 1944. № 16. С. 13.

⁸ Фронтальная иллюстрация. 1943. № 36. С. 2.

⁹ Фронтальная иллюстрация. 1943. № 28–29. С. 7; Фронтальная иллюстрация. 1943. № 25. С. 3–4.

¹⁰ Фронтальная иллюстрация. 1943. № 34. Обложка.

няться биноклем, который несёт врагу не меньшую опасность, чем винтовка. На военной форме бойцов не акцентированы знаки отличия и тем более награды. Главные атрибуты: оружие в руках атакующего бойца, бинокль у разведчика или командира на наблюдательном пункте¹.

«Солдат и техника»

С техникой взаимодействуют так или иначе практически все бойцы: пехотинцы передвигаются на грузовиках или на броне танков, которыми управляют танкисты, лётчики пилотируют самолёты, артиллеристы обслуживают свои орудия. Каждая из этих групп имеет свои особенности. Так, например, масса пехоты в кузове грузовика или на танковой броне создаёт своего рода человеческий орнамент, оштетинившийся дулами автоматов и винтовок. Снимки танкистов и лётчиков вне «парадных» портретов редки: эти воины располагаются внутри своих боевых машин и взаимодействие с ними остаётся за пределами взгляда камеры.

Наиболее полную типическую схему «солдат — техника» можно выстроить по изображениям артиллеристов. Во время боевой работы их лиц мы практически не видим в силу кадрирования: расчёт снимается вместе с орудием, а это требует общего и дальнего плана. Вне боя, в особенности в рамках парадного портрета, отличившиеся артиллеристы располагаются фронтально к камере рядом с орудием². Позы и жесты связаны с чередой необходимых действий: наведение, зарядка орудия, подача снарядов, — всё то, что делает боец и без чего орудие не сможет совершить выстрел. Возникает эффект симбиотического единства человека и смертоносной машины, образ грозного «бога войны»³. Исключительная атрибутика снимков — орудие и необходимые для его функционирования элементы: снаряды, наблюдательные приборы и т. д.

«Солдат на отдыхе»

Для данной категории снимков характерен наибольший спектр эмоций и наибольшее разнообразие лиц, взятых в естественном живом проявлении как медиаторы позитивных эмоций. Позы солдат свободны, преобладают сидячие положения: общение на привале⁴, чтение пись-

ма или свежей прессы⁵. Разнообразны жесты: выразительная жестикуляция во время рассказа⁶, игра на аккордеоне⁷ и даже тост во время застолья⁸. В сюжетах, связанных с отпуском в тыл, часты позы и жесты объятий или поцелуев с родными после долгой разлуки⁹. Эмоции разнятся от внимательности в случае чтения прессы¹⁰ до улыбок и смеха во время рассказа сослуживца¹¹ или радости от долгожданной встречи¹². Одежда варьируется от полевой формы до парадной, а перечень атрибутов включает в себя различные предметы, которыми бойцы могут скрасить свой досуг: аккордеон, губная гармошка, газеты и т. д.

«Солдат в минуту триумфа»

Снимки, в которых солдаты демонстрируют радость победы. Это могут быть как парадные шествия через города Европы, так и победа в конкретном бою или общение с освобожденными мирными жителями. Есть два типа изображения солдат: общие планы парадных колонн, проходящих по улице европейской столицы в окружении ликующей толпы¹³, и средние или крупные планы конкретного бойца или группы бойцов¹⁴. Принцип отбора лиц здесь совпадает с категорией «парадного портрета», поскольку они преследуют одну цель — показать «идеального героя». Позы варьируются от экстатических, демонстрирующих радость победы, до свободных поз с характерной пластической динамикой праздника и наслаждения заслуженным триумфом и народной благодарностью.

Это категория снимков, наиболее богатых в жестовом отношении. Характерные жесты: салют из автоматов в воздух¹⁵, подбрасывание головных уборов¹⁶, объятия (часто — ребенок на руках солдата или женщины из числа освобожденных)¹⁷, жест воинского

⁵ Фронтальная иллюстрация. 1945. № 5. С. 11.

⁶ Фронтальная иллюстрация. 1943. № 28–29. С. 8.

⁷ Фронтальная иллюстрация. 1944. № 5–6. С. 14.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Фронтальная иллюстрация. 1944. № 16. С. 12.

¹⁰ Фронтальная иллюстрация. 1945. № 5. С. 11.

¹¹ Фронтальная иллюстрация. 1944. № 13. С. 10.

¹² Фронтальная иллюстрация. 1944. № 7. С. 6.

¹³ Фронтальная иллюстрация. 1944. № 19. Обложка;

Фронтальная иллюстрация. 1944. № 21. Обложка.

¹⁴ Фронтальная иллюстрация. 1944. № 22. С. 5;

Фронтальная иллюстрация. 1944. № 19. С. 6.

¹⁵ Фронтальная иллюстрация. 1944. № 16. Обложка.

¹⁶ Фронтальная иллюстрация. 1945. № 9–10. С. 3.

¹⁷ Фронтальная иллюстрация. 1944. № 22. С. 5

¹ Фронтальная иллюстрация. 1943. № 14. Обложка.

² Фронтальная иллюстрация. 1944. № 8. С. 4–5.

³ Фронтальная иллюстрация. 1943. № 35. С. 2; Фронтальная иллюстрация. 1944. № 5–6. С. 5; Фронтальная иллюстрация. 1944. № 11. С. 3; Фронтальная иллюстрация. 1944. № 21. С. 7.

⁴ Фронтальная иллюстрация. 1944. № 5–6. С. 14.

приветствия¹. Интенсивны естественные эмоции радости, облегчения, ликования, гордости. В числе атрибутов наиболее часто встречаются цветы, врученные благодарными мирными жителями.

«Женщина на войне»

Воины-женщины в большинстве снимков повторяют мужские позы и жесты, отличаясь только лицом. При этом заметна динамика изменений женского лица с 1943 г. до 1945 г.: маскулинный тип лица, жестов и эмоционального выражения на снимках сменяется со временем подчеркнуто женственным, девичьим. В смысловой комплекс «однопольчанина» входит составляющий элемент «подруга».

Особое место занимает санинструктор, в образе которого женские черты подчеркиваются изначально. Как типичный пример рассмотрим обложку № 13 за 1943 год². На снимке мы видим лицо девушки, не огрубевшее от тягот войны. Из-под головного убора выглядывает коса, что подчеркивает её юность. Поза (девушка сидит на земле около раненого) не напряжена, выражает заботливую мягкость. Ключевой элемент в этом кадре – это жест, каким девушка держит раненого: одна рука находится под его головой, а второй она фиксирует бинт. Это напоминает то, как мать держит младенца, и подчеркивает материнскую заботливость, которая должна быть присуща медсестрам. То же выражение свойственно лицу санитарки: тихая забота, уверенность, спокойствие, теплота.

Одежда соответствует статусу героини: военная форма, медицинская сумка. Но нетипичен здесь головной убор: форменную пилотку заменяет вязаная шапочка, открывающая часть прядей и девичью косу.

«Бывалый боец»

«Бывалый» на снимках выступает архетипическим образцом житейской мудрости и спокойствия, образцом наставника для основной массы молодых бойцов. Его лицо не старое, но отмечено складками-морщинами, знаками жизненного опыта и мудрости. Едва ли не обязательная примета «бывалого» — пышные, объёмные усы³. «Бывалый» статен, держится спокойно и уверенно, его жестикуляция умеренна и, как правило, сопровождает рассказ-поучение молодым однопольчанам⁴. Эмо-

ции сдержаны, есть в них скрытая отеческая забота и теплота. Помимо пышных усов, ещё один часто распространенный атрибут «бывалого» — папироза (варианты: самокрутка, трофейная сигарета)⁵.

Итак, на основе анализа семи главных сюжетно-тематических категорий «Фронтовой иллюстрации» (1943–1945) можно выделить устойчивое ядро идеологической модели «Тело Победы». Независимо от жанра (парад, бой, отдых, триумф), эта модель исключает любые проявления слабости, страха, пассивности или неконтролируемой эмоциональности. Её ключевые черты таковы:

1. Полный контроль бойца над своей позой и жестом;
2. Лицо бойца никогда не искажается страхом, отчаянием или гневом (в отличие от плакатного канона);
3. Одежда и атрибутика функциональны, подчинены боевому порядку, оружие, награды, знаки различия служат маркерами принадлежности к воинскому коллективу;
4. Тело всегда сохраняет готовность к действию, так что расслабленность не переходит в распушенность, а забота (например, санинструктора) не отменяет внутренней собранности;
5. Раненые, убитые, пленные или деморализованные бойцы практически отсутствуют в кадре (единичные исключения – раненый как объект помощи).

Таким образом, «Тело Победы» предстаёт физически неуязвимым и семиотически целостным, всегда в пространстве победы или движения к ней. Эти визуальные коды балансировали между функциональной необходимостью боя, демонстрацией наград и триумфальных настроений, а также аккуратно дозированной свободой существования «между боями». Сформированный канон не просто фиксировал смену военной тематики в СМИ после 1943 года, но и активно конструировал коллективную идентичность красноармейцев, превратив телесную репрезентацию в одну из устойчивых основ послевоенной культурной памяти о Великой Отечественной войне.

¹ Там же.

² Фронтовая иллюстрация. 1943. № 13. Обложка.

³ Фронтовая иллюстрация. 1943. № 25. С. 8.

⁴ Фронтовая иллюстрация. 1944. № 13. С. 10.

⁵ Фронтовая иллюстрация. 1944. № 12. С. 8.

Библиографический список

1. Гавришина, О. В. «Снимаются у фотографа»: режимы тела в советской студийной фотографии / О. В. Гавришина // Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности». — М. : НЛО, 2011. — С. 31–42.
2. Делез, Ж. Глава VIII. Кино, тело и мозг, мысль / Ж. Делез // Кино. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2004. — С. 506–547.
3. Конфедерат, О. В. Визуальный источник как комплекс историко-культурных маркеров. Информационный потенциал «телесной схемы» в игровом фильме / О. В. Конфедерат // Документальное наследие и историческая наука: материалы Урал. ист.-арх. форума, посвящ. 50-летию ист.-арх. специальности в Урал. ун-те. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2020. — С. 116–120.
4. Мейер-Фраатц, А. Военное тело в романе «Асан» Владимира Маканина / А. Мейер-Фраатц // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2016. — № 3. — С. 120–128.
5. Нанси, Ж.-Л. Corpus / Ж.-Л. Нанси. — М. : Ad Marginem, 1999. — 255 с.
6. Подорога, В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию / В. А. Подорога. — М. : Ad Marginem, 1995. — 340 с.
7. Хисямутдинова, С. Р. «Воюющее тело» в поэзии эпохи «оттепели» / С. Р. Хисметдинова // Известия Саратовского университета. Серия: «Филология. Журналистика». — 2024. — Т. 24, вып. 4. — С. 434–442.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Динамическая природа цифровой коммеморации на примере проекта September 11 Digital Archive в США

Дергачева В. Е.

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Алтайский филиал, Барнаул

В статье рассматривается проект September 11 Digital Archive как пример цифровой коммеморации трагических событий 11 сентября 2001 г. в США. Анализируется, как динамическая структура, коллективное авторство и интерактивность меняют традиционные представления исторической науки о репрезентативности, достоверности и статусе источника. Особое внимание уделяется такому парадоксу цифровых мемориалов, как стремление к постоянно актуализируемой памяти, но неизбежной инфраструктурной конечности. На примере эволюции архива — от открытой платформы сбора свидетельств до институционально закреплённого фонда Библиотеки Конгресса — демонстрируется, как память возвращается в статус «места», обретая статичность. В статье делается вывод, что техническая уязвимость и необходимость модерирования цифровых мемориальных архивов вступают в противоречие с декларируемой демократичностью такого формата, формируя новые критерии подлинности в цифровой среде.

Ключевые слова: *September 11 Digital Archive, США, 11 сентября, политика памяти, цифровая коммеморация, архив.*

Проект September 11 Digital Archive — это крупнейшее собрание цифровых материалов, связанных с трагическими событиями 11 сентября в США. Сам способ существования такого вида архивов заставляет пересмотреть базовые категории источниковедения: насколько репрезентативен и объективен такой вид исторического источника? Что делать с авторством, если оно распределено между десятками тысяч анонимных пользователей? На эти вопросы нет однозначного ответа в рамках классической исторической науки.

Архив был запущен в январе 2002 г. при финансовой поддержке Фонда Альфреда П. Слоуна, а также силами двух институций: Американского социального исторического проекта при Городском университете Нью-Йорка и Центра истории и новых медиа им. Роя Розенцвейга при Университете Джорджа Мейсона. Выбор этих двух организаций не случаен: Американский социальный проект имеет давнюю традицию работы с устной историей и низовыми движениями, а Центр истории долгое время специализируется на цифровых методах в гуманитарных науках¹.

На официальном сайте архива уточняется, что он вносит свой вклад в текущие усилия историков по записи и сохранению событий 11 сентября путем сбора и архивирования информации «из первых рук»: электронных писем, историй, фотографий, произведений искусства, а также ряда других цифровых материалов, связанных с терактами².

Целью фонда, по словам кураторов проекта, изначально являлось создание динамичной летописи событий 11 сентября 2001 г. Для этого кураторы архива впоследствии заключили партнерское соглашение с Библиотекой Конгресса США, которая в сентябре 2003 г. приняла копию September 11 Digital Archive в свои постоянные фонды. Это одновременно обеспечило долгосрочную сохранность коллекции и ознаменовало собой первое крупное цифровое приобретение в истории Библиотеки Конгресса³. Знаковость события заключалась в том, что динамический, постоянно пополняемый ресурс был поставлен на одну полку с традиционными статичными коллекциями. September 11 Digital Archive перестал быть абстрактным экспериментом и получил институциональную обоснованность.

¹ Cohen D., Safley J., Kelly M. Remembering the Creation of the September 11 Digital Archive // Roy Rosenzweig Center for History and New Media. URL: <https://rrchnm.org/news/remembering-the-creation-of-the-september-11-digital-archive/> (access date: 20.05.26).

² About the September 11 Digital Archive // The September 11 Digital Archive. URL: <https://911digitalarchive.org/about> (access date: 20.05.26).

³ Ibid.

Как вспоминает один из создателей проекта Дэн Коэн, идея родилась из более раннего опыта работы с цифровым сбором материалов в рамках проекта ЕСНО (Exploring and Collecting History Online). В первые недели после запуска команды приходилось буквально «обходить двери» и уговаривать знакомых поделиться воспоминаниями. В 2001 г. практика массового размещения личных историй в открытой онлайн-базе данных была для публики совершенно новой. Люди не понимали, зачем выставлять частные переживания на всеобщее обозрение и почему это должно быть интересно историкам и архивистам¹.

Интерактивная природа и акцент на коллективное авторство означали, что рядовые пользователи, свидетели и даже просто сочувствующие становились соархивистами. Когда архив был ещё пополняемым, порог входа был довольно низким — достаточно было электронной почты и желания рассказать свою историю. Однако, поскольку внести вклад в архив мог любой желающий, в нём неизбежно стала накапливаться информация, статус достоверности которой оставался неопределённым. Создатели архива осознанно пошли на этот риск. В разделе часто задаваемых вопросов утверждалось, что вводящая в заблуждение история всё равно полезна для исследователей, поскольку «может раскрыть некоторые личные и эмоциональные аспекты события, которые в противном случае были бы утрачены в ходе строгой процедуры проверки подлинности и оценки»². Что же делает данный источник актуальным и репрезентативным для анализа меморизации того или иного события?

Во-первых, его «распределённое авторство». Как отмечает Екатерина Хаскинс, анализируя этот архив в своём исследовании, подобная децентрализация памяти бросает вызов традиционным институтам-хранителям, которые Пьер Нора обозначал как «места памяти»³. Нора исходил из того, что современные общества утратили «живую» память и заменяют её музеями, архивами и мемориалами — материальными фиксациями. Цифровой же архив, напротив, пытается вернуть память в состояние «живого», спонтанного обмена.

Во-вторых, отличительной особенностью такого рода цифрового архива является и раз-

ноформатность контента. Коллекция архива представлена фотографиями, аудиозаписями, анимированными файлами и другими цифровыми артефактами. Это и записи голосовой почты жителей Манхэттена, сделанные в утро атаки; и рисунки детей; и фотографии мемориалов по всему миру⁴. Такое цифровое разнообразие контента создаёт эффект иммерсивности, вовлекая пользователей не в холодное созерцание, а в эмоциональное «перепроживание» события.

В-третьих, ключевым аспектом, превращающим архив в открытую систему, являлась его способность (до 2021 г.) к бесконечной актуализации. В 2011 г. проект получил грант «Спасём сокровища Америки» от Службы национальных парков и Национального фонда гуманитарных наук на обеспечение его долгосрочного хранения. Благодаря этому гранту архив был перенесён на программное обеспечение Omeka и перезапущен на более стабильной платформе. К десятому юбилею событий (2011 г.) архив собрал около 150 000 цифровых объектов⁵. Его содержание, структура и даже смысловые акценты находились в состоянии непрерывной конфигурации до момента принятия в постоянные фонды Библиотеки Конгресса. Всё, включая структуру и смысловые приоритеты, противоречило самой концепции традиционного архивного фонда с его фиксированной описью.

С помощью архива, изначально задуманного как пространство коллективного авторства и многоголосого нарратива, была реализована модель коммеморации, где фиксация события уступила место его перманентному «перепроживанию». Однако последующая история проекта обнаруживает внутреннее противоречие этой модели. Архив не остался постоянно открытой системой. Отсутствие финансирования после 2003 г. привело к фактическому застою в период с 2004 по 2011 гг. В октябре 2021 г. портал для новых поступлений был окончательно закрыт⁶. Почти двадцать лет архив принимал материалы, но крайне неравномерно. Пик пришёлся на первые годы и на юбилейные даты, а в промежутках архив существовал скорее как информационный склад, чем как «живая» сре-

¹ Cohen D., Safley J., Kelly M. Op. cit.

² About the September 11 Digital Archive // The September 11 Digital Archive. URL: <https://911digitalarchive.org/about> (access date: 20.05.26).

³ Haskins E. V. Popular Memories: Commemoration, Participatory Culture, and Democratic Citizenship. Columbia, 2015. P. 44.

⁴ Collections // The September 11 Digital Archive. URL: <https://911digitalarchive.org/collection-tree> (access date: 19.04.26).

⁵ The September 11 Digital Archive. URL: <https://911digitalarchive.org/> (access date: 27.05.26).

⁶ After 20 Years, Archive Closes to New Contributions // The September 11 Digital Archive. URL: <https://911digitalarchive.org/news/> (access date: 19.05.26).

да. В официальном объявлении на сайте архива от 23 августа 2021 г. о переводе архива в статичный формат формулировка была следующей: «Двадцать лет – значительный срок, ведь сегодня есть студенты, которые даже не родились в 2001 г. Мы считаем, что пришло время превратить этот проект из активного сборщика материалов в архив для изучения и осмысления»¹.

Динамическая природа цифровой коммеморации, таким образом, оказалась ограниченной во времени: она существует лишь до тех пор, пока поддерживается инфраструктурно и институционально. Как только проект перестает быть «активным», он застывает, превращаясь в свой антипод – в статичный, хотя и полицентричный, архивный фонд. Стремление к перманентной актуальности при неизбежной технической и организационной конечности присуще не только

¹ Ibid.

проекту September 11 Digital Archive, а является общей чертой «цифровых мемориалов» в принципе.

Используя цифровые формы коммеморации в качестве источников исследования, необходимо учитывать не только контентное наполнение, но и процедурную сторону: логику модерации, режимы доступа, технические сбои и циклы финансирования. Такие формы коммеморации репрезентативны в большей степени в качестве анализа общественного отклика, чем в качестве самостоятельного вида исторических источников, так как степень достоверности тех или иных материалов имеет высокий уровень субъективности. Пример September 11 Digital Archive ценен не как пример вечно длящейся памяти, а как свидетельство того, как память пыталась стать процессом и почему в конечном счете вернулась к статусу места.

Библиографический список

1. About the September 11 Digital Archive // The September 11 Digital Archive. — URL: <https://911digitalarchive.org/about> (access date: 20.05.2026).
2. After 20 Years, Archive Closes to New Contributions // The September 11 Digital Archive. — URL: <https://911digitalarchive.org/news/> (access date: 19.05.2026).
3. Cohen, D. Remembering the Creation of the September 11 Digital Archive / D. Cohen, J. Safley, M. Kelly // Roy Rosenzweig Center for History and New Media. — URL: <https://rrchnm.org/news/remembering-the-creation-of-the-september-11-digital-archive/> (access date: 20.05.2026).
4. Haskins, E. V. Popular Memories: Commemoration, Participatory Culture, and Democratic Citizenship / E. V. Haskins. — Columbia : The University of South Carolina Press, 2015. — 188 p.

«Крестьянская генеалогия» и изучение повседневных практик «недворянского населения» сквозь призму семейной истории: анализ историографии и современных социальных практик

Кунц И. В.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Назыров П. Ф. (ЧелГУ)

В ходе исследования были выделены основные этапы становления отечественной «крестьянской генеалогии» как направления исторической науки и социально ориентированных практик, вовлеченности в них государственных учреждений и общественности. Дана характеристика каждого из этапов и обозначено современное состояние «крестьянской генеалогии».

Ключевые слова: *крестьянская генеалогия, историография, современные социальные практики, общества генеалогов, генеалогия и архивы.*

В последнее время наблюдается ярко выраженный массовый интерес к местной и семейно-родовой истории. В публикации и пропаганде генеалогических источников участвуют как государственные архивы, так и широкие круги научной и краеведческой общественности. Среди других направлений большое развитие получила и «крестьянская генеалогия» — направление генеалогии, изучающее происхождение и историю недворянских родов. Её становление можно разделить на три хронологических этапа: дореволюционный, советский и постсоветский.

До 1917 г. публикации, касающиеся крестьянской генеалогии, были единичными и эпизодическими, значительно уступая дворянской генеалогии¹. Из значимых публикаций можно отметить труд Н. Н. Кашкина², который опубликовал записи о ряде крестьянских семей Козельского уезда за 100 лет; Д. Ф. Кобенко, который в 1909 г. опубликовал работу о дворянах Строгановых, но коснулся их крестьянского происхождения³; а также вклад самого Л. М. Савелова, давшего довольно подробное определение генеалогии. Среди известных лиц крестьянского происхождения, интересовавших людей того времени, можно выделить Ивана Сусанина, чья родословная, включая предков и потомков, была опубликована в трудах Н. Виноградова (1912 г.) и Б. Никонова (1913 г.)⁴, однако эти работы были представлены в контексте празднования 300-летия Дома Романовых. Генеалог дореволюционной России и один из основателей Историко-родословного общества

в Москве Л. М. Савелов давал два определения термину «генеалогия», включавших в себя изучение не только дворянских родов: 1) «генеалогия есть построенное на достоверных документах и других источниках доказательство родства, существующего между лицами, имеющими общего родоначальника или потомка, независимо от общественного положения этих лиц»⁵; 2) «генеалогия есть история того или иного рода во всех проявлениях жизни его представителей, как общественной, так и семейной»⁶. В этот период закладываются основы деления основных видов источников в генеалогии на источники генеалогической информации (устанавливающей родство) и биографической информации (содержащей данные о жизни и деятельности одного конкретного лица в роду).

В советский период историк А. М. Большаков вел работы по разграничению научной и практической генеалогии, отмечая, что после Октябрьской революции 1917 года последняя «умерла»⁷. Также стоит отметить, что его определение генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины делало её составной частью исторического исследования: по его словам, «задача науки генеалогии состоит, с одной стороны, в выявлении происхождения индивидов в преемственной их последовательности одного от другого и объединении их в семью, поколение и единый род; с другой стороны — в установлении влияния

¹ Ковалева С. С. Историографический обзор русской крестьянской генеалогии // Вестник РГГУ. 2018. № 4 (37). С. 82.

² Там же.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте преподавателем Института Л. М. Савеловым. М., 1908. С. 21.

⁶ Там же.

⁷ Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе // Вспомогательные исторические дисциплины. 1976. Т. VII. С. 44.

этого рода и его звеньев на общий ход исторического процесса народа или на отдельные моменты его исторической жизни»¹.

Историк С. Б. Веселовский, несмотря на то что в основу его научных трудов легли проблемы русского феодализма, отмечал, что генеалогия занимается не только историей родовитых людей, но и в целом вопросами родственных отношений лиц². В том числе им была признана необходимость генеалогии при изучении истории «крестьянского населения какого-нибудь района»³. Сходное мнение с С. Б. Веселовским имел А. И. Гуковский, считавший, что задачи генеалогии в изучении «массовых явлений в жизни строителей коммунизма» обеспечат исторической науке еще один источник для глубоких социальных обобщений⁴. Тем не менее, по мнению С. С. Ковалевой, период до 1950-х годов можно назвать мертвым для крестьянской генеалогии⁵. Историк А. А. Зимин также отмечал, что генеалогия призвана изучать историю семей различного социального происхождения⁶. В. Б. Кобрин давал следующее определение: «Генеалогия — историческая дисциплина, занимающаяся изучением и составлением родословных, выяснением происхождения отдельных родов, семей и лиц и выявлением их родственных связей в тесном единстве с установлением основных биографических фактов и данных о деятельности, социальном статусе и собственности этих лиц»⁷.

В 1988 г. в РГГУ состоялась научная конференция по генеалогии, где рассматривались проблемы генеалогии различных социальных слоев России, в том числе и крестьян. Эта конференция стала первым за много десятилетий научным событием, связанным с возвращением генеалогии ее заслуженного места в кругу исторических наук и собравшим почти всех видных специалистов страны в этой области и молодых ученых⁸.

¹ Цит. по: Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе... С. 43–44.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же.

⁵ Ковалева С. С. Историографический обзор русской крестьянской генеалогии... С. 83.

⁶ Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе... С. 46.

⁷ Кобрин В. Б. Перспективы развития генеалогических исследований // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 25–26.

⁸ Ковалева С. С. Историографический обзор русской крестьянской генеалогии... С. 84.

В 1989 г. в Екатеринбурге была прочитана лекция В. Я. Комарского на собрании общества русской культуры «Отечество». На ней демонстрировались 12 генеалогических схем и таблиц, в том числе семьи крестьян Кормаских из Курганской области⁹.

С конца 1980-х — начала 1990-х гг. начинают активно функционировать сообщества генеалогов в регионах. Говоря об общественном значении генеалогии, советский и российский историк О. М. Медушевская приводила три стороны данного явления¹⁰:

1) рост запроса людей на генеалогическую информацию, начавшийся в постсоветский период;

2) степень готовности государственной архивной службы ответить на этот запрос представлением необходимой генеалогической информации через архивы и создание на их базах соответствующих поисковых систем;

3) уровень образования и профессионализм исследователей, необходимый для качественно-го научного сопровождения этой деятельности и развенчания различных псевдонаучных конструкций и мифов.

Тем самым отмечается и тот факт, что интерес к генеалогии как вспомогательной исторической дисциплине вышел за пределы академической науки, привлекая все большее внимание современного общества. В академической науке её применение позволяет перейти от простой фиксации фактов родства или свойства к системному исследованию стратегий, практик и ресурсов, которые актуализируются через матримониальные связи и воссоздание круга общения.

На Южном Урале «крестьянская генеалогия» получила свое развитие в начале 1990-х гг., когда стали появляться общественные организации, связанные с генеалогией. В 1992 г. в Челябинске В. Л. Бухаров, А. Н. Онучин, И. В. Купцов и Г. Е. Редькин основали Южно-Уральское отделение Пермской ассоциации генеалогов-любителей в Челябинской областной универсальной научной библиотеке (ЧОУНБ)¹¹. Позже

⁹ Коновалов Ю. В. История генеалогии // Школа краеведческой генеалогии: учебно-методическое пособие для начинающих родоведов. М.-Екатеринбург, 2018. С. 24.

¹⁰ Сабенникова И. В. Генеалогия в системе современного знания: теория и методология когнитивной истории О. М. Медушевской // Вестник РУДН. 2024. № 2. С. 250.

¹¹ Бухаров В. Л. Начни делать дело, и оно тебя поведет: родоведение в Каслинском районе Челябинской области // Генеалогия и архивы. Кн. 1. Челябинск, 2025. С. 26.

отделение было преобразовано в независимую Южно-Уральскую ассоциацию генеалогов-любителей, поскольку первоначальная Ассоциация генеалогов-любителей, по мнению уральского генеалога Ю. В. Коновалова, оказалась нежизнеспособной структурой¹. В нынешнем виде ассоциация функционирует как клуб генеалогов Челябинска и Челябинской области при ЧОУНБ, собрания которого проходят по последним субботам февраля, мая, августа и ноября. В 2015 г. было учреждено Челябинское отделение Уральского историко-родословного общества, которое содействует развитию генеалогии как научной дисциплины и как отрасли практического знания. Отделение традиционно выступает соорганизатором различного рода мероприятий, лекториев, конференций по генеалогии вместе с такими государственными учреждениями, как ЧОУНБ, Центральная библиотека им. А. С. Пушкина г. Челябинска, ОГАЧО и т. д.; также им с 2025 г. самостоятельно проводится форум «Казачество. Династии. Южный Урал» (I форум — пос. Петровский Красноармейского муниципального округа, 19 апреля 2025 г.; II форум — пос. Сосновка, гор. Челябинск, 18 апреля 2026 г.).

Важно отметить статью И. И. Вишева, которая вышла в газете «Хроника» 25 августа 1994 г.² Во многом именно эту статью можно считать теоретическим осмыслением важности сотрудничества архива и генеалогов — любителей и профессионалов — на Южном Урале. Автором отмечались следующие обстоятельства развития генеалогии: 1) история семьи, история рода, города или села — это составная часть истории науки, истории страны; 2) формирование в стране новых объединений на основе общего происхождения — потомков российского дворянства, казачества, купечества и т. д.; 3) значительная миграция населения, начавшаяся в 1930-е гг.

21 сентября 2019 г. в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО) состоялась региональная научно-практическая конференция «Генеалогия и архивы». Ее организаторами стали Государственный комитет по делам архивов Челябинской области, Объединенный государственный архив Челябинской области, Южно-Уральская ассоциация генеалогов-любителей, Челябинское отделение Ураль-

ского историко-родословного общества³. Целью конференции стало создание условий для популяризации генеалогии, публикации результатов исследований, обмена мнениями по проблемным вопросам организации генеалогических исследований. Подобные мероприятия демонстрируют сотрудничество органов государственной власти, архивов и общественности в популяризации генеалогии и продвижение ее в массы. С 2021 г. конференция приобрела всероссийский характер, привлекая исследователей со всей страны с разными научными интересами. К началу 2026 г. было проведено семь конференций. Важно отметить, что значительную массу публикующихся составляют не ученые-историки или архивисты, а именно представители общественности, краеведы-любители и генеалоги. Сам архив помимо конференций ведет активную работу по популяризации генеалогии — от памяток до целых сервисов и баз данных («Документальное наследие Южного Урала XVII–XVIII вв.», «Генеалогические источники в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области» и т. д.).

Также генеалогия активно внедряется в школы: учащихся привлекают к участию в конференциях, форумах, конкурсах, акциях, уроках, проектах и т. д.⁴ Ученики школ города имеют возможность свободно посещать экскурсии, организованные сотрудниками архива, и работать под началом учителей с документами. Итогом такой деятельности становятся работы, поднимающие малоизвестные темы, открывающие неожиданные виды источников, фиксирующие новые факты из жизни родного края⁵, а в 2025 г. в рамках курса «История нашего края» в учебное пособие для 5 класса была введена тема по генеалогии⁶.

К 2020-м гг. генеалогия утвердилась как самостоятельный метод критического изучения прошлого. Появление «крестьянской генеалогии»

³ Антипин Н. А. Объединенный государственный архив Челябинской области и генеалогия: опыт и перспективы // Генеалогия и архивы. Челябинск, 2020. С. 16.

⁴ Киприянова Е. В., Якуба Е. П. Концепт «Школа — Дом» и образовательный проект «Род. Родина. Родословная» как продуктивные сценарии воспитания гражданской идентичности школьников // Генеалогия и архивы. Кн. 1. Челябинск, 2025. С. 61.

⁵ Салмина М. С. Архив и школа: из опыта взаимодействия // Архив как источник исторической памяти народа. Челябинск, 2016. С. 164–165.

⁶ Захарова Е. Ю. и др. История нашего края. Южный Урал в древности и средневековье: учебное пособие 5 класс. Челябинск, 2025. С. 28–31.

¹ Коновалов Ю. В. История генеалогии... С. 25.

² Рохацевич Е. Игорь Вишев: так начинались генеалогические поиски // Объединенный государственный архив Челябинской области. URL: <https://archive74.ru/news/igor-vishev-tak-nachinalis-genealogicheskie-poiski> (дата обращения: 26.06.2026).

демонстрирует методологический поворот от изучения исключительно родов элиты к исследованию социальных практик «недворянского» большинства и влияния их на развитие тех или иных родов.

Библиографический список

1. Антипин, Н. А. Объединенный государственный архив Челябинской области и генеалогия: опыт и перспективы / Н. А. Антипин // Генеалогия и архивы. — Челябинск : Объединенный гос. архив Челябинской области, 2020. — С. 8–19.
2. Бухаров, В. Л. Начни делать дело, и оно тебя поведет: родоведение в Каслинском районе Челябинской области / В. Л. Бухаров // Генеалогия и архивы: в 2 кн. Кн. 1. — Челябинск : Объединенный гос. архив Челябинской области, 2025. — С. 25–30.
3. Бычкова, М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе / М. Е. Бычкова // Вспомогательные исторические дисциплины. — 1976. — Т. VII. — С. 43–56.
4. Захарова, Е. Ю. История нашего края. Южный Урал в древности и средневековье: учебное пособие 5 класс / сост., авт. метод. аппарата Е. Ю. Захарова; ред. А. В. Епимахов, В. М. Кузнецов (отв. ред.), А. В. Шмидт. — Челябинск : Край Ра, 2025. — 108 с.
5. Киприянова, Е. В. Концепт «Школа — Дом» и образовательный проект «Род. Родина. Родословная» как продуктивные сценарии воспитания гражданской идентичности школьников / Е. В. Киприянова, Е. П. Якуба // Генеалогия и архивы: в 2 книгах. — Кн. 1. — Челябинск : Объединенный гос. архив Челябинской области, 2025. — С. 54–63.
6. Кобрин, В. Б. Перспективы развития генеалогических исследований / В. Б. Кобрин // Генеалогические исследования. — М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 1994. — С. 25–26.
7. Ковалева, С. С. Историографический обзор русской крестьянской генеалогии / С. С. Ковалева // Вестник РГГУ. — 2018. — № 4 (37). — С. 81–89.
8. Коновалов, Ю. В. История генеалогии / Ю. В. Коновалов // Школа краеведческой генеалогии: учебно-методическое пособие для начинающих родоведов. — М.-Екатеринбург, 2018. — С. 10–27.
9. Рохацевич, Е. Игорь Вишев: так начинались генеалогические поиски / Е. Рохацевич // Объединенный государственный архив Челябинской области. URL: <https://archive74.ru/news/igor-vishevtak-nachinalis-genealogicheskie-poiski> (дата обращения: 26.06.2026).
10. Сабенникова, И. В. Генеалогия в системе современного знания: теория и методология когнитивной истории О. М. Медушевской / И. В. Сабенникова // Вестник РУДН. — 2024. — № 2. — С. 244–252.
11. Савелов, Л. М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте преподавателем Института Л. М. Савеловым / Л. М. Савелов. — М. : Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1908. — 157 с.
12. Салмина, М. С. Архив и школа: из опыта взаимодействия / М. С. Салмина // Архив как источник исторической памяти народа. — Челябинск: Челябинский гос. ин-т культуры, 2016. — С. 162–168.

Terra incognita — Челябинский элеватор: символ аграрного величия в пространстве забвения и пустоты?

Лешукова М. С.

*Тюменский государственный университет, Тюмень,
городской исследователь, ООО «Брусника»*

Научный руководитель: Топорова В. А. (УрФУ)

Исследовательский вопрос о восприятии горожанами и экспертным сообществом заброшенного элеватора Государственного банка раскрывается на материалах интернет-порталов и полевого антропологического исследования. Режимы восприятия горожан различаются: от равнодушия или страха до боязни утраты. Незначительная часть горожан считает ценность объекта ввиду необычности архитектуры и атмосферы места, при этом не зная его истории и легенд. На ментальных картах элеватор присутствует как ориентир, а сама территория вызывает уныние и беспокойство. Экспертное сообщество архитекторов и историков артикулирует ценность через исторический контекст и уникальность технологии и стиля здания. СМИ создают маргинальный образ элеватора, определяя его через состояние заброшенности.

Ключевые слова: *Челябинск, элеватор, память места, городская антропология.*

Доминирование в публичном поле дискурса о Челябинске как мощном индустриальном центре способствует вытеснению из коллективной памяти сюжетов, связанных с дореволюционным периодом развития города. Челябинский элеватор Государственного банка, некогда символизировавший успех аграрного сектора, оказывается невидимым в контексте официальной политики памяти. В 2025 г. район у элеватора попал в программу комплексного развития территорий (КРТ), что актуализирует изучение его истории и восприятия места жителями и экспертным сообществом.

Челябинский элеватор еще не был изучен в контексте истории памяти и методологии городских исследований. Однако удалось выявить небольшое количество исследований, посвященных истории его создания и особенностям архитектуры. В энциклопедии «Челябинск» кратко описывается история и контекст создания элеватора¹. Ю. В. Латышев и Г. Х. Самигулов дают краткую справку об объекте и его состоянии². В статье Н. М. Шабалиной и Е. В. Главинской здание элеватора анализируется с точки зрения световой архитектуры, отмечается применение актуальных для того времени приемов³. И. Е. Си-

ницына описывает конструктивные особенности здания и делает вывод о его высокой ценности⁴.

Гипотеза исследования заключалась в том, что руинированное состояние элеватора формирует исключительно негативное восприятие горожан, которые не считают его ценность и не испытывают эмоциональной привязанности к объекту. Цель исследования — охарактеризовать образ челябинского элеватора в сознании горожан и местного экспертного сообщества.

Задачи исследования: 1) проанализировать локальный текст на основе новостных статей; 2) изучить ментальные карты горожан для оценки когнитивной видимости элеватора и восприятия окружающей его промышленной зоны; 3) исследовать отношение горожан и профессионального сообщества к объекту с помощью серии глубинных полуструктурированных и экспресс-интервью.

Элеватор рассматривается как «место памяти»⁵, которое изменило своё символическое значение в восприятии горожан. Также район у элеватора, который перестал функционировать во второй половине 1990-х гг., можно рассматривать как пространство «пустоты». Согласно концепции Д. Дзеновска, пустота воспринимается как особая форма существования территорий, которые лишились своей функции, в том числе в ходе деиндустриализации, в период после распада

¹ Боже В. С. Элеватор // Челябинск: энциклопедия. Челябинск, 2001.

² Латышев Ю. В., Самигулов Г. Х. Здания Челябинска периода 1901–1917 годов // Гороховские чтения : материалы восьмой региональной музейной конференции. Челябинск, 2017. С. 303–312.

³ Шабалина Н. М., Главинская Е. В. Эволюция дизайна света в промышленной архитектуре // Материалы научной конференции «Искусство света: дизайн, архитектура, художественное и проектное творчество». М., 2019. С. 169–178.

⁴ Синицына И. Е. Модерн в архитектуре Челябинска: Челябинский элеватор // Природное и культурное наследие Урала : материалы IX всероссийской научно-практической конференции. Челябинск, 2018. С. 114–116.

⁵ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

Советского Союза. При этом утверждается, что места, которые кажутся пустыми, на самом деле не являются таковыми. Они живут в воспоминаниях и приобретают новые практики использования¹.

В исследовании применялись методы городской антропологии. Так, было взято 20 экспресс-интервью у пользователей и жителей территории; собрано 10 ментальных карт; проведено пять экспертных интервью с архитекторами, историками и два глубинных интервью с горожанами. Также были проанализированы материалы городских СМИ в период с 2000-х по 2020-е гг.

Эlevator как промышленный объект существует в памяти небольшой группы населения — старожилов территории, которая постепенно уходит, не оставляя письменных воспоминаний: «А вот у нас... три года в феврале — подо мной жила Татьяна Михайловна. Она была замдиректора элеватора, ей 93 было. Легенда была. И уже никого не осталось. Руководители жили в моём подъезде — уже ни одного нет. Юрий Иванович тоже умер»². Показательно и состояние Мемориала работникам Челябинского элеватора, погибшим в годы Великой Отечественной войны: «Посмотрите, там стоят такие... как памятник, выбитый. Сколько людей погибло — никто не придёт, не помост никогда. Когда Татьяна Михайловна живая была — мы с ней нальём водички, она посидит, а я помою. Больше никто не приходил. А сейчас всё загадили»³.

Воспоминания жителей в основном носят поверхностный характер. Некоторые из них содержат сюжеты маргинальных практик: «Из своего опыта скажу: зерно воровали. ГАЗ-51 с зерном поворачивал возле бани к элеватору — мужики запрыгивали в кузов, черпали зерно»⁴. Также иногда в семейной памяти некоторых людей фигурирует образ элеватора как «места для разборок, известного, потому что там слышимость очень хорошая внутри, очень плохая снаружи, грубо говоря»⁵. Другие воспоминания связаны с морфологией застройки и ее изменениями, функцией территории: «Тогда, когда я был молодой, эlevator работал: привозили зерно, урожай привозили. То есть вместо гаражей раньше

были склады»⁶; «Здесь была лаборатория зерна, а здесь проходная на эlevator. Раньше было: отработаем, пятницу — и в парк гулять, и хорошо было, тишина. А сейчас тишины нет»⁷. С утратой эlevatorом своей рабочей функции изменились и практики использования территории на более маргинальные: «Ну, бывает: залетают детишки, начинают лазить. Бывают нюансы: кто-то ночью придет, присматривается — что-нибудь украсть... Да, лезут. Всё равно лезут, хотя уже падали — руки, ноги ломали. Я сегодня вот гонял их»⁸; «Мы приехали где-то часов в 12 ночи, наверное, на объект. Ждали, когда, получается, там же есть несколько караулов. И когда менялся караул, как раз-таки в момент, когда охрана одна уходила, другая должна была приехать, мы поехали, точнее, зашли туда... В сам эlevator мы не смогли попасть, но именно под ним, где мы были, там есть какие-то типа катакомбы, я так понял, потому что там вроде как бы бомбоубежище, и вот там есть... Как называется, подвальные помещения? Но там ничего интересного, в основном граффити, мусор и так далее»⁹.

Экспертное сообщество, безусловно, воспринимает эlevator ценным объектом, обращая внимание на особенности архитектуры и истории: «У нас вообще мало промышленной архитектуры в стиле модерн, которая бы сохранилась»¹⁰; «Это бетон, и для того времени, хотя вот это уже была освоенная технология, но для Челябинска это была редкая технология»¹¹; «Это вот прямое подтверждение той истории [про тарифный перелом]»¹². С реставрацией и ревитализацией связаны надежды на актуализацию сюжетов об аграрном успехе дореволюционного периода: «Актуализация такого объекта, как эlevator, неминуемо раскрасит эту историю Танкограда, добавит к ней красок, ещё сюжетов». При этом в экспертном сообществе распространено мнение, что горожане не осознают ценности элеватора. Однако это не совсем соответствует действительности.

Горожане интуитивно считают ценность архитектуры, так как эlevator можно назвать доминантой сложившейся промзоны: «а эlevator

¹ Dzenovska D., Martin D., Artiukh V. The place and space of emptiness: An experiment in collaborative ethnographic comparison // *Journal of Ethnographic Theory*, 2025. P. 129–145.

² Интервью № 1. Личный архив автора.

³ Там же.

⁴ Интервью № 2. Личный архив автора.

⁵ Интервью № 3. Личный архив автора.

⁶ Интервью № 4. Личный архив автора.

⁷ Интервью № 1. Личный архив автора.

⁸ Интервью № 5. Личный архив автора.

⁹ Интервью № 4. Личный архив автора.

¹⁰ Экспертное интервью с архитектором, членом Союза архитекторов России. Личный архив автора.

¹¹ Экспертное интервью с историком, кандидатом исторических наук. Личный архив автора.

¹² Экспертное интервью с историком, сотрудником ЦИКН. Личный архив автора.

всегда притягивает. Это как старинные здания в старом городе, которые несут какую-то тайну»¹; «своя прелесть в этих руинках тоже есть»²; «из красивого здесь — элеватор, старый, больше ста лет. Я периодически иду мимо и думаю: «боже мой, бедный, разваливается, там уже деревья обросли»³. Они не упоминают историю места и не знают легенд, связанных с элеватором: «и мы видели в этом тоже только заброшку без каких-то дополнительных контекстов. Это просто большое серое здание, старое, прикольное». Запрос на сохранение в этом случае можно считать реакцией на уникальность облика и атмосферы.

Режимы восприятия элеватора варьируются от чувства утраты до ощущения опасности или безразличия: «старинных зданий у нас не так много... то подпалят, то снесут под видом реставрации. Когда ещё что-то исчезает — очень жалко»⁴; «с самого детства как будто был пропитан вот этой его историей тёмной... она всегда вызывала какие-то такие прямо жуткие эмоции... я прям стараюсь сторониться элеватора, потому что место сейчас далеко не самое безопасное»⁵; «честно говоря, отношение нейтральное. Здание мрачноватое, пугающее. Раз признали памятником — пусть стоит»⁶.

На ментальных картах горожан элеватор почти всегда присутствует как ориентир, лишь в одном случае из десяти он никак не обозначен⁷. Половина респондентов попыталась изобразить его форму, что выделяет объект по сравнению с другими. Лишь в одном случае элеватор нарисован непропорционально большим и подписан как «символ города». На остальных четырех картах указывается надпись «элеватор», но он обозначен

теми же знаками, как и заброшенные или недостроенные здания. Сама территория вокруг элеватора обозначается темными цветами или вовсе элеватор прорисован в пустоте, трассировка улиц никак не обозначается. Район характеризуется как труднодоступный, вызывает уныние.

В локальном тексте СМИ в контексте элеватора доминирует дискурс упадка⁸. В медиаполе он определяется в первую очередь через состояние заброшенности и опасности как «зона отчуждения», «привет из 90-х», «жуткий элеватор», «одно из самых жутких зданий России». При этом здание признается привлекательным ввиду особенностей архитектуры. Объект ассоциируется с опасностью, пожаром и мрачными тайнами. Публикации 2000-х гг. определяют элеватор как место сбора готов. Пик публикаций приходится на 2015 г., когда в здании произошел пожар⁹. В целом элеватор не присутствует в медиаполе на постоянной основе.

Таким образом, память об элеваторе, его истории и значении для региона стирается. Это объясняется как руинированным и заброшенным состоянием самого объекта, так и тем, что поколение людей, заставших его работающим, постепенно уходит, не оставляя источников для реконструкции истории места. В современном медиаполе и повседневности элеватор утрачивает статус символа и объекта наследия. Вместо этого СМИ формируют маргинальный, мистичный и опасный образ. Экспертное сообщество историков и архитекторов определяет ценность объекта ввиду контекста его создания, особенностей стиля и материала. Горожане тоже считают ценность, однако это реакция на необычную архитектуру и мистическую атмосферу, которую в их воображении создает текущий облик здания. На ментальных картах он служит лишь визуальным ориентиром, вызывающим уныние, страх или беспокойство. Элеватор вырван из городского контекста и выключен из социальной ткани района.

⁸ На основе анализа материалов интернет-порталов 74.RU, Наш Челябинск, Ural Press, Полит74.

⁹ На основе анализа материалов интернет-порталов 74.RU, Наш Челябинск, Ural Press, Полит74.

Библиографический список

1. Боже, В. С. Элеватор / В. С. Боже // Челябинск: энциклопедия. — Челябинск, 2001.
2. Латышев, Ю. В. Здания Челябинска периода 1901–1917 годов / Ю. В. Латышев, Г. Х. Самигулов // Гороховские чтения : материалы восьмой региональной музейной конференции. — Челябинск : Гос. ист. музей Южного Урала, 2017. — С. 303–312.
3. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция — память. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999. — С. 17–50.

4. Синицына, И. Е. Модерн в архитектуре Челябинска: Челябинский элеватор / И. Е. Синицына // Природное и культурное наследие Урала. Материалы IX всероссийской научно-практической конференции. — Челябинск : Челябинский гос. ин-т культуры, 2018. — С. 114–116.
5. Шабалина, Н. М. Эволюция дизайна света в промышленной архитектуре / Н. М. Шабалина, Е. В. Главинская // Материалы научной конференции «Искусство света: дизайн, архитектура, художественное и проектное творчество». — М. : Московская гос. художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова, 2019. — С. 169–178.
6. Dzenovska, D. The place and space of emptiness: An experiment in collaborative ethnographic comparison / D. Dzenovska, D. Martin, V. Artiukh // *Hau Journal of Ethnographic Theory*. — 2025. — P. 129–145.

Химическая промышленность России в конце XIX — начале XX вв. (по воспоминаниям Владимира Николаевича Ипатьева)

Булдакова Д. Д.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
историко-политологический факультет, Пермь*

Научный руководитель: Кирьянов И. К. (ПГНИУ)

Статья посвящена изучению состояния химической промышленности России от периода политики «насаждения промышленности» С. Ю. Витте до окончания Первой мировой войны. В работе анализируются воспоминания В. Н. Ипатьева — одного из главных акторов развития химической отрасли исследуемого периода.

Ключевые слова: В. Н. Ипатьев, химическая промышленность, история России, воспоминания.

Актуальность темы заключается в изучении развития химической промышленности России в конце XIX — начале XX вв. сквозь призму личного восприятия событий одним из главных акторов исследуемого периода, возглавлявшего Химический комитет при Главном артиллерийском управлении, что позволяет составить более полную картину экономической истории поздней имперской России, включая систему государственного регулирования периода Первой мировой войны. Цель исследования — проследить изменения в состоянии химической промышленности России в интерпретации В. Н. Ипатьева, основываясь на его воспоминаниях¹.

Использование историко-антропологического подхода позволяет акцентировать внимание на личном восприятии В. Н. Ипатьевым состояния химической промышленности.

Изменения в экономике начинаются в период министерства С. Ю. Витте. Проводимая в это время политика «насаждения промышленности» затронула в том числе и химический сектор. Привлечение иностранного капитала позволяло развивать предприятия не только благодаря финансированию, но и взаимодействию с зарубежными коллегами, перенимая их опыт и технологии. Многие предприятия химической отрасли были частными и активно сотрудничали с иностранными фирмами.

В этот же период В. Н. Ипатьев после защиты диссертации в 1895 г. был командирован на Урал с целью ознакомления с состоянием

современной отечественной химической промышленности. Данная рабочая поездка длилась около двух месяцев, и за это время Ипатьев посетил более 20 заводов. В период своей командировки он объехал весь Урал, проделал путь с юга на север, конечным пунктом его путешествия стал Челябинск (рис. 1). Командировка позволила Владимиру Николаевичу еще задолго до Первой мировой войны познакомиться с возможностями химических предприятий Урала, которые в военное время сыграют немаловажную роль в деле работы на оборону.

В предвоенные годы (1912–1914 гг.) Ипатьев неоднократно выступал в качестве консультанта у многих компаний, которые были заинтересованы в улучшении производительности своих предприятий путем внедрения современных технологий на производствах. Такими клиентами были, например, самая крупная нефтяная фирма братьев Нобель, а также общество «Салолин»².

По оценке Ипатьева, химическая промышленность России перед войной находилась в зачаточном состоянии. Владимир Николаевич объясняет это отсутствием органа власти, который бы направлял развитие отраслей промышленности исходя из потребностей государства, и отсутствием данных о состоянии химической промышленности и ее производственных возможностях³.

В 1897 г. в России работали 769 заводов, относящихся к химической отрасли, выпускавших

¹ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика: Воспоминания. Т. 1: 1867–1917 гг. Нью-Йорк, 1945. 560 с.

² Там же. С. 381, 382.

³ Там же. С. 420, 421.

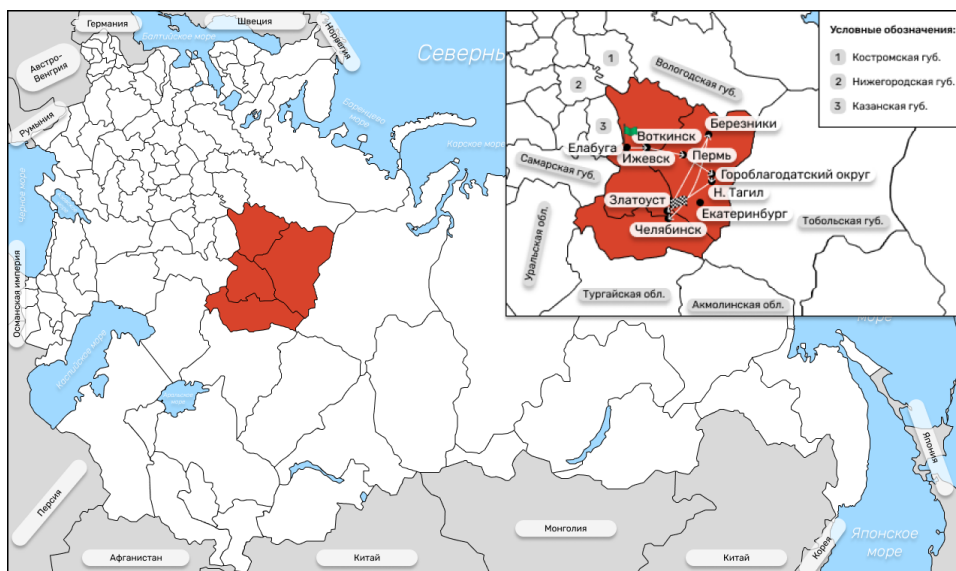

Рис. 1. Маршрут командировки В. Н. Ипатьева на заводы Урала после защиты диссертации в 1895 г.

продукцию почти на 60 млн рублей¹. В 1913 г. доля химической промышленности в общем объеме промышленного производства в России составила менее 3 %². Сырьевой химический запас страны был практически не освоен, в связи с чем многие вещества были привозными. Красители и калийные соли поставлялись из Германии, сера — из Италии, селитра — из Чили, колчедан — из Испании, фосфориты — из Марокко. В России же привозные товары перерабатывали в необходимую продукцию. Некоторые из отраслей химической промышленности находились в зачаточном состоянии и были скорее промыслами.

Перед войной большая часть химических заводов страны находилась в ее европейской части: в Петербурге и Москве, Польше и Прибалтике, а также в городах-портах, куда доставляли импортную продукцию. По объему выпуска химической продукции Россия значительно уступала своим будущим как союзникам, так и противникам³.

Многие исследователи отмечают, что проблема «снарядного голода» начального периода войны напрямую связана с неразвитостью химической промышленности, а именно с зависимостью от импорта, в особенности таких веществ, как серная и азотная кислоты, необходимых для

производства взрывчатых веществ, в том числе пороха. С началом военных действий Россия лишилась своего главного поставщика химической продукции — Германии, а в связи с «Великим отступлением» русской армии стало невозможным и производство на предприятиях в Польше. С целью вывода промышленности из кризиса были реорганизованы коксобензолные заводы на Донбассе, а также построены новые заводы в Нижнем Новгороде, на Урале, в Перми⁴.

Эту же проблему — зависимости России от импорта различных веществ — отмечает и Владимир Николаевич. С началом войны химическая промышленность оказалась в кризисном состоянии, так как была лишена толуола — основного компонента при производстве тротила⁵. Невозможность производства тротила Владимир Николаевич объясняет тем, что сырой бензол, из которого фракционной перегонкой получают метилбензол, в довоенное время поставлялся из Германии⁶. С целью налаживания производства отечественных бензола и толуола Владимир Николаевич с коллегами был командирован на Донбасс, где в течение месяца инспектировал заводы и пришел к выводу, что заводы юга России могут в кратчайшие сроки начать поставлять необходимые вещества⁷.

Непосредственно налаживание производства данных веществ на отечественных заводах началось только в 1915 г., так как комиссия по заготовке взрывчатых веществ была утверждена

¹ Лукьянов П. М. Краткая история химической промышленности СССР. От возникновения химической промышленности в России до наших дней. М., 1959. С. 166.

² Там же. С. 205.

³ Багашвили И. Р. Состояние химической промышленности Российской империи накануне 1917 года // Вестник МГПУ. Серия: «Исторические науки». 2017. № 1 (25). С. 56.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика... С. 433.

⁶ Там же. С. 435.

⁷ Там же. С. 436–437.

только 6 февраля 1915 г. Первоначально к выполнению данной миссии стали привлекать частные предприятия, однако здесь возникли некоторые сложности. Большая часть частных коксовальных заводов принадлежала иностранным фирмам, прежде всего немецким. В это же время некоторые частные заводы России, желавшие заключить договор с казной, опасались послевоенных санкций со стороны Германии, так как имели контракты с германскими фирмами, например, Южно-Днепровское Общество в Кадиевке имело договор с фирмой «Копперс». Лишь бельгийская фирма «Оливье Пьетт» добровольно согласилась сотрудничать с казной. Первый же государственный бензольный завод был построен только к 20 августа 1915 г., а производство на нем было запущено в сентябре¹.

Несмотря на сопротивление иностранцев, отечественные заводчики активно включились в дело производства различных веществ для нужд армии. Так, в январе 1915 г. во время пребывания в Москве Ипатьев познакомился с некоторыми владельцами текстильных фабрик, которые были готовы всецело поддержать развитие военной химической промышленности². Помимо московских промышленников, к снабжению армии подключились заводчики из Петрограда³ и с юга России⁴. Как пишет Ипатьев, в 1915 г. производительность частных предприятий по выработке взрывчатых веществ увеличилась практически в 50 раз, казенные же заводы смогли увеличить свою производительность лишь вдвое⁵.

Производство взрывчатых веществ невозможно без серной и азотной кислот. Исходный продукт для получения серной кислоты — серный колчедан — до войны доставлялся из-за границы. После «Великого отступления» стало ясно, что польские заводы более не могут поставлять серную кислоту⁶. С лета 1915 г., после создания Особого совещания по обороне, стали создаваться новые сернокислотные заводы⁷. Интересным представляется взаимодействие Владимира Николаевича с председателем Государственной думы М. В. Родзянко. Во время одного из заседаний Особого совещания, в котором они оба при-

нимали участие, Родзянко отметил правильность организации производства серной кислоты и назвал Ипатьева «кислотным диктатором»⁸. Этот момент очень показателен и хорошо отображает включенность Владимира Николаевича в решение данных проблем.

Другой необходимой составляющей для производства взрывчатых веществ была азотная кислота, в довоенное время изготавливавшаяся на основе нитрата натрия, который доставлялся из Чили. Трудности с доставкой побуждали к разработке новых способов ее получения, например, из аммиака, который был побочным продуктом при коксовании угля⁹. После долгих уговоров со стороны Ипатьева Военный совет выделил финансирование на постройку завода, на котором изготавливали сразу аммиачную селитру¹⁰.

К концу XIX в. в России насчитывалось 52 химических завода, вырабатывавших серную кислоту¹¹. В период Первой мировой войны количество заводов, производящих серную кислоту, увеличилось. Только в июле 1915 г. было запланировано построить 14 заводов для производства серной кислоты. Всего за время войны построили 28 сернокислотных установок, а суммарно она изготавливалась на 57 предприятиях¹². Азотная кислота производилась в империи в 1910-х гг. на 35 заводах. Военные нужды и трудности с импортом привели к постройке новых заводов во время войны¹³.

Начало химической войны побудило к развитию в России производства удушающих газов. Одним из главных заводов-поставщиков хлора как боевого отравляющего вещества (БОВ) в годы Первой мировой войны был Донецкий завод компании «Любимов, Сольвэ и Ко»¹⁴. За время войны в качестве БОВ в основном использовали хлор и его производные, например, фосген. Один из основных способов получения хлора — электролиз хлорида натрия. Для производства хлора таким путем были построены четыре завода: в Самаре, на станции Рубежной на юге России и в Финляндии — в Воркузе и в Кояне¹⁵. Производство второго БОВ, которое требовалось фронту — дихлорида карбонила,

¹ Там же. С. 440–445.

² Там же. С. 447.

³ Там же. С. 452.

⁴ Там же. С. 453.

⁵ Там же. С. 454.

⁶ Там же. С. 455.

⁷ Там же. С. 457.

⁸ Там же. С. 463.

⁹ Там же. С. 464.

¹⁰ Там же. С. 466.

¹¹ Лукьянов П. М. Краткая история... С. 172.

¹² Там же. С. 208–209.

¹³ Там же. С. 228.

¹⁴ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика... С. 490.

¹⁵ Там же. С. 493.

или фосгена, — наладить было сложнее, чем хлора. Однако и такие заводы были построены в Москве, Казани и на Донбассе¹.

Необходимость постройки новых заводов объясняется тем, что регионы, в которых в довоенное время располагалось большое количество промышленных предприятий, были оккупированы вражеской армией. На долю приграничных западных губерний и Прибалтики приходилось более 17 % промышленных предприятий довоенного периода².

К началу 1916 г. в России существовало множество различных комиссий, в ведение которых входило обеспечение армии необходимыми химическими веществами и не только³. Зачастую эти комиссии выполняли одни и те же задачи, а единого контролирующего и распределяющего органа не было, что по итогу приводило к развитию бюрократизации. С целью решения данной проблемы 16 апреля 1916 г. был учрежден Химический комитет при Главном артиллерийском управлении, который состоял из пяти отделов⁴. По итогу в ведении Химического комитета стала находиться вся химическая промышленность страны, а председателем комитета был назначен Ипатьев.

К концу 1916 — началу 1917 г. химическая промышленность, как и другие отрасли страны, стала сдавать позиции и сокращать выработку продукции. Однако, несмотря на это, в начале 1917 г. Россия имела большой запас разнообразных химических веществ, которые могли бы понадобиться армии⁵. За годы Первой мировой войны в России были построены десятки новых химических заводов и еще десятки были переоборудованы под военные нужды.

Интересным представляется момент с фосфатными и содовыми заводами. Ипатьев в своих воспоминаниях ничего не пишет о них, однако предприятия данных профилей были неотъемлемой частью химической промышленности России. Перед войной в России существовало 13 суперфосфатных заводов, большинство которых располагалось в Польше и в Прибалтике⁶. К началу Первой мировой войны главными поставщиками кальцинированной и каустической

соды являлись два завода компании «Любимов, Сольвэ и Ко», а также завод в Славянске. На этих трех заводах соду получали аммиачным путем. Бондюжский завод П. К. Ушкова не смог выдерживать конкуренции со стороны компании «Любимов, Сольвэ и Ко» и ушел с данного рынка⁷. Стоит отметить, что к этому периоду компания «Любимов, Сольвэ и Ко» стала монополистом в данной отрасли.

Химический комитет при Главном артиллерийском управлении просуществовал до момента его ликвидации 1 июня 1918 г., деятельность Ипатьева как председателя окончилась в этот же момент⁸. Все это время комитет осуществлял свою деятельность в тех же рамках и с тем же структурным аппаратом, что и до революции. Как отмечает Владимир Николаевич, Химический комитет во время революционных событий не участвовал ни в какой политической деятельности, а лишь всецело работал для нужд страны⁹. После ликвидации Химического комитета, по сути, стал Химическим отделом ВСНХ, в состав которого входили многие сотрудники уже бывшего комитета¹⁰. Заводы, которые были подконтрольны Химическому комитету, были национализированы и стали собственностью нового государства.

Подводя итог, можно выделить несколько важных моментов в воспоминаниях В. Н. Ипатьева.

1. Воспоминания Ипатьева являются одним из важнейших источников по истории химической промышленности поздней имперской России в силу особенности деятельности автора и его положения в обществе, что позволяло ему получать доступ к секретной информации и общаться с первыми лицами государства.

2. Личное инспектирование предприятий как до войны, так и в военное время позволило В. Н. Ипатьеву, в силу его осведомленности, наиболее эффективно решить возникшие с началом Первой мировой войны кризисные явления.

3. В своих воспоминаниях В. Н. Ипатьев упускает из виду некоторые области химической промышленности: фосфатные заводы, мыловаренные и др., что, возможно, связано с его попыткой акцентировать внимание именно на военно-химическом производстве, которое имело непосредственное отношение к делу снабжения армии.

¹ Там же. С. 495.

² Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 172.

³ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика... С. 498.

⁴ Там же. С. 505.

⁵ Там же. С. 554.

⁶ Лукьянов П. М. Краткая история... С. 219.

⁷ Там же. С. 176.

⁸ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика... С. 558.

⁹ Там же. С. 558.

¹⁰ Там же. С. 559.

Библиографический список

1. Багашвили, И. Р. Состояние химической промышленности Российской империи накануне 1917 года / И. Р. Багашвили // Вестник МГПУ. Серия: «Исторические науки». — 2017. — № 1 (25). — С. 55–60.
2. Ипатьев, В. Н. Жизнь одного химика: Воспоминания. Т. 1: 1867–1917 гг. / В. Н. Ипатьев. — Нью-Йорк: [б. и.], 1945. — 560 с.
3. Кафенгауз, Л. Б. Эволюция промышленного производства России / Л. Б. Кафенгауз. — М. : Эпифания, 1994. — 848 с.
4. Лукьянов, П. М. Краткая история химической промышленности СССР. От возникновения химической промышленности в России до наших дней / П. М. Лукьянов. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 464 с.

Развитие сети лечебно-профилактических учреждений в Челябинске в послевоенное время

Быкова В. В.

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
Институт медиа и социально-гуманитарных наук, Челябинск
Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск
Научный руководитель: Баканов С. А. (ЧелГУ)*

В статье рассматриваются процессы восстановления и реформирования советской системы здравоохранения в послевоенный период в Челябинске. Изучение архивных материалов, статистических данных и нормативных документов позволило выделить основные направления работы: внедрение участкового принципа, развитие медицинских учреждений, увеличение их числа. Однако в этот период сохранялась проблема кадрового дефицита и высокой нагрузки на медиков, неудовлетворительное состояние сети медицинских учреждений.

Ключевые слова: *послевоенное восстановление, советская медицина, врачи, здравоохранение, медицинские учреждения, СССР.*

Во время Великой Отечественной войны на территории СССР в разной степени пострадало около 40 тыс. лечебных учреждений различных типов. В послевоенный период восстановление сети больничных учреждений сопровождалось реформированием советской медицины, в задачи которой входило не только решение проблемы военных потерь, но и исправление результатов политики 1930-х гг.

Целью исследования является изучение развития сети лечебно-профилактических учреждений г. Челябинска в послевоенное время. В процессе исследования использовались историко-системный и историко-сравнительный методы.

Структурные изменения, затронувшие сеть больничных учреждений, были начаты сразу после войны. Основными причинами преобразований были: наличие самостоятельных мелких учреждений, невыгодных для системы здравоохранения; раздробленность учреждений, приводившая к неправильной расстановке врачей-специалистов; разрастание административно-хозяйственного персонала, вызывавшее проблемы со снабжением и управлением; наличие самостоятельных амбулаторно-поликлинических учреждений, создававших искусственный отрыв врачей от клиник, больниц и родильных домов, что снижало качество лечебно-профилактической помощи населению. Кроме того, значительная часть самостоятельных медицинских учреждений находилась в непригодных условиях; также существовал ограниченный доступ к медицинской помощи.

Для решения последней проблемы в основу работы городских больниц, противотуберкулез-

ных диспансеров и родильных домов был положен участковый принцип обслуживания. Он заключался в формировании групп населения либо по территориальному, либо по производственному принципу. Основным типом городского врачебного участка считался участок с общей численностью населения 4000 человек, а в случае дефицита медицинских кадров — 5500 человек. В основу обслуживания рабочих был положен цеховой участковый принцип с нормой 1500 рабочих на один участок. Приказ Минздрава СССР предусматривал на одном врачебном участке определенное число врачебных должностей ординаторов по специальностям и распределение больничных коек по этим специальностям¹.

Участковый принцип способствовал повышению доступности медицинской помощи. Так, в 1956 г. в СССР насчитывалось 18 836 участков, а в 1965 г. — уже 29 443². Помимо количественного роста участков происходило их разукрупнение: если первоначально на один врачебный участок приходилось 4000 человек, то к 1961 г. — 3000, что снижало нагрузку на врачей и улучшало качество медицинских услуг.

На территории города Челябинска в 1945 г. насчитывалось 85 терапевтических участков, которые обслуживали 67 врачей, 18 фельдшеров

¹ Приказ Минздрава СССР от 21.11.1949 г. № 870 «О номенклатуре учреждений здравоохранения и утверждении инструкции по ее применению» // Е-досье: электронный эколог. URL: <https://e-ecolog.ru> (дата обращения: 12.05.2026)

² Здравоохранение в СССР: статистический сборник. М., 1966. 447 с.

и 54 медицинские сестры. Из 85 участков 72 были смешанного типа, то есть обслуживали и детское население¹. В 1955 году количество врачебных терапевтических (территориальных и цеховых) участков увеличилось вдвое — до 179. Кроме того, выделялись в отдельные категории педиатрические (130) и акушерско-гинекологические (49) участки². Данные за 1960 год также показывают количественный рост врачебных участков разной специализации: терапевтических — 265, педиатрических — 212 (данные по акушерско-гинекологическим отсутствуют)³. В 1965 г. насчитывалось 315,5 терапевтических участка, 238,5 педиатрических и 83,5 акушерско-гинекологических⁴.

Приведённые данные демонстрируют два ключевых процесса, происходивших в послевоенном здравоохранении Челябинска. Во-первых, количественный рост участковой сети: за два десятилетия (1945–1965) число терапевтических участков увеличилось почти в 4 раза, а с учётом педиатрических и акушерско-гинекологических — более чем в семь раз. Это было прямым следствием приказа Минздрава СССР № 870 от 1949 года, внедрившего единую номенклатуру и участковый принцип. Во-вторых, расширение специализации: если в 1945 г. подавляющее большинство участков (85 %) были смешанными и один врач вёл и взрослых, и детей, то к середине 1950-х гг. сложилась чёткая система из трёх типов участков — терапевтических, педиатрических и акушерско-гинекологических. Дробные показатели 1965 г. (315,5 и 238,5) указывают на сохранение диспропорций: неполные ставки возникали в малых посёлках, пригородных зонах или на небольших предприятиях, где экономически нецелесообразно было содержать полноценный участок.

Таким образом, участковая сеть Челябинска к середине 1960-х гг. стала более разветвлённой и специализированной, но сохраняла элементы экстенсивного развития, выраженные в дробных ставках и, вероятно, сохраняющейся неравномерности распределения врачей по территории города.

Помимо внедрения участкового принципа обслуживания, утверждалась единая номенклатура медицинских учреждений независимо от их ве-

домственной принадлежности⁵. В большинстве случаев медицинские учреждения подчинялись Министерству здравоохранения СССР и союзных республик, однако существовали и ведомственные учреждения, подчинявшиеся другим министерствам. Это влекло за собой ряд трудностей: двойное подчинение, несопоставимость категорий медицинских учреждений.

По данным переписи медицинских учреждений, проведенной в РСФСР в 1963 г., общее количество учреждений составило 96,5 тыс. различных типов. Из них в подчинении Минздрава РСФСР находилось 87,7 тыс. (90,9 %), Министерству путей сообщения — 3,3 тыс. (3,4 %), Всесоюзному центральному совету профессиональных союзов — 1,3 тыс. (1,3 %), прочим министерствам и ведомствам — 4,2 тыс. (4,4 %)⁶. В Челябинске общее количество учреждений, находившихся в подчинении всех министерств и ведомств, составляло 331. Из них 283 учреждения (85 %) подчинялись Министерству здравоохранения, а 48 учреждений (15 %) являлись ведомственными⁷.

Результатом изменений 1949 г. стало установление новой типологии лечебно-профилактических учреждений: 1) больница с поликлиникой; 2) больница при промышленном предприятии, входящая в состав медико-санитарной части, с поликлиникой; 3) детская больница с детской консультацией, детской поликлиникой; 4) родильный дом с женской консультацией; 5) диспансер с соответствующим стационарным учреждением, имеющий соответствие структурных частей стационара и поликлиники по основным специальностям и мощности, при обязательной работе лечащих врачей в стационаре и обслуживании населения в поликлинике или на участке⁸.

В период с 1940 по 1965 год в СССР происходил постоянный количественный рост медицинских учреждений. Общее количество больниц в СССР в 1940 г. составляло 13 793, а в 1965 г. — уже 26 303. Самым распространенным типом лечебного учреждения как в Челябинске, так и в СССР в целом, были городские больницы. Их динамика: 1945 г. — 11 учреждений на 1978 коек⁹;

⁵ Приказ Минздрава СССР от 21.11.1949 г. № 870 «О номенклатуре учреждений здравоохранения и утверждении инструкции по ее применению».

⁶ Араловец Н. А. Здравоохранение и здоровье населения РСФСР в 1959–1989 гг. М.–СПб., 2023. С. 50.

⁷ ОГАЧО, Ф. Р. 485. Оп. 17. Д. 405. Л. 3–4.

⁸ Там же.

⁹ ОГАЧО, Ф. Р. 386, Оп. 4. Д.1. Л. 88.

¹ ОГАЧО, Ф. Р. 386. Оп. 4, Д. 6. Л. 90.

² ОГАЧО, Ф. Р. 386. Оп. 4, Д. 32. Л. 16.

³ ОГАЧО, Ф. Р. 386. Оп. 4, Д. 32. Л. 26.

⁴ ОГАЧО, Ф. Р. 386. Оп. 4, Д. 32. Л. 135.

1950 г. — 12 учреждений на 2565 коек¹; 1955 г. — 14 учреждений на 3630 коек²; 1960 г. — 14 учреждений на 4405 коек³; 1965 г. — 16 учреждений на 5230 коек⁴.

Расширение сети лечебных учреждений как в СССР, так и в регионах, осуществлялось за счет строительства новых больниц, перепрофилирования старых зданий и уплотнения больничных палат. На основании материалов переписи медицинских учреждений, проведенной в Челябинске в 1963 году, можно выделить следующие типы зданий: 1) специально построенные учреждения — 170; 2) построенные по типовому проекту — 119; 3) приспособленные — 161. Таким образом, из общего количества медицинских учреждений 51 % составляли специально построенные (из них 70 % — по типовым проектам), а 49 % учреждений были приспособлены для медицинской деятельности⁵.

Состояние больничных зданий Челябинска можно оценивать по следующим критериям: период постройки, материалы постройки, наличие электричества, водоснабжения и отопления. По годам постройки распределение выглядело так: до 1918 г. — 35 зданий (11 %); 1918–1940 гг. — 56 зданий (17 %); 1941–1945 гг. — 35 зданий (11 %); 1946–1958 гг. — 59 зданий (18 %); 1959–1963 гг. — 33 здания (10 %)⁶. Самыми распространёнными материалами строительства медицинских учреждений в Челябин-

ске были кирпич, камень и железобетон: такие здания составляли 245 учреждений (74 %). Деревянных построек было 49 (15 %), зданий из прочих материалов — 16 (5 %)⁷.

Послевоенный период восстановления системы здравоохранения СССР можно охарактеризовать ростом сети лечебно-профилактических учреждений, который осуществлялся за счет строительства новых больниц, перепрофилирования старых зданий, уплотнения больничных палат и внедрения участкового обслуживания населения. Все это способствовало приближению медицинской помощи к основной массе населения.

Однако эти процессы сопровождались и рядом недостатков. Они выражались в сохраняющейся диспропорции между ростом числа учреждений и состоянием зданий; почти половина челябинских учреждений (49 %) находилась в малоприспособленных зданиях. Также, несмотря на увеличение количества врачебных участков и коечного фонда, сохранялась проблема дефицита квалифицированных кадров. Кроме того, участковый принцип, при всей своей прогрессивности, на практике сталкивался с высокой нагрузкой на врачей (до 3000–4000 человек на участок в отдельные периоды) и недостаточной координацией между территориальной и цеховой системами обслуживания. Таким образом, послевоенное развитие сети лечебно-профилактических учреждений Челябинска, отражая общесоюзные тенденции к централизации, унификации и количественному росту, одновременно демонстрировало ряд недостатков.

¹ ОГАЧО, Ф. Р. 386, Оп. 4. Д. 1. Л. 255.

² ОГАЧО, Ф. Р. 386, Оп. 4. Д. 32. Л. 11.

³ ОГАЧО, Ф. Р. 386, Оп. 4. Д. 32. Л. 294.

⁴ ОГАЧО, Ф. Р. 386, Оп. 4. Д. 32. Л. 130.

⁵ ОГАЧО, Ф. Р. 485. Оп. 17. Д. 405. Л. 9–12.

⁶ ОГАЧО, Ф. Р. 485. Оп. 17. Д. 405. Л. 29–30.

⁷ ОГАЧО, Ф. Р. 485. Оп. 17. Д. 405. Л. 25–28.

Библиографический список

1. Араловец, Н. А. Здравоохранение и здоровье населения РСФСР в 1959–1989 гг. / Н. А. Араловец. — М.-СПб. : Ин-т рос. истории РАН, 2023. — 530 с.
2. Здравоохранение в СССР : статистический сборник. — М. : Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР, 1966. — 447 с.

ГАСТ «похоронили» горьковские депутаты? К вопросу о политической истории периода перестройки

Ганичева Д. А.

*Нижегородский институт управления,
филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Нижний Новгород*

Научный руководитель: Фоменков А. А. (НИУ РАНХиГС)

Керимли Р. Н.-о.

независимый исследователь, Нижний Новгород

Статья посвящена этапу завершения борьбы против строительства Горьковской атомной станции теплоснабжения (ГАСТ). Целью исследования является определение того, какую именно роль сыграл Горьковский областной Совет народных депутатов в закрытии проекта ГАСТ. Упомянуты общественно-политические организации, которые боролись против реализации данного проекта. Авторами отмечено, что решение об окончательном прекращении строительства ГАСТ было принято на сессиях Горьковского областного Совета народных депутатов в 1990 г. Сделаны отдельные выводы относительно состоятельности советского государства и советского права в период перед крахом СССР.

Ключевые слова: атомная станция, экология, Горьковская область, Совет народных депутатов, политическая история, СССР.

Общеизвестно, что в годы перестройки одним из важнейших катализаторов политической активности являлось обострение экологических проблем. Касалось это самых разных регионов — включая, например, Чечено-Ингушскую АССР, где начало политической активности во второй половине 1980-х гг. было связано с противодействием строительству химкомбината в г. Гудермес¹. В Горьковской области большую роль в политизации обстановки сыграла борьба против Горьковской атомной станции теплоснабжения (ГАСТ).

В случае с г. Горьком (и с регионом в целом) главным экологическим вопросом того времени было строительство ГАСТ². Как известно, после аварии на Чернобыльской АЭС вера в безопасность атомной энергетики в СССР сильно колебалась. Как отмечает С. Козлов, «в Кстово в то время постепенно наращивал свою деятельность литературный клуб «Искра». Интересовался он, однако, не только литературой, но и политикой, и экологией. Остаться безу-

частной к происшествию в Чернобыле и подобной ему потенциальной опасности, исходящей от такого близкого соседа, как ГАСТ, «Искра» никак не могла. Вскоре стало известно: в Горьком действует некий «Комитет ядерной защиты», возглавляющий «Движение против ГАСТ «За жизнь без страха!» Штаб его располагался в одном из общежитий на [ул. Бекетова]. ... Возглавлял комитет бывший лётчик Ю. М. Лихачёв, главным экспертом в вопросах атомной энергетики был профессор В.С. Троицкий, из активистов выделялись Л. И. Лерман и Б. Е. Немцов»³.

Относительно участия В. С. Троицкого мы согласны с мнением А. А. Фоменкова, указывавшего следующее: «Нет никаких сомнений в том, что научный авторитет В. С. Троицкого содействовал повышению стоимости политических акций горьковским противникам ГАСТ — прежде всего активистам Горьковского общегородского координационного совета противников ГАСТ. В самом деле — тот факт, что член-корреспондент АН СССР активно выступает против ГАСТ, действовало на умы многих горьковчан более убедительно, нежели известие об аналогичной позиции малоизвестных или вообще никому неизвестных жителей города и области»⁴.

¹ Бугаев А. М., Магомадов С. С. Некоторые вопросы новейшей политической истории Чечни // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2008. № 2–2 (9). С. 51; Мисербиева Л. С. Общественно-политическое развитие Чечено-Ингушетии в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века // Общество: философия, история, культура. 2021. № 11 (91). С. 62.

² Фоменков А. А. Как началась политическая активность: О противодействии строительству Горьковской атомной станции теплоснабжения // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2022. Т. 7. № 4. С. 20.

³ Козлов С. Горьковская атомная — тоже жертва // Нижегородская правда. 2006. 25 апр. С. 9.

⁴ Фоменков А. А. Член-корреспондент АН СССР В. С. Троицкий и его роль в формировании гражданской позиции научного сообщества в Горьковской области. 1985–1991 гг. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2020. Т. 5. № 2. С. 19.

Именно противники строительства ГАСТ начали проводить митинги, не связанные с официальными советскими мероприятиями. Прошли эти акции 10 июля и 11 сентября 1988 г. Местами их проведения были значимые общественные пространства в Горьком — рядом с парком им. Ленинского комсомола (жители города традиционно именовали его и именуют по сей день «Швейцария») и на ул. Свердлова (ныне — Большая Покровская, своего рода местный «Арбат»). Во втором случае состоялась полуторатысячная демонстрация на ул. Свердлова против ГАСТ, начавшаяся у кинотеатра «Октябрь», а завершившаяся на Театральной площади¹. Чуть позднее митинговая активность вышла за пределы областного центра — так, 20 января 1989 г. в Кстове, в ДК «Октябрь», состоялась дискуссия по поводу ГАСТ. Подчеркнём: митинги «против», причём не по указанию официальных инстанций (митинг «против» американской военщины можно было провести и до перестройки), были событием совершенно новым для советских реалий.

В целом признаем, что начавшаяся в 1987 г. в Горьком борьба против строительства ГАСТ, ставшая вскоре сугубо идеологической, способствовала появлению большого числа политических активистов и даже политиков общегосударственного масштаба. Так, сам факт старта политической карьеры будущего губернатора и вице-премьера федерального правительства с борьбы с ГАСТ² не подлежит сомнению. Укажем также, что изначально Б. Е. Немцов не был лидером этого протеста. Другое дело, что наибольшие политические дивиденды из тех событий сумел извлечь именно он.

В борьбу с запуском ГАСТ включился ряд неформальных объединений, возникших в 1987–1988 гг.³ В частности, это Комитет противодействия пуску Горьковской атомной станции (действовал на базе Горьковской государственной сельскохозяйственной станции Кстовского района) и политклуб «Авангард»⁴. На базе этих объединений, а также более мелких и размытых групп в 1988 г. был создан Горьковский общегородской

координационный Совет противников Горьковской АСТ.

В целом в г. Горьком, как и по всей стране, экологическая проблематика стала основой для появления социального движения, достаточно массового и независимого от возникавших в этот же период политических организаций, но в то же время весьма влиятельного для того, чтобы его требования воздействовали на формирование политической повестки дня. Местные инициативные группы, выступавшие против строительства атомных станций, загрязнения окружающей среды, комитеты общественного самоуправления в микрорайонах городов, столкнувшись с нежеланием органов власти вступать в диалог по экологическим проблемам, самой логикой своих действий вовлекались в противостояние, начинали бороться против монополизма ведомств, за демократизацию общественных отношений, за свои гражданские права и свободы⁵.

Союзный центр, столкнувшийся к 1990 г. с рядом проблем, казавшихся неразрешимыми (от дефицита продовольствия до масштабных межэтнических конфликтов в Нагорном Карабахе и не только), уже не стремился продать решение о строительстве ряда объектов, которые вызывали недовольство на местах. ГАСТ входила в их число. Указать точную дату «смерти» этого проекта проблематично.

Вполне допустимо увязать окончательный крах ГАСТ с деятельностью Горьковского областного Совета народных депутатов. Его последний — 21-й — созыв начал функционировать в апреле 1990 г. В августе состоялась его 2-я сессия. Важно указать, что состав депутатского корпуса претерпел существенные изменения по сравнению с 20-м созывом. Дело, разумеется, было не в новых персонах депутатов, а в появлении в Совете реальной оппозиции действующей власти. Уже по итогам выборов в Горьковском обкоме КПСС отмечалось, что примерно 50 депутатов принадлежали к числу демократов⁶ (общее число составляло 255 народных избранников). Как выяснилось, оппозиционеров было больше. Среди них был даже бывший диссидент⁷.

¹ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-6529. Оп. 2. Д. 128. Л. 1; ЦАНО. Ф. Р-6529. Оп. 2. Д. 89. Л. 3.

² Немцов Б. Е. Провинциал. М., 1997. С. 73–74.

³ Калачев А. П. О спецификации функционирования движения «Демократическая Россия» на региональном уровне (на примере Нижегородской области) // Научное мнение. 2013. № 6. С. 109.

⁴ Общество и власть. Российская провинция 1917–1980-е годы. Т. 6. М.-Н. Новгород, 2010. С. 705.

⁵ Селезнёв П. А. Институционализация российских общественных движений в позднесоветский (перестроечный) и постперестроечный период // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2010. № 2 (18). С. 60.

⁶ ЦАНО. Ф. Р-3. Оп. 24. Д. 4658. Л. 77.

⁷ «Наказание дилетанта». Беседа Александра Асеевского с депутатом областного Совета Владимиром Жильцовым // Ленинская смена (Нижний Новгород). 1992. 24 окт. С. 2.

В последние годы перестройки представители Советов активно начали вмешиваться в прерогативы иных органов власти, и это вмешательство оказывалось иногда вполне эффективным. Первый пример такого рода — решение об окончательном запрете строительства ГАСТ, принятое 5 апреля 1990 г. Это решение, принятое на 1-й сессии Совета, один из депутатов справедливо охарактеризовал как «неконкретное и не отвечающее тем требованиям, которые предъявляются к законодательному документу»¹.

В ходе 2-й сессии Горьковского областного Совета народных депутатов в августе 1990 г. было рассмотрено новое обращение к этому вопросу. Фактически именно тогда была поставлена точка в борьбе против ГАСТ². При этом, конечно, изначально решение о строительстве столь масштабного объекта принималось отнюдь не на уровне области, а в значительно более значимых инстанциях в Москве.

¹ ЦАНО. Ф. Р-3074. Оп. 3. Д. 3091. Л. 299.

² Сессия областного Совета // Горьковский рабочий. 1990. 22 авг. С. 1–2.

На той же 2-й сессии Горьковского областного Совета народных депутатов звучало и ещё одно крайне интересное предложение: «Я считаю, что мы вправе с вами прекратить временно или частично действие Указа Президиума Верховного Совета и постановления Совета министров СССР от 1985 года о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Этот указ провалился, все мы знаем»³. Как известно, в реальности к осени 1990 г. антиалкогольная кампания действительно закончилась — причём поражением государства, её инициировавшего.

Итак, с одной стороны, сама практика принятия на региональном уровне решения об окончательном отказе от ГАСТ, равно как и рассмотрение предложения о прекращении в регионе антиалкогольной кампании, свидетельствуют об ослаблении советского государства и начале демонтажа советского права. Косвенным подтверждением тому стала и реакция официальной Москвы на такие решения и предложения горьковчан — таковой по большому счёту просто не было.

³ ЦАНО. Ф. Р-3074. Оп. 3. Д. 3091. Л. 716.

Библиографический список

1. Бугаев, А. М. Некоторые вопросы новейшей политической истории Чечни / А. М. Бугаев, С. С. Магомадов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2008. — № 2–2 (9). — С. 49–63.
2. Калачев, А. П. О спецификации функционирования движения «Демократическая Россия» на региональном уровне (на примере Нижегородской области) / А. П. Калачев // Научное мнение. — 2013. — № 6. — С. 108–112.
3. Козлов, С. Горьковская атомная — тоже жертва / С. Козлов // Нижегородская правда. — 2006. — 25 апр. — С. 9.
4. Мисербиева, Л. С. Общественно-политическое развитие Чечено-Ингушетии в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века / Л. С. Мисербиева // Общество: философия, история, культура. — 2021. — № 11 (91). — С. 60–65.
5. «Наказание дилетанта». Беседа Александра Асеевского с депутатом областного Совета Владимиром Жильцовым // Ленинская смена (Нижний Новгород). — 1992. — 24 окт. — С. 2.
6. Немцов, Б. Е. Провинциал / Б. Е. Немцов. — М. : Вагриус, 1997. — 154 с.
7. Общество и власть. Российская провинция 1917–1980-е годы. — М.–Н. Новгород : Институт российской истории РАН, 2010. — Т. 6. — 971 с.
8. Селезнёв, П. А. Институционализация российских общественных движений в позднесоветский (перестроечный) и постперестроечный период / П. А. Селезнёв // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». — 2010. — № 2 (18). — С. 59–63.
9. Сессия областного Совета // Горьковский рабочий. — 1990. — 22 авг. — С. 1–2.
10. Фоменков, А. А. Член-корреспондент АН СССР В. С. Троицкий и его роль в формировании гражданской позиции научного сообщества в Горьковской области. 1985–1991 гг. / А. А. Фоменков // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». — 2020. — Т. 5. — № 2. — С. 16–21.
11. Фоменков, А. А. Как началась политическая активность: О противодействии строительству Горьковской атомной станции теплоснабжения / А. А. Фоменков // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». — 2022. — Т. 7. — № 4. — С. 19–23.

Меркантилистская деятельность А. Л. Ордина-Нащокина в контексте развития торговли и торговых дословных корпораций второй половины XVII в.

Исаева Ю. С.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Осипова Я. В. (ЧелГУ)

В работе анализируется экономическая политика Московского государства XVII в., делается вывод о проведении протекционистского курса и использовании отдельных меркантилистских принципов. Одним из проводников данных воззрений являлся боярин А. Л. Ордин-Нащокин, более известный своими дипломатическими достижениями. Деятельность Ордина-Нащокина рассматривается как первый опыт системной государственной политики в рамках меркантилистской модели, направленный на улучшение положения отечественного купечества и развитие внутренней и внешней торговли.

Ключевые слова: А. Л. Ордин-Нащокин, Московское государство, XVII в., торговля, меркантилизм.

При рассмотрении экономического развития Российского государства допетровского периода понятия протекционизма и меркантилизма, как правило, не используются. Однако при обращении к деятельности одного из видных бояр эпохи правления Алексея Михайловича, Ордина-Нащокина, представляется возможным проследить появление первых проектов и законодательных нововведений (Новоторговый устав 1667 г.), демонстрирующих переход к новым концепциям. Обращаясь к историографии, можно отметить, что экономические воззрения и инициативы А. Л. Ордина-Нащокина не привлекали внимания исследователей, так как оказывались в тени дипломатических побед.

Внешняя политика и экономика при анализе воззрений Афанасия Лаврентьевича должны рассматриваться комплексно. Стремясь к экономическому возвышению Московского государства, псковский боярин ратовал за направление внешней политики, сосредоточенное на выходе к Балтийскому морю. В этом он видел залог процветания русской торговли и, как следствие, развития всей государственной экономики.

Московское государство не имело единого экономического пространства по ряду причин. Во-первых, значительной преградой для развития служили внутренние таможенные пошлины, которые в первой половине XVII в. не имели стабильных нормативов, они регулировались обычаем. Наибольшая плата на таможенных постах, мытах, должна была взиматься с иностранных купцов, но они, как правило, находили способ ее избежать¹.

¹ Разманова Н. А. Челобитная торговых людей, Торговый и Новоторговый устав как источники формирования экономических воззрений И. Т. Посошкова // Историко-экономические исследования. 2014. № 1. С. 48.

Вольное положение иностранцев на русском рынке вынуждало местных купцов обращаться с челобитными. В течение первой половины XVII в. происходит стремительное увеличение требований русских купцов-оптовиков, изложенных в челобитных за 1627, 1635, 1637, 1639, 1642, 1646 (подписана 166 торговыми представителями²), 1648–1649 гг.³ При этом русское купечество не могло похвастаться аналогичным положением на зарубежных рынках. Хотя Московское государство было важным участником мировой торговли, на иностранные рынки русские купцы практически не попадали. И дело было не в финансовых возможностях, а в сложившейся системе. Московские гости сталкивались со сговором европейских торговцев, которых поддерживали магистраты прибалтийских портов, что создавало очевидную преграду для развития отечественной торговли⁴.

Вторым неблагоприятным фактором экономического развития являлось изменение денежной политики, связанное в первую очередь с ведением русско-польской войны. Значительно увеличились государственные расходы, приведшие к увеличению налогов и появлению медных денег⁵.

В этих условиях Московское государство укрепляет своё положение как поставщика сырья на международный рынок, где продолжался рост спроса на русские товары. Так, например, к середине XVII в. экспорт русской пушнины

² Там же. С. 52.

³ Шумилов М. М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб., 2006. С. 210.

⁴ Разманова Н. А. Челобитные торговых людей... С. 48.

⁵ Шумило М. М. Торговля и таможенное дело в России... С. 188.

составлял 50 % от ее общего объёма, юфти — почти 30 %¹. Был взят курс на закупку у местных продавцов товаров, пользовавшихся наибольшим спросом на иностранных рынках, за медные деньги (то есть за меньшую стоимость). Далее государство самостоятельно перепродавало товары за границу (уже за серебро). Таким образом, к 1662 г. была окончательно установлена государственная монополия на торговлю пушниной, юфтью, пенькой, мачтовым лесом и смольчугом². Эти пять товаров в совокупности составляли почти половину русского экспорта. В условиях обесценивания медных денег подобная политика воспринималась как настоящая реквизиция товара. Такая политика сильно ударила по местной торговой прослойке.

Ещё одним важным фактором являлись злоупотребления на местах. Ко второй половине XVII в. не было чётко установленного регламентирования допустимого вмешательства администрации и таможенников в торговую сферу. Воеводы имели довольно широкие возможности, особенно в вопросах налогообложения³.

Перечисленные факторы свидетельствуют об уязвимом положении досословных купеческих корпораций России и их неконкурентоспособности по отношению к иностранному купечеству. Однако Ордин-Нащокин считал устойчивое состояние купечества одним из ключевых факторов экономического процветания страны. Поэтому его инициативы имели четкий вектор, направленный на укрепление отечественной торговой прослойки.

Со второй половины XVII в. правительство берёт курс на протекционизм, пытаясь отыскать пути наполнения казны. Тогда, в 1653 г., принимается Торговый устав, в котором чётко прослеживаются протекционистские идеи. Однако для купечества данный устав не приведёт к кардинальным изменениям. Была установлена единая пошлина в 5 % от цены продаваемого товара, которая заменила длинный перечень сборов. Для иностранцев также была введена пошлина в формате фиксированного процента. Но эти меры не затронули привилегированного положения европейских купцов на русском рынке, поэтому поток челобитных после 1653 г. не прекратился⁴.

Такое положение дел обозначало очевидную необходимость введения чёткой регламентации экономической деятельности в области торговли и создания нового торгового законодательства.

Будучи в 1665 г. назначенным воеводой в Пскове, Ордин-Нащокин столкнулся с локальным проявлением торгового упадка. За недолгий период пребывания на посту он разработал реформу, регулирующую местные торговые отношения. Однако в связи с рядом причин нововведение не удалось развить. Тем не менее идеи преобразований Афанасия Лаврентьевича в торговой сфере были актуальны и стали основой для Новоторгового устава 1667 г.⁵

Помимо псковского опыта, опорой для законодательного акта послужил ряд источников: указы таможенным головам; таможенные грамоты конца XVI–XVII вв. (например, Таможенная грамота Пскова 1594 г.); уже упомянутый Торговый устав 1653 г.; предложения московского гостя В. Г. Шорина; доклад о торговле П. Марселиса⁶.

При работе над своими инициативами Ордин-Нащокин не стремился к слепому копированию чужой экономической системы, а пытался адаптировать работающий механизм к имеющейся системе. Псковский боярин знаменит как первый меркантилист в русской истории, но важно отметить, что меркантилистские идеи не были для него центральными. Доктрина для Афанасия Лаврентьевича была скорее методикой, способствующей достижению государственных целей.

Для того чтобы понять, насколько последовательно и системно меркантилистские идеи были воплощены в уставе, обратимся к его содержанию. Документ состоит из 101 статьи, разделённых на два блока. Первый блок включает 94 статьи и охватывает широкий круг вопросов, регулирующих как взаимоотношения между русскими торговцами, так и положение иностранных купцов на отечественном рынке. Второй блок, состоящий из 7 статей, является сводкой положений из первого, касающихся конкретно деятельности иностранного купечества⁷.

Статьи первого блока, посвященные внутренней торговле, утверждали единообразие подходов к организации «национальной» торговли, сделав, таким образом, Новоторговый устав финальной точкой в формировании единого торгового пространства в Московском государстве.

⁵ Лихач Е. Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич // Русский биографический словарь. Т. 12. СПб., 1902.

⁶ Чистякова Е. В. Новоторговый устав 1667 // Археологический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 108.

⁷ Новоторговый устав 1667 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986.

¹ Реформы в России с древнейших времён до конца XX века. Т. 1. М., 2016. С. 308–309.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Черикова Т. В. Россия и Европа. Век новшеств. М., 2020. С. 498–499.

Во втором фрагменте документа наиболее ярко отражается суть меркантилистской политики, так как он сфокусирован на регулировании деятельности иностранного капитала на отечественном рынке. Это касалось ключевых запросов местной торговой прослойки, поэтому этот блок рассмотрим подробнее.

Первая и вторая статьи в этом блоке посвящены регулированию порядка ввоза товаров и уплаты пошлин. Вводился принцип предварительного таможенного контроля, по которому иностранцы теперь были обязаны предоставлять письменные описи товаров до их выгрузки с корабля, что пресекало возможность утайки части груза. Также добавлялась норма об уплате пошлин дукатами и талерами, что создавало менее выгодные торговые условия для иностранцев и способствовало накоплению драгоценных металлов в казне.

Третья статья запрещает иностранцам заниматься розничной торговлей, полностью передавая её в руки купцов того города, где осуществляется торг. Таким образом, статья одновременно лишает иностранцев части прибыли и снижает конкуренцию для местных торговцев.

Четвёртую и пятую статьи можно рассматривать в совокупности. Они регулируют ввоз и оборот импортных товаров, практически не производящихся в стране (вина и сахара). Четвёртая статья вводит значительное повышение пошлин по сравнению с прежними нормами, а пятая статья устанавливает двойное налогообложение для тех же товаров при их транспортировке во внутренние города. Так, государство с одной стороны получает максимум валюты через пошлины, а с другой стороны создаёт ценовой барьер, делающий импортные товары менее конкурентоспособными по сравнению с местными косвенными аналогами.

Шестая статья вводит жёсткие временные рамки для иностранной торговли в Архангельском порту (главном порту для внешней торговли

XVII в.). Таким образом, иностранцы лишились возможности растягивать торговлю. Это, соответственно, уменьшило конкуренцию с местными купцами.

Седьмая статья стилистически отличается от предыдущих. В отличие от остальных, носящих сугубо регулятивный характер, она представляет собой обоснование вводимой протекционистской политики через перечисление злоупотреблений, чинимых иностранцами на русских рынках.

Множественность и разнородность источниковой базы стали залогом практической эффективности устава. Документ учитывал сложившиеся реалии — отсутствие единого общероссийского экономического пространства из-за ряда факторов и, как результат, угнетённое положение торговой прослойки. После 1667 г. торговое «сословие» Московского государства ощутило качественные изменения. Неудивительно, что обращения к царю с челобитными прекратились. Актуальность мер, принятых Ординым-Нащокиным, определила долговременное действие устава (с незначительными изменениями он действовал вплоть до середины XVIII в.).

Подводя итог, можно отметить, что деятельность А. Л. Ордина-Нащокина стала первым в истории России опытом системной государственной политики, направленной на развитие «национальной» торговли и укрепление торговой прослойки в рамках меркантилистской модели. В отличие от предшествующих разрозненных мер, преобразования, инициированные боярином и поддержанные Алексеем Михайловичем, носили комплексный, законодательно оформленный характер. Были заложены основы для превращения Московского государства из пассивного поставщика сырья и транзитного пункта в активного участника европейской торговли, а также обеспечено развитие и конкурентоспособность русского торгового «сословия».

Библиографический список

1. Лихач, Е. Ордин-Нащокин, Афанасий Лаврентьевич / Е. Лихач // Русский биографический словарь в 25 т. Т. 12. — СПб: Тип. Гл. упр. уделов, 1902.
2. Новоторговый устав 1667 // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. — М.: Юридическая литература, 1986.
3. Разманова, Н. А. Челобитная торговых людей, Торговый и Новоторговый устав как источники формирования экономических воззрений И. Т. Посошкова / Н. А. Разманова // Историко-экономические исследования. — 2014. — № 1. — С. 48–52.
4. Реформы в России с древнейших времён до конца XX в.: в 4 т. Т. 1 / Отв. ред. И. Н. Данилевский. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — С. 308–309.
4. Шумилов, М. М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). / М. М. Шумилов. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 472 с.
5. Чистякова, Е. В. Новоторговый устав 1667 / Е. В. Чистяков // Археографический ежегодник за 1957 год / под ред. Тихомирова. — М.: Наука, 1958. — С. 108.
6. Черикова, Т. В. Россия и Европа. Век новшеств / Т. В. Черникова. — М.: Академический проект, 2020. — 665 с.

Августовский путч 1991 года как опыт информационного вакуума: как слухи формировали коллективное восприятие событий

Кувшинова С. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Институт общественных наук, Москва

Научный руководитель: Байдаков И. М. (РАНХиГС)

В статье на основе анализа мемуаров, интервью и дневников реконструируется феномен информационного вакуума, возникшего в дни августовского путча 1991 года. Показано, что действия ГКЧП по ограничению доступа к информации привели к распространению слухов, которые стали главным инструментом ориентации в кризисной ситуации. Выделены четыре слуховых нарратива: о заточении М. С. Горбачёва, о роли Запада, о применении силы и о страхе гражданской войны. Сделан вывод, что слухи не только отражали коллективные страхи, но и активно формировали поведение, выступая самостоятельной политической силой.

Ключевые слова: августовский путч 1991 года, ГКЧП, информационный вакуум, слухи, импровизированные новости, коллективное восприятие.

К лету 1991 г. кризис легитимности центральной власти в СССР достиг пика, происходила суверенизация республик, подготовка нового Союзного договора, начинался экономический коллапс¹. В условиях системного кризиса создание Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) стало попыткой восстановления управляемости и сохранения советской государственности посредством чрезвычайных мер. В ночь на 19 августа был сформирован ГКЧП, утром был обнародовано заявление о переходе власти². Постановление № 2 ГКЧП от 19 августа 1991 г. разрешило выпуск только девяти газет³, телевидение транслировало «Лебединое озеро», а в Москву ввели войска, запретили митинги. Попытка тотального контроля привела к «эффекту чёрного ящика». Помощник Горбачёва Черняев записал: «20 минут назад связь действовала. Очевидно, заговорщики подготовили вариант изоляции»⁴. Информационный вакуум вызвал паралич элит, но мобилизовал протест⁵.

¹ Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. 1945–2005 гг.: в 3 т. Т. 3. М., 2009. С. 428; Шубин А. В. Парадоксы перестройки: Неиспользованный шанс СССР. М., 2005. С. 345.

² Заявление советского руководства о введении чрезвычайного положения и образовании ГКЧП // Сайт Михаила Горбачёва. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/gkchp_19_1.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

³ Постановление № 2 ГКЧП «О выпуске центральных, московских городских и областных газет» // Сайт Михаила Горбачёва. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/gkchp_19_6.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

⁴ Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника президента СССР. М., 1997. С. 98.

⁵ Волкогонов Д. А. Семь вождей. Кн. 2. М., 1995. С. 402; Коткин С. Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М., 2018. С. 142.

Альтернативными каналами распространения информации стала радиостанция «Эхо Москвы», западные радиостанции и устные пересказы. В условиях дефицита достоверной информации на первый план вышли слухи.

Цель исследования — определить, какие слухи циркулировали в обществе в дни путча и как они формировали коллективное восприятие. Вслед за Т. Шибутани, слухи трактуются нами как «импровизированные новости» — неподтверждённые сообщения, передающиеся в неформальных сетях и выполняющие функцию коллективного осмысления кризиса⁶.

Методологическую основу составляет теория Г. Оллпорта и Л. Постмана: интенсивность слуха (R) пропорциональна значимости события (i) и неопределённости (a): $R \sim i \times a$ ⁷. В августе 1991 г. оба множителя были максимальны: решалось существование СССР, а достоверной информации не было. Научная новизна настоящей работы заключается в комплексном анализе роли слухов как самостоятельного социально-культурного явления в условиях информационного вакуума, возникшего во время августовского путча: в отличие от большинства работ, сосредоточенных преимущественно на политической хронике или институциональных аспектах кризиса, данное исследование акцентирует внимание именно на слухах как инструменте коллективного осмысления⁸.

⁶ Шибутани Т. Импровизированные новости: социологическое исследование слухов // Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением. М., 1998. С. 336–341.

⁷ Allport G. W., Postman L. The Psychology of Rumor. New York, 1948. P. 33.

⁸ Пученков А. С. Августовский путч 1991 г.: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 465.

Источниковая база включает пять групп: мемуары элиты (Горбачёв, Ельцин, Янаев, Лукьянов), свидетельства силовиков (Язов, Лебедь, Крючков), партийных идеологов (Прокофьев, Яковлев), журналистов (Малкина, Познер) и дневники на платформе «Прожито» — было задействовано 16 мемуаров, 18 публикаций в СМИ с одним или несколькими интервью, 7 дневников и 3 сборника документов. Особенностью корпуса источников является процесс мифологизации событий, который начался практически сразу после путча.

Внимание уделялось повторяемости сообщений: в выборку включались те слухи, которые встречались у разных авторов, что могло свидетельствовать об их широкой циркуляции. Дополнительно рассматривались эмоциональная окраска, степень причастности и содержание слухов. Далее слухи были классифицированы по тематике. В результате анализа были выделены следующие нарративы: сообщения о заточении Михаила Горбачёва, интерпретации и ожидания, связанные с ролью Запада, слухи о возможном применении силы, а также страхи, связанные с угрозой гражданской войны. Совокупность этих нарративов позволяет приблизиться к пониманию структуры массового восприятия событий августа 1991 г.

Первый нарратив — «заточение Горбачёва». Существует две конкурирующие версии. Первая (Горбачёв, Черняев, Прошкин, Яковлев): насильственная изоляция. Горбачёв: «Поднимаю трубку — молчит... вторую, третью — то же самое»¹. Прошкин: «Его действительно зажали в Форосе»². Вторая (Руцкой, Лукьянов, Полторанин): самоустранение. Руцкой: «Секретную связь никто не отключал»³. Полторанин: «Он самоизолировался и, попивая чай, наблюдал за спектаклем»⁴. Лукьянов: суд не признал за-

точения⁵. Противоречия между этими точками зрения носят принципиальный характер: они затрагивают вопрос о степени свободы Горбачёва и его роли в событиях. Если первая версия рисует его жертвой заговора, то вторая — стратегом, манипулирующим ситуацией. Эти расхождения не могут быть разрешены однозначно, поскольку каждая сторона апеллирует к субъективным свидетельствам и фрагментарным документам, однако выбор версии зависел от страхов: кто боялся реванша СССР — верил в плен; кто желал порядка — в болезнь.

Второй нарратив — роль Запада. Внутренние тревоги проецировались на внешнего врага. Янаев писал о борьбе с «прозападными политиками, выполняющими команды из Вашингтона»⁶. Среди демократов распространялись слухи об убежище в посольствах. Хасбулатов приводит слова Ельцина: «Нам надо срочно бежать в американское посольство»⁷. Простые граждане боялись возврата «железного занавеса». Кокотов: «Путч меня напугал: большевики снова построят железный занавес»⁸. Нарратив страха вмешательства Запада в августе 1991 г. был не только частью публичной риторики и политического расчёта, но и важнейшим элементом психологической атмосферы тех дней. Ожидание реакции мирового сообщества, подозрения в адрес «прозападных политиков», вопросы иностранных журналистов и постоянные ссылки на внешнюю угрозу оказывали влияние на принятие решений, стратегию сопротивления и массовое восприятие происходящего, что ярко отражено в мемуарных и интервьюированных свидетельствах ключевых участников событий.

Третий нарратив — о применении силы: слухи о расстрельных списках на 70 человек и штурме в ночь на 21 августа⁹. План «Гром» действительно существовал, штурм планировался на 3 часа ночи 21 августа¹⁰. Коржаков писал, что «Альфа»

¹ Горбачёв М. С. Августовский путч (причины и последствия). М., 1991. С. 4.

² Горбачёв, Кравчук, Белковский, Макаревич о путче-91: как и зачем это было // Сноб. URL: <https://snob.ru/selected/entry/79912/> (дата обращения: 15.06.2025).

³ Руцкой А. В. «Ельцин пытался бежать»: неожиданные детали августовского путча-1991 // Московский комсомолец. 19.08.2018. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/08/19/elcin-pytalsya-sbezhat-ruckoy-raskryl-neozhidannye-detali-avgustovskogo-putcha1991.html> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ Прожито. Корпус воспоминаний. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/664664> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ Лукьянов А. И. Август 91-го. Был ли заговор? М., 2010. С. 52.

⁶ Янаев Г. И. ГКЧП против Горбачёва. Последний бой за СССР. М., 2010. С. 130.

⁷ Августовский путч 1991 года: воспоминания очевидцев // Смотри.ру. URL: <https://smotrim.ru/article/1508878> (дата обращения: 15.06.2025).

⁸ Глезин Е. Личные воспоминания о путче 1991 года // Живой Журнал. URL: <https://ed-glezin.livejournal.com/1273692.html> (дата обращения: 15.06.2025).

⁹ Коткин С. Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000 гг. М., 2018. С. 142.

¹⁰ Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть... С. 298.

получила приказ арестовать Ельцина¹. Однако члены ГКЧП отрицали штурм. Язов: «Вопрос о разгоне толпы даже не обсуждался»². Крючков: «Нас остановил фактор пролитой крови»³. Слухи мобилизовали до 200 тысяч защитников⁴. Худиев: «Ни оружия, ни подготовки у нас не было»⁵. Ключевое противоречие заключается в оценке мотивов и действий ГКЧП: был ли это подготовленный силовой захват власти или попытка конституционного предотвращения распада СССР. Обе стороны апеллируют к эмоциональным переживаниям, но их интерпретации событий радикально расходятся.

Четвёртый нарратив — страх гражданской войны. В дневниках: «Спали на полу, боясь снайперов», «Скупали соль, спички, мыло — как перед войной». Лужков вспоминал ажиотаж с закупками хлеба⁶. Горбачёв предупреждал путчистов:

¹ Коржаков А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997. С. 84.

² Язов Д. Т. Август 1991. Где была армия? М., 2011. С. 21.

³ Крючков В. А. Откровения последнего председателя КГБ: «ГКЧП не был таким, каким его малюют» // Комсомольская правда. 21.11.2003. URL: <https://www.kp.ru/daily/25742.3/2729781/> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть... С. 298.

⁵ Путч 1991 года в воспоминаниях // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/putch-1991-goda-v-vozpominaniyax/> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ Прожито. Корпус воспоминаний. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/657050> (дата обращения: 15.06.2025).

«Тогда — гражданская война с колоссальными потерями»⁷. Янаев признавался, что в худшем случае их «просто уничтожат»⁸. Сила и влияние этого слуха объяснялись не соответствием реальности, а способностью мобилизовать участников событий на конкретные действия, которые, в конечном счёте, помогли избежать реализации самых мрачных прогнозов.

Таким образом, выявленные нарративы — заточение руководителя страны, роли Запада, применение силы и страх гражданской войны — отражали структуру массовых тревог и формировали коллективное восприятие событий. Анализ показал, что информационный вакуум, созданный действиями ГКЧП, стал катализатором распространения слухов. Значительным фактором провала ГКЧП стала потеря управления смыслами: пытаясь монополизировать информацию, путчисты создали вакуум, который заполнили «импровизированные новости» и отчасти трансформировались в «самоисполняющиеся пророчества».

Слухи структурировали не только поведение отдельных групп, но и саму память о путче, которая в постсоветской России нередко сводится к противостоянию «демократии» и «хунты». Этот опыт остаётся актуальным и сегодня, напоминая, что в эпоху медийных войн борьба за интерпретацию реальности часто предопределяет её материальные последствия.

⁷ Горбачёв М. С. Августовский путч... С. 103.

⁸ Янаев Г. И. ГКЧП против Горбачёва... С. 102.

Библиографический список

1. Волкогонов, Д. А. Семь вождей: в 2 кн. Кн. 2. / Д. А. Волкогонов. — М. : АО «Издательство «Новости», 1995. — 496 с.
2. Горбачёв, М. С. Августовский путч (причины и последствия) / М. С. Горбачёв. — М. : Новости, 1991. — 96 с.
3. Горбачёв, Кравчук, Белковский, Макаревич о путче-91: как и зачем это было // Сноб. — URL: <https://snob.ru/selected/entry/79912/> (дата обращения: 15.06.2025).
4. Глезин, Е. Личные воспоминания о путче 1991 года / Е. Глезин // Живой Журнал. — URL: <https://ed-glezin.livejournal.com/1273692.html> (дата обращения: 15.06.2025).
5. Коржаков, А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката / А. В. Коржаков. — М. : Интербук, 1997. — 480 с.
6. Коткин, С. Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000 гг. / С. Коткин. — М. : Новое литературное обозрение, 2018. — 352 с.
7. Крючков, В. А. Откровения последнего председателя КГБ: «ГКЧП не был таким, каким его малюют» / В. А. Крючков // Комсомольская правда. 21.11.2003. — URL: <https://www.kp.ru/daily/25742.3/2729781/> (дата обращения: 15.06.2025).
8. Лукьянов, А. И. Август 91-го. Был ли заговор? / А. И. Лукьянов. — М. : Алгоритм, Эксмо, 2010. — 240 с.
9. Пихоя, Р. Г. Москва. Кремль. Власть. 1945–2005 гг.: в 3 т. Т. 3. 1985–2005 гг. / Р. Г. Пихоя. — М. : Новый хронограф, 2009. — 560 с.

10. Пученков, А. С. Августовский путч 1991 г.: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) / А. С. Пученков // Новейшая история России. — 2016. — № 2. — С. 465–471.
11. Руцкой, А. В. «Ельцин пытался сбежать»: неожиданные детали августовского путча-1991 / А. В. Руцкой // Московский комсомолец. 19.08.2018. — URL: <https://www.mk.ru/social/2018/08/19/elcinytalsya-sbezhat-ruckoy-raskryl-neozhidannye-detali-avgustovskogo-putcha1991.html> (дата обращения: 15.06.2025).
12. Черняев, А. С. 1991 год: Дневник помощника президента СССР / А. С. Черняев. — М. : ТЕРРА, Республика, 1997. — 432 с.
13. Шибутани, Т. Импровизированные новости: социологическое исследование слухов / Т. Шибутани // Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением. — М. : Центр, 1998. — С. 336–341.
14. Шубин, А. В. Парадоксы перестройки: Неиспользованный шанс СССР / А. В. Шубин. — М. : Вече, 2005. — 480 с.
15. Язов, Д. Т. Август 1991. Где была армия? / Д. Т. Язов. — М. : Эксмо, Алгоритм, 2011. — 240 с.
16. Янаев, Г. И. ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР / Г. И. Янаев. — М. : Эксмо, 2010. — 224 с.
17. Allport, G. W. The Psychology of Rumor / G. W. Allport, L. Postman. — New York : Henry Holt and Company, 1948. — 247 p.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Мирдитская республика (1921 г.) в контексте политики Лиги Наций

Сердюков Ф. В.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Ражев А. В. (ЧелГУ)

Статья посвящена анализу конфликта, связанного с провозглашением Мирдитской республики на севере Албании летом 1921 года. Данный эпизод представляет собой важный этап в урегулировании отношений между Албанией и Королевством сербов, хорватов и словенцев после Первой мировой войны. Опираясь на архивные материалы Лиги Наций, автор выявляет причины возникновения сепаратистского движения мирдитов, а также роль Королевства СХС в его поддержке. Анализируется деятельность следственной комиссии Лиги, которая доказала искусственность республики, что впоследствии повлияло на международное признание территориальной целостности Албании. В итоге делается вывод, что в данном конфликте Лига Наций продемонстрировала как эффективность, так и пробелы в работе своих институтов. Анализ кризиса позволяет проследить механизмы раннего миротворчества Лиги Наций, что особенно ценно в свете современных дискуссий о роли международных организаций в разрешении региональных конфликтов. Опыт урегулирования Мирдитского вопроса показывает, что даже при несовершенстве правовых инструментов и разногласиях между великими державами международное посредничество способно предотвратить эскалацию насилия и защитить суверенитет малых государств.

Ключевые слова: Мирдитская республика, Лига Наций, Албания, Королевство СХС, территориальный спор, Балканы, международное посредничество, Марко Джони.

Провозглашение Мирдитской республики в июле 1921 г. стало одним из эпизодов, в котором Лиге Наций пришлось разбирать сложный территориальный конфликт между Албанией и Королевством сербов, хорватов и словенцев (далее — Югославией). Цель настоящей статьи — проанализировать этот конфликт, опираясь на электронные архивы Лиги Наций, и выявить механизмы международного посредничества в данном споре.¹

Конфликт вокруг Мирдитской республики долгое время оставался слабо изученным и в историографии, как правило, рассматривался лишь в общем контексте истории Албании (например, в труде К. Фрашери).² Однако в последние годы появились работы, восполняющие этот пробел. Д. Фундич акцентирует внимание на внутривосточных факторах и роли Юго-

славии, тогда как С. Кадрия рассматривает кризис через призму британской дипломатии и влияния Роберта Сесила.³ В более широком контексте албано-югославских отношений и демократического развития Албании отдельные аспекты Мирдитского кризиса также затрагиваются в монографиях П. Мило⁴ и Р. Остина.⁵ В отечественной историографии данная тема специально не рассматривалась.

История Мирдитской республики связана с давним албано-югославским пограничным спором. В 1913 г. Лондонский протокол провозгласил

¹ Архив Лиги Наций: электронный архив документов Лиги Наций (1919–1946). URL: <https://archives.ungeneva.org/> (дата обращения: 25.05.2026).

² Frashëri K. The History of Albania (A Brief Survey). Tirana, 1964. 348 p.

³ Fundić D. The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, and the Republic of Mirdita (1921) // Tokovi istorije. 2024. No 2. P. 39–62. Kadria S. Kryengritja e Mirditës e vitit 1921 dhe çështja kombëtare shqiptare në optikën e diplomacisë britanike // Studia Albanica. 2018. No 12. P. 119–144.

⁴ Milo P. Shqipëria dhe Jugosllavia: 1918–1927. Tiranë, 1992. 492 p.

⁵ Austin R. C. Founding a Balkan State: Albania's Experiment with Democracy, 1920–1925. Toronto-Buffalo, 2012. 232 p.

независимую Албанию, но процесс делимитации ее границы с Сербией и Черногорией носил компромиссный и скоропалительный характер. В результате Сербия, лишённая выхода к Адриатике, считала север Албании своей сферой интересов. Первая мировая война временно заморозила кризис, но после её окончания Албания оказалась разделена на зоны оккупации: итальянцы — на юге и в центре, сербы (уже в составе Югославии) — на севере, греки — на юге. Лишь в декабре 1920 года Лига Наций приняла Албанию в свои члены, однако её границы оставались неопределёнными, а слабое правительство в Тиране не могло взять под контроль северные горные районы, возглавляемые наследственными и враждующими между собой племенными князьями — капеданами.

Нерешённость пограничных вопросов и слабость центральной власти в Тиране создали благоприятную почву для активизации местных сепаратистских сил. Как отмечает П. Мило, именно неурегулированность границ и соперничество великих держав на Балканах стали предпосылками для возникновения подобных кризисов, главным из которых стало движение под руководством Марко Гьони. Он был родственником Пренка Биба Доды — капедана (князя) Мирдиты, представителя правящей династии Гьонмаркай, ставшего заместителем албанского премьер-министра и даже претендовавшего на трон Албании. После его смерти в 1919 г. Марко Гьони заявил о своих правах на должность капедана. Однако его авторитет в племени был низким, многие вожди и соплеменники отказывались его признавать. Как отмечал Роберт Элси, он не пользовался популярностью из-за проявленной во время войны трусости.¹ Вероятно, поэтому он был вынужден опираться на внешние силы для утверждения своей власти.

В июле 1921 года из Призрена — города на территории Югославии — Марко Гьони отправил телеграммы министрам иностранных дел Италии и Югославии, главам ряда других государств, а также в Лигу Наций. Назвавшись «избранным президентом двенадцати племён мирдитов», он объявил о создании Мирдитской республики². Марко Гьони заявил, что мирдиты не признают правительство Тираны, поскольку оно служит интересам мусульман, и просил при-

знать новое государство, обещая дружбу с Италией, Грецией и Югославией. Вскоре последовала вторая телеграмма, где Тирану обвиняли в связях с младотурками и большевиками и в стремлении уничтожить христиан.³ Представляя себя защитником христианства, он явно рассчитывал на сочувствие западных держав и их антиосманскую риторику. Очевидно, что телеграммы Гьони носили пропагандистский характер и были частью информационной войны, инициированной Белградом.

Албанское правительство Ильяса Вриони незамедлительно обратилось в Лигу Наций, поскольку у слабого центрального правительства в Тиране не было ни дипломатического веса, ни военных ресурсов, чтобы противостоять югославским войскам и восстанию мирдитов в одиночку. 6 августа 1921 г. албанский делегат Хил Моси направил генеральному секретарю Лиги Эрику Драммонду письмо, в котором утверждал, что Марко Гьони — человек, «всегда готовый продать тому, кто больше заплатит», — действовал при поддержке югославских властей.⁴ С самого начала Тирана настаивала, что Мирдитская республика — искусственное образование, созданное Белградом для отторжения спорных северных территорий.

Уже 2 сентября в Совете Лиги албанский епископ Фан С. Ноли заявил, что югославские войска вторглись в районы, где прошли парламентские выборы, и что Мирдитская республика имеет столицу на иностранной территории Югославии.⁵ В ответ югославский делегат Мий Йованович потребовал создать международную следственную комиссию, чтобы определить, какое правительство действительно представляет албанский народ. Однако попытка югославского делегата делегитимизировать Тирану провалилась.⁶

При этом острые дебаты в Совете Лиги стали лишь фоном для более широкой дипломатической игры: реакция ведущих держав на этот

³ Telegram from Prizren, August 22, 1921 // League of Nations Archives. Fond S341. Series 6. File 1. P. 302.

⁴ Protest of the Albanian Government against the Actions of the Serbo-Croatian Government in Northern Albania: Note by the Secretary-General, Letter of Hil Mosi, August 6, 1921 // League of Nations Archives. Fond S341. Series 6. File 1. P. 264–266.

⁵ Minutes of the Council Meeting of the League of Nations, September 2, 1921: Statements by Fan S. Noli and M. Jovanović // League of Nations Archives. Fond S341. Series 6. File 1. P. 290–297.

⁶ Ibid. P. 299.

¹ Elsie R. The Tribes of Albania: History, Society and Culture. London, 2015. P. 232.

² Telegram from Prizren, July 17, 1921: Proclamation of the Mirdita Republic // League of Nations Archives. Fond S341. Series 6. File 1. P. 300.

конфликт определялась не столько албанской проблемой как таковой, сколько их стратегическими интересами на Балканах. Так, Италия, рассматривавшая Албанию как зону своих стратегических интересов, не была заинтересована в усилении югославского влияния в регионе, так как вмешательство Югославии на севере задевало прямые экономические и стратегические интересы Рима. Поэтому итальянский делегат Гульельмо Империади заявил, что правительство Тираны является полностью легитимным и имеет право представлять себя в Лиге, а вмешательство во внутренние дела Албании создало бы опасный прецедент. Франция, представленная Леоном Буржуа, лавировала. Она опасалась одновременно и ослабления своего союзника – Югославии, и нарушения международного права. Великобритания же, которую представляли Артур Бальфур, а затем Джон Фишер и Роберт Сесил, стремилась любой ценой избежать новой войны на Балканах, которая могла бы разрушить хрупкую послевоенную систему. При этом Лондон не хотел усиления ни Франции, ни Италии за счёт Албании, но и не желал брать на себя прямое военное вмешательство. В итоге все великие державы согласились не принимать сторону Албании или сторону республики Мирдитов¹. Было решено положиться на факты, собранные независимой комиссией Лиги Наций.

Тем временем интенсивность военных действий нарастала. Албанская сторона неоднократно информировала Лигу Наций о бомбардировках и продвижении сербских войск. В конце сентября 1921 года сообщалось о боях, где сербы якобы применили удушливые газы². Поступили также сведения, что югославское правительство передало Марко Гьони полтора миллиона золотых франков и оружие якобы от имени Франции³. Нарастающий кризис ускорил деятельность Лиги. 28 сентября Ассамблея Лиги приняла две резолюции. Первая рекомендовала Албании принять предстоящее решение Конференции послов о границах. Вторая, по предложению лорда Роберта Сесила, направляла в Албанию комиссию

из представителей не заинтересованных в конфликте стран для расследования инцидентов⁴. Греция попыталась включить в комиссию представителей заинтересованных сторон, но лорд Роберт Сесил и Артур Бальфур отклонили греческое предложение.

Эскалация конфликта достигла пика в ноябре. Белградские газеты сообщили, что югославские войска продолжают наступление и что это представляет угрозу для Тираны. На экстренной сессии Джон Фишер представил Совету развёрнутое обвинительное заключение: он перечислил вторжения «мирдитской армии» Марко Гьони, указал, что сербские регулярные войска дошли до столицы мирдитов Ороши, и заявил о плане отторжения Северной Албании путём создания марионеточной республики. В качестве доказательства он привел такие факты, как: использование сербских офицеров, наличие у мирдитских сил тяжёлой артиллерии и аэропланов, которые могли быть получены только от сербской армии, присутствие русских солдат из армии Врангеля, откровенные публикации в сербской прессе. При этом Фишер подчеркнул, что большинство населения мирдитских племён, включая христианских вождей, верно Тиране.

Значительную роль сыграла Комиссия по расследованию, прибывшая в Албанию в конце ноября, которую возглавлял полковник Шарль Шефер из Люксембурга⁵. Ш. Шефер имел многолетний опыт работы в британских колониальных структурах: он служил в Египте, был близким сотрудником лорда Герберта Китченера и пользовался доверием британских властей, что во многом предопределило его назначение председателем комиссии Лиги Наций⁶. Важно подчеркнуть, что ещё до прибытия комиссии, 22 сентября 1921 года, мирдитские вожди на Генеральной ассамблее в Ороши уже публично осудили Марко Гьони как предателя и заявили о своей верности центральному правительству Албании. Этот факт был зафиксирован в письме албанской делегации в Лигу Наций

¹ Minutes of the Council Meeting, 14th Session, September 2, 1921 // League of Nations Archives. Fond S341. Series 6. File 1. P. 290–297.

² Letter of the Albanian Government to the Secretary-General of the League of Nations, September 25, 1921 // League of Nations Archives. Fond S341. Series 6. File 1. P. 264–266

³ Letter of the Albanian Government, September 25, 1921 // League of Nations Archives. Fond S341. Series 6. File 1. P. 323.

⁴ League of Nations, Document A.135.1921.VII, Second Assembly, Albania – Note by the Secretary-General, September 24, 1921 // League of Nations Archives. Fond S341. Series 6. File 1. P. 428.

⁵ Дневник Комиссии по расследованию событий в Албании (10 ноября – 27 декабря 1921 г.) // Архив Лиги Наций. Ф. S341. Оп. 6. Д. 1. P. 410–432.

⁶ Mersch J. Schaefer Charles (1866–1922) // Biographie nationale du pays de Luxembourg depuis ses origines jusqu'à nos jours: collection présentée par Jules Mersch. Fasc. 1. Luxembourg, 1947. P. 272–293.

от 26 сентября¹. Однако, несмотря на это, югославские войска продолжали поддерживать Гьони, и вооружённый конфликт на севере Албании не утихал. Именно эта продолжающаяся эскалация побудила Лигу Наций создать следственную комиссию. Прибыв на место в конце ноября, комиссия Шефера провела опросы местного населения. Согласно декабрьскому докладу, опрошенные членами комиссии католические мирдитские священнослужители и вожди племени единодушно заявили, что правительство Тираны изначально действовало недальновидно, применив силу вместо переговоров с ними. При этом в докладе прямо отмечалось, что именно югославские пропагандисты воспользовались этим, чтобы убедить горцев, будто Тирана подавляет их религиозные привилегии. В середине декабря Шарль Шефер телеграфировал в Женеву: после консультаций со всеми старейшинами и священниками Ороши он пришел к выводу, что всякая идея независимого мирдитского правительства необоснованна и абсурдна, ибо все отрекаются от Марко Гьони, который может рассчитывать только на несколько семей — беженцев в Призрене². В итоге вожди мирдитов присягнули центральному правительству Албании³.

Решающее значение для судьбы Мирдитской республики имело, однако, не решение Лиги Наций, а Конференция послов в Париже. 9 ноября 1921 г. конференция в составе Великобритании, Франции, Италии и Японии официально подтвердила границы Албании, установленные ещё в 1913 г., — то есть те, что были невыгодны для Югославии. Этот акт лишил Белград каких-либо легальных оснований для дальнейшей поддержки Марко Гьони и его образования. Р. Остин в своей монографии о демократическом эксперименте в Албании отмечает, что решение Конференции послов стало поворотным моментом, поскольку лишило Югославию легальных оснований для вмешательства и позволило Лиге Наций применить дипломатическое давление. П. Мило также подчёркивает, что подтверждение границ 1913 года было воспринято в Тиране

как победа, хотя и не решило всех территориальных проблем. Под давлением Лиги Наций югославские войска были выведены без серьёзных инцидентов, а 27 декабря 1921 г. специальная комиссия засвидетельствовала окончательное урегулирование мирдитского вопроса⁴. Так республика, просуществовавшая менее полугода, прекратила своё существование.

Конфликт вокруг Мирдитской республики в 1921 г. был важным событием для Албании и для всей системы международных отношений, сложившейся после Первой мировой войны. Его рассмотрение позволяет сделать несколько выводов, значимых для разных уровней анализа.

Для Албании этот конфликт стал серьёзным испытанием. Правительство в Тиране было слабым и не могло самостоятельно противостоять давлению со стороны Югославии. Тем не менее, благодаря вмешательству Лиги Наций Албания смогла сохранить свою территорию. Подтверждение границ 1913 г. решением Конференции послов в ноябре 1921 г. и вывод югославских войск укрепили международное положение страны. В то же время кризис показал, что Албания не имела достаточно сил для контроля над северными районами, а её безопасность зависела от внешней поддержки.

Для Балкан Мирдитский кризис стал одним из примеров того, как послевоенная система регулировала территориальные споры. Великие державы, несмотря на различия в интересах, не допустили изменения границ силой. Конфликт также показал, что местные племенные движения могли легко использоваться соседними государствами в своих целях. Опыт урегулирования этого спора подтвердил, что стабильность в регионе требовала постоянного внимания со стороны международного сообщества.

Для Лиги Наций этот кризис стал первой серьёзной проверкой её механизмов. Лига смогла организовать расследование на месте, создать независимую комиссию и добиться вывода войск. Расследование показало, что Мирдитская республика не пользовалась поддержкой населения и была создана при участии Югославии. Однако у Лиги были и ограничения: она не предотвратила сам конфликт, не осудила прямо Белград, а её решения определялись позицией великих держав, прежде всего Великобритании и Италии.

⁴ Telegram from the Commission of Inquiry, December 27, 1921: Confirmation of the Final Settlement of the Mirdita Question // League of Nations Archives. Fond S393. Series 58. File 2. P. 426.

¹ Letter of the Albanian Delegation (Oroshi, via Vlora) to the League of Nations, September 26, 1921 // League of Nations Archives. Fond S341. Series 6. File 1. P. 360.

² Telegram from the Commission of Inquiry to the Secretariat, December 17–18, 1921 (Appendix II) // League of Nations Archives. Fond S393. Series 58. File 2. P. 426.

³ Resolution of the Mirdita Chieftains, September 22, 1921 // League of Nations Archives. Fond S341. Series 6. File 1. P. 360.

Таким образом, успех Лиги зависел от того, насколько совпадали интересы её ведущих членов.

В итоге Мирдитская республика просуществовала недолго — около полугода. Её история

показывает, как слабость малых стран в международных отношениях, так и возможность международных институтов влиять на разрешение региональных конфликтов.

Библиографический список

1. Austin, R. C. *Founding a Balkan State: Albania's Experiment with Democracy, 1920–1925* / R. C. Austin. — Toronto-Buffalo : University of Toronto Press, 2012. — 232 p.
2. Elsie, R. *The Tribes of Albania: History, Society and Culture* / R. Elsie. — London : I. B. Tauris, 2015. — 368 p.
3. Frashëri, K. *The History of Albania (A Brief Survey)* / K. Frashëri. — Tirana : 8 Nëntori Publishing House, 1964. — 348 p.
4. Fundić, D. *The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, and the Republic of Mirdita (1921)* / D. Fundić // *Tokovi istorije*. — 2024. — No 2. — P. 39–62.
5. Kadria, S. *Kryengritja e Mirditës e vitit 1921 dhe çështja kombëtare shqiptare në optikën e diplomacisë britanike* / S. Kadria // *Studia Albanica*. — 2018. — No 1–2. — P. 119–144.
6. Mersch, J. *Schaefer Charles (1866–1922)* / J. Mersch // *Biographie nationale du pays de Luxembourg depuis ses origines jusqu'à nos jours: collection présentée par Jules Mersch*. — Fasc. 1. — Luxembourg : Imprimerie de la Cour Victor Buck, 1947. — P. 272–293.
7. Milo, P. *Shqipëria dhe Jugosllavia : 1918–1927* / P. Milo. — Tiranë : Enciklopedike, 1992. — 492 p.

Образ руководителей НКВД и руководителей Коминтерна в письмах У. фон Брокдорф-Ранцау в условиях Рурского кризиса

Шапкина И. М.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Ражнев А. В. (ЧелГУ)

Статья посвящена проблеме восприятия советского руководства германским послом в Москве У. фон Брокдорф-Ранцау в период острого кризиса 1923 г. Автор проводит системный анализ, выделения ключевые компоненты образа советского руководства (отношение к личности Г. В. Чичерина, М. М. Литвинова, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и Э. М. Склянского, оценка внутривластной стабильности СССР, мотивов и целей советской внешней политики). Автор показывает, как кризис в Руре повлиял на тон, содержание и оценки У. Брокдорф-Ранцау.

Ключевые слова: Москва-Берлин, Рурский кризис, НКВД и Коминтерн, У. фон Брокдорф-Ранцау.

В условиях Рурского кризиса 1923 г. посол Германии в СССР Ульрих фон Брокдорф-Ранцау был вынужден вести двойную игру. С одной стороны, он должен был поддерживать тесные дружественные связи с Советской Россией, установившиеся после заключения Рапалльского договора, а с другой — стремиться не допустить франко-русского сближения. Огромная роль посла заключалась еще и в том, что на основе его донесений рейхсканцлер Германии В. Куно, а с сентября 1923 г. Г. Штресеман определяли внешнеполитический курс Германии. На протяжении всего беспокойного 1923 г. Г. Штресеман спрашивал совета у Ранцау насчет того, каково отношение советского руководства в лице НКВД и Коминтерна к происходящим событиям. А отношение это было далеко неоднозначным, о чем свидетельствуют письма Ранцау.

Будучи аристократом по происхождению, с присущей высокомерностью и холодностью, Ранцау был более расположен идти на контакт с человеком «своего» круга, коим был Г. В. Чичерин — нарком иностранных дел РСФСР, затем СССР. Русский аристократ с немецкими корнями (его предки по женской линии происходили из лифляндского рода фон Мейендорф) по своим привычкам, вкусам и образованию настолько соответствовал послу, что личный контакт между ними возник сам собой.

Впервые дипломаты официально познакомились во время Генуэзской конференции в апреле 1922 г., где Г. В. Чичерин возглавлял советскую делегацию, а У. Брокдорф-Ранцау — немецкую. Несмотря на то, что это была их первая личная встреча, они действовали в рамках уже налаженного неофициального контакта между двумя государствами. Оба министра понимали, что их страны находятся в сложном положении: Гер-

мания и Россия получили наибольший ущерб в результате Первой мировой войны и только благодаря друг другу могли восстановить свое бывшее могущество.

Их личное знакомство и переговоры в Генуе привели к одному из самых значительных дипломатических прорывов того времени — заключению Рапалльского договора 16 апреля 1922 г., определившего тесное советско-германское сотрудничество в экономической и военной областях.

В то же время на фоне Рурского кризиса в 1923 г. Москва была заинтересована в перерастании Рурского кризиса в революцию, в которую она была готова активно вмешаться¹. В сложившейся ситуации германской дипломатии была поставлена задача отговорить советское руководство от вмешательства во внутренние дела Германии. В то же время Берлин был обеспокоен попытками советского правительства вести переговоры одновременно и с Францией. Это снижало доверие германского руководства к заявлениям советских деятелей о расширении торговли с Германией².

На фоне подобных беспокойств и определенного недоверия возникали ситуации недопонимания. Так, в апреле 1923 г. Г. В. Чичерин пытал-

¹ Шапкина И. М. Как советский дипломат пытался организовать революцию в Германии? // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала. Вып. 8. Челябинск, 2024. с. 99–101.

² Шапкина И. М. Советско-германские отношения в условиях Рурского кризиса в оценках У. фон Брокдорфа-Ранцау // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/irina-shapkina/sovetskogermanskie-otnosheniya-v-usloviyakh-rurskogo-krizisa-v-otsenka/> (дата обращения: 22.01.2026).

ся уверить У. Брокдорф-Ранцау, что российское правительство и русский народ не могут допустить угнетения и уничтожения немецкого народа. Переговоры с Францией со стороны России были прекращены во время операции в Руре. В конечном итоге речь шла о борьбе пролетариата¹.

Через несколько дней после таких громких слов в советской прессе вышло заявление председателя Коминтерна Г. Е. Зиновьева о том, что в России будут рады вступить в дружеские отношения даже с сегодняшней Францией. У. Брокдорф-Ранцау писал: «Я прямо сказал Г. В. Чичерину, что такое заявление одного из ведущих членов советского правительства меня удивило. До сих пор я слышал от Г. В. Чичерина заверения о том, что сближение СССР с Францией, которая является воплощением капиталистического империализма, попросту невозможно»². Чичерин начал оправдываться тем, что Зиновьев в своей речи имел в виду только экономическое сотрудничество с Францией. Ранцау ответил, что вряд ли за границей это заявление будет воспринято именно так. Подводя итог в своих заключениях, посол отмечал, что в результате французского вторжения в Рур совершенно очевидно экономическое и политическое ослабление Германии, из-за чего ценность совместной работы Германии с Россией оказалась снижена.

И тем не менее Брокдорф-Ранцау считал Чичерина одним из немногих в советском руководстве, кто мыслил категориями «государственных интересов», а не только мировой революцией. С ним можно было говорить на одном языке, что подразумевало не только немецкий и французский языки, на которых они общались, но и схожую культурную и интеллектуальную общность. До самой своей смерти в 1928 г. между У. Брокдорф-Ранцау и Г. В. Чичериным сохранялись теплые дружественные отношения. Будучи при смерти, граф попросил своего брата-близнеца Эрнста фон Брокдорф-Ранцау передать наркому, что он благодарит обоих комиссаров, особенно Г. В. Чичерина, за веру в сотрудничество, которую он всегда находил у него в трудные годы. Его последняя и твердая надежда, сказал он, состоит в том, что германский и русский народы смогут общим трудом достичь той цели, которой они желают³.

¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (ADAP) [aus dem Arch. des Auswärtigen Amtes]. Ser. A: 1918–1925, Bd. 7, Dok. Nr. 204, S. 560–563.

² ADAP, Bd. 7, Dok. Nr. 206, S. 567.

³ Хавкин Б. Л. Граф Ранцау и Дух Рапалло // Независимое военное обозрение: Независимая газета.

Взаимоотношения с заместителем наркома по иностранным делам М. М. Литвиновым кардинально отличались. Они были напряженными, недоверчивыми, носили прагматичный характер. Несмотря на личную антипатию, оба понимали стратегическую важность «Духа Рапалло», направленного на «снятие оков Версальского диктата». Будучи первым послом Германии в Москве, Ранцау был вынужден постоянно вести дела с Литвиновым, который часто выступал в роли переговорщика. У них возникали постоянные споры по торговым вопросам, особенно в свете событий 1923 г.

В своем письме к Штреземану от 2 мая 1924 г. Брокдорф-Ранцау указывает, что Литвинов считается англоманом и больше настроен на сотрудничество Советского Союза с Англией, а не с Германией⁴. К тому же, как отмечал сам посол, он не всегда говорил правду, что затрудняло Брокдорф-Ранцау формулировку своей позиции по поводу советско-германских отношений. В сложившейся обстановке он рекомендовал своему руководству в отношении России временами проявлять холодную сдержанность, а при необходимости — недвусмысленную открытость⁵.

Отношение Брокдорф-Ранцау к Литвинову было негативным на личном и идеологическом уровне, но вынужденно прагматичным на уровне государственной политики. Немецкий посол видел в Литвинове умного, хитрого и опасного противника, однако стратегическая необходимость сотрудничества с СССР для ослабления Версальских ограничений заставляла его подавлять личную антипатию и вести сложные, часто конфронтационные переговоры. Несмотря на всю враждебность, Брокдорф-Ранцау признавал, что Литвинов был тем человеком, с которым можно и нужно вести дела, так как он представлял «прагматичное» крыло в советском руководстве. С ним все-таки можно разговаривать, в отличие от радикалов из Коминтерна⁶.

Вышеупомянутый Г. Е. Зиновьев в глазах германского посла представлен как раз радикалом из Коминтерна. Будучи консерватором и националистом, У. Брокдорф-Ранцау презирал большевизм и с подозрением относился к советским лидерам. Зиновьев, как председатель Исполкома

URL: https://nvo.ng.ru/history/2021-12-09/14_1169_history.html (дата обращения: 21.01.2026).

⁴ ADAP, Bd. 7, Dok. Nr. 70, S. 213–214.

⁵ ADAP, Bd. 8, Dok. Nr. 7, S. 78–79.

⁶ ADAP, Bd. 7, Dok. Nr. 85, S. 189.

Коминтерна (ИККИ), был для него олицетворением этого враждебного режима. Вести с ним какие-либо переговоры было сложно, поскольку Ранцау видел в России стратегически важного союзника Германии, а Зиновьев даже в малейшем волнении германских рабочих, особенно в октябре 1923 г., видел возможность свершения там коммунистической революции, что автоматически подразумевало разрыв любых отношений между двумя странами¹. Посол считал, что Зиновьев готов пожертвовать тесными отношениями между СССР и Германией ради мировой революции. Деятельность Коминтерна, которую курировал Зиновьев, постоянно подрывала, по мнению посла, стабильность Веймарской республики.

После заявления Г. Е. Зиновьева о возможном союзе советской России с Францией, а также после опровержения данных слов Чичериним, Ранцау сообщал своему руководству о том, что между НКВД и Коминтерном существуют явные противоречия и поэтому Германии следует проводить более сдержанную политику в отношении СССР. Двойственная политика Москвы, когда Чичерин ведет переговоры, а Зиновьев готовит революцию, делает Советскую Россию ненадежным партнером. Посол также характеризовал деятельность Зиновьева как подстрекательство, которое наносит ущерб дружественным советско-германским отношениям².

Ранцау относился к Г. Е. Зиновьеву с крайним недоверием, подозрением и откровенной неприязнью. Это отношение было частью его общего скептицизма по поводу истинных намерений советского руководства и его опасений перед «мировой революцией». Брокдорф-Ранцау в своих письмах в МИД Германии описывал Зиновьева в резких тонах, характеризуя его как демагога, фанатика и источник постоянной опасности для советско-германских отношений³.

На протяжении всего своего пребывания в Москве, с 1922 по 1928 гг., Ранцау неоднократно сообщал своему руководству о том, что с Советской Россией можно построить конструктивный диалог, но существующие между руководителями НКВД и Коминтерна противоречия крайне осложняют процесс переговоров.

Вступив в должность посла Германии в СССР в ноябре 1922 г., У. Брокдорф-Ранцау заявил, что советско-германское тайное военное сотрудни-

чество будет развиваться под его пристальным взглядом⁴. В связи с этим он часто вел переговоры с Л. Д. Троцким, занимавшим в то время пост наркома по военно-морским делам. Отношения между ними были холодными, но уважительными и прагматичными. Брокдорф-Ранцау видел в Троцком одного из ключевых и самых дееспособных лидеров Советской России. Он ценил в Троцком интеллект, волю и организаторские способности. Видел в нем государственного деятеля, понимающего необходимость военно-технического альянса Советского Союза с Германией.

В своем мартовском донесении 1923 г. в МИД Германии Ранцау сообщал, что Троцкий хотел вести с ним переговоры при посредничестве лиц военного ведомства, что означало отсутствие Чичерина в качестве переводчика⁵. Это условие крайне не устраивало посла. Его беседа с Троцким прошла напряженно, каждый вел свою игру и достичь взаимопонимания не удалось.

Но уже в декабре того же года между Ранцау и Троцким состоялся откровенный разговор, в ходе которого обсуждалась коммунистическая агитация в Германии, отношения между Россией и Францией и советско-германское сотрудничество. «Приветствие было теплым, но Троцкий явно нервничал...» — так описывает Ранцау начало их беседы. Далее посол заявил, что благодаря таким открытым обсуждениям Россия и Германия могут объединиться: «Я верю, что только личности могут управлять судьбами народов, я знаю, что он и я — личности, и я держу свое слово <...> Я верю, что сильная воля все еще может справиться с обстоятельствами сегодня. Я хотел бы сотрудничать с Троцким и искренне благодарю его за доверие, которое он оказал мне сегодня»⁶. Брокдорф-Ранцау неоднократно подчеркивал своему руководству, что, в отличие от идеологических дискуссий с Зиновьевым, Троцкий говорил с ним на языке *Realpolitik*, отодвигая идеологические противоречия на второй план. У. Брокдорф-Ранцау относился к наркому по военно-морским делам с большим уважением и видел в нем важного партнера для реализации военных и дипломатических интересов Германии в России, а также прагматичного политика, с которым можно вести дела на взаимовыгодной основе.

В письмах посла особый интерес представляет его беседа с ближайшим соратником

¹ ADAP, Bd. 7, Dok. Nr. 206, S. 565–568.

² ADAP, Bd. 7, Dok. Nr. 54, S. 192–193.

³ ADAP, Bd. 7, Dok. Nr. 206, S. 567.

⁴ ADAP, Bd. 6, Dok. Nr. 181, S. 375.

⁵ ADAP, Bd. 6, Dok. Nr. 118, S. 327.

⁶ ADAP, Bd. 9, Dok. Nr. 59, S. 204–209.

Л. Д. Троцкого Э. М. Склянским в апреле 1923 г. по поводу поставок немецкого вооружения в Москву. Встреча длилась полтора часа в очень напряженной обстановке. Склянский, как отмечал Ранцау, видимо, не до конца понимал, кто перед ним, и поэтому вел себя иронично и неуважительно. В ответ на это Ранцау держался холодно, сдержанно и пришел к выводу, что советскому правительству сложно доверять, поскольку политику государства определяют люди с различными точками зрения¹. У. Брокдорф-Ранцау считал Э. М. Склянского «типичным большевиком», с которым невозможно иметь дело².

Таким образом, на основе переписки У. Брокдорф-Ранцау можно сделать общий вывод о ру-

ководителях НКВД и Коминтерна в контексте событий Рурского кризиса. Если с советскими дипломатами в лице Г. В. Чичерина и М. М. Литвинова можно договориться, то с представителями Коминтерна постоянно возникали трудности. Противоречия, существующие между советским руководством, серьезно осложняли деятельность посла, которая заключалась в определении позиции Германии по отношению к СССР. В то же время, несмотря на кардинальное различие политических режимов У. Брокдорф-Ранцау был убежден, что «буржуазная Германия и революционная советская Россия могли бы вместе пройти большой путь в интересах мирного восстановления своих стран»³.

¹ ADAP, Bd. 7, Dok. Nr. 215, S. 589.

² ADAP, Bd. 7, Dok. Nr. 215, S. 587–588.

³ ADAP, Bd. 7, Dok. Nr. 215, S. 595.

Библиографический список

1. Хавкин, Б. Л. Граф Ранцау и Дух Рапалло / Б. Л. Хавкин // Независимое военное обозрение: Независимая газета. — URL: https://nvo.ng.ru/history/2021-12-09/14_1169_history.html (дата обращения: 21.01.2026).
2. Шапкина, И. М. Как советский дипломат пытался организовать революцию в Германии? / И. М. Шапкина // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала. Вып. 8. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2024. — С. 99–101.
3. Шапкина, И. М. Советско-германские отношения в условиях Рурского кризиса в оценках У. фон Брокдорфа-Ранцау / И. М. Шапкина // Российский совет по международным делам. — URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/irina-shapkina/sovetskogermanskietochnosheniya-v-usloviyakh-rurskogo-krizisa-v-otsenka/> (дата обращения 22.01.2026).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Становление советско-турецких отношений: миссия Халил-паши в Москву в мае 1920 г. в оценках Г. В. Чичерина

Винокурова С. Д.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Ражев А. В. (ЧелГУ)

В статье рассматриваются документы личного фонда из цифровой коллекции АВП РФ. На их основе исследуется специфика ранних советско-турецких контактов сквозь призму восприятия главой НКВД Г. В. Чичериным. Показано, что в основании партнёрства лежал не идеологический выбор, а прагматичный расчёт как ответ на внешние угрозы в условиях краха прежней системы международных отношений. Выявлены противоречия внутри советского руководства. Вопреки стремлению Коминтерна и Политбюро к экспорту революции, Г. В. Чичерин отстаивал рациональный подход к сотрудничеству с кемалистами и отказ от идеи её советизации. Делается вывод, что государственный интерес и прагматизм в советско-турецких отношениях в итоге возобладали над идеологическими установками.

Ключевые слова: советско-турецкие отношения, кемалистское движение, Г. В. Чичерин, большевизм, Кут Халил-паша, доктрина Монро для Азии.

После Первой мировой войны Советская Россия оказалась в международной изоляции, переживая последствия революции и интервенции. Москва остро нуждалась в партнёрах для ослабления давления Антанты и защиты границ. Схожий кризис сложился на Ближнем Востоке. Падение Османской империи привело к её разделу между победителями. Султанское правительство бездействовало, опасаясь революции, и надеялось подавить её с помощью иностранных войск. В ответ недовольные элементы общества стали стекаться в Малую Азию, где сформировалось независимое правительство Мустафы Кемаля. Несмотря на недавнюю войну и взаимное недоверие новых режимов, в условиях изоляции и борьбы за суверенитет обе страны нуждались друг в друге.

Ранний этап советско-турецких отношений подробно исследован в трудах А. Н. Хейфеца¹, фокусировавшегося на сложностях сотрудничества, и А. М. Шамсутдинова², анализировавшего его динамику. В советской историографии нередко было свойственно сглаживать противоречия,

а также личные оценки отдельных деятелей часто оставались на периферии внимания учёных. Цель исследования: на основе анализа оценок миссии Халил-паши в отчёте Г. В. Чичерина и дипломатической переписке выявить специфику противостояния прагматического и идеологического подходов во внешней политике РСФСР весной 1920 г. Основным источником исследования послужили документы из личного фонда Г. В. Чичерина из цифровой коллекции АВП РФ³.

26 апреля 1920 г. президент Великого национального собрания Турции (ВНСТ) Мустафа Кемаль-паша первым направил письмо В. И. Ленину, предлагая скооперировать силы против империалистов. Кемаль заявлял о готовности к совместным действиям на Кавказе. При условии изгнания англичан из Грузии советскими силами Турция обязывалась выступить против дашнакской Армении и содействовать вхождению Азербайджана «в круг советских государств»⁴. Взамен он просил

¹ Хейфец А. Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918–1920). М., 1964. 471 с.

² Шамсутдинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918–1923 гг. М., 1966. 359 с.

³ АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Революция 1917 года: Судьбы русской и советской дипломатии. URL: <https://1917.mid.ru/search/?tags=&q=Установление+отношений+между+СССР+и+Турцией&how=g> (дата обращения: 09.04.2026).

⁴ АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Оп. 39. Д. 52987. Л. 1.

пять миллионов турецких лир золотом, оружие, боеприпасы и продовольствие. Это обращение встретило в Москве прагматичный отклик. Сам факт готовности незамедлительно принять турецких представителей свидетельствовал о высокой заинтересованности РСФСР в сотрудничестве, а вскоре в Москву прибыла делегация во главе с Кут Халил-пашой.

Выбор состава делегации был не случайным. Кут Халил-паша был известным военачальником Османской империи в Первой мировой войне, прославившийся победой над англичанами при Кут-эль-Амаре¹, а также дядей бывшего лидера младотурок Энвера-паши, что свидетельствует о его высоком военном и государственном авторитете. Кемалисты во многом делали ставку на его личные связи и репутацию героя войны с империалистами.

Итоги встречи с турецкой делегацией Г. В. Чичерин изложил в отчёте В. И. Ленину от 16 мая 1920 г.² Упомянув в докладе состав делегации, нарком выделил вторую фигуру — Али Фуат-пашу, выдающегося военачальника Первой мировой войны и ближайшего сподвижника и одноклассника Мустафы Кемалю. Г. В. Чичерин подчёркивал, что Фуат-паша позиционировал себя как коммуниста³. Для турецкой стороны это была намеренная демонстрация наличия среди кемалистов людей, разделяющих идеи большевиков. Такой приём был рассчитан скорее на сторонников мировой революции в Политбюро и Коминтерне. Однако Г. В. Чичерин не поверил в искренность этого жеста, разоблачая за маской идеологического сходства сугубо прагматичное стремление получить помощь. Указывая В. И. Ленину на взгляды Фуат-паши, нарком специально подчёркивал наигранность шага и предостерегал от излишнего доверия к туркам. В этой манипуляции глава НКВД усматривал крайнюю нужду Турции в помощи. По сути, Г. В. Чичерин обращался к ленинской концепции о необходимости временных союзов с национально-освободительными движениями, которую сам Ленин формулировал для делегатов Коминтерна.

На переговорах Халил-паша просил предоставить ВНСТ амуниции и деньги, поскольку войска ощущали нехватку вооружения⁴. Кроме того,

по сводкам Кавказского РОСТА⁵, турецкие представители ещё на пути в Москву зондировали почву на возможность оборонительного союза. Эти сигналы укрепляли убеждённости Г. В. Чичерина в зависимости Анкары от советской помощи, он понимал, что её нельзя отталкивать⁶.

Симпатии к кемалистам объяснялись не только их антиимпериалистической позицией, но и проявлением интереса к большевизму. В сообщениях вестника РОСТА после беседы с Халил-пашой в Пятигорске утверждалось, что десятимиллионное население Малой Азии склоняется к советскому строю⁷. Г. В. Чичерин, получавший эти сводки, скептически отнёсся к этим заявлениям, понимая, что турки лишь стремились повысить свою ценность в глазах советского руководства.

Сведения от делегатов Г. В. Чичерин подвергал критическому анализу, делая свои выводы о структуре турецкого общества. Он констатировал, что те заявления о склонности к большевизму являются преувеличением. Основу этого общества составляли крестьянство и мелкая буржуазия, которых угнетала бюрократия и паши. Г. В. Чичерин также отмечал, что крупное землевладение в Анатолии было уничтожено ещё Махмудом II, оно отчасти восстановилось позже, но помещиков крайне мало и, как предполагал нарком, их «скорее всего прогонят»⁸. В Турции не было развитого промышленного пролетариата, как в России, а капитал имел иностранное происхождение, вследствие чего внутриклассовой борьбы как таковой не возникало. Г. В. Чичерин в отчёте настойчиво убеждал руководство, что для коммунизма в Турции почвы нет, в отличие от большевизма, поскольку война ведётся против внешнего врага, а глубокого социального конфликта нет. Популярность большевизма объяснялась ненавистью к западному капиталу и своим угнетателям. Г. В. Чичерин также заверял, что и большевизм в турецкой интерпретации — лишь инструмент антиимпериалистической войны.

Существовали и другие факторы, показывавшие, что Турция не пригодна для построения коммунизма. Большеви́стская программа предполагала национализацию земель духовенства

¹ Martirosyan T. Kut, Khalil // 1914–1918 Online: International Encyclopedia of the First World War. Ed. W. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, et al. Berlin, 2022.

² АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Оп. 39. Д. 52987. Л. 3.

³ Там же.

⁴ АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Оп. 39. Д. 52987. Л. 3.

⁵ РОСТА — Российское телеграфное агентство, центральный информационный орган РСФСР.

⁶ АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Оп. 39. Д. 52987. Л. 2.

⁷ АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Оп. 39. Д. 52987. Л. 2.

⁸ АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Оп. 39. Д. 52987. Л. 3.

и постепенное искоренение религии в обществе¹. Эти идеи не находили отклика в турецком религиозном обществе. В войне за независимость Ататюрк опирался на поддержку духовенства для легитимации власти и получения материальных ресурсов. Во внешней политике религиозный авторитет Турции использовался для восстановления статуса защитника мусульман и крепких связей с исламскими странами, отправлявшими ВНСТ деньги, поскольку, по словам историка-востоковеда Н. Г. Киреева, «Анкара сделалась в глазах мусульман второй Меккой» после предательства султана². Г. В. Чичерин, будучи реалистом³, видел эти фундаментальные различия, они служили для него очередным аргументом, что построение в Турции классической советской республики маловероятно. Нарком понимал, что правительство Кемаля не могло проводить политику, подобную большевистской.

Однако глава НКВД не отвергал полностью перспектив советского влияния в Турции. В докладе он отмечал заинтересованность турок в создании российского постоянного представительства, типографий и издательств. Г. В. Чичерин признавал, что создание этих структур открывало новые возможности для расширения влияния. Нарком отмечал, что коммунизм лишь постепенно можно будет «популяризовать в деревне»⁴. Соответственно, появляется перспектива для устройства в Турции республики по советскому образцу, только с другими Советами.

О таком развитии событий Г. В. Чичерин отзывался сдержанно и скептически. По его оценке, такой «ненастоящий советизм» не принесёт пользы, а «будет только путать умы»⁵. Под фасадом «советской республики» будет сохраняться прежний уклад, та же частная собственность, «эксплуатация», буржуазия, ислам, национализм. Нарком предупреждал, что такая имитация может компрометировать советскую власть и идею коммунизма.

¹ Музафарова Н. И. Отношение советской власти к религии (1917–1939 годы). // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Исторические науки». 2016. № 1 (21). С. 44–46.

² Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007. С. 132.

³ Макаренко П. В. Нарком Г. В. Чичерин и советская внешняя политика. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «История. Политология. Социология». 2011. № 349. С. 106.

⁴ АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Оп. 39. Д. 52987. Л. 3.

⁵ Там же.

Г. В. Чичерин реалистично оценивал возможность настоящей советизации Турции, поскольку отчётливо видел расхождение долгосрочных целей Москвы и Анкары. Он взвешивал не только выгоды, но и настойчиво предостерегал от возможных рисков.

В контексте внутрипартийной борьбы в РСФСР нарком выступал с жёсткой критикой радикальной революционной линии Политбюро и Коминтерна. В то время как председатель Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьев и его сторонники, вырабатывавшие общую линию по Востоку, продолжали рассматривать кемалистов лишь как временных попутчиков на пути к классовой борьбе в Анатолии, Г. В. Чичерин добивался долгосрочного межгосударственного партнёрства без форсирования социальных конфликтов. Его позиция по турецкому вопросу была частью широкого политического курса, где он отстаивал, что внешняя политика должна базироваться на защите государственных интересов при ограниченном примате идеологии. Г. В. Чичерин настойчиво убеждал В. И. Ленина не питать иллюзий о вероятности турецкой революции и упорно склонял руководство к рациональному подходу, принятию кемалистов такими, какие они есть, и сотрудничеству с ними, как с наиболее влиятельной и перспективной силой.

Нарком предостерегал правительство от ввязывания в авантюры и переоценки собственных сил, увлекаясь «большими перспективами»⁶, но признавал, что сближение с Турцией значительно усилит советские позиции на Востоке и Кавказе, куда большевики хотели распространить свою власть. Кроме того, это безопасность южных границ России.

Особое место в отчёте занимал анализ стратегии по азиатскому региону. Программу Халил-паши Г. В. Чичерин назвал «доктриной Монро для Азии»⁷. Невмешательство во внутренние дела стран Азии и принцип, что азиатские территории не могут колонизироваться другой державой, стали основополагающими. Эта доктрина служила инструментом поддержки освободительных движений стран Азии и легитимировала антиимпериалистическую войну. Характерно, что эта формула, предложенная турецкой стороной и трезво оценённая Г. В. Чичериным, впоследствии станет одной из основ советской политики на Востоке, оправдывая союзы с некоммунистическими национальными режимами.

⁶ АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Оп. 39. Д. 52987. Л. 3.

⁷ АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Оп. 39. Д. 52987. Л. 4.

Сотрудничество с кемалистами было критически важно для нейтрализации мощного антисоветского движения басмачей в Средней Азии¹. Красная армия в условиях Гражданской войны не могла держать там крупные силы. Басмачи опирались на идеи панисламизма, историческим центром которого была Турция. Чичерин осознавал, что Анкара способна как направить басмачество против России, так и идеологически переориентировать конфликт на совместное противостояние Антанте. «Азиатская доктрина Монро» становилась инструментом убеждения восточных народов, что РСФСР наравне с Турцией борется за их права, делая борьбу с большевиками бессмысленной. Доктрина служила и средством убеждения руководства принять курс на сотрудничество с кемалистами. Заведения турецкой стороны в поддержке советской политики в Иране, Афганистане и Индии² Г. В. Чичерин воспринял осторожно, понимая, что это способ для Турции укрепить собственные региональные позиции, а не следствие того, что кемалисты прониклись идеями большевизма.

Доводы наркома убедили В. И. Ленина, поскольку вопреки радикализму Коминтерна руководство РСФСР приняло «чичеринский» курс, что отразилось в ответном письме от 4 июня 1920 г., где Чичерин отметил, что советское пра-

вительство «с удовлетворением приняло к сведению основные принципы внешней политики нового турецкого правительства»³, сводившиеся к обеспечению территориальной целостности и национального суверенитета. Москва фактически признала кемалистов единственной легитимной властью в Турции, проигнорировав султана. Такой подход, лишённый идеологического диктата и требований о немедленной советизации, и нужен был турецкой стороне, получившей из послания сигнал о готовности к равноправному диалогу.

Таким образом, анализ первых контактов между РСФСР и правительством Мустафы Кемала на основе отчёта Г. В. Чичерина показывает, что в основе сближения лежали не идеологические симпатии, а прагматичный ответ внешней угрозе после краха прежней системы международных отношений. Сложность сотрудничества заключалась в том, что в руководстве страны не существовало единой позиции по турецкому вопросу. Политбюро и Коминтерн придерживались линии экспорта мировой революции, Г. В. Чичерин же, как глава НКВД, отвергал идею советизации Турции и настаивал на рациональном подходе к партнёрству с кемалистами. Именно прагматичная позиция Г. В. Чичерина, сумевшего отстоять государственный интерес в противовес революционному догматизму, заложила фундамент сотрудничества РСФСР и Турции, которое закрепил впоследствии Московский договор 1921 г.

¹ Акрамов М. И. Особенности борьбы с басмаческим движением и упрочнение советской власти на Памире в 1918–1923 гг. // Муаррих (Историк). 2023. № 1 (33). С. 53–55.

² АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Оп. 39. Д. 52987. Л. 4.

³ АВП РФ. Ф. Секретариат Г. В. Чичерина. Оп. 39. Д. 52987. Л. 5–6.

Библиографический список

1. Акрамов, М. И. Особенности борьбы с басмаческим движением и упрочнение Советской власти на Памире в 1918–1923 гг. / М. И. Акрамов // Муаррих (Историк). — 2023. — № 1 (33). — С. 53–66.
2. Киреев, Н. Г. История Турции — XX век / Н. Г. Киреев. — М. : ИВ РАН, 2007. — 605 с.
3. Макаренко, П. В. Нарком Г. В. Чичерин и советская внешняя политика / П. В. Макаренко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «История. Политология. Социология». — 2011. — № 349. — С. 105–111.
4. Музафарова, Н. И. Отношение советской власти к религии (1917–1939 годы) / Н. И. Музафарова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». — 2016. — № 1 (21). — С. 44–50.
5. Хейфец, А. Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918–1920) / А. Н. Хейфец. — М. : Наука, 1964. — 471 с.
6. Шамсутдинов, А. М. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918–1923 гг. / А. М. Шамсутдинов. — М. : Наука, 1966. — 359 с.
7. Martirosyan, T. Kut, Khalil / T. Martirosyan // 1914–1918 Online: International Encyclopedia of the First World War. Ed. W. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, et al. — Berlin : Free University of Berlin, 2022.

Французская инициатива европейской безопасности в период президентства Э. Макрона

Водопьянова В. В.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Выдрин О. В. (ЧелГУ)

В статье рассматриваются инициативы Франции, направленные на создание автономной европейской безопасности в период президентства Э. Макрона. Несмотря на некоторые успехи на декларативном уровне и в области создания механизмов ЕС для кооперации в сфере вооружений, поддерживаемые Францией инициативы демонстрируют ограниченность существующих структур и отсутствие единогласия в ЕС по вопросам оперативного военного вмешательства, что обуславливает недостижимость французских целей.

Ключевые слова: *Франция, Европейский союз, европейская безопасность, Э. Макрон.*

Внешнеполитический курс Французской Республики в период президентства Э. Макрона сохраняет устойчивую европейскую направленность в области безопасности, подразумевающую укрепление коллективной обороны и выработку единой стратегической политики ЕС.

В 2017 г. Э. Макрон выступил с обращением, в котором были сформулированы французские приоритеты и задачи в области политики и безопасности. Э. Макрон заявил, что Франция, являясь ядерной державой, постоянным членом Совета Безопасности ООН, должна принимать решения и инициативы, направленные на предотвращение глобальных кризисов в мировой политике. При этом президент отметил ключевое значение европейской политики, в рамках которой Франция намерена реализовывать инициативы в области безопасности¹. В «Стратегическом обзоре по национальной обороне и безопасности» 2017 г. европейское единство в области безопасности закрепляется в качестве традиционной внешнеполитической цели Франции².

В 2017 г. Франция и Германия стали инициаторами создания Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (PESCO), принцип которого был за-

креплен в Лиссабонском договоре. Медлительная реализация проекта объясняется различием позиций государств. Французский подход предполагал повышение эффективности инициативы за счет высоких критериев отбора ограниченного числа государств-участников, принятия обязательств по ее реализации, организации военных вмешательств европейской армии в третьи страны. Немецкий подход подразумевал широкое вовлечение стран ЕС в оборонные проекты НАТО. Ввиду приверженности Германии гарантиям безопасности, предоставляемым НАТО, проведение совместных операций воспринималось неоднозначно³.

Итоговая программа PESCO, утвержденная в декабре 2017 г., в большей степени отражает немецкий подход. Инициатива рассчитана на широкий круг участников, механизм принятия решений о запуске новых проектов строится на принципе единогласия, подтверждение или приостановление членства осуществляется квалифицированным большинством, для не участвующих в PESCO стран ЕС предполагается прозрачность информации⁴.

Критика французского участия в PESCO связана с бюрократическим характером инициативы, подразумевающим громоздкость процедур принятия решений и низкую эффективность

¹ Discours d'E. Macron pour une diplomatie française globale // Mission permanente de la France auprès des nations unies à New York. URL: <https://onu.delegfrance.org/Discours-d-E-Macron-pour-une-diplomatie-francaise-globale> (date of access: 26.06.2026).

² Revue stratégique de défense et de sécurité nationale 2017 // Ministère des Armées et des Anciens combattants. URL: <https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/dgris/Revue%20strat%C3%A9gique%20de%20d%C3%A9fense%20et%20de%20s%C3%A9curit%C3%A9%20nationale%20-%202017.pdf> (date of access: 26.06.2026).

³ Billon-Galland A., Quencez M. Can France and Germany Make PESCO Work as a Process Toward EU Defense? // Policy Brief Security and Defense Policy Program. 2017. № 33. С. 1–8.

⁴ Notification on Permanent Structured Cooperation (PESCO) to the Council and to the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy // Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/31511/171113-pesco-notification.pdf> (date of access: 26.06.2026).

инициативы ввиду дублирования проектов в рамках уже существующих структур¹.

Темпы реализации инициированных проектов PESCO остаются низкими. С 2018 г. в рамках PESCO в общей сложности было инициировано 83 проекта, на данный момент 9 проектов завершено, 74 находятся на этапе реализации, количество проектов с участием Франции составляет более половины². Однако из числа завершенных проектов успешно реализованы: Интегрированная беспилотная наземная система (iUGS), Центр оперативного кризисного реагирования, Медицинский координационный центр (ЕМС). Остальные проекты были завершены, не достигнув запланированных целей в связи с дублированием уже существующих инициатив, финансовыми ограничениями, отсутствием согласованности позиций государств³.

Итоговый проект PESCO не соответствовал французским ожиданиям, основная цель которых — достижение оперативной способности к военному реагированию — не была достигнута. В парламентском докладе французских сенаторов 2018 г. признается, что коллективная оборона значительного числа европейских государств по-прежнему возложена на НАТО и любая попытка оспорить эту роль в пользу ЕС потерпит неудачу⁴.

Стремление Франции к реализации задач, ограниченных организационной структурой PESCO, выразилось в анонсированной осенью 2017 г. и запущенной в 2018 г. Европейской инициативе вмешательства (ЕИВ). Цель Инициативы — предоставить европейским государствам более ши-

рокие возможности по совместному проведению военных операций и выполнению военных задач как в многостороннем (ЕС, НАТО, ООН), так и в специальном формате по всему спектру кризисов, которые могут затронуть безопасность Европы⁵.

Необходимо отметить, что Германия изначально настороженно отнеслась к ЕИВ, рассматривая инициативу в качестве французского инструмента вовлечения европейских государств в Сахель. Поднимался вопрос о снижении политического веса PESCO и повышения риска дублирования инициатив⁶.

Европейская инициатива вмешательства организована вне рамок ЕС. Участником инициативы может быть государство — член ЕС или европейский член НАТО, имеющий практический опыт применения вооруженных сил за пределами национальных границ. Данное положение сделало возможным присоединение Великобритании к ЕИВ. Структура инициативы сведена к минимуму и включает в себя постоянный секретариат, базирующийся в Париже и состоящий из французского персонала. Заседания ЕИВ проводятся по необходимости, с гибкой повесткой и ротационным председательством. Министерские встречи с участием министров обороны проводятся раз в год⁷.

Несмотря на создание структуры, отвечающей французскому подходу, практическая значимость инициативы сводится к небольшому числу проведенных операций. В рамках Инициативы вмешательства в 2020 г. была начата операция «Agenor» по обеспечению безопасности судоходства в Ормузском проливе. Участники инициативы также оказывали Франции поддержку в рамках операции «Бархан» в Мали⁸. Однако рассматриваемые действия на африканском континенте сложно

¹ De France O. PESCO: The French Perspective // Institut de Relations Internationales et Stratégiques (IRIS). 2019. URL: <https://www.iris-france.org/en/130651-pesco-the-french-perspective-2/> (date of access: 26.06.2026).

² Council Decision (CFSP) 2025/1107 of 27 May 2025 amending and updating Decision (CFSP) 2018/340 establishing the list of projects to be developed under PESCO // Official Journal of the European Union. 2025. L 2025/1107. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L_202501107&qid=1748991891295#tit_1 (date of access: 26.06.2026).

³ Permanent Structured Cooperation (PESCO). URL: <https://www.pesco.europa.eu/#projects> (date of access: 26.06.2026).

⁴ Rapport d'information № 719 déposé par la Commission des affaires européennes sur l'Europe de la défense et son articulation avec l'OTAN et présenté par MM. Pieyre-Alexandre Anglade et Joaquim Pueyo, députés // Assemblée Nationale. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/rapports/duel/115b0719_rapport-information (date of access: 26.06.2026).

⁵ Letter of Intent concerning the development of the European Intervention Initiative (EI2) // Bundesministerium der Verteidigung. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/25706/099f1956962441156817d7f35d08bc50/20180625-letter-of-intent-zu-der-europaischeninterventionsinitiative-data.pdf> (date of access: 26.06.2026).

⁶ Moya Cánovas L. E. The European Intervention Initiative, Permanent Structured Cooperation and French Institutional Engineering // Opinion paper IEEE. 2019. № 79. P. 15.

⁷ Terms of Reference Regarding the implementation of the European Intervention Initiative (EI2) // Official Publications URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/blg-901549.pdf> (date of access: 26.06.2026).

⁸ Lucinescu A. Consequences on European defence integration entailed by the establishment of the European Intervention Initiative // Monitor Strategic. 2024. № 3–4. P. 7–15.

отнести к полноценной совместной операции в рамках Инициативы вмешательства: это скорее отдельные случаи сотрудничества европейских государств под руководством Франции.

Создание Европейской инициативы вмешательства отражает критическое восприятие Францией Постоянного структурированного сотрудничества, характеризующегося ограниченными возможностями и неспособностью к быстрому реагированию на кризисные ситуации. Однако ЕИВ не отличается высокой результативностью ввиду ограниченного масштаба оперативной деятельности. Французское стремление по привлечению союзников к совместным действиям в Мали не увенчалось успехом. Актуальным является вопрос о соответствии ЕИВ стратегическим приоритетам ЕС, а не исключительно национальным интересам Франции.

К числу других французских инициатив, способствующих формированию единой военно-стратегической системы, относятся Разведывательная коллегия Европы и «Стратегический компас» ЕС. Разведывательная коллегия, созданная в 2019 г., является институциональной сетью формального сотрудничества между разведывательными сообществами ЕС, направленной на выработку европейского стратегического мышления¹. «Стратегический компас» 2022 г. — программный документ, закрепляющий ключевые внешнеполитические задачи ЕС в области международной безопасности².

Франция активно выступает с инициативой по расширению роли национального ядерного потенциала в Европе. В марте 2026 г. Э. Макрон выступил с программной речью о ядерной доктрине Франции. Ключевым пунктом программы является объявление об увеличении количества

ядерных боеголовок французского арсенала и провозглашение концепции «передового сдерживания», предполагающей возможность участия европейских государств в совместных учениях и стратегическом планировании, а также развертывании элементов французских стратегических сил на территории союзников при необходимости³. Париж сохраняет национальный контроль над ядерным оружием, предлагая расширение сдерживания, его распространение на европейские государства, что гарантировало бы Франции лидирующую роль в ЕС в области безопасности. Однако не все государства ЕС оказались готовы поддержать французскую инициативу.

Таким образом, вышеперечисленные инициативы Французской Республики направлены на формирование общего стратегического мышления посредством выработки совместной позиции в вопросах международной безопасности и реализации проектов военно-технического характера. В данном направлении можно отметить некоторые успехи на декларативном уровне: созданные структуры — PESCO, Разведывательная коллегия Европы, «Стратегический компас» — формируют европейскую концепцию глобальных вызовов и совместную внешнеполитическую линию в области международной безопасности.

Однако французский подход направлен на увеличение европейской независимости в области безопасности посредством использования европейских сил, способных к быстрому реагированию в кризисных ситуациях. В данном аспекте не наблюдается достижение поставленных задач. Поддерживаемые Францией инициативы демонстрируют несостоятельность существующих механизмов и отсутствие единогласия в ЕС по вопросам оперативного военного вмешательства.

Несмотря на неоднозначность достигнутых результатов, французская инициатива отличается практической направленностью и предполагает утверждение Франции в качестве лидера ЕС в области европейской безопасности.

³ Discours du Président de la République sur la dissuasion nucléaire de la France // Le site du président de la France. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2026/03/02/deplacement-sur-la-base-operationnelle-de-lile-longue> (date of access: 26.06.2026).

Библиографический список

1. Billon-Galland, A. Can France and Germany Make PESCO Work as a Process Toward EU Defense? / A. Billon-Galland, M. Quencez // Policy Brief Security and Defense Policy Program. — 2017. — № 033. — С. 1–8.
2. Lucinescu, A. Consequences on European defence integration entailed by the establishment of the European Intervention Initiative / A. Lucinescu // Monitor Strategic. — 2024. — № 3–4. — P. 7–15.
3. Moya Cánovas, L. E. The European Intervention Initiative, Permanent Structured Cooperation and French Institutional Engineering / L. E. Moya Cánovas // Opinion paper IEEE. — 2019. — № 79. — P. 1–15.

Парламентская дискуссия о месте и роли Британии в американо-европейских отношениях

Гатиятуллина К. В.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Выдрин О. В. (ЧелГУ)

В статье анализируются парламентские дебаты в Великобритании, развернувшиеся в ответ на угрозы США ввести пошлины против стран-участниц учений «Arctic Endurance» в Гренландии. На основе стенограмм Палаты общин за 13 января 2026 г. (как фоновый контекст) и 19–20 января 2026 г. (дебаты по кризису) выделены три стратегии реагирования: избегание конфликта (лейбористы), оборона без критики (консерваторы) и открытый отпор (либерал-демократы). Показано, что правительственная партия систематически использует образ «российской угрозы» для ухода от критики США, что свидетельствует о двусмысленности пост-брекситовской Британии, оказавшейся между зависимостью от Вашингтона и солидарностью с Европой.

Ключевые слова: *Великобритания, США, НАТО, Арктика, парламентские дебаты, «российская угроза», Гренландия.*

Арктика в последние годы превратилась из «замёрзшей пустыни» в арену глобальной конкуренции, где сталкиваются интересы России и стран Запада. Для России Кольский полуостров — база для ядерных подводных сил. НАТО видит свою задачу в сдерживании России. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО обострило это противостояние. Министр обороны Британии Джон Хили заявляет, что «Россия представляет собой самую серьёзную угрозу безопасности в Арктике и Крайнем Севере со времён Холодной войны»¹. Великобритания не является арктическим государством, но позиционирует себя как «приарктическое» и стремится быть ключевым игроком НАТО.

Материалом для исследования послужили стенограммы заседаний Палаты общин британского парламента (Hansard) за 13 и 19–20 января 2026 г., а также официальные заявления правительства и материалы парламентских запросов. Методология — дискурс-анализ, позволяющий выявить явные позиции партий и скрытые механизмы ухода от неудобных вопросов, в частности инструментализацию образа «российской угрозы».

В январе 2026 г. Великобритания по запросу Дании направила одного офицера для участия в подготовке учений «Arctic Endurance» в Гренландию. Дания начала подготовку к учениям как

к «стандартной процедуре», попросив союзников прислать своих представителей. Задача британского офицера была сугубо наблюдательной: оценить местность, логистику, условия размещения. В Лондоне неоднократно подчёркивали, что такие визиты — «рутинная часть военного планирования»². Отправка офицера состоялась 15 января, однако угрозы президента США ввести 10-процентные пошлины против государственных участников прозвучали 17 января 2026 г., то есть после того, как отправка офицера уже состоялась. Это означает, что конфликт был спровоцирован не действиями Британии, а интерпретацией этих действий Вашингтоном.

Однако это рутинное событие было воспринято в США как личный вызов. Президент Дональд Трамп пригрозил ввести 10-процентные пошлины против всех стран-участниц учений, увидев в их действиях «опасную игру» вокруг Гренландии. Конфликт возник не между НАТО и Россией, а внутри самого альянса. В британском парламенте разгорелись дебаты, которые выявили три различные позиции относительно места страны в американо-европейских отношениях.

Перед анализом дебатов 19–20 января, во время кризиса, важно зафиксировать, каким был арктический фон за неделю до американских угроз. Дебаты Палаты общин от 13 января 2026 г. показывают, что ещё до конфликта с США

¹ UK steps up defense of Arctic and High North from rising Russian threats // Government of the United Kingdom. 2026. 11 February. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-steps-up-defence-of-arctic-and-high-north-from-rising-russian-threats> (дата обращения: 21.04.2026).

² Parliament of the United Kingdom. House of Commons. Arctic Endurance Exercises: Written question HL13644. 2026. 29 January. URL: <https://questions-statements.parliament.uk/written-questions/detail/2026-01-15/HL13644/> (дата обращения: 04.05.2026)/

лейбористы и либерал-демократы уже пришли к общему мнению, что Арктика является зоной «российской угрозы», а Великобритания при этом — «прифронтовая страна». Именно этот консенсус мнений позволил правительству неделю спустя легко переключать внимание с Трампа на Путина.

Лейбористы: тактика избегания конфликта. Правящая партия заняла осторожную линию. В своих речах они многократно подчёркивали «рутинный» характер отправки офицера на учения и старались избегать прямой конфронтации с Вашингтоном. По словам министра вооружённых сил Великобритании Эла Карнса, «безопасность в Арктике должна обеспечиваться совместно с союзниками по НАТО, включая Соединённые Штаты, на основе принципов Устава ООН»¹. Лейбористы подчёркивали, что разделение внутри альянса будет на руку противникам НАТО, а главная проблема в Арктике — «милитаризация России».

Консерваторы: оборона без критики. Введение пошлин консерваторы считают ошибочным, отмечая, что сама угроза создаёт трудности для британских компаний, экспортирующих товары в США. Теневой министр иностранных дел Прити Пател заявила: «Решение администрации США ввести пошлины на Великобританию из-за Гренландии является абсолютно неправильным. Будущее Гренландии должно определяться только её народом и Данией»². При этом партия публично избегала критики Трампа. Консерваторы отмечали угрозу безопасности в Арктике со стороны России, но говорили о ней как об отдельной проблеме, а не как об уходе от критики США.

Либерал-демократы: открытый отпор. Самую жёсткую позицию занял лидер партии Эд Дэйви, назвавший Трампа «международным гангстером» и «самым коррумпированным президентом», который «угрожает самому существованию НАТО». Он заявил, что в случае нападения на Гренландию Британия должна «дважды подумать, хочет ли она присутствия американских войск на своей земле». Либерал-демократы видели главную опасность в действиях самого президента США, подчёркивая, что «разрушение НАТО только сыграет на руку Путину»³. Стратегически они призывали к переориентации на Европу

и укреплению связей с союзниками, разделяющими ценности коллективной безопасности.

При анализе дебатов прослеживается инструментализация образа России, и чаще всего её использовала правящая партия лейбористов. Наиболее показателен эпизод с участием Ричарда Бергона (лейборист), который в ходе дебатов подверг критике «гангстерскую политику» Трампа в отношении Венесуэлы и поставил под сомнение «особые отношения» с США, заявив: «Вместо того чтобы слепо следовать политике США... не пора ли дать отпор Трампу и выработать новую независимую внешнюю политику?»⁴. В ответ министр иностранных дел Иветт Купер полностью проигнорировала его призыв и критику «особых отношений», переключив внимание на «российскую угрозу»: «...в ответ на этот вопрос он признал масштабы угрозы со стороны России, которая является самой серьёзной угрозой для Великобритании»⁵. При этом в вопросе Бергона Россия не упоминалась.

Этот эпизод наглядно демонстрирует механизм инструментализации: образ России как главной и постоянной угрозы является консенсусным в британском парламенте, ему невозможно возразить, не выглядя при этом «мягким по отношению к Кремлю». Именно это позволяет правительству систематически уходить от критики США, сохраняя видимость единого фронта НАТО.

Тем не менее стоит отметить, что российская военная активность в Арктике представляет собой объективный вызов для стран НАТО, и упоминания этой угрозы сами по себе не являются инструментальными. Однако систематическое переключение в ответ на вопросы о Трампе и пошлинах, при том, что в ряде случаев Россия не упоминалась в вопросе, позволяет говорить о сознательном использовании образа России для ухода от неудобной темы.

Проведённый анализ показал, что в британском парламенте отсутствует единое представление о роли страны в политической системе стран Запада. Вместо этого сосуществуют три различные модели: сохранение трансатлантического единства любой ценой (лейбористы), наращивание оборонных возможностей для автономии (консерваторы) и переориентация на Европу (либерал-демократы). При этом все

¹ Parliament of the United Kingdom. House of Commons. Official Report (Hansard). 2026. 19 January. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2026-01-19> (дата обращения: 05.05.2026)/

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Parliament of the United Kingdom. House of Commons. Official Report (Hansard). 2026. 20 January. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2026-01-20> (дата обращения: 16.05.2026).

⁵ Ibid.

три партии сходятся в признании российской угрозы, неприятия американских пошлин и поддержке суверенитета Дании — что указывает на наличие общего консенсуса по арктическому вопросу, несмотря на тактические разногласия.

Однако именно правительство систематически использует образ «российской угрозы» для ухода от критики США, что свидетельствует о нежелании или неспособности выражать независимую позицию в американо-европейских отношениях. Микрособытие обнажило макрокризис: постбрекситовская Британия оказалась зажатой между зависимостью от США и солидарностью с Европой.

Стоит отметить то, что в британских СМИ критике подвергались все три политические силы. Лейбористов обвиняли в «умиротворении» Трампа и называли их попытки сохранить отношения с США ценой отказа от публичной конфронтации провальными из-за слабости и неспособности защитить суверенитет своих союзников¹. Консерваторов критиковали за лицемерие. Кризис по поводу Гренландии не был изолированным, в том числе и из-за того, что Трамп использовал сделку по передаче Чагосских островов Британии Маврикию как способ давления на Великобританию в вопросе

по Гренландии². А консерваторы использовали это заявление в своих целях, обвинив лейбористов в «сдаче британской территории», хотя изначально переговоры начались при консервативном правительстве³. Либерал-демократов критиковали за отсутствие реального политического веса и подтверждающих их слова фактов. Показательным сюжетом, обсуждаемым в СМИ, стало интервью лидера партии Эда Дейви. В нём он говорил о том, что переговоры стали возможны благодаря европейскому давлению. Однако подтвердить своё утверждение он не смог⁴. Таким образом, ни одна из трёх стратегий не получила однозначной поддержки в медийном пространстве. Это отражает заинтересованность СМИ в этом вопросе и роли Британии, оказавшейся в двойственном положении между необходимостью защиты суверенитета своих союзников и необходимостью сохранить «особые отношения» с Вашингтоном.

² The Guardian. Trump's attack on Chagos deal was 'deliberate' pressure over Greenland, says Starmer. 2026. 21 January. URL: <https://www.theguardian.com/world/2026/jan/21/trump-attack-chagos-deal-pressure-greenland-starmer> (дата обращения: 11.06.2026).

³ The Guardian. 'Bare-faced opportunism': Starmer hits back at Badenoch over Chagos and Trump. 2026. 21 January. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2026/jan/21/starmer-badenoch-chagos-trump-opportunism> (дата обращения: 11.06.2026).

⁴ BBC One. Sunday with Laura Kuenssberg guests include Shabana Mahmood, Sir Ed Davey. 2026. 25 January. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/m002qjyw> (дата обращения: 12.06.2026).

¹ Morning Star. Starmer's diplomatic strategy in disarray after Trump attack. 2026. 18 January. URL: <https://morningstaronline.co.uk/article/starmers-diplomatic-strategy-disarray-after-trump-attack> (дата обращения: 10.06.2026).

Библиографический список

1. BBC One. Sunday with Laura Kuenssberg — guests include Shabana Mahmood, Sir Ed Davey. — 2026. — 25 January. — URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/m002qjyw> (дата обращения: 19.06.2026).
2. Daily Express. Laura Kuenssberg humiliates Ed Davey with brutal slap downs of his leadership. — 2026. — 25 January. — URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/2162261/laura-kuenssberg-humiliates-ed-davey> (дата обращения: 12.06.2026).
3. Morning Star. Starmer's diplomatic strategy in disarray after Trump attack. — 2026. — 18 January. — URL: <https://morningstaronline.co.uk/article/starmers-diplomatic-strategy-disarray-after-trump-attack> (дата обращения: 10.06.2026).
4. Parliament of the United Kingdom. House of Commons. Official Report (Hansard). — 2026. — 19 January. — URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2026-01-19> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Parliament of the United Kingdom. House of Commons. Official Report (Hansard). — 2026. — 20 January. — URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2026-01-20> (дата обращения: 16.05.2026).
6. Parliament of the United Kingdom. House of Lords. Arctic Endurance Exercises: Written question HL13644. — 2026. — 29 January. — URL: <https://questions-statements.parliament.uk/written-questions/detail/2026-01-15/HL13644/> (дата обращения: 04.05.2026).

7. The Guardian. 'Bare-faced opportunism': Starmer hits back at Badenoch over Chagos and Trump. — 2026. — 21 January. — URL: <https://www.theguardian.com/politics/2026/jan/21/starmer-badenoch-chagos-trump-opportunism> (дата обращения: 11.06.2026).

8. The Guardian. Trump's attack on Chagos deal was 'deliberate' pressure over Greenland, says Starmer. — 2026. — 21 January. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2026/jan/21/trump-attack-chagos-deal-pressure-greenland-starmer> (дата обращения: 11.06.2026).

9. UK steps up defence of Arctic and High North from rising Russian threats // Government of the United Kingdom. — 2026. — 11 February. — URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-steps-up-defence-of-arctic-and-high-north-from-rising-russian-threats> (дата обращения: 21.04.2026).

Миграционные потоки как фактор двусторонних отношений и национальной безопасности: опыт Испании в начале XXI в.

Дементьева В. Н.

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),

Институт лингвистики и международных коммуникаций, Челябинск

Научный руководитель: Никитин Л. В. (ЮУрГГПУ)

Испанская модель управления миграцией демонстрирует двойственность этого феномена: миграция становится одновременно источником уязвимости и инструментом внешнего давления (особенно в отношениях с Марокко), а также катализатором новых форм межгосударственного взаимодействия. На основе концепции секьюритизации автор показывает, как в испанском дискурсе миграция трансформируется в угрозу идентичности и общественному порядку. «Миграционная дипломатия» Испании в отношении стран Западной Африки позволяет смягчать риски трансграничной преступности и внутривнутриполитической поляризации, но не снимает их полностью.

Ключевые слова: миграция, национальная безопасность, Испания, Марокко, секьюритизация, Европейский союз.

Геополитическое положение Испании определяет её уникальную уязвимость: она обладает единственной сухопутной границей ЕС с Африкой (анклавы Сеута и Мелилья протяжённостью около 30 км), а также контролирует Канарский и Альборанский морские маршруты¹. По данным Frontex, на эти направления приходится 35–40 % нелегальных пересечений границ ЕС, а в 2023 г. Испания приняла более 160 тыс. нелегальных мигрантов, заняв третье место в ЕС по объёму заявлений².

На основе концепции секьюритизации Копенгагенской школы авторы показывают, как миграция в испанском дискурсе трансформируется из социально-экономической проблемы в угрозу национальной идентичности, общественному порядку и территориальной целостности. Если в 2000-е годы Испания проводила либеральную политику (амнистии 2004–2005 гг. легализовали более полумиллиона человек), то к 2020-м годам миграция стала восприниматься как угроза, что связано с неразрешёнными территориальными спорами с Марокко³.

Особое внимание необходимо уделить анализу двусторонних отношений с Марокко, в рамках которых миграция выступает инструментом политического давления. Рабат периодически ис-

пользует механизм «открытых ворот», ослабляя контроль на границе для наказания Мадрида или добиваясь уступок. Кульминацией стал кризис в Сеуте в мае 2021 г., когда за 48 часов границу пересекли 8–10 тыс. человек, включая 1,5 тыс. несовершеннолетних⁴. При этом Марокко монетизирует свой статус «жандарма ЕС», получая от Испании и ЕС миллиарды евро за сдерживание потоков. С 2018 г. Испания предоставила Марокко около 1 млрд евро, а ЕС в рамках соседской политики выделил 1,4 млрд евро.

В отношении стран Западной Африки Испания выработала модель «миграционной дипломатии мягкой силы»: соглашения о «циркулярной миграции», совместные патрули и программа развития «Alliance Africa Advances»⁵. В августе 2024 г. премьер-министр Санчес посетил Мавританию, Гамбию и Сенегал, что привело к подписанию соответствующих договорённостей. Однако эффективность этой модели ограничена отсутствием рабочих мест в странах исхода.

Миграционные потоки тесно переплетены с транснациональной преступностью. В июне 2025 г. ликвидирована сеть, использовавшая одни и те же лодки для перевозки мигрантов и наркотиков; изъято 22 кг гашиша, а также подводные скутеры. Доходы от торговли людьми

¹ Корендясов Е. Н. Марокко: вызовы современности // Азия и Африка сегодня. 2023. № 5. С. 42–49.

² Europol. Press Release: Dismantled criminal network smuggling migrants and drugs between Morocco and Spain. Hague, 2025. 4 June.

³ Europa Press. Marruecos llama a consultas a su embajadora en España. 2021. 18 mayo.

⁴ Consejo de Seguridad de Naciones Unidas. Informe del Secretario General sobre la situación en el Sáhara Occidental. S/2023/456. Nueva York, 2023. 28 p.

⁵ Europol. EU Serious Organized Crime Threat Assessment 2024. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/socta-report> (дата обращения: 26.06.2026).

составили около 2,5 млн евро, при этом несовершеннолетние использовались в качестве капитанов. Террористическая угроза имеет миграционное измерение: атаки в Барселоне и Камбрильсе в 2017 г. были совершены выходцами из Марокко, что связывают с радикализацией части диаспоры и молодёжной безработицей¹.

Внутриполитическим вызовом стал рост евро-скептицизма и правых сил. Партия VOX использует риторику «миграционного вторжения», критикуя ЕС за неспособность защитить границы и требуя выхода из общей миграционной политики, что создаёт угрозу социальной сплочённости в анклавах со значительным мусульманским населением.

¹ BBC News. Morocco migrant deaths: 37 dead in Melilla border crossing attempt. 2022. 25 June.

Испанский опыт демонстрирует двойственную природу миграции как фактора безопасности. С одной стороны, она становится источником уязвимости и инструментом внешнего давления, позволяя соседним государствам влиять на политику Испании. С другой стороны, миграционный вызов выступает катализатором поиска новых форм межгосударственного взаимодействия — от соглашений о циркулярной миграции до совместных операций против преступных сетей². Перспективы дальнейших исследований связаны с адаптацией испанского опыта в условиях асимметрии между странами первого въезда и государствами конечного назначения.

² El País. Melilla: la valla que divide dos continentes. 2021. 15 junio.

Библиографический список

1. Корендясов, Е. Н. Марокко: вызовы современности / Е. Н. Корендясов // Азия и Африка сегодня. — 2023. — № 5. — С. 42–49.
2. Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. — Boulder : Lynne Rienner Publishers, 1998. — 239 p.
3. Consejo de Seguridad de Naciones Unidas. Informe del Secretario General sobre la situación en el Sáhara Occidental. — S/2023/456. — Nueva York, 2023. — 28 p.
4. El Mundo. España refuerza el control de fronteras con Marruecos con 164 millones. — 2023. — 10 febrero.
5. El País. Melilla: la valla que divide dos continentes. — 2021. — 15 junio.
6. Europa Press. Marruecos llama a consultas a su embajadora en España. — 2021. — 18 mayo.
7. Europol. EU Serious Organized Crime Threat Assessment 2024. — URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/socta-report> (дата обращения: 26.06.2026).
8. European Commission. EU Emergency Trust Fund for Africa: Annual Report 2023. — Brussels, 2024. — 98 p.
9. Europol. Press Release: Dismantled criminal network smuggling migrants and drugs between Morocco and Spain. — Hague, 2025. — 4 June.

Участие китайской делегации в работе конференции в Думбартон-Оксе (1944 г.)

Мехтиева Х. Н.

Самарский национальный исследовательский университет
им. С.П. Королева, исторический факультет, Самара

Проведенное исследование демонстрирует важность участия Китая в конференции в Думбартон-Оксе для подтверждения статуса «великой державы». Хотя большинство важных решений было уже принято в ходе первого этапа работы конференции, благодаря поддержанию постоянной связи с Китаем и обмену материалами, которые согласовывались с китайской стороной, дальнейшие переговоры на конференции прошли в кратчайшие сроки. Предложения китайской делегации во главе с Веллингтоном Ку включали в себя акцентирование важности международного права, определение ряда терминов, таких как «агрессия» и «нарушение международного порядка», а также уважение территориальной целостности государств-членов. Работа представителей Китая придавала дискуссии правовой и этический характер.

Ключевые слова: конференция в Думбартон-Оксе, Организация Объединенных Наций, внешняя политика Китая, дипломатия, международные отношения, Веллингтон Ку.

Конференция в Думбартон-Оксе проходила с 21 августа по 7 октября 1944 г., настоящая статья посвящена ее второму этапу, который начался 29 сентября. Китаю предстояло вместе со странами-союзниками разработать фундамент для международной организации по поддержанию мира, которая впоследствии переросла в Организацию Объединенных Наций. В отечественных работах, несмотря на то что специфика первой части конференции довольно подробно описана, «китайский» этап конференции остался вне фокуса внимания, что обусловило актуальность представленной работы. Целью данного доклада является изучение работы китайской делегации в конференции в Думбартон-Оксе для дальнейшей оценки вклада Китая в создание основы Организации Объединенных Наций. Методологическую базу работы составили методы сравнительного и контент-анализа.

Летом 1944 года, на фоне колоссальных успехов Красной армии и открытия Второго фронта, весь мир ожидал скорую победу союзников. Международное сообщество нуждалось в новом миропорядке, который смог бы гарантировать человечеству стабильность и безопасность. Лига Наций, предназначенная для данных целей, не справилась со своей задачей, продемонстрировав неэффективность своих механизмов. На конференции в Думбартон-Оксе, проходившей с 21 августа по 7 октября 1944 г., были сформулированы предложения по созданию всемирной организации, которая стала бы основой для Организации Объединенных Наций. Дальнейшие обсуждения на конференции, где представители американской, британской, китайской

и советской сторон, несмотря на возникающие в ходе дискуссий противоречия, смогли наметить контуры будущей архитектуры международной организации и решить большинство вопросов, связанных с ее структурой, стали началом большого пути по созданию ООН. Веллингтон Ку, глава китайской делегации, считал, что делегаты должны стремиться к созданию организации, которая может гарантировать свободолюбивым нациям мир, безопасность и процветание¹.

Конференция была разделена на два этапа: в первой части конференции приняли участие США, Великобритания и СССР, а на втором этапе СССР сменил Китай. Подобный формат проведения конференции был обусловлен опасениями советского руководства ухудшить отношения с Японией, которая могла воспринять совместное участие в конференции СССР и Китая как угрозу ее территориальной целостности и начать боевые действия против Советского Союза на Востоке. Советское государство, чьи силы уходили на поддержание фронта на Западе, не могло позволить Японии активизироваться вдоль его восточных границ, поэтому по отношению к Китаю оно вело сдержанную политику.

Еще до начала Второй мировой войны Китай осуществлял активную борьбу против японской агрессии, став первым государством, оказавшим сопротивление силам стран Оси. Китай в 1940-е гг. продолжал сопротивление японской армии, срывая ее планы по оккупации территории в сжатые сроки. С момента

¹ Wolschke-Bulmahn J. Dumbarton Oaks Conversations, 1944–1994: A Look behind the Scenes — An Exhibition Catalogue. Washington, DC, 1994. 77 p.

инцидента на мосту Лугоу 1937 г., когда японская сторона заявила о пропаже своего солдата, потребовав открыть ворота крепости Ваньпин, и, получив отказ, начала обстрел, перед китайской дипломатией была поставлена сложная задача — добиться вмешательства заинтересованных государств в события на Дальнем Востоке¹. Однако западные государства и Советский Союз не проявляли решительности в данном вопросе, стараясь либо не вмешиваться, либо склонить Китай принять политику Японии. В дальнейшем особую поддержку Китаю оказали США. Тем не менее никто не мог отрицать значения участия Китая в сдерживании агрессии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сам Чан Кайши заявлял: «Без участия азиатских народов конференция не будет иметь смысла для половины человечества»².

В первой фазе Конференции «Большая тройка» достигла определенных договоренностей по многим вопросам, однако делегаты не смогли прийти к согласию по ряду фундаментальных вопросов: право вето (вопрос о голосовании, наряду с несколькими другими вопросами, останется открытым для дальнейшего рассмотрения четырьмя правительствами³), членство союзных республик СССР, количество постоянных членов Совета Безопасности. Поскольку Китай участвовал во втором этапе конференции, его роль может показаться второстепенной. Британская и американская стороны настаивали на принятии китайской стороной предложений, согласованных в первой фазе. Тем не менее, учитывая обстоятельства, в которых проходила Конференция, Веллингтон Ку подчеркнул важность гибкости и практичности в китайском подходе⁴. Поэтому основополагающими принципами ведения переговоров со стороны Китая в Думбартон-Оксе стало сотрудничество и компромисс.

На втором этапе мы давали обратную связь.

¹ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949). М., 2013. 863 с.

² The Ambassador in China (Gauss) to the Secretary of State. Chungking, June 3, 1944. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1944v06/d86> (дата обращения: 22.04.2026).

³ The Secretary of State to the Ambassador in the Soviet Union (Harriman) Washington, October 6, 1944. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1944v01/d501> (дата обращения: 22.04.2026).

⁴ Lock B. Conceptualising the Role and Responsibility of Great Power: China's Participation in Negotiations toward a Post-Second World War // *Diplomacy & Statecraft*, 2013. № 24. P. 12.

Важно отметить, что китайский переговоров состоялось несколько заседаний Объединенного руководящего комитета и пленарных сессий, на которых китайская сторона уточняла информацию о достигнутых на первом этапе соглашениях, а американцы и британцы уделяли большое внимание понятиям морали и международного права, и в некоторой степени принципам, воплощенным в китайском предложении, которые отражали «желание Китая создать организацию, обладающую силой»⁵. Китай с начала войны требовал от Англии и США строить сотрудничество на равных началах, и подобная риторика сохранялась и в предложениях китайской стороны на Конференции. Одними из ключевых вопросов, которые Китай выносил на передний план, были право и справедливость в урегулировании споров и уважение к независимости и территориальной целостности. В Предложениях по созданию Генеральной международной организации процессу урегулирования споров посвящен целый раздел. Это именно то, чего добивался Китай — наличие системы, а не просто силы.

Китай волновал его статус на международной арене, поэтому участие в данной Конференции рассматривалось китайской стороной как подтверждение статуса «великой державы». В послании к китайской общественности после того, как Великобритания и Америка отказались от экстерриториальных прав в Китае и когда наконец-то сняли бремя неравноправных договоров, Чан Кайши заметил: «Сейчас настало время решить судьбу нашей нации. Выбор очевиден. Будем ли мы хозяевами в своем доме или отныне, как и в прошлом, будем подчиняться голосу других?»⁶. В разговоре с китайским дипломатом, К. Хэлл заверил, что державы позаботятся о престиже Китая на конференции. На финальной сессии китайская делегация была особенно рада тому, что британская и американская стороны отдали особую дань уважения Китаю как доблестному союзнику, выдающимся качествам китайских делегатов и их вкладу в работу переговоров⁷. Китайская сторона добивалась, чтобы в уставе новой международной

⁵ Ibid.

⁶ Lock B. Conceptualising the Role and Responsibility of Great Power: China's Participation in Negotiations toward a Post-Second World War // *Diplomacy & Statecraft*, 2013. № 24. P. 9.

⁷ Memorandum by the Under Secretary of State (Stettinius) to the Secretary of State [Washington] October 7, 1944. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1944v01/d502> (дата обращения: 26.06.2026).

организации было указано, что государства-члены должны уважать политическую независимость и территориальную целостность друг друга. Прямого упоминания «территориальная целостность» в итоговом документе нет, хотя косвенно об этом говорится во второй главе, в разделе «принципы»: п. 1 («суверенное равенство»), п. 3 («разрешение споров мирными средствами»), п. 4 («воздержание от угрозы силой»).

Таким образом, участие китайской делегации в работе Конференции в Думбартон-Оксе 1944 г. имело двойственное значение, но довольно большую ценность. С одной стороны, формат переговоров объективно ограничивал возможности китайской стороны по внесению принципиальных изменений в архитектуру будущей Организации Объединенных Наций. С другой стороны, Ки-

тай сумел использовать Конференцию не только для подтверждения своего неформального, но уже признанного статуса великой державы, но и для продвижения ряда важных инициатив. Эти положения заложили этико-правовой фундамент, на котором впоследствии был построен Устав ООН. Несмотря на то, что не все пожелания китайской стороны были удовлетворены в полной мере, сам факт их обсуждения отражал новую реальность: без учета азиатского вектора и позиции Китая обеспечение долгосрочной глобальной стабильности становилось невозможным. Тем самым конференция в Думбартон-Оксе стала важной вехой не только в создании ООН, но и в восстановлении международного авторитета Китая как полноправного и ответственного члена мирового сообщества.

Библиографический список

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. 10 т. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949). — М. : Наука — Вост, лит., 2013. — 863 с.
2. Lock, B. Conceptualising the Role and Responsibility of Great Power: China's Participation in Negotiations toward a Post-Second World War / B. Lock // *Diplomacy & Statecraft*. — 2013. — No 24. — P. 209–226.
3. Wolschke-Bulmahn, J. Dumbarton Oaks Conversations, 1944–1994: A Look behind the Scenes — An Exhibition Catalogue / J. Wolschke-Bulmahn. — Washington, DC : Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University, 1994. — 77 p.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Национально-территориальное деление как основа советского этнофедерализма

Коркин А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет политологии

Научный руководитель: Ачкасов В. А. (СПбГУ)

Статья посвящена анализу этнофедеративной модели СССР как особой формы институционализации этничности в рамках федеративного государства. Рассматриваются принципы национально-территориального размежевания, иерархическая структура субъектов и политика коренизации. Показано, что закрепление за этническими общностями территорий проживания привело к политизации этничности и формированию устойчивого конфликтного потенциала. Делается вывод о структурной обусловленности межнациональных противоречий советской моделью федерализма.

Ключевые слова: этнофедерализм, территориальность, национально-территориальное размежевание, коренизация, этничность, титульная нация, советская федерация, этнополитический конфликт.

В современном мире важнейшим регулятором межэтнических взаимоотношений выступает национальная политика государства. Форма государственного устройства является ключевым элементом такой политики, от которой зависит степень автономизации и модель национально-политического представительства. Выбранная при создании СССР модель этнической федерации не только выступила одним из первых проектов федерации, построенной исключительно путем национально-территориальной автономизации, но и послужила основой для множества будущих территориальных и этнополитических конфликтов, многие из которых сохраняют свою актуальность по сей день.

В таких условиях цель настоящего исследования — определить роль национально-территориальной федеративной модели в политизации этнической идентичности и формировании противоречий между отдельными этническими общностями Советского Союза.

Методологической базой исследования выступает конструктивистский подход, представляющий этническую идентичность как преимущественно социальный конструкт, в рамках которого национальная история, язык и культура не являются объективной частью исторического прошлого, а выступают как продукт интерпретации акторов, имеющих большее или меньшее право на их

легитимную номинацию. Также в работе используется теория этнического предпринимательства, позволяющая рассматривать этнополитический конфликт как следствие этнической мобилизации инициированной отдельными акторами для достижения собственных политических целей и задач.

Историческое возникновение федерации как формы политического устройства государства в современной политической науке зачастую рассматривается с точки зрения попытки нивелировать проблемы и недостатки, свойственные национальному государству, которое с XVII в. являлось основным воплощением организации политической системы и общества. При этом такой подход очень редко хоть сколько-нибудь отражал подлинное национальное многообразие проживающих на территории такого политического образования людей: «В ходе своего развития национальное государство часто становилось гражданским государством, где каждый человек был гражданином в отдельности, но не имел права сохранять какую-либо существенную групповую идентичность, кроме принадлежности к официальной нации»¹. В противоположность

¹ Elazar D. J. Federal Systems of the World: A Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements [электронный ресурс] // Jerusalem Center for Public Affairs. URL: <https://dje.jcpa.org/books/fedsysworld-intro.htm> (дата обращения: 07.02.2026).

такой системе развивалась модель формирования государственности путём передачи части прав и полномочий отдельным сообществам или автономиям, реализующим своё право на самоуправление и самоопределение посредством федеральных механизмов взаимодействия союза и отдельных его частей. При этом в основе западных моделей федерации автономии зачастую выделялись не по национальному, а по физико-географическому (США, Австралия) или историческому признаку (Австрия, ФРГ)¹.

Этнический же принцип формирования федерации подразумевает распределение власти между самим союзом и этнокультурными сообществами. Такой принцип может быть реализован разными способами. При условии чёткого географического разделения и компактного проживания этнических общностей может использоваться этнотерриториальный принцип формирования федерации (СССР, частично Российская Федерация, Бельгия, Канада, Индия и т. п.). Главным фактором в рамках такого подхода к выделению автономии является территориальность проживания той или иной этнической категории населения. Специалист по культурной географии Роберт Сак определяет роль территориальности в жизни общества как «...стремление индивида или группы воздействовать, оказывать влияние или контролировать людей, явления и отношения путем разграничения и установления контроля над географически определенным районом»².

Описывая национальную политику советского государства, можно сразу выделить её этнонациональный базис, который являлся стержнем всей образованной политической системы. Национальный характер территорий внутри советской федерации подразумевал институционализацию этничности как формы политического статуса, позволяющего претендовать на властные, экономические, культурные и иные формы ресурсов и привилегий на территории, признанной и закреплённой за той или иной этнокультурной общностью: «Привязав национальную принадлежность к территории и введя ее паспортное установление, режим институционализировал этничность; результатом политики «коренизации» стало формирование амбициозных этнических элит»³.

¹ Ачкасов В. А. Конфликтный потенциал этнофедерализма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. № 2. С. 27.

² Sack R. Human Territoriality: Its Theory and History. Cambridge, 1986. P. 19.

³ Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: коллек-

С одной стороны, идеологическая марксистско-ленинская основа государства требовала перейти от национальной к надэтнической общеклассовой идентичности всего советского народа. Однако, как отмечает В. А. Тишков, фактически имело место «поощрение этнокультурного разнообразия «советских наций»»⁴. Этногенез в таких условиях играл идеологическую роль обоснования национальной государственности через псевдонаучное конструирование «исторических корней» как для обоснования созданной этнической общности, так и в целях закрепления за ней политического права на территорию «коренного проживания». Как отмечают Джеймс Андерсон и Иэн Шаттлворт, этнотерриториальное размежевание аналогично выступает одним из источников формирования и закрепления этнической идентичности группы, члены которой наряду с такими признаками, как цвет кожи и язык, воспринимают свою инаковость и отличие от других на основании разделяющих территории проживания людей границ⁵.

При этом конфликтный потенциал такой политики лежит в самом вопросе поиска неких «границ этничности»: «...я думаю, что сама посылка, утверждающая, что можно найти некие справедливые административные границы и с точки зрения исторической, и с точки зрения этнической, есть не что иное, как утопия. Этничность ведь очень подвижна, и есть такие пояса, где люди имеют сложное самосознание, двойное или даже тройное»⁶. При этом советскими и современными этнографами отмечается, что так или иначе, но большая часть народов (от 75 % до 95 %) оказалась в границах созданных для них республик, для которых они, соответственно, были титульным или коренным населением⁷. В целом, сам процесс национального размежевания хоть и проходил в крайне сжатые сроки, однако носил признаки системной картографической и этнографической работы, учитывающей результаты архивных переписей 1897, 1917 и 1920 гг. Но при этом, разумеется, политическая и экономическая логика аналогично оказывала

тивная монография / М. Ю. Мартынова, В. А. Тишков [и др.]; отв. ред. М. Ю. Мартынова. М., 2022. С. 45.

⁴ Советская этнография в истории государственного строительства... С. 45.

⁵ Anderson J., Shuttleworth I. Sectarian demography, territoriality and political development in Northern Ireland // Political Geography. 1998. No 2. P. 197–198.

⁶ Тишков В. А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб., 2008. С. 39.

⁷ Там же. С. 38.

существенное влияние на процесс определения границ народов. Например, город Самарканд, в котором по результатам переписи населения 1897 г. проживало 36 845 носителей таджикского языка, а узбекского — только 5 506 человек¹, вошёл в состав Узбекской Советской Социалистической Республики. Включение в её состав Бухары однозначно было встречено непониманием со стороны таджикского населения. Аналогично в пример можно привести ситуацию со спорными территориями Нагорного Карабаха и Нахичевани, когда передача двух этих территорий под контроль Азербайджанской ССР была в большей степени политическим решением И. В. Сталина, рассматривавшего азербайджанских коммунистов во главе с Н. Н. Наримановым как более лояльную и значимую политическую опору советской власти в регионе. При этом по результатам переписи 1897 г. в крупнейшем городе будущей Нагорно-Карабахской автономной области Шуша большинство населения говорило на армянском языке — 14 420 человек, против 10 778, говорящих на азербайджанском («татарском») языке² (в Российской империи азербайджанцев называли «кавказскими татарами»). А во всём Шушинском уезде данное соотношение составляло 73 953 и 62 868 человек — носителей армянского и азербайджанского языков соответственно³. Впоследствии с появлением прецедентов передачи территорий от одной союзной республики к другой проблема разделенного армянского народа неоднократно в той или иной форме поднималась в рамках взаимоотношений руководства Армянской и Азербайджанской ССР. Эпоха гласности и политической либерализации, упразднившие последние институциональные возможности замалчивания и подавления межнациональной напряженности, в будущем приведут к ряду кровопролитных и масштабных этнополитических конфликтов между Арменией и Азербайджаном за контроль над спорными территориями Нагорного Карабаха и Нахичевани, проблема принадлежности которых окончательно не разрешена до сих пор.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб., 1905. Табл. XIII: Самаркандская область.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб., 1905. Табл. XIII: Елисаветпольская губерния.

³ Там же.

Усиливал межэтническую конфликтность советской модели этнофедерализма и упоминавшийся ранее в данной работе иерархический характер национально-территориальных образований. Заложенная в программу РКП(б) формационно-стадиальная концепция развития человеческого социума рассматривала в качестве его основы последовательную смену социально-экономических систем (формаций) общества. Данный принцип большевики использовали и в рамках стратификации наций и народностей относительно формы их политической субъектности внутри будущего федеративного государства: «3) В тех же целях, как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия представляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу; 4) В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.»⁴. В зависимости от уровня культурного и экономического развития этнической общности большевики определяли статус их национальной территории в общей федеративной иерархии.

Выстроенная разница этнической репрезентации де-факто имела место на всех уровнях общественной жизни. Если коренные народы союзных республик получали образование на родном языке на протяжении всего обучения, то население автономных республик изучало родной язык преимущественно как предмет в школе или вузе. Также национальные территории имели разное представительство в Совете национальностей СССР. Если союзная республика имела в нём 32 члена, то автономная республика — 11, а автономная область и национальный округ — по 5 и 1 члену соответственно⁵.

При этом расширенная автономия предоставлялась именно национальной территории и её титульной этнонации, но это не означает, что её представители сохраняли статус и привилегии за пределами своей родины. Такое положение некоренного населения стало следствием проводимой большевиками политики коренизации, обусловленной как необходимостью формировать

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. Т. 2: 1917–1922. М., 1983. С. 79.

⁵ Kaiser R. J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, 1994. P. 169.

собственные элиты, культуру и язык для создаваемых наций, так и стремлением развивать национальные территории, попутно институционально закрепляя за ними соответствующие этнокатегории. Коренные жители получали приоритетный доступ к высшему образованию, обладали большими возможностями для успешного трудоустройства, построения карьеры в местных государственных и партийных организациях.

Подводя итог, можно сказать, что принцип национально-территориального размежевания выступил основой советского федеративного государства. Выбранная модель автономизации посредством выделения территорий национального проживания привела к политизации этничности, которая стала источником получения права доступа к политическим, экономическим и культурным ресурсам в пределах определенной территории. На каждой из них была образована институционально доминирующая или титульная

этническая общность, а все остальные народности низводились до статуса этнических меньшинств с соответствующими институциональными ограничениями. Выстроенная иерархическая модель национальных территорий-субъектов СССР подчёркивала неравный характер народов внутри Союза, где одни обладали большими возможностями автономизации, а другие ограничивались лишь культурными формами реализации автономии. При этом сама попытка географически определить родину для каждого из народов создала огромное множество межнациональных споров и конфликтов вокруг проблемы принадлежности той или иной территории. Проводимая параллельно политика коренизации способствовала формированию этнонаций для созданных территорий, закрепляя доминирующее положение титульных народов в вопросах трудоустройства, образования, карьерного продвижения и тем самым стимулируя расцвет местных форм этнического национализма и шовинизма.

Библиографический список

1. Ачкасов, В. А. Конфликтный потенциал этнофедерализма / В. А. Ачкасов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2008. — Т. 4, № 2. — С. 27–43.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. 9-е изд., испр. и доп. Т. 2: 1917–1922. — М. : Политиздат, 1983. — 606 с.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. — СПб. : [б. и.], 1905. — 38 с.
4. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / М. Ю. Мартынова, В. А. Тишков [и др.]; отв. ред. М. Ю. Мартынова. — М. : ИЭА РАН, 2022. — 556 с.
5. Тишков, В. А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами / В. А. Тишков. — СПб. : Алетейя, 2008. — 176 с.
6. Anderson, J. Sectarian demography, territoriality and political development in Northern Ireland / J. Anderson, I. Shuttleworth // *Political Geography*. — 1998. — No 2. — P. 187–208.
7. Elazar, D. J. Federal Systems of the World: A Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements / D. J. Elazar // Jerusalem Center for Public Affairs. — URL: <https://dje.jcpa.org/books/fedsysworld-intro.htm> (дата обращения: 07.02.2026).
8. Kaiser, R. J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR / R. J. Kaiser. — Princeton : Princeton University Press, 1994. — 444 p.
9. Sack, R. Human Territoriality: Its Theory and History / R. Sack. — Cambridge : Cambridge University Press, 1986. — 256 p.

Этноконфессиональная политика Российской империи на территории Поволжья и Южного Урала во второй половине XVIII в.

Селедкова К. А.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Коршунова Н. В. (ЮУрГГПУ)

В статье анализируется российская этноконфессиональная политика на территории Поволжья и Южного Урала во второй половине XVIII в. На примере данного региона демонстрируется становление гибкой имперской стратегии на порубежной территории, ориентированной на интеграцию общества через создание лояльных власти институтов и обеспечение позитивного характера межэтнических и межконфессиональных контактов.

Ключевые слова: *Российская империя, Южный Урал, Поволжье, веротерпимость, Оренбургское магометанское духовное собрание, Контора Новокрещенских дел.*

В работе применяется институциональный подход в изучении конфессиональных процессов, акцент делается на особой значимости опыта проведения политики на исследуемой порубежной территории для имперской стратегии в целом.

Регионы Южного Урала и Поволжья исторически представляют собой устойчивые полиэтнические и поликонфессиональные пространства России, на территории которых веками сосуществуют представители множества культур и вероисповеданий. Вторая половина XVIII столетия ознаменовалась здесь коренным поворотом государственной политики в сторону веротерпимости по отношению к неправославному населению окраин. Новый вектор, намеченный центральной властью, не только предопределил конструктивный характер межэтнического и межрелигиозного диалога, но и выступил ключевым фактором сохранения стабильности, безопасности и территориальной целостности этих стратегически важных рубежей империи.

Территория Поволжья, Южного Урала, Сибири вошла в состав Российского государства еще в XVI столетии в годы правления Ивана IV. Длительное время параллельно сосуществовали две социокультурные и политические системы: общероссийский государственный аппарат и традиционные институты власти башкирского народа¹. Начиная с периода правления Петра Великого, происходит попытка укрепления положения центральной власти России на юго-востоке с дальнейшим продвижением Российского государства в азиатские регионы. Инте-

грация вышеописанной территории происходила за счет изменения законов в отношении коренных жителей, заселения крестьянами башкирских земель и попытки насильственной христианизации местного населения.

Религиозная политика Российской империи в Оренбургском крае во второй половине XVIII в. отличалась рядом региональных особенностей, обусловленных отсутствием единого епархиального центра, слабой освоенностью территории, законодательно закреплёнными правами на вероисповедание у башкир и наличием у татарского населения развитого и авторитетного мусульманского духовенства².

В среде православных приходов роль исполнителей государственной линии выполняли епархии и духовные правления, чья деятельность во многом определялась порубежным, фронтальным характером региона. Духовные правления курировали кадровые вопросы, распределение денежных средств, ремонт и содержание храмов и в целом контролировали церковно-административную работу на местах. Тем не менее их усилия, равно как и деятельность Новокрещенской конторы, не привели к заметному росту православного населения. Политика христианизации оказалась малоэффективной в данных условиях.

Волнения башкирского этноса стали решающими в деле реформирования миссионерской организации в масштабах всей империи. Так, башкирское и татарское восстание под предводительством Батырши (1755–1756 гг.)

¹ Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. С. 66.

² Осипова Я. В. Интеграция Южного Урала в состав империи в 30–90-е гг. XVIII века: этноконфессиональный аспект российской политики: дис. канд. ист. наук. Челябинск, 2007. С. 119.

повлекло за собой свертывание кампании по христианизации и ослабление экономического давления на мусульман со стороны местных властей. Иноверцы Среднего Поволжья ощутили на себе изменение конфессиональной политики с упразднением Конторы Новокрещенских дел в 1764 г. Ликвидация данной организации была вызвана отсутствием качественного увеличения числа православного населения в регионе. Источники повествуют, что местное население привлекали к крещению за счёт предоставления денежного вознаграждения¹, льгот и освобождения от повинностей и рекрутских наборов². Однако отказ от принятия христианства сопровождался принудительным крещением иноверческого населения деревни — об этом повествует Н. Чернавский, ссылаясь на многочисленные жалобы иноверцев. Успех в данных реалиях был необычайным — иноверцы крестились целыми деревнями. В докладе архимандрита Димитрия Сеченова Синоду констатируется: «В 1741 г. в Казанской и Нижегородской губерниях разных народов иноверцы целыми деревнями и всеми уездами и сотнями, как мужского, так и женского полов все до единого человека Святым крещением просветились»³. Так за 1741–1742 гг. было крещено 17362 человека⁴. Духовенства, знающего инородческие языки, не было в штате. Миссионеры пользовались услугами переводчиков из среды как самих инородцев, так и отчасти русских людей, знающих инородческие языки⁵. Богослужебные книги еще не переводились на языки иноверцев, вследствие чего богослужения были им непонятны. Из вышесказанного следует, что деятельность Конторы была нацелена на внешний, количественный успех, выраженный в самом факте крещения. При этом внутренние убеждения и представления о православной религии новокрещеным не давались.

Как сказано выше, исламское духовенство имело сильное влияние на местных мусульман. Чтобы получить сан муллы, мусульманину нужно было знать арабский язык, читать и толковать Коран. Обучение данным знаниям происходило в Казани или в Средней Азии. Для получения должности ахуна мулле необходимо было сдать

экзамен по богословию перед мусульманскими богословами⁶.

Нельзя сказать то же самое про православное духовенство. Историк В. С. Боже констатирует колоссальную нехватку кадров и низкий уровень грамотности священнослужителей православной церкви в то время на этой территории. Зачастую священнослужители владели следующими знаниями: небольшое умение читать, петь по нотам, отсутствие знания арифметики⁷. Помимо отсутствия элементарных знаний, некоторые священнослужители были склонны к таким порокам, как пьянство, грабеж, сквернословие.

В фондах ОГАЧО хранятся дела, свидетельствующие о нравственном уровне отдельных служителей церкви. Так, 25 мая 1789 г. священник Алексей Нассонов составил рапорт на дьячка Лаврентия Караульщикова за появление в доме священника в пьяном виде. Тот пришел к нему домой «несведомо с чего», устроил дебош, «истязал» священника и вообще вел себя «противно званию»⁸. Был проведен допрос в отношении дьячка и составлено подробное описание его действий в отношении Нассонова: «Потру дьячок Лаврентий Караульщиков, будучи пьян, к священнику Алексею Нассонову дому его на крышу взлезал, и топившихся у избы и горницы печей трубы сверху досочкой накрывал, и, оставя оные на тубах с крыши, сошел, и на другой день он, дьячок Караульщиков, в дом священника приходил и такие речи: что не то вам еще будет»⁹. Подобных случаев зафиксировано немало. Так, например, в фонде имеется рапорт дьякона на священника, который, по его словам, проявлял халатность к службе, пьянствовал и избивал дьячка¹⁰. В других случаях на священника было донесение о ведении службы в пьяном виде¹¹.

Пьянство священнослужителей сильно ухудшало взаимоотношения с прихожанами церкви, в особенности с новокрещеными из мусульман. Так, например, некоторые крестьяне отказывались исповедоваться у нетрезвого священника¹².

⁶ Осипова Я. В. Интеграция Южного Урала в состав империи... С. 114.

⁷ Боже В. С. Истоки: православие на Южном Урале в XVII–XVIII вв. // Исторические чтения. Вып. 7–8. Челябинск, 2004. С. 23.

⁸ ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 405. Л. 1.

⁹ ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 405. Л. 3.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 397. Л. 1.

¹¹ ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 399–400; Ф. И-50. Оп. 1. Д. 294.

¹² ОГАЧО. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 76.

¹ ПСЗ РИ. Т. XI. 1740 г. № 8236 С. 249–250.

² Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1. Оренбург, 1900. С. 124.

³ ПСЗ РИ. Т. XI. 1743 г. № 8792. С. 916.

⁴ Там же.

⁵ Малов Е. А. О новокрещенской конторе. Казань, 1878. С. 208.

Однако все перечисленные дела и рапорты свидетельствуют о стремлении российской власти изменить положение представителей церкви. Подобные случаи рассматривались представителями власти, проводились судебные процессы и назначались наказания дебоширам.

В 1773 году был издан указ о религиозной терпимости, чтобы между подданными «любовь, тишина и согласие царствовали»¹. При Екатерине II имперская политика фактически сменила курс от практик насильственной христианизации к признанию ислама как терпимого вероисповедания, поэтапной интеграции мусульманских институтов в административную систему и формированию вертикали духовного управления. Одновременно регулировался правовой статус культовых сооружений и священнослужителей. Вероятно, одной из причин таких изменений было стремление снизить частоту народных волнений и взять под контроль влиятельные социальные группы посредством их институциональной интеграции.

Перед открытием Мусульманского духовного собрания в Уфе была приостановлена деятельность православных миссионеров в селениях иноверцев. Как отмечает А. И. Ногманов: «Появление Указа связано с жалобой казанского архиепископа Вениамина на возведение мечетей в Казани и других местах совместного проживания татар и новокрещенных, что противоречило ранее принятым законам»². Д. Д. Азаматов считает причиной перехода к веротерпимости башкирские волнения в Троицком и Челябинском округах в конце 1788 — начале 1789 гг. Волнения были вызваны действиями миссионеров, посланных Тобольской епархией. Азаматов утверждает: «Опасаясь очередного восстания, правительство 7 февраля 1789 г. приняло решение прекратить на время миссионерскую деятельность и отозвать проповедников»³.

Создание в 1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе (официальное открытие состоялось 4 декабря 1789 г.) демонстрирует особое положение региона. Реалии юго-востока позволили осознать необходимость сотрудничества с исламской элитой. Политические устремления императрицы Екатерины II были направлены на нейтрализацию политического

и религиозного влияния Турции на российских мусульман. Также данные политические действия правительства были направлены на привлечение соседних казахов на сторону России⁴. С начала «оренбургского» периода в истории Южного Урала татарское меньшинство начало использоваться для налаживания контактов с хивинскими, ташкентскими купцами. Создание Духовного собрания дало возможность мусульманам решать свои дела (браки, наследство) в рамках закона империи, не отказываясь от своей веры и языка.

Духовное собрание входило в общую систему государственных учреждений Российской империи. Подчиненность Духовного собрания центральным органам управления была очевидной. По поручению правительства департамент духовных дел иностранных исповеданий разрабатывал стратегию проведения различных мероприятий среди мусульман. Создание Духовного собрания явилось не самоцелью, а изначально стало инструментом формирования группы лояльных к устоям империи духовных лиц из числа российских подданных. Они призваны были противодействовать проникновению антиправительственной исламской идеологии из Османского государства и среднеазиатских ханств. Самодержавная власть, учредив Духовное собрание, признала приходское мусульманское духовенство Южного Урала и Сибири, став на путь сотрудничества, нацеливаясь в перспективе на привлечение мулл к исполнению ряда административных функций.

Таким образом, 1788 г. стал переломным моментом в выстраивании диалога между имперской властью и мусульманским населением Поволжья и Южного Урала. Осознав неэффективность жестких административных методов начала столетия, правительство было вынуждено отказаться от них ради стабилизации внутренней обстановки в регионе. Ключевым шагом в реализации этой новой политики стало учреждение Оренбургского магометанского духовного собрания, которое впоследствии превратилось в центр всех мусульман империи. Во второй половине XVIII в. произошел системный отход от насильственной христианизации к прагматичной интеграции иноверцев через формирование лояльных государству институтов. В данном контексте Поволжье и Южный Урал продемонстрировали конструктивный и успешный опыт этноконфессионального сосуществования.

⁴ Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 374.

¹ ПСЗ РИ. Т. XIX. № 13996. С. 775.

² Ногманов А. И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI — XVIII вв. Казань, 2002. С. 189.

³ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999. С. 20.

Библиографический список

1. Азаматов, Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII — XIX вв. / Д. Д. Азаматов. — Уфа : Гилем, 1999. — 194 с.
2. Асфандияров, А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.) / А. З. Асфандияров. — Уфа : Баш. изд-во Китап, 2006. — 504 с.
3. Боже, В. С. Истоки: православие на Южном Урале в XVII–XVIII вв. / В. С. Боже // Исторические чтения. Вып. 7–8 : материалы науч. конференции. — Челябинск : Центр ист.-культ. наследия г. Челябинска, 2004. — С. 18–27.
4. Малов, Е. А. О новокрещенской конторе / Е. А. Малов. — Казань : Типография императорского университета, 1878. — 124 с.
5. Ногманов, А. И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI – XVIII вв. / А. И. Ногманов. — Казань : Фэн, 2002. — 231 с.
6. Осипова, Я. В. Интеграция Южного Урала в состав империи в 30-е – 90-е гг. XVIII века: этноконфессиональный аспект российской политики : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Я. В. Осипова. — Челябинск, 2007. — 250 с.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. IX–XXV. — СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1826–1830.
8. Усманов, А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству / А. Н. Усманов. — Уфа : Башкнигоиздат, 1960. — 194 с.
9. Чернавский, Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 1 / Н. Чернавский. — Оренбург : Тип. Оренб. Духовной Консистории, 1900. — 346 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Государство без нации: проблема конструирования общей идентичности в Тринидаде и Тобаго

Анисимов А. С.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Нохрин И. М. (ЧелГУ)

В статье рассматривается проблема конструирования общей идентичности в Тринидаде и Тобаго. Методологической основой исследования является теория Л. Гринфелд. Создание гражданской нации Тринидада и Тобаго сталкивается с целым рядом проблем. Во-первых, предлагаемая национальная идея не обладает собственными символами, которые были бы значимы для всех групп. Во-вторых, эта идея не обеспечивает равенства. Серьезной проблемой является расизм, усугубляющий неравенство. Наконец, в стране уже существует несколько сформированных национальных идей, которые обладают своими значимыми символами, через которые индивиды получают высокий статус, обретают чувство собственного достоинства.

Ключевые слова: *Тринидад и Тобаго, национализм, идентичность, национальная идея, Л. Гринфелд, конструктивизм, расизм.*

С точки зрения конструктивизма, который доминирует в изучении наций и национализма, существуют все основания для формирования единой идентичности Тринидада и Тобаго. Во-первых, уже достаточно долго Тринидад и Тобаго существует в современных административных границах: с 1888 г. в форме единой колонии, а с 1962 г. в виде независимого государства. Б. Андерсон утверждает, что проживание в рамках единого территориального образования должно способствовать возникновению у жителей осознания общей культуры, интересов, направленных в первую очередь против колониального угнетения. Это существенным образом влияет на формирование единой нации, единого национального самосознания¹.

Во-вторых, знаковым событием для страны является борьба за независимость. Сопrotивление колониальному режиму в той или иной форме присутствовало уже во второй половине XIX в. А в 30-х гг. XX в. началась более активная фаза борьбы за независимость, в которой участвовали представители разных этнических групп. Этот процесс можно рассматривать как

конфликт, который, согласно теории Р. Брубейкера, должен приводить к сплочению, возникновению представления о единстве групп, противостоящих колониальному режиму².

Наконец, идея гражданского национализма транслируется на государственном уровне, начиная с 1962 г., с момента получения независимости. Провозглашается единая суверенная нация с сохранением разнообразия культур и рас. Все группы внутри нации объявляются равными, вклад всех в достижения страны считается одинаково ценным. Выражается это представление на уровне государственных символов: в гимне, флаге, гербе³. Особенно четко данная идея транслируется через школьные учебники⁴. Это вполне соответствует тому, как описан успешный сцена-

² Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. 408 с.

³ National Symbols // The Office of the President of the Republic of Trinidad and Tobago. URL: <https://otp.tt/trinidad-and-tobago/national-emblems/> (дата обращения: 23.03.2026); Our Flag and other National Emblems. An Independence Publication / Government of Trinidad and Tobago. 1962. 32 p.; National Anthem // The Office of the President of the Republic of Trinidad and Tobago. URL: <https://otp.tt/trinidad-and-tobago/anthem/> (дата обращения: 21.05.2026).

⁴ Brereton B. An Introduction to the History of Trinidad and Tobago. Concord, 1996. 128 p.

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 71–84.

рий конструирования нации у Э. Геллнера¹ и уже упоминавшегося ранее Б. Андерсона².

Но при этом гражданская нация Тринидада и Тобаго так до сих пор и не сформирована. Дальше общего названия, трибангонцы, дело не идет. В ходе исторического развития в стране сформировалось несколько отдельных групп, со своей идентичностью, символами. Наиболее заметными этническими группами на данный момент являются афротринидадцы, индотринидадцы и тобагонцы.

Соответственно, цель работы — выявить основные факторы, которые препятствуют формированию единой гражданской нации Тринидада и Тобаго.

В качестве методологии была выбрана теория национализма Л. Гринфелд. Согласно данному подходу, в любом обществе существуют традиции, символы, законы, которые позволяют людям жить и действовать в этом самом обществе. Это институты, или общепринятые способы думать и действовать. Индивид в процессе социализации усваивает эти идеи и символы, в дальнейшем воспроизводя их постоянно в своей деятельности. Именно институты позволяют человеку существовать в обществе, они крайне важны. По этой же причине формирующаяся нация усваивает те традиции, которые уже существуют в обществе³.

То есть, с одной стороны, когда общество становится нацией, продолжается жизнь тех символов, которые были ранее, но при этом возникают новые представления, характерные уже только для национального сознания. Особенно важной новой идеей, согласно теории Л. Гринфелд, является принцип равенства всех членов нации. Также человек получает высокий символический статус: чувство собственного достоинства определяется высоким статусом самой группы, принадлежностью индивида к ней. Данный факт делает национальную идентичность крайне важной частью человеческого сознания в современном мире⁴.

После того как нация сформирована, она становится институтом, слабо подверженным изменениям, определяя при этом как индивидуальное, так и коллективное поведение⁵.

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. 320 с.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества... 288 с.

³ Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, 1992. 581 p.

⁴ Greenfeld L. Nationalism and the mind // Nations and Nationalism. 2005. No 11 (3). P. 325–341; Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity... 581 p.

⁵ Гринфелд Л. Заложники традиции // Интелпрос. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/newsletter/1-57->

Гипотеза исследования состоит в том, что гражданский национализм Тринидада и Тобаго не может стать доминирующей общей идентичностью по трем основным причинам. Во-первых, эта национальная идея не основывается на общих значимых институтах. Во-вторых, не все группы получают равный статус. В-третьих, в Тринидаде и Тобаго уже есть нации со своими символами и идеями. Через эти институты индивиды обретают личный статус и чувство собственного достоинства. Это делает вхождение в конструируемую нацию не только сложным, но и в определенной мере бессмысленным, так как важная потребность уже удовлетворена.

В качестве эмпирической базы были использованы данные переписей, государственные символы, их официальная трактовка, риторика политиков, нормативно-правовые акты. Особую группу источников составили материалы местной прессы⁶. В СМИ Тринидада и Тобаго присутствуют интервью с людьми, не являющимися системными политиками или публичными персонами. В этих интервью люди отвечают на вопросы, связанные с политикой, идентичностью, культурой. Часто у респондентов есть возможность дать развернутый ответ на открытый вопрос. Такой подход позволяет получить представление о том, как идентичность и национальная идея воспринимаются населением.

В ходе исследования были получены следующие выводы:

Во-первых, одной из главных причин того, что гражданская нация Тринидада и Тобаго так и не сформирована, является отсутствие общих значимых символов и идей, которые могли бы объединить население. Есть, конечно, идея о том, что любовь в обществе может объединить людей⁷. Но, во-первых, это слишком абстрактно, а во-вторых, это не объединяющий символ, а представление о том, что объединение необходимо.

2011/8410-zalozhniki-tradicii.html (дата обращения: 23.03.2026).

⁶ Trinidad and Tobago Express. URL: <https://trinidadexpress.com/> (дата обращения: 24.05.2026); Trinidad and Tobago Guardian. URL: <https://guardian.co.tt/-6.1.0.36f886e2695> (дата обращения: 24.05.2026); Trinidad and Tobago Newsday. URL: <https://newsday.co.tt/> (дата обращения: 24.05.2026).

⁷ The power of love in nation-building // The Trinidad and Tobago Express. URL: https://trinidadexpress.com/opinion/letters/the-power-of-love-in-nation-building/article_e69b2029-c542-46df-8688-54511ec5505d.html (дата обращения: 24.05.2026); What Trinidad and Tobago needs is love // Trinidad and Tobago Newsday. URL: <https://newsday.co.tt/2024/10/31/what-trinidad-and-tobago-needs-is-love/> (дата обращения: 24.05.2026).

Но чаще всего оказывается, что те символы и традиции, которые предлагаются в качестве общенациональных, являются символами афротринидадцев. Например, калипсо позиционируется как общенациональная музыка, повлиявшая на музыку всех Карибских островов. Но при этом афротринидадцы считают, что эта музыка была создана исключительно черными, а остальные этнические группы не внесли значимый вклад в её создание и развитие¹.

Карнавал тоже относят к достижениям культуры афротринидадцев, вклад остальных групп игнорируется². Идея гражданского национализма на деле оказывается идеей ассимиляции, так как тобагонцы и индотринидадцы должны воспринять важные символы афротринидадского национализма.

Отсюда следует вторая проблема — проблема неравенства. Так как карнавал и калипсо связаны с антиколониальной борьбой³ и культурным влиянием за пределами страны, то на символическом уровне афротринидадцы получают более высокий личный статус, обретают чувство собственного достоинства, ведь это они повлияли на всю музыку в Карибском море, это они боролись с колонизаторами. Это неравенство, выраженное на символическом уровне. И это в корне противоречит идее нации.

Расизм, унаследованный с колониальной эпохи, только усугубляет проблему неравенства, раскалывая общество еще сильнее. При проведении переписей сохраняются категории афротринидадцев, индотринидадцев, смешанных⁴. Находит свое выражение расовое разделение и в электоральном поведении⁵.

¹ Calypso In Trinidad and Tobago Culture, Identity, And Development // TTT Live Online. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9uYW2qljYI> (дата обращения: 24.05.2026).

² History of carnival // National Carnival Commission of Trinidad and Tobago. URL: <https://ncctt.org/history-of-carnival-and-its-elements/> (дата обращения: 24.05.2026).

³ Calypso In Trinidad and Tobago Culture, Identity, And Development // TTT Live Online. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9uYW2qljYI> (дата обращения: 24.05.2026); History of carnival // National Carnival Commission of Trinidad and Tobago. URL: <https://ncctt.org/history-of-carnival-and-its-elements/> (дата обращения: 24.05.2026).

⁴ Trinidad and Tobago 2011 population and housing census demographic report. The Central Statistical Office. Port-of-Spain. 2011. 403 p.

⁵ Macdonald F. The Race Factor in Trinidad Politics. Washington, D.C., 1969. 7 p.

Наконец, третья причина, по которой объединение в рамках одной нации невозможно — это наличие в Тринидаде и Тобаго уже сформированных наций, тринидадцев и тобагонцев. У каждой нации есть свои важные идеи и символы.

Тобагонцы, например, всячески подчеркивают, что у них есть уникальные традиции, такие как крабьи бега, козлиные бега. Помнят они также и о том, что в XVIII–XIX вв. действовала Палата Собрания Тобаго. В 1980 г. после политической борьбы данный орган местного самоуправления был восстановлен. Палата Собрания Тобаго является важным элементом идентичности тобагонцев и, по аналогии с карнавалом и калипсо, выступает символом антиколониальной борьбы, источником высокого статуса, но исключительно тобагонского. Акцент делается на том, что именно в Палате Собрания началось первое по времени сопротивление колониализму и это сопротивление долгое время было единственным значимым⁶.

Даже такой факт, как антиколониальная борьба, который мог бы стать центральной идеей объединения, ведет в итоге к дальнейшему разделению. Апелляция к данному историческому процессу используется для утверждения идеи о превосходстве собственной группы.

В свою очередь, афротринидадцы находятся под влиянием своих символов и идей. Эти институты они и пытаются, в силу своего политического преобладания, сделать общенациональными.

Получается, что проблемы оказываются взаимосвязаны. Идея гражданского национализма Тринидада и Тобаго на деле оказывается лишенной своих собственных символов, воспроизводя лишь идеи афротринидадского национализма, не способного обеспечить равенство всех этнических групп. Эти группы находят источник для чувства собственного достоинства в своих символах, как, например, это делают тобагонцы, что делает ненужной для них конструируемую общую идентичность.

⁶ About the Assembly // Tobago House of Assembly. URL: <https://www.tha.gov.tt/about-the-assembly/> (дата обращения: 25.03.2026).

Библиографический список

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. — М. : КАНОН-пресс-Ц, 2001. — 288 с.
2. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. — М., 2012. — 408 с.
3. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. — М. : Издательский дом ВШЭ, 1991. — 320 с.
4. Гринфелд, Л. Заложники традиции / Л. Гринфелд // Интелрос. — URL: <http://www.intelros.ru/readroom/newsletter/1-57-2011/8410-zalozhniki-tradicii.html> (дата обращения: 23.03.2026).
5. Brereton, B. An Introduction to the History of Trinidad and Tobago / B. Brereton. — Concord : Heinemann Educational Publishers, 1996. — 128 p.
6. Greenfeld, L. Nationalism and the mind / L. Greenfeld // Nations and Nationalism. — 2005. — No 11 (3). — P. 325–341.
7. Greenfeld, L. Nationalism: Five Roads to Modernity / L. Greenfeld. — Cambridge : Harvard University Press, 1992. — 581 p.
8. Macdonald, F. The Race Factor in Trinidad Politics / F. Macdonald. — Washington, D. C. : Institute of Current World Affairs, 1969. — 7 p.
9. Trinidad and Tobago 2011 population and housing census demographic report / The Central Statistical Office. — Port-of-Spain, 2011. — 403 p.

Цифровая трансформация социальной сферы России: противоречия федеральных приоритетов и региональной имплементации (опыт Челябинской области)

Васильев А. В.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Пасс А. А. (ЧелГУ)

В статье исследуются противоречия, возникающие при реализации федеральной политики цифровой трансформации социальной сферы на региональном уровне. На основе комплексного анализа эмпирических данных за 2024–2025 гг. (нормативно-правовые акты, статистика Минцифры и СФР, социологические опросы, публикации СМИ) на примере Челябинской области выявлены ключевые диссонансы: между требованием тотальной цифровизации и сохраняющимся территориальным неравенством; между проактивными моделями социальной поддержки и низкой цифровой грамотностью уязвимых групп; между централизованными платформами и ригидностью межведомственного взаимодействия; между формальными KPI цифровой зрелости и реальной доступностью услуг; между унифицированными федеральными решениями и необходимостью локальной адаптации. Делается вывод о том, что преодоление этих противоречий требует перехода от технократической модели «цифрового государства» к гибридной модели управления, сочетающей федеральную координацию с региональной гибкостью и человекоцентрированным подходом.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, социальная сфера, федеральные приоритеты, региональная имплементация, цифровое неравенство, проактивные выплаты, межведомственное взаимодействие.*

Цифровая трансформация социальной сферы — одно из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации на период до 2030 г. Федеральный центр задает амбициозные цели: перевод практически до 100 % (фактически 99 %) массовых социально значимых услуг в электронный вид¹, внедрение проактивного (беззаявительного) механизма их предоставления², создание единых циф-

ровых платформ (ЕГИССО³, ЕЦП «Социальная сфера»⁴), достижение показателей «цифровой зрелости» регионов. Однако процесс имплементации этих приоритетов на местах сталкивается с многообразными региональными реалиями —

форме, в том числе в целях реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации «Государство для людей» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506200015?pageSize=100&index=1> (дата обращения: 19.02.2026).

³ Социальная помощь станет более адресной. Государственная Дума приняла в третьем чтении инициированный Правительством РФ закон, описывающий механизм автоматического выявления нуждающихся в социальной поддержке граждан // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/54312/> (дата обращения: 20.02.2026).

⁴ Правительство утвердило постановление о единой цифровой платформе в социальной сфере // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/50580/> (дата обращения: 20.02.2026).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/1> (дата обращения: 19.02.2026).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 19.06.2025 № 923 «О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по повышению качества предоставления государственных, муниципальных услуг (сервисов, функций), реализации жизненных ситуаций, а также увеличению доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной

различиями в инфраструктурной обеспеченности, кадровом потенциале, структуре населения, уровне цифровой грамотности и культурных традициях взаимодействия с государством.

Возникает фундаментальное противоречие: с одной стороны, унификация и централизация цифровых решений необходимы для обеспечения равного доступа граждан к социальным услугам и эффективного управления; с другой — жесткие федеральные рамки не учитывают локальную специфику, что приводит к формальному выполнению показателей при сохранении (или даже усилении) реального неравенства. Данная статья посвящена анализу этого противоречия на примере Челябинской области — крупного индустриального региона, который, с одной стороны, демонстрирует высокие результаты в федеральных рейтингах цифровой трансформации, а с другой — концентрирует в себе типичные вызовы: диспропорции между урбанизированными центрами и сельской периферией, высокую долю пожилого населения, сохраняющееся цифровое неравенство.

Цель исследования — выявить и систематизировать основные противоречия между федеральными приоритетами цифровой трансформации социальной сферы и их региональной имплементацией, а также предложить пути их разрешения на основе анализа кейса Челябинской области.

Исследование опирается на институциональный подход, позволяющий анализировать формальные нормы (федеральные требования) и неформальные практики (региональную адаптацию). В качестве теоретической рамки используется концепция «диалектики централизации и регионализации» в публичном управлении¹, а также идеи о «государстве-платформе»² и «надзорном капитализме»³, которые помогают

осмыслить риски усиления технократического контроля. Методология включает case-study (углубленное изучение региона), сравнительный анализ (сопоставление федеральных требований и региональных отчетов), контент-анализ документов и публикаций.

Эмпирическая база сформирована из пяти групп источников:

1. Федеральные нормативные акты (указы Президента, национальный проект «Экономика данных»⁴, стратегии цифровой трансформации⁵).

2. Региональные документы (госпрограммы Челябинской области⁶, отчеты Губернатора Челябинской области⁷ и Мининформа Челябинской области⁸).

3. Официальная статистика (Росстат⁹, данные Отделения СФР¹⁰).

⁴ Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство России. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/ekonomika-dannykh/> (дата обращения: 24.02.2026).

⁵ Стратегии цифровой трансформации регионов России // TAdviser. Государство, бизнес, технологии. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Стратегии_цифровой_трансформации_регионов_России (дата обращения: 24.02.2026).

⁶ О Перечне государственных программ Челябинской области (с изменениями на 1 октября 2025 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/424079279/titles/381ABBM> (дата обращения: 25.02.2026).

⁷ Итоги деятельности Правительства Челябинской области // Министерство экономического развития Челябинской области. URL: <https://mineconom.gov74.ru/mineconom/activity/socialno-economiceskoe-razvitie/itogi-deyatelnosti-Pravitelstva-Chelyabinskoi-oblasti.htm> (дата обращения: 25.02.2026).

⁸ Итоги работы Министерства информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области в 2025 году // Министерство информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области. URL: <https://mininform.gov74.ru/digital/overview/onauthority.htm> (дата обращения: 25.02.2026).

⁹ Информационно-телекоммуникационные технологии // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: https://74.rosstat.gov.ru/information_technology (дата обращения: 25.02.2026); Наука, инновации и технологии (Цифровые технологии) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science#> (дата обращения: 25.02.2026).

¹⁰ Открытые данные СФР // Социальный фонд России. URL: <https://sfr.gov.ru/opendata/> (дата обращения: 25.02.2026).

¹ Aguerre C., Campbell-Verduyn M., Scholte J. A. *Global Digital Data Governance. Polycentric Perspectives*. 1st edition. London, 2024. P. 223–237; Беликова К. М., Диас Мартинс Р., Казанба Е. Т. Международное сотрудничество в преодолении цифрового неравенства: правовые основы, барьеры и параметры развития // *Journal of Digital Technologies and Law*, 2024. № 2 (4). С. 1003–1030.

² Margetts H. *Rethinking AI for Good Governance* // *Daedalus*. 2022. Vol. 151, No 2. P. 360–371; Храпов С. А., Скородумова О. Б. Социокультурные риски цифровой эпохи // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2026. № 1 (86). С. 200–209.

³ Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism*. N. Y., 2019. 704 p.; Тихонов О. В. Цифровая идентичность в условиях надзорного капитализма: между самовыражением и коммодификацией // *Вестник экономики, права и социологии*. 2025. № 4. С. 309–312.

4. Социологические опросы (Центр общественного мониторинга Челябинской области).

5. Публикации региональных и федеральных СМИ (2024–2025 гг.).

Анализ федеральной нормативной базы позволяет выделить следующие ключевые приоритеты, которые формируют «рамку» для регионов.

Тотальный перевод услуг в электронный вид и проактивность. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹ и национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2025–2030)² закрепляют требование перевода практически до 100 % (фактически 99 %) массовых социально значимых услуг в электронный формат. Более того, декларируется переход к проактивному (беззаявительному) предоставлению услуг — государство должно само, на основе анализа данных из межведомственных систем, назначать выплаты и предоставлять меры поддержки без необходимости для гражданина подавать заявление.

Единые цифровые платформы и централизация данных. Стратегическое направление в области цифровой трансформации социальной сферы на период до 2030 года (утвержденное распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 апреля 2024 г. № 842-р)³ и Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2023 г. № 2386 о государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»⁴ предполагают создание общегосударственной инфраструктуры, агрегирующей данные о

гражданах, их доходах, льготах, социальном статусе. Это позволяет унифицировать процессы, но одновременно усиливает зависимость регионов от федеральных IT-систем.

Рейтинг цифровой трансформации регионов (КРІ). С 2021 г. Минцифры России ведет рейтинг цифровой трансформации регионов⁵, оценивая их по 18 показателям: доля услуг, предоставляемых в электронном виде, удовлетворенность граждан, внедрение ИИ, импортозамещение, кибербезопасность⁶. Этот рейтинг становится инструментом давления на региональные власти, стимулируя погоню за формальными показателями.

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁷ и последующие документы увязывают цифровизацию с сохранением традиционных российских духовно-нравственных ценностей, что создает дополнительное нормативное требование к регионам — обеспечивать не только технологическую эффективность, но и соответствие цифровых решений ценностным ориентирам.

Челябинская область, будучи одним из лидеров федерального рейтинга цифровой трансформации (2-е место в 2025 году)⁸, демонстрирует впечатляющие формальные результаты. Однако детальный анализ выявляет ряд глубоких противоречий.

⁵ Губернаторам выставили цифры. Представлен рейтинг «цифровой зрелости» регионов // IZ.RU, информационный портал газеты Известия, Ren TV, 5 канала. URL: <https://iz.ru/1252369/sergeigurianov/sotcialnaia-baza-kak-gossistema-vychislit-nuzhdaiushchikhsia-v-pomoshchi-rossii> (дата обращения: 26.02.2026).

⁶ Дмитрий Григоренко: Определены регионы — лидеры рейтинга цифровой трансформации // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/58063/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 20.02.2026).

⁸ Челябинская область вошла в число регионов-лидеров рейтинга цифровой трансформации России // Министерство информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области. URL: <https://digital.gov74.ru/digital/view/news.htm?id=11755259> (дата обращения: 26.02.2026).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/1> (дата обращения: 19.02.2026).

² Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство России. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/ekonomika-dannykh/> (дата обращения: 24.02.2026).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.04.2024 г. № 842-р // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/152973/> (дата обращения: 22.02.2026).

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2023 г. № 2386 // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/151705/> (дата обращения: 22.02.2026).

Противоречие 1: Тотальная цифровизация vs территориальное неравенство. Федеральный приоритет предполагает, что все граждане, независимо от места проживания, имеют равный доступ к цифровым услугам. Однако в Челябинской области, как показывают данные Минцифры за 2025 г., 1,5 % населения (около 50–60 тыс. человек), проживающие на 7 % территории (отдаленные сельские и горные районы), остаются вне зоны устойчивой сотовой связи и широкополосного интернета¹. Формальный показатель охвата 98,5 %² скрывает тот факт, что именно эти граждане — чаще всего пожилые, малообеспеченные, нуждающиеся в социальной поддержке — фактически исключены из цифрового пространства. Таким образом, требование тотальной цифровизации вступает в противоречие с сохраняющимся инфраструктурным неравенством, которое федеральные программы («Устранение цифрового неравенства 2.0»)³ не могут преодолеть полностью в силу ограниченности ресурсов и географических особенностей.

Противоречие 2: Проактивные выплаты vs цифровая грамотность. Федеральный приоритет проактивного назначения пособий предполагает автоматическое получение выплат на основе данных из реестров. В Челябинской области в 2025 г. проактивно назначено пособие на 3 930 новорожденных (при рождении второго и последующих детей)⁴ и выдано 7 680 сертификатов на материнский капитал⁵. Однако проактивный механизм работает только при нали-

чии у семьи подтвержденной учетной записи на «Госуслугах» и корректных данных в межведомственных системах. По оценкам, основанным на данных опросов, около 20 % пожилых граждан и жителей сельской местности не имеют подтвержденной учетной записи или не умеют ею пользоваться⁶. Для них «проактивность» оборачивается пассивным исключением — выплата не назначается автоматически, а самостоятельное обращение затруднено.

Проект «Цифровой гражданин» обучил с 2021 г. лишь 1,5 тыс. человек старшего возраста⁷ — это ничтожно мало на фоне 700-тысячного населения старше трудоспособного возраста. Масштаб проблемы цифровой грамотности многократно превышает охват образовательных инициатив, что создает разрыв между декларируемой проактивностью и реальной доступностью.

Противоречие 3: Централизованные платформы vs ригидность межведомственного взаимодействия. Федеральные требования предполагают бесшовный обмен данными через систему СМЭВ и единые платформы. Однако на региональном уровне сохраняется ригидность межведомственного взаимодействия. Как отмечается в научной литературе⁸, технические и административные барьеры между органами соцзащиты, здравоохранения, Пенсионным фондом и ФНС приводят к тому, что данные либо не передаются в полном объеме, либо передаются с задержками, либо требуют дублирующего запроса. В результате граждане по-прежнему вынуждены самостоятельно собирать справки, которые, по идее, система должна получать автоматически. Это противоречие между

¹ Еще два населенных пункта Челябинской области получили доступ к интернету // Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/eshche-dva-naselennykh-punkta-chelyabinskoy-oblasti-poluchili-dostup-k-internetu/> (дата обращения: 26.02.2026).

² Там же.

³ На Южном Урале продолжает развиваться инфраструктура связи // Министерство информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области. URL: <https://mininform.gov74.ru/digital/view/news.htm?id=11077042> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴ В 2025 году Отделение СФР по Челябинской области проактивно назначило единое пособие для 3 930 новорожденных // Социальный фонд России. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/chelyabinsk/news/~2025/11/21/277060> (дата обращения: 25.02.2026).

⁵ В Челябинской области 160 тысяч семей получают поддержку от регионального Отделения СФР // Социальный фонд России. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/chelyabinsk/news~2025/07/08/274523> (дата обращения: 25.02.2026).

⁶ Южноуральцы подали 21,5 миллиона заявлений через «Госуслуги» за год // Сетевое издание «Губерния — Южный Урал». URL: <https://gubernia74.ru/articles/news/1130800/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁷ Жителей 18 муниципалитетов Южного Урала научат работе с цифровыми технологиями // Сетевое издание «Губерния — Южный Урал». URL: <https://gubernia74.ru/articles/news/1135851/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁸ Скоробогачкий В. В. Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 90–106; Гришкина А. А., Субботина Т. Н. Электронные государственные услуги: анализ системных барьеров на пути к цифровой зрелости региона // Economy and Business: Theory and Practice. 2025. № 12 (130). С. 91–96; Косоруков А. А. Цифровая трансформация государственного управления: сравнительно-исторический аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2026. № 114. С. 174–191.

централизованным замыслом и реальной институциональной инерцией замедляет внедрение «бесшовных» сервисов.

Противоречие 4: Формальные KPI vs реальная доступность и качество. Челябинская область заняла 2-е место в рейтинге цифровой трансформации регионов. Однако, согласно опросу Центра общественного мониторинга, 62,2 % жителей удовлетворены качеством госуслуг через интернет¹, но каждый пятый (около 20 %) — недоволен. Причины недовольства официально не выявлены, но из публикаций в СМИ и обращений на Платформу обратной связи (77 тыс. обращений за первое полугодие 2025 г.) можно выделить: технические сбои, сложность интерфейсов, длительную обработку заявлений, необходимость личного визита после онлайн-записи. Формальные KPI (например, доля услуг, переведенных в электронный вид) не учитывают ни качество самих цифровых сервисов, ни реальную способность граждан ими воспользоваться. Возникает разрыв между «цифровой зрелостью» региона по отчетам и реальной доступностью для уязвимых групп.

Противоречие 5: Унифицированные федеральные решения vs необходимость локальной адаптации. Федеральные цифровые платформы и сервисы разрабатываются как типовые, без учета региональной специфики. Например, интерфейс портала «Госуслуги» одинаков для всей страны, но потребности и навыки пожилого жителя муниципального округа, Кунашакского, например, и молодого челябинца различаются кардинально. Региональные власти ограничены в возможности дорабатывать федеральные системы — это требует согласований, дополнительного финансирования и компетенций. В Челябинской области предпринимаются попытки локальной адаптации (например, внедрение ИИ в соцзащиту с учетом местной специфики²), но они остаются точечными. Основное противоречие — между жесткой централизацией, необходимой для управляемости, и гибкостью, требуемой для учета локального контекста.

¹ Челябинская область вошла в десятку лидеров по использованию портала госуслуг // Информагентство «Первое областное». URL: <https://www.lobl.ru/news/o-lyudyakh/chelyabinskaya-oblast-voshla-v-desyatkuliderov-po-ispolzovaniyu-portala-gosuslug/> (дата обращения: 25.02.2026).

² В Челябинской области робот поможет соцработникам ускориться на 80 % // Информационное агентство URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052972596> (дата обращения: 25.02.2026).

Выявленные противоречия имеют не только эмпирический, но и теоретический характер. Они отражают глубинную коллизию между двумя моделями цифрового государства: технократической (централизация, стандартизация, эффективность как самоцель) и человеко-центрированной (инклюзивность, адаптивность, учет разнообразия). Федеральные приоритеты тяготеют к первой модели, тогда как региональная практика демонстрирует необходимость второй.

Преодоление противоречий требует перехода к гибридной модели управления цифровой трансформацией, которая сочетает: 1) федеральную координацию при разработке базовых платформ, стандартов данных и требований к кибербезопасности; 2) региональную гибкость в адаптации интерфейсов, способов доставки услуг, организации обучения граждан с учетом местных особенностей; 3) расширение полномочий регионов по доработке федеральных сервисов (в рамках утвержденных бюджетов и технических заданий); 4) смещение фокуса KPI с формальных показателей «цифровой зрелости» на реальные индикаторы инклюзивности (доля уязвимых групп, получивших услуги в цифровом виде; сокращение цифрового разрыва; удовлетворенность); 5) инвестиции в человеческий капитал — массовое повышение цифровой грамотности, развитие сети консультантов на местах (включая сотрудников МФЦ, соцработников, библиотекарей), создание «цифровых волонтерских» движений.

Для Челябинской области это означало бы: целевое финансирование устранения цифрового неравенства в оставшихся 42 населенных пунктах; масштабирование проекта «Цифровой гражданин» на десятки тысяч человек; внедрение механизмов обратной связи для реального улучшения сервисов; предоставление региону права адаптировать интерфейсы и алгоритмы проактивных выплат с учетом местной демографической и социальной структуры.

Проведенное исследование показало, что цифровая трансформация социальной сферы в России, несмотря на значительные достижения и лидерские позиции отдельных регионов (включая Челябинскую область), сталкивается с системными противоречиями между федеральными приоритетами и региональной имплементацией. Эти противоречия не являются случайными или временными — они порождены самой логикой централизованного технократического подхода, который недооценивает региональное разнообразие, сохраняющееся цифровое неравенство, дефицит цифровой грамотности и институциональную ригидность.

Успешное разрешение этих противоречий возможно только при условии перехода к гибридной модели управления, которая сочетает федеральную координацию с региональной гибкостью, а эффективность — с инклюзивностью. Без такого перехода существует риск того, что «цифровое государство» станет не инструментом повышения доступности социальной поддержки, а новой формой отчуждения и социаль-

ной эксклюзии для наиболее уязвимых групп населения.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных механизмов реализации гибридной модели, а также на сравнительный анализ регионов с разной степенью успешности цифровой трансформации для выявления факторов, способствующих преодолению выявленных противоречий.

Библиографический список

1. Беликова, К. М. Международное сотрудничество в преодолении цифрового неравенства: правовые основы, барьеры и параметры развития / К. М. Беликова, Р. Диас Мартинс, Е. Т. Казанба // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2024. — № 2 (4). — С. 1003–1030.
2. Гришкина, А. А. Электронные государственные услуги: анализ системных барьеров на пути к цифровой зрелости региона / А. А. Гришкина, Т. Н. Субботина // *Economy and Business: Theory and Practice*. — 2025. — № 12 (130). — С. 91–96.
3. Косоруков, А. А. Цифровая трансформация государственного управления: сравнительно-исторический аспект / А. А. Косоруков // *Государственное управление. Электронный вестник*. — 2026. — № 114. — С. 174–191.
4. Скоробогачкий, В. В. Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного / В. В. Скоробогачкий // *Антиномии*. — 2023. — Т. 23, вып. 1. — С. 90–106.
5. Тихонов, О. В. Цифровая идентичность в условиях надзорного капитализма: между самовыражением и коммодификацией / О. В. Тихонов // *Вестник экономики, права и социологии*. — 2025. — № 4. — С. 309–312.
6. Храпов, С. А. Социокультурные риски цифровой эпохи / С. А. Храпов, О. Б. Скородумова // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. — 2026. — № 1 (86). — С. 200–209.
7. Aguerre, C. *Global Digital Data Governance. Polycentric Perspectives*. 1st edition. / C. Aguerre, M. Campbell-Verduyn, J. Aart Scholt. — London : Routledge, 2024. — 265 p.
8. Margetts, H. *Rethinking AI for Good Governance* / H. Margetts // *Daedalus*. — 2022. — Vol. 151, No 2. — P. 360–371.
9. Zuboff, S. *The Age of Surveillance Capitalism* / S. Zuboff. — N. Y. : PublicAffairs, 2019. — 704 p.

Этнический фактор электорального поведения: корреляционный анализ

Грошев С. В.

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Институт международных отношений и мировой истории, Нижний Новгород*

Научный руководитель: Каминченко Д. И. (ННГУ)

На основе корреляционного анализа муниципальных выборов в Нижегородской области (2020–2024) установлено, что доля коренных народов и титульной нации статистически значимо не связана с явкой. Выявлена отрицательная корреляция между долей мигрантов и явкой: чем выше гетерогенность группы мигрантов, тем ниже явка, но выше число кандидатов и электоральная фрагментация. Рост конкуренции в полиэтнических муниципалитетах сопровождается снижением участия избирателей, что автор объясняет социальными страхами и давлением КРП органов местного самоуправления.

Ключевые слова: электоральное поведение, выборы, Нижегородская область, национальный фактор, корреляционный анализ, местное самоуправление.

Проблема электорального поведения — одна из наиболее часто обсуждаемых как в современной научной литературе, так и в среде работников выборов. Н. В. Гришин, перечисляя основные факторы, влияющие на электоральное поведение граждан, относит к ним, в частности, этнический фактор¹. При рассмотрении проблематики этнического фактора электорального поведения отечественные учёные чаще всего делают акцент на национальные республики и края. Остальные типы субъектов федерации во многом, из-за своей этнической гомогенности, выраженной доминирующей долей русских в национальном составе, изучаются гораздо реже.

Основная цель настоящего исследования — выявление особенностей электорального поведения, связанных с этническим составом населения, на местных выборах. Рассматриваемый регион — Нижегородская область. Крайние даты результатов выборов, используемых в исследовании, — 2020–2024 гг. Основной метод исследования — корреляционный анализ по Пирсону, дополнительный метод — индексирование. В качестве независимой переменной используется национальный состав населения, данные о котором взяты из результатов Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.² В качестве зависимой переменной используются данные

об итогах очередных муниципальных выборов, взятые с официального портала ЦИК России³.

Согласно результатам переписи населения 2020–2021 гг., в Нижегородской области проживает 129 национальностей. Все их условно можно разделить на три группы: титульная нация (русские), коренные народы (татары, мишари, чуваша, марийцы, горные марийцы, мордва, мордва-эрзя), мигранты (к этой группе мы отнесли остальные национальности). При определении списка коренных народов учитывалось географическое соседство Нижегородской области с национальными республиками, территории расселения коренных народов России, топонимика региона, а также исторический контекст.

Нами выявлены лишь четыре муниципалитета, в которых доля титульной нации составляет ниже 90 %. К ним относятся Краснооктябрьский, Пильнинский, Сергачский и Спасский муниципальные округа. Во всех перечисленных муниципалитетах высока доля татар. В Краснооктябрьском муниципальном округе упомянутый этнос составляет подавляющее большинство населения. Общая доля мигрантов по муниципалитетам не превышает 4 %.

Для повышения объективности исследования в итоговую выборку были включены муниципалитеты, где репрезентация каждой из выделенных групп находится на уровне не ниже 0,4 %. В итоговую выборку вошли: 51 муниципалитет — для титульной нации, 33 муниципалитета для коренных народов, 49 — для мигрантов.

¹ Гришин Н. В. Социальные факторы электоральной географии // Успехи современного естествознания. 2006. № 11. С. 19–22.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по Нижегородской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. URL: <https://52.rosstat.gov.ru/folder/62175> (дата обращения: 18.01.2026).

³ Сведения о проводящихся выборах и референдумах // Портал ЦИК России «Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления». URL: <http://www.izbirkom.ru/> (дата обращения: 18.01.2026).

В ходе исследования мы выдвигаем следующую гипотезу: чем выше доля этнического населения в муниципалитете, тем выше явка.

Как видно из табл. 1, гипотеза о повышении явки в муниципалитетах с повышенной долей коренного населения не подтвердилась. Помимо выдвинутой гипотезы, не демонстрирует статистической значимости и корреляция между долей русских в общем составе населения и явкой на выборы. Тем временем муниципалитеты с высокой долей мигрантов в составе населения демонстрируют корреляцию с высоким уровнем значимости: чем больше мигрантов (т. е. чем более гетерогенен этнический состав муниципалитета), тем ниже явка на муниципальные выборы.

Не представляется возможным, по нашему мнению, списать выявленную закономерность на городской характер населения муниципалитетов с высокой долей мигрантов. Топ-3 округов по этому показателю — Володарский, Перевозский и Вадский. В первых двух из указанных случаев доля городского населения не превышает 60 %, тогда как в кейсе Вадского округа этот показатель равен нулю. При проведении корреляционного анализа связи между долей городского населения и долей мигрантов уровень статистической значимости по *p-value* составил 0,9677, что не позволяет сделать выводов о наличии взаимосвязи между переменными.

Помимо данных о явке, нами были протестированы следующие переменные (усреднены по муниципалитету): средний результат победителя, среднее значение ЭЧК по Г. В. Голосову¹, средний индекс избирательной конкуренции², средняя доля недействительных бюллетеней. Ни одна из переменных не показала статистически значимой связи с данными о национальном составе муниципалитетов. Однако нашёлся

Таблица 1

Этнические группы и явка на муниципальные выборы

Переменная	Коэффициент корреляции	R ²	P-value
Коренные народы	0,2802	7,85 %	0,1143
Титульная нация	– 0,2004	4,02 %	0,1586
Мигранты	– 0,4098	16,79 %	0,0035

¹ Golosov G. The Effective Number of Parties: A New Approach // Party Politics. 2010. Vol. 16, No 2. P. 171–192.

² Грошев С. В. Конкуренция на местных выборах в Нижегородской области: количественный аспект // II Всероссийская конференция Нижегородского фестиваля науки с международным участием. Сборник тезисов докладов. Нижний Новгород, 2025. С. 500–501.

и один параметр, всё же продемонстрировавший связь с используемой в настоящем исследовании независимой переменной. Речь здесь идёт о среднем числе кандидатов в бюллетене.

Как следует из табл. 2, муниципалитеты с большей долей мигрантов являются более электорально привлекательными для кандидатов. Иными словами, в муниципалитетах с высокой долей мигрантов более вероятна ситуация, при которой в бюллетене окажется 3 и более кандидатов. Немного контекста: за рассматриваемый период встречаются случаи, когда в одном избирательном округе было зарегистрировано от 1 до 9 кандидатов. Среднее число кандидатов по области — 2,582.

В свете вышеописанных закономерностей представляется целесообразным взглянуть на структуру выделенной нами группы мигрантов. Для рассмотрения этого фактора мы используем «индекс этнической фрагментации», т. е. индекс эффективного числа партий по формуле Г. В. Голосова³, применённый к структуре населения. В выборку включены все муниципалитеты Нижегородской области, но не вошли этносы, отнесённые нами ранее к титульной нации и коренным народам. Описанный выше индекс показал статистически значимую взаимосвязь сразу с несколькими переменными. Подробный список корреляций представлен в табл. 3.

Как следует из табл. 3, с повышением уровня гетерогенности в группе мигрантов повышаются

Таблица 2

Этнические группы и среднее число кандидатов в бюллетене

Переменная	Коэффициент корреляции	R ²	P-value
Коренные народы	–0,1191	1,42 %	0,5090
Титульная нация	0,0838	0,70 %	0,5588
Мигранты	0,2929	8,58 %	0,0411

Таблица 3

Корреляция индекса этнической фрагментации с различными показателями

Переменная	Коэффициент корреляции	R ²	P-value
Результат победителя	0,3002	9,01 %	0,0324
Среднее число кандидатов в бюллетене	0,3186	10,15 %	0,0227
ЭЧК по Голосову	0,2979	8,87 %	0,0337
Явка	–0,3255	10,60 %	0,0198

³ Golosov G. The Effective Number of Parties: A New Approach... P. 171–192.

и метрики, связанные с конкуренцией, а именно: растёт среднее число кандидатов в бюллетене, возрастает фрагментация электоральных предпочтений избирателей, что, в свою очередь, снижает средний результат победителя. При этом, как и в предшествующих случаях, снижается явка, что мы расцениваем как весьма противоречивый сигнал. С одной стороны, обостряется борьба за депутатские мандаты в одномандатных округах, с другой — избиратели участвуют в определении итогов этой борьбы менее активно.

Говоря о взаимосвязи социально-политических конфликтов и явки избирателей на выборы, И. В. Анциферова отмечает, что нестабильность и конфликты являются драйвером повышения электоральной активности граждан¹. Считаем важным отметить, что приведённое утверждение скорее актуально для европейских демократий, чем для местных выборов в Среднем Поволжье. Здесь мы наблюдаем прямо противоположное явление: люди, наоборот, абстрагируются от участия в выборах с повышенной конкуренцией.

Д. Н. Баринов, рассуждая о природе социальных страхов, предлагает возможное объяснение наблюдаемой нами ситуации. Неопределённость, кризисы и конфликты провоцируют рост социальных страхов у населения². Именно из-за этого страха и наблюдается снижение явки. С учётом сложившейся в нашей стране партийной системы, где одна партия доминирует уже более двадцати лет, стабильность является одним из столпов управленческой конструкции. Как отмечает В. Я. Гельман, открытая конкуренция локальных элит неформально запрещена. Одной из задач доминирующей партии является сохранение корпоративной солидарности внутри «вертикали власти»³. При таких обстоятельствах

электоральная конкуренция неизбежно будет восприниматься как нечто чуждое, иногда переходя в категорию опасного.

Осложняется всё вышеописанное и этнической гетерогенностью обществ, при которой конфликты различных землячеств, диаспор и иных подобных структур могут привести к неприятным для муниципального менеджмента последствиям. Стоит учесть, что профилактика межнациональных (межэтнических) конфликтов законодательно возложена на органы местного самоуправления⁴. Закономерно предположить, что сохранение общественно-политической и, в том числе, межэтнической стабильности в муниципалитете включено в так называемые КРІ органов местного самоуправления⁵, и понижение явки в полиэтничных муниципалитетах может иметь исходить от избирателей и иметь внутренний психологический генез, так и может быть обусловлено необходимостью выполнения КРІ со стороны муниципального менеджмента.

По итогам рассмотрения представленных данных мы приходим к выводу о том, что доля коренного населения в муниципалитете не демонстрирует взаимосвязи с явкой на местные выборы. Единственной выявленной группой, которая связана с упомянутой метрикой, стали мигранты. При повышении гетерогенности указанной группы в муниципалитете растёт конкуренция за депутатские мандаты, но падает явка. Возможно, что указанные процессы не связаны с национальной структурой муниципалитета напрямую, а являются своеобразным эхом муниципальной реформы, проходившей в регионе с 2020 по 2022 гг. Однако для верификации этой версии целесообразно рассмотрение проблематики на более длительном временном промежутке: через 1–2 электоральных цикла после реформы (2025–2029, 2030–2034 гг.).

в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6, № 4. С. 130–151.

⁴ Петухов Р. В. Межнациональные отношения: локальный аспект // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3 (07). С. 25–46.

⁵ Дурандина О. А. Система ключевых показателей эффективности в органах местного самоуправления // Лучший исследовательский проект: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск, 2020. С. 28–38.

Библиографический список

1. Анциферова, И. В. Особенности поведения населения Курской области в избирательных процессах 2015–2018 годов (на примере политических партий) / И. В. Анциферова, А. И. Алексеенко, И. А. Салова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: «Экономика. Социология. Менеджмент». — 2018. — Т. 8, № 2 (27). — С. 129–137.

2. Баринов, Д. Н. Кризисные явления в общественной жизни как источник возникновения социальных страхов / Д. Н. Баринов // Социодинамика. — 2019. — № 1. — С. 20–26.
3. Гельман, В. Я. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России / В. Я. Гельман, С. И. Рыженков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2010. — Т. 6, № 4. — С. 130–151.
4. Гришин, Н. В. Социальные факторы электоральной географии / Н. В. Гришин // Успехи современного естествознания. — 2006. — № 11. — С. 19–22.
5. Грошев, С. В. Конкуренция на местных выборах в Нижегородской области: количественный аспект / С. В. Грошев // II Всероссийская конференция Нижегородского фестиваля науки с международным участием. Сборник тезисов докладов. — Нижний Новгород : Нижегородский гос. архитектурно-строительный ун-тет, 2025. — С. 500–501.
6. Дурандина, О. А. Система ключевых показателей эффективности в органах местного самоуправления / О. А. Дурандина // Лучший исследовательский проект: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. — Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. — С. 28–38.
7. Петухов, Р. В. Межнациональные отношения: локальный аспект / Р. В. Петухов // Социологическая наука и социальная практика. — 2014. — № 3 (07). — С. 25–46.
8. Golosov, G. The Effective Number of Parties: A New Approach / G. Golosov // Party Politics. — 2010. — Vol. 16, No 2. — P. 171–192.

Государственная кадровая политика в сфере здравоохранения в фокусе внимания отечественных исследователей: от обобщений к действию

Пильщиков А. К.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Институт государственной службы и управления, Москва*

Научный руководитель: Беляева О. И. (РАНХиГС)

В работе рассматриваются актуальные подходы исследователей к проблемам реализации государственной кадровой политики в здравоохранении. Автором проводится анализ опубликованных за последние годы научных материалов, а также формируются обобщения касательно сложившейся практики и точек зрения на текущее состояние и перспективы совершенствования системы подготовки специалистов для медицинской отрасли и, в первую очередь, для государственной системы здравоохранения. Также автором описывается применение кластерного подхода для изучения кадрового обеспечения сферы охраны здоровья.

Ключевые слова: *кадровая политика, здравоохранение, медицинские кадры, кластеры.*

В настоящее время внимание к сфере здравоохранения и её кадровому обеспечению сохраняется на высоком уровне. Система охраны здоровья граждан — от оказания медицинской помощи на местах и оснащения фельдшерско-акушерских пунктов до формирования единых подходов к государственной политике — является одной из ключевых сфер общественной жизни. Существенное место она занимает и в реализации социальных функций государства. Наряду с проблемами, относящимися к плоскости медицинских наук, в здравоохранении большое значение имеет кадровое обеспечение. Без качественной подготовки врачей и специалистов среднего звена возможности государства по реализации своих социальных функций будут ограничены. В этой связи особый интерес представляет политический аспект взаимоотношений между участниками процесса подготовки специалистов медицинского профиля.

Целью исследования выступает выявление ключевых направлений исследований в области государственной кадровой политики в сфере здравоохранения. Для достижения поставленной цели был применен метод контент-анализа актуальных научных исследований.

Вопросы государственной кадровой политики как таковой, а также её отдельные проявления в здравоохранении находятся в поле зрения исследователей уже длительное время. За последние шесть лет актуальность вопроса только возросла. По открытым данным Росстата, прослеживается тенденция к сокращению численности среднего медперсонала (с 1525,1 тыс. чел. в 2014 г. до 1407,5 тыс. чел. в 2024 г.) при увеличении

численности врачей (с 709,4 тыс. чел. в 2014 г. до 749,9 тыс. чел. в 2024 г.)¹. Как показывают исследования, в России сохраняется кадровый дефицит в здравоохранении (23 тыс. врачей и 63 тыс. средних медработников на начало 2025 года)². При этом мощность учреждений здравоохранения стабильно растёт: с 3858,5 тыс. обращений в смену в 2014 г. до 4669,9 тыс. в 2024 г.³

Теоретическая проблематика кадровой политики преимущественно рассматривается исследователями с позиции общих аспектов. Так, одной из значимых тем становятся подходы к понятию и сущности кадровой политики⁴. Своё место занимает и её роль в обеспечении эффективного функционирования управленческой системы⁵. Вопросы несовершенства кадровой

¹ Численность медицинских кадров / Здравоохранение // Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 21.05.2026).

² Как в России будут решать проблему кадрового дефицита в здравоохранении: главное из Госдумы // Медвестник: официальный сайт. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Kak-v-Rossii-budut-reshat-problemu-kadrovogo-deficita-v-zdravooxranenii-glavnoe-iz-Gosdumy.html> (дата обращения: 28.04.2026).

³ Мощность (число посещений в смену) амбулаторно-поликлинических организаций на конец отчетного года / Здравоохранение // Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 21.05.2026).

⁴ Ташеева А. В., Воротникова Е. В. Кадровая политика: основные понятия и сущность // Государственное и муниципальное управление. 2022. № 4. С. 49.

⁵ Тонян М. Н., Сычанина С. Н. Сущность государственной кадровой политики и ее цели // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 9. С. 183.

работы в государственных медицинских учреждениях поднимаются обычно с точки зрения финансово-хозяйственных параметров, однако в политологическом приближении современными авторами отмечается её недостаточная эффективность ввиду отсутствия единого механизма на всех уровнях власти. Особо выделяется необходимость совершенствования нормативного правового регулирования¹.

В поле зрения исследователей находятся и «болевы́е точки»: производительность систем охраны здоровья, вызовы эффективности государственного регулирования², инструменты расчёта оптимальной численности медперсонала³. Вместе с тем необходимо заметить: подавляющее большинство исследований проводится по тематике медицинских наук, а не политических, что говорит о недостаточном внимании к политологическим аспектам.

Обобщая, отметим несистематизированность подходов; проводимые исследования по-разному относятся к предмету государственной кадровой политики как таковой. Это, увы, не создаёт условий для конкретизации предмета в области здравоохранения. В качестве широко известного примера рассмотрим кластерный подход. Его изучение как инструмента преодоления сложившихся проблем в большинстве случаев ведётся без отрыва от экономической составляющей, хотя примечателен ряд исследований, ориентированных на предметное рассмотрение кластеров с уклоном на управленческие компоненты.

Исследовательский интерес российских авторов преимущественно концентрируется на экономической производительности в промышленном производстве и инновационном секторе⁴. От-

дельно исследуются проявления эффективного взаимодействия государства и бизнеса в рамках кластерной политики⁵, а также процессы стимулирования инновационного развития и повышения конкурентоспособности⁶.

Интересно внимание к теме согласованности интересов участников кластеров, а также дезорганизованности, возникающей вследствие их слабой взаимной увязки. Здесь отмечается недостаток полноценного использования интеграционных преимуществ, что приводит к негативным последствиям в виде низкой конкурентоспособности некоторых кластеров.

Одной из ключевых проблем многих кластеров является несоответствие рынка образовательных услуг потребностям регионального рынка труда. Её причина лежит в отсутствии взаимодействия между образовательными учреждениями и предприятиями. Последствиями подобного положения становятся дефицит квалифицированных кадров, а также неготовность выпускников к работе.

Аналогичная проблема свойственна и отрасли здравоохранения. Так, например, отмечается слабость подготовки и сохранения медицинских кадров, препятствующая обеспечению качественного и доступного медицинского обслуживания населения⁷. В ряде случаев выпускники вузов и колледжей оказываются неготовыми к осуществлению реальной медицинской деятельности, несмотря на прохождение комплексной подготовки.

В этой связи поднимается важная тема организации обучения специалистов не только в соответствии с установленными образовательными стандартами, но и с учётом требований, которые предъявляют работодатели к начинающим сотрудникам.

как инструмент государственной политики управления развитием хозяйственных систем // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 10. С. 2743–2749.

⁵ Журбина В. В., Чэн Синьтун. Применение механизма государственно-частного партнерства в кластерной политике // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2023. № 4. С. 53.

⁶ Лебедев Н. А., Лисейкина О. В., Чекулаев А. А. Институциональные инструменты повышения результативности ГЧП в агропромышленных кластерах: роль «мягких» инфраструктур и человеческого капитала // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 10.1. С. 70–73.

⁷ Пасмурцева Н. Н., Дурандина О. А., Колотов М. С. Государственное регулирование кадровой политики в системе здравоохранения... С. 64–71.

¹ Калюгина С. Н., Шаталова О. И., Мухорьянова О. А. Нормативно-правовое и методическое обеспечение кадрового развития Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях // Вестник АГУ, серия «Экономика», 2020. № 4 (270). С. 84.

² Заболотская Е. А., Немыткина А. С. Государственная кадровая политика в сфере здравоохранения: зарубежный опыт // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. № 4. С. 457–458.

³ Пасмурцева Н. Н., Дурандина О. А., Колотов М. С. Государственное регулирование кадровой политики в системе здравоохранения в субъекте Российской Федерации // Kant. 2024. № 3 (52). С. 64–71.

⁴ Зеленская О. А. Развитие производства и интересы стейкхолдеров в условиях формирования конкурентоспособных кластеров промышленности // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 1. С. 47; Макаров И. Н., Сотников Н. Б. Зонально-кластерный подход

Проблематика исследований в области реализации государственной кадровой политики

Общее направление	Проблемы	Сущность выявленных проблем
Теоретическая проблематика	Общие аспекты формирования и проведения кадровой политики	Разобщённость позиций
	Теоретические аспекты	Нет четкого механизма реализации госполитики
	Разработка и внедрение эффективной кадровой политики в организациях	Неконкурентоспособность учреждений здравоохранения
Политические аспекты	Недостаточная эффективность кадровой политики	Отсутствие единого подхода к кадровой политике
	Несовершенство кадровой политики в государственных медучреждениях	Недостаточность финансирования, невысокая оплата труда
«Болевые точки» современного здравоохранения	Проблемы государственного регулирования кадровой политики	
	Необходимость уточнения методов определения оптимальной численности медперсонала	
Кластерный подход	Экономические и социальные проявления	Проблемность выработки и применения механизмов взаимодействия с участниками процесса подготовки кадров
		Редукция исследований к экономической и эконометрической точкам зрения
		Несоответствие рынка образовательных услуг потребностям реального сектора
	Государственная кадровая политика в рамках кластерного подхода	
		Недостаточное внимание исследователей к теме согласованности интересов участников кластеров

Сейчас позиции учёных относительно внедрения кластерного подхода в сфере медицинского образования разнятся, и это создает проблему его применимости.

Сгруппируем рассмотренные направления исследования, представив их в табличном виде:

Реальным механизмом преодоления существующих проблем кадрового обеспечения сегодня выступает формирование образовательных кластеров, которые не в полной мере повторяют структуру традиционных инновационных объединений, но в то же время сохраняют большинство их черт.

Ярким примером подобного рода выступает сеть региональных медицинских образовательных кластеров, которые были созданы в большинстве субъектов Российской Федерации в 2025 г. Координация проекта ведётся на федеральном уровне¹.

В работе создаваемых кластеров принимают участие как вузы и колледжи, так и организации практического здравоохранения. Кроме того, в кластерах представлены региональные орга-

ны власти. В регионах, участвующих в проекте, регулярно проводятся мероприятия, направленные на совершенствование системы подготовки кадров для сферы здравоохранения. Особое внимание уделяется интеграции колледжей и вузов. На начало 2025 г. к участию в проекте было привлечено более 220 медицинских и фармацевтических колледжей, а также свыше 50 вузов². Реализация проекта продолжается.

По итогам проведённого исследования мы можем сформулировать следующие выводы: 1) государственная кадровая политика в здравоохранении как выражение воли политического руководства представляет серьёзный научный интерес для российских исследователей; 2) интересы различных сторон, участвующих в подготовке кадров для здравоохранения, и их пересечение пока находятся за границами научного интереса учёных; 3) применение кластерного подхода в медицинском образовании представляет собой перспективное направление исследований.

¹ Состоялось заседание Координационного совета по развитию РМОК // ФГБУ ДПО ВУНМИЦ Минздрава России: официальный сайт. URL: <https://fgou-vunmc.ru/news/2026/13969/sostoyalos-zasedanie-koordinacionnogo-soveta-po-razvitiyu-rmok/> (дата обращения: 16.05.2026).

² Региональные медицинские образовательные кластеры (РМОК) в 2025 году: опыт регионов // ФГБУ ДПО ВУНМИЦ Минздрава России: официальный сайт. URL: <https://fgou-vunmc.ru/news/2026/14913/regionalnye-medicinskie-obrazovatelnye-klastery-rmok-v-2025-godu-opyt-regionov/> (дата обращения: 16.05.2026).

Библиографический список

1. Журбина, В. В. Применение механизма государственно-частного партнерства в кластерной политике / В. В. Журбина, Чэн Синьтун // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2023. — № 4. — С. 49–54.
2. Заболотская, Е. А. Государственная кадровая политика в сфере здравоохранения: зарубежный опыт / Е. А. Заболотская, А. С. Немыткина // Среднерусский вестник общественных наук. — 2020. — № 4. — С. 455–460.
3. Зеленская, О. А. Развитие производства и интересы стейкхолдеров в условиях формирования конкурентоспособных кластеров промышленности / О. А. Зеленская // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2019. — № 1. — С. 37–52.
4. Калюгина, С. Н. Нормативно-правовое и методическое обеспечение кадрового развития Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях / С. Н. Калюгина, О. И. Шаталова, О. А. Мухорьянова // Вестник АГУ, серия «Экономика». — 2020. — № 4 (270). — С. 78–86.
5. Лебедев, Н. А. Институциональные инструменты повышения результативности ГЧП в агропромышленных кластерах: роль «мягких» инфраструктур и человеческого капитала / Н. А. Лебедев, О. В. Лисейкина, А. А. Чекулаев // Гуманитарный научный журнал. — 2025. — № 10.1. — С. 67–75.
6. Макаров, И. Н. Зонально-кластерный подход как инструмент государственной политики управления развитием хозяйственных систем / И. Н. Макаров, Н. Б. Сотников // Экономика, предпринимательство и право. — 2022. — Т. 12, № 10. — С. 2739–2750.
7. Пасмурцева, Н. Н. Государственное регулирование кадровой политики в системе здравоохранения в субъекте Российской Федерации / Н. Н. Пасмурцева, О. А. Дурандина, М. С. Колотов // Kant. — 2024. — № 3 (52). — С. 64–71.
8. Ташеева, А. В. Кадровая политика: основные понятия и сущность / А. В. Ташеева, Е. В. Воротникова // Государственное и муниципальное управление. — 2022. — № 4. — С. 48–50.
9. Тонян, М. Н. Сущность государственной кадровой политики и ее цели / М. Н. Тонян, С. Н. Сычанина // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2019. — № 9. — С. 182–185.

Трансформация института местного самоуправления в регионах Сибирского федерального округа: анализ в рамках теории постепенных институциональных изменений Дж. Махони и К. Телен

Скорнякова К. Н.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Выдрин О. В. (ЧелГУ)

Статья посвящена нормативно-правовому анализу трансформации институтов местного самоуправления (МСУ) в регионах Сибирского федерального округа (СФО). Показано, что институт местного самоуправления в СФО проходил длительный путь постепенных, некардинальных преобразований. До принятия Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» изменения осуществлялись несколькими механизмами: наложение, дрейф и переориентация (конверсия). После вступления в силу этого закона проявился механизм вытеснения прежней модели МСУ моделью, встроенной в единую систему публичной власти.

Ключевые слова: *местное самоуправление, Сибирский федеральный округ, институциональные изменения.*

Институт местного самоуправления в Российской Федерации находится в процессе становления. В Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ с 2003 по 2025 гг. изменения вносились более двухсот раз (по состоянию на 15.06.2026 — 210 законопроектов о внесении изменений). Такие частые изменения сигнализируют о нестабильном нормативно-правовом фундаменте института, который не обладает устойчивостью в рамках меняющейся политической системы, либо о последовательной нормативной трансформации.

Можно проанализировать путь данной нормативной трансформации: после принятия ФЗ-131 2003 г. была закреплена модель МСУ, включающая в себя формальную самостоятельность муниципального уровня, разграничение полномочий местного значения, существование двухуровневой системы организации власти — городские\сельские поселения и муниципальный район. Следующие федеральные реформы постепенно меняли содержание модели местного самоуправления:

1. ФЗ № 136-ФЗ 2014 года² — уставы муниципальных (городских округов, муниципальных районов, городских поселений) должны соответствовать не только федеральному законодательству, но и законам субъектов РФ.

2. ФЗ № 87-ФЗ 2019 года³ — введение муниципального округа как нового типа муниципального образования. Это дало возможность формировать одноуровневую модель муниципального образования, создавая более централизованную территориальную модель.

3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ⁴ — закрепление единой

² Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163524/ (дата обращения: 16.06.2026).

³ Федеральный закон от 01.05.2019 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”».

⁴ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 16.06.2026).

системы публичной власти, в которую входят органы МСУ и органы государственной власти.

4. ФЗ № 33-ФЗ 2025 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹ — оформление новой модели местного самоуправления. Этот законопроект отражает полноценный переход к одноуровневой модели муниципального образования (городской округ, муниципальный округ и внутригородское муниципальное образование); возможность участия субъекта РФ в отдельных процедурах муниципального уровня, таких как: 1) представление кандидатов на должность главы муниципального образования (МО) — при избрании представительным органом; 2) формирование половины состава конкурсной комиссии главой субъекта РФ — при избрании конкурсной комиссией. В любом случае субъект РФ имеет право видоизменять порядок избрания главы МО, и в таком случае устав муниципального образования должен быть приведен в соответствие с законом субъекта в течение трех месяцев. Также, важным маркером является получение двойного статуса глав МО — замещение и государственной, и муниципальной должности.

Для более полного анализа этих изменений и создания однородной рамки сравнения регионов Сибирского федерального округа следует обратиться к теории постепенных институциональных изменений Дж. Махони и К. Телен². В разработанной ими теории институты рассматриваются не как набор строгих формальных норм, а как отражение реального распределения власти между субъектами. Поэтому трансформация института происходит не только через отмену или принятие норм, но и через более скрытые и незаметные механизмы — наслоение норм, дрейф, конверсия (переориентация) и вытеснение одних норм другими. Наслоение отражает процесс добавления новых норм к уже функционирующей структуре норм. Дрейф возникает тогда, когда нормы не изменились, но изменилась окружающая среда внутри института, и значение

нормы вынужденно меняется. Конверсия означает использование старых норм и правил в новых целях.

Наиболее часто встречающимся механизмом изменений в регионах СФО до принятия ФЗ № 33-ФЗ является наслоение норм. Это проявляется в том, что основные нормы и постулаты МСУ остаются прежними (автономность, разграничение полномочий, двухуровневая система), но к ним добавляются новые: изменение избирательной системы, введение конкурсных процедур вместо прямых выборов, расширение полномочий субъекта по определению порядка избрания глав МО.

Регионы, где этот механизм наиболее выражен: Красноярский край, Алтайский край, Республика Тыва и Республика Хакасия. В Красноярском крае наслоение отражено в последовательном изменении порядка избрания глав МО — от избрания главы представительным органом из своего состава (2014 г.) к избранию из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией (2015 г.), а в 2019 г. эта модель была распространена и на муниципальные округа. В Алтайском крае так же наслаивались нормы по избранию главы МО — от избрания представительным органом из своего состава к избранию по конкурсной модели. В 2016 г. субъект связал порядок избрания главы с объемом переданных государственных полномочий. В Новосибирской области наслоение проявилось через постепенное ограничение прямых выборов глав МО. Еще в 2014 г. главы избирались на прямых выборах, но в 2015 г. для городских округов и муниципальных районов закрепили конкурсную модель. В городских и сельских поселениях конкурсная модель была одним из вариантов избрания.

Республика Тыва обладает некоторыми особенностями, если рассматривать этот субъект через призму механизма наслоения. Территориально этот регион не стремился перестраиваться, полноценная одноуровневая система не выстроена. Вплоть до 2024 г. порядок избрания главы включал несколько способов: на муниципальных выборах, представительным органом из своего состава и по конкурсной модели. Так, новые правила добавлялись, но к переориентации института не приводили, и МСУ сохраняла свою автономность.

Дрейф проявлялся в тех субъектах, где прежняя нормативная конструкция сохранялась, однако федеральный контекст реформы МСУ менял ее фактическое значение. К регионам с признаками дрейфа можно отнести Республику Алтай,

¹ Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200023> (дата обращения: 16.06.2026).

² Mahoney J., Thelen K. A Theory of Gradual Institutional Change // *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power* / ed. by J. Mahoney, K. Thelen. Cambridge, 2010. P. 1–37.

Республику Хакасия, Омскую, Томскую и Иркутскую области.

В Республике Алтай механизм дрейфа проявлялся в первую очередь через порядок избрания главы — в 2014 г. образовалась двуглавая модель управления с институтом сити-менеджера. Перейти к конкурсной модели получилось только в 2017 г., что значительно позже остальных субъектов СФО. Территориально-административное деление не изменялось после 2019 г., муниципальные округа массово образованы не были.

Республика Хакасия с низкой интенсивностью преобразовывала региональную модель МСУ. В период массового закрепления конкурсной модели в данном регионе сохранялась модель прямых выборов. В городских и сельских поселениях сохранялись как модели прямых выборов, так и избрания представительным органом из своего состава. Омская, Томская и Иркутская области обладают менее выраженными чертами дрейфа, в целом сохраняя инерционную стратегию.

Конверсия (переориентация) — сохранение прежнего института, но с изменением основных его функций. Наиболее ярким примером в СФО является Кемеровская область. Основным критерий в данном анализе — радикальная территориальная перестройка среди остальных регионов. После введения ФЗ № 87-ФЗ 2019 г. в регионе резко повысилось количество муниципальных округов. Муниципальные районы и городские/сельские поселения были практически упразднены. Это значительно влияет на институт местного самоуправления и на функции, которые он выполняет. Активное укрупнение муниципальных

образований сигнализирует о повышении административной управляемости и централизации института местного самоуправления в регионе.

После принятия Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» институт получил новый этап развития. Если до ФЗ № 33-ФЗ в регионах преобладали механизмы наслаивания и дрейфа норм, то после принятия этого закона институт МСУ претерпел ключевые изменения в смысловом и функциональном аспектах. Органы местного самоуправления включаются в единую систему публичной власти, а прежняя модель МСУ замещается новой, отраженной в ФЗ № 33-ФЗ.

После принятия этого закона в ряде регионов СФО началась нормативная перестройка под новые реалии. В Республике Алтай, Красноярском крае, Омской, Новосибирской, Кемеровской и Иркутской областях были приняты региональные законы, направленные на приведение законодательства о МСУ в соответствие с обновленной федеральной рамкой. В Томской области, Республике Хакасия, Республике Тыва и Алтайском крае изменения носили более точечный характер. Это позволяет говорить о неравномерном, но начавшемся вытеснении прежней модели МСУ.

Таким образом, региональное законодательство показывает, что к 2025 г. субъекты СФО подошли к новой реформе с разными институциональными направлениями. ФЗ № 33-ФЗ не начал эти процессы с нуля, а закрепил и ускорил уже сформированный вектор развития.

Библиографический список

1. Mahoney, J. A Theory of Gradual Institutional Change / J. Mahoney, K. Thelen // *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power* / ed. by J. Mahoney, K. Thelen. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010. — P. 1–37.

«Уральская республика» в отечественной историографии: основные направления, оценки, перспективы изучения

Хорошеньков С. А.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Баканов С. А. (ЧелГУ)

В статье рассматривается историографический комплекс по изучению феномена «Уральской республики» 1993 г. В отечественной научной литературе данный сюжет прошёл путь от включения в общую кризисную рамку федерализма к предметному анализу становления регионализма на Урале и проблеме определения статуса субъекта. Делается вывод о том, что историография формировалась не как единый блок исследований, а как пересечение правовой, политологической и исторической оптик. Выделяются три этапа её развития: включение в оптику общего кризиса федерализма, предметное изучение «феномена», переход к источниковедчески насыщенному анализу регионализма на материалах местных архивов. Различие оценок состоит в трактовке проекта как «регионального сепаратизма», или политико-правового эксперимента по преодолению наследия советского федерализма.

Ключевые слова: *Уральская республика, историография, кризис федерализма, регионализм, региональный сепаратизм, Конституция РФ 1993 г.*

Рассматривая кризис федерализма при воссоздании российской государственности, сюжет «Уральской республики» занимает особое место: он не сводится только к региональной инициативе руководства Свердловской области и не исчерпывается кратковременным изменением политико-правового статуса субъекта. В историографии данный сюжет показывает, как отечественная наука в разные её периоды объясняла переход от советского принципа устройства федерации к модели новой российской государственности, воссозданной в условиях кризисов двоевластия, правовой неопределённости и конкуренции региональных элит.

Исследовательская проблема состоит в том, что «Уральская республика» долгое время рассматривалась не как самостоятельный сюжет, а как частный пример более значимых процессов распада советской системы федерализма, «парада суверенитетов», неравных статусов субъектов, борьбы «центра и периферии». Так, для изучения темы важен не только событийный ряд, но и сам историографический комплекс, отвечающий на вопросы о том, какие группы работ формировали язык описания феномена, какие оценки закрепились в литературе и как менялось соотношение правовой, политологической и исторической оптик.

Методология исследования исходит из историографического анализа, позволяющего рассмотреть литературу не как совокупность публикаций, а как систему подходов к изучению поставленной темы. Сравнительно-исторический метод используется для сравнения ранних и более поздних интерпретаций. Элементы дис-

курс-анализа позволяют выявить язык описания: от «сепаратизма» и «дезинтеграции» к «поиску модели федерализма» и «региональной субъектности».

Первый этап формирования историографии приходится на период с 1990-х по 2000-е гг. Его особенность состоит в том, что «Уральская республика» не выделяется в самостоятельную проблему федерализма, а рассматривается в контексте общего кризиса. Так, главным образом рассматриваются альтернативы в конституционном устройстве времён поздней «перестройки», вопросы федеративного устройства, кризис российской государственности и неравенство в правах республик, краёв и областей как субъектов федерации¹. В этом отношении ранние работы задают общее объяснительное поле, внутри которого позднее стала осмысляться сама идея изменения статуса субъектов, в том числе и Свердловской области.

К этой же группе стоит отнести труды, где проблема рассматривалась через категорию асимметрии федерации. Для такого подхода «Уральская республика» была симптомом несоответствия между формальным единством и фактическими различиями правовых возможностей субъектов². Оптика здесь смещается от локальной истории Свердловской области к вопросу о том, почему элиты субъектов стремились получить статус, сопоставимый с республиками

¹ Баткин Л. М. Конституционные идеи Андрея Сахарова. М., 1990. С. 5–22; Кириллов А. Д. Урал: от Ельцина до Ельцина. Екатеринбург, 1999. С. 1–20.

² Карапетян Л. М. Федеративное устройство Российского государства. М., 2001. С. 45–68.

в составе РФ¹. Выделяются модели того, как региональные элиты стремились получить преференции для своего региона; особенность состоит в том, что такое движение было характерно не только для представителей областей и краёв, но и для республиканского руководства, которое видело перспективу построения отношений не по конституционной, а по договорной линии с федеральным центром².

Второй этап связан с 2010-ми гг., когда уральский сюжет начинает выходить за рамки общей проблематики раннего российского федерализма. Работы, посвящённые проектам Конституции РФ, показывают, что вопрос о статусе субъектов являлся центральной линией самого конституционного процесса начала 1990-х гг. Это существенно меняло оптику интерпретации, она переставала видеть случайным политическим эпизодом уральский пример, и включало его в борьбу за определение принципов федеративного устройства новой России³.

В этот период появляются более жёсткие оценочные модели. Так, С. В. Мошкин, реконструируя хронику событий 1993 г., описывал действия властей Свердловской области через категорию «сепаратистского» демарша, хотя одновременно и признавал их связь с требованием уравнивания прав субъектов⁴. Стоит сказать, что подобные оценки были популярны для периодической печати, но не научного объяснения, хотя попытки объяснить действия региональных властей в логике разных уровней сепаратизма были характерны ещё для первого периода историографии, при этом не делая таких «окрашенных» оценок.

А. Д. Кириллов, напротив, помещал «Уральскую республику» в контекст конституционного кризиса, особое внимание уделяя тому факту, что регионы Урала — это регионы-«доноры» федерального бюджета, в этом смысле и появляется идея нового федерализма⁵. Различие оценок

принципиально: в первом случае доминирует логика угрозы единству федерации, во втором — логика институционального эксперимента переходной эпохи.

Третий этап приходится на 2020-е гг., показательной является работа И. В. Осипова, предметно рассматривающая «Уральскую республику» в контексте истории уральского регионализма, которая трактуется как попытка расширения самостоятельности в условиях экономического кризиса и политической неопределённости, исходящей из противостояния двух центров власти на федеральном уровне. Автор приходит к выводу о том, что проект не был однозначной попыткой выхода из правового пространства РФ, как это преподносилось на уровне периодической печати и ранних работ, связанных с кризисом федерации⁶.

Такая постановка вопроса важна тем, что позволяет разделить политическую риторику эпохи и аналитические категории, сформировавшиеся в историографии. Термин «сепаратизм» выступает не нейтральным описанием, а оценочным понятием, не соотносящимся с реальным анализом проектной документации властей Свердловской области.

Также следует отметить, что трансформация историографии и её развитие связаны с появлением работ, рассматривающих уже не только саму «Уральскую республику», но и её репрезентацию в научном сообществе. В. Д. Камынин и А. В. Лямзин выделили несколько групп авторов, писавших об этом проекте, тем самым зафиксировав переход темы из области политической публицистики и региональной хроники в область историографического анализа. Это означает, что предметом исследования становится не только событие 1993 г., но и процесс его научного конструирования⁷.

В результате можно выделить две основные линии интерпретации проекта республики. Первая — «кризисно-дезинтеграционная», в её рамках «Уральская республика» рассматривается как следствие ослабления федерального центра, правовой нестабильности на фоне подготовки проекта новой Конституции РФ, и потенциального риска фрагментации государства. Для неё характерны понятия

¹ Кутафин О. Е. Российская автономия. М., 2006. С. 15–40.

² Панкевич Н. В. Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. Екатеринбург, 2008. С. 132.

³ Тарасова Е. А. Проблема федеративного устройства в проектах новой Конституции России в начале 1990-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: «История». 2014. № 1. С. 48–60.

⁴ Мошкин С. В. Уральская республика. Хроники // Дискурс-Пи. 2013. № 3 (13). С. 103–107.

⁵ Кириллов А. Д. Уральская республика – детище конституционного кризиса в России // Конституционализм в современной мировой и российской истории. Екатеринбург, 2014. С. 31–41.

⁶ Осипов И. В. Уральская Республика 1993 г.: попытка расширения самостоятельности субъекта Российской Федерации // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 1. С. 158–172.

⁷ Камынин В. Д., Лямзин А. В. Уральская республика 1993 г. в дискурсе научного сообщества // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 134–142.

«регионального сепаратизма», угрозы единству правового пространства. Вторая линия — «институционально-федералистская», она трактует проект как попытку ответить на создавшийся кризис федерации, уходящий в противоречия советского федерализма, отсутствия механизма перераспределения полномочий между центром и регионами.

Различие между этими линиями состоит не только в терминологии, но и в том, как интерпретируются представления о природе российского федерализма переходного периода. Если первая линия фиксирует единое правовое пространство, иерархию статусов советской системы как положительную составляющую, позволяющую избежать кризиса сепаратизма, то вторая показывает, что в этот момент конструировалась новая модель федерации, язык региональных прав и способы согласования экономических и политических интересов.

Историографический комплекс сложился как междисциплинарный. Юридические работы задали язык статусов, полномочий. Политологические исследования ввели проблему регионализма, поведение элит при кризисе формальных институтов власти. Труды историков связаны с тем, как проект соотносится с динамикой развития позднего советского федерализма. Наиболее перспективным представляется подход, когда проект рассматривается не как изолированный эпизод политиче-

ской истории, а как эксперимент, отвечающий на кризис федерации.

Отдельное значение для дальнейшего изучения проекта имеет обращение к региональным материалам, именно они позволяют перенести анализ на уровень реального понимания того, как подготавливался проект, выделить возможные модели управления и перспективы взаимодействия с соседними областями. Так, расширение источниковой базы за счёт регионального делопроизводства и местной прессы позволяет точнее реконструировать внутреннюю логику проекта.

Таким образом, научная значимость темы состоит не только в реконструкции событий существования проекта, но и в анализе того, как менялся исследовательский язык описания российского федерализма и как смещался акцент со взгляда центра на регионы к взгляду из региона на центр. Перспективным направлением дальнейшего изучения следует считать сравнение феномена «Уральской республики» с другими моделями выхода из кризиса федерации субъектов, такими как Татарстан, Башкортостан, Чечня и другие региональные проекты начала 1990-х гг. Такое сравнение позволит определить и дополнить историографию о том, какие границы между регионализмом, автономизмом, договорным федерализмом и сепаратизмом следует выделять как категории исторического анализа.

Библиографический список

1. Баткин, Л. М. Конституционные идеи Андрея Сахарова / Л. М. Баткин. — М. : Новелла, 1990. — 95 с.
2. Камынин, В. Д. Уральская республика 1993 г. в дискурсе научного сообщества / В. Д. Камынин, А. В. Лямзин // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 481. — С. 134–142.
3. Карапетян, Л. М. Федеративное устройство Российского государства / Л. М. Карапетян. — М. : Норма, 2001. — 352 с.
4. Кириллов, А. Д. Урал: от Ельцина до Ельцина: хроника политического развития, 1990–1997 гг. / А. Д. Кириллов. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1999. — 391 с.
5. Кириллов, А. Д. Уральская республика — детище конституционного кризиса в России / А. Д. Кириллов // Конституционализм в современной мировой и российской истории. Вторые Ельцинские чтения: материалы международной научной конференции. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2014. — С. 31–41.
6. Кутафин, О. Е. Российская автономия / О. Е. Кутафин. — М. : ТК Велби; Проспект, 2006. — 768 с.
7. Мошкин, С. В. Уральская республика. Хроники / С. В. Мошкин // Дискурс-Пи. — 2013. — № 3 (13). — С. 103–107.
8. Осипов, И. В. Уральская Республика 1993 г.: попытка расширения самостоятельности субъекта Российской Федерации / И. В. Осипов // Новейшая история России. — 2022. — Т. 12, № 1. — С. 158–172.
9. Панкевич, Н. В. Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации / Н. В. Панкевич. — Екатеринбург : УрО РАН, 2008. — 194 с.
10. Тарасова, Е. А. Проблема федеративного устройства в проектах новой Конституции России в начале 1990-х годов / Е. А. Тарасова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: «История». — 2014. — № 1. — С. 48–60.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Региональные сюжеты в школьном курсе истории России для 9–11 классов (на примере истории Уральского региона)

Аладина Т. В.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Назыров П. Ф. (ЧелГУ)

В результате анализа семи школьных учебников по истории России для 9–11 классов выявлены четыре наиболее востребованных сюжета об Урале: присоединение региона и поход Ермака, деятельность Демидовых и Строгановых, роль Урала в Великой Отечественной войне, социально-экономическая ситуация во второй половине XX в. В актуальных учебниках появились новые темы (персоналии, повседневность, социальная проблематика). Все сюжеты выполняют иллюстративную функцию, расположены внутри основного текста и не имеют самостоятельного статуса. Урал предстаёт как объект общероссийских процессов, его образы фрагментарны и не складываются в целостный нарратив.

Ключевые слова: история России, Урал, региональная история, школьные учебники по истории России.

Актуальность исследования обусловлена тем, что к настоящему времени в рамках преподавания истории в школе сделан акцент на изучении истории регионов России. Например, в учебный предмет «История» с 1 сентября 2025 г. в 5–7 классах был добавлен курс «История нашего края»¹, который изучается школьниками вместе с курсами «История России» и «Всеобщая история», что говорит о важности изучения региональной истории наравне с историей страны и мира. В 9, 10 и 11 классах региональный компонент представлен иначе: через включение отдельных сюжетов в учебники по истории России. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ того, какие именно региональные сюжеты (на примере истории Урала) оказываются востребованными в программе школьного курса истории России с 9 по 11 класс.

Цель исследования состоит в выявлении востребованных региональных сюжетов по истории Урала, представленных в учебниках по истории России для 9, 10 и 11 классов. Задачи исследова-

ния: 1) на основе частотного анализа семантических единиц определить востребованные уральские сюжеты в учебниках по истории России для 9, 10 и 11 классов, выделив новые сюжеты, которые присутствуют в актуальных учебниках; 2) на основе структурно-семантического анализа текста выяснить, как они представлены структурно и какую функцию выполняют; 3) провести дискурсивный анализ уральских сюжетов с целью установить, какие образы Урала конструируются в школьных учебниках.

Эмпирическую базу исследования составили семь учебных изданий по истории России: одно пособие для 9 класса, три — для 10 класса, два — для 11 класса, а также один интегрированный учебник для 10–11 классов. В качестве актуальных учебников рассматриваются учебные издания по истории России для 9 и 11 классов под редакцией В. Р. Мединского, так как данные пособия интегрированы в единую линейку государственных учебников, переход на которые закреплён на законодательном уровне и реализуется в рамках исполнения поручения Министерства просвещения РФ².

¹ «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ». Приказ Минпросвещения России от 8 окт. 2025 г. № 729 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413098731/> (дата обращения: 17.04.2026).

² «Об утверждении федерального перечня учебников». Приказ Минпросвещения России от 26 июня 2025 г. № 495 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412310704/> (дата обращения: 17.04.2026).

В рамках исследования при анализе семи учебников в фокусе нашего внимания оказывались как прямые упоминания сюжетов об Урале, так и косвенные. Прямое упоминание — это непосредственное употребление термина «Урал» в отношении региона, связанное с его историей, историческим или современным значением для России. Пример такого упоминания: «На Урале были открыты новые месторождения нефти и газа» (здесь Урал упоминается в контексте восстановления и развития экономики СССР после Великой Отечественной войны). Косвенное упоминание — это указание на отдельные события и явления, исторические личности или географические объекты, связанные с Уралом, но без конкретизации данного региона. Пример такого упоминания: «На восток срочно вывозились сырье, промышленное оборудование, скот. К концу 1941 г. туда эвакуировалось более 2500 предприятий и около 12 млн человек» (Урал как регион эвакуации подразумевается, но не называется прямо).

Частотный анализ семантических единиц показал, что из всех 30 зафиксированных упоминаний об Урале четыре сюжета обладают наибольшей частотностью и межтекстовой устойчивостью: присоединение Урала и поход Ермака (встречается в учебниках Н. С. Борисова¹ и А. Н. Сахарова²), становление горнозаводской промышленности и деятельность Демидовых и Строгановых (фиксируется у А. А. Левандовского³ и Н. С. Борисова⁴), роль Урала в годы Великой Отечественной войны (присутствует в учебнике А. А. Левандовского⁵ 1997 г. и Н. В. Загладина⁶), а также социально-экономическая ситуация во второй половине XX в. Упоминание Урала в контексте социально-экономической ситуации во второй половине XX в. мы условно объединяем в один «сюжет» (четыре упоминания в учебнике В. Р. Мединского и А. В. Торкунова 2024 г.)⁷.

Мы выявили, какие региональные сюжеты об Урале являются «новыми» (появившимися

только в актуальных учебниках). Так, сравнение учебников В. Р. Мединского 2025 г.⁸ и А. А. Левандовского 2008 г.⁹ показало, что в контексте культуры второй половины XIX в. в учебнике В. Р. Мединского появляется упоминание песен о горных рабочих Урала¹⁰, в которых нашли отражение промышленный переворот и появление пролетариата (в учебнике А. А. Левандовского отсылки к культуре Урала отсутствуют).

Сравнение учебников А. А. Левандовского 1997 г. и В. Р. Мединского 2024 г. по второй половине XX в. показало, что сюжеты о знаменитых уроженцах Урала (Анатолий Карпов, Борис Ельцин)¹¹, о падении самолёта У-2 под Свердловском¹² и о социально-экономической ситуации (открытие месторождений нефти и газа, рост населения, задержки зарплат, целине на территории Урала)¹³ впервые фиксируются только в учебнике 2024 г. Вероятно, это прежде всего связано с процессом «историзации» позднесоветского и особенно постсоветского (российского) периода.

Структурно-семантический анализ показал, что все четыре востребованных уральских сюжета расположены внутри основного текста учебников и выполняют исключительно иллюстративную функцию. Сюжет о походе Ермака служит примером внешней политики Ивана Грозного, сюжет о Демидовых и Строгановых — примером становления российской промышленности, сюжет о Танкограде — примером эвакуации в годы войны, а сюжеты о социально-экономической ситуации — примерами демографических, ресурсных и социальных процессов в СССР и России. Ни один из этих сюжетов не имеет самостоятельного параграфа, подраздела или специальной рубрики, что доказывает служебную роль региональной истории по отношению к федеральному нарративу даже в отношении самых востребованных тем.

Дискурсивный анализ четырёх востребованных сюжетов позволил выявить, какие образы Урала конструируются в школьных учебниках. Так, сюжет о походе Ермака представляет Урал

¹ Борисов Н. С. История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2009. С. 175.

² Сахаров А. Н., Буганов В. И. История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2012. С. 213–214.

³ Левандовский А. А. История России XVIII–XIX веков. М., 2008. С. 54.

⁴ Борисов Н. С. Указ. соч. С. 175.

⁵ Левандовский А. А., Щетинов Ю. А. Россия в XX веке. М., 1997. С. 138, 140.

⁶ Борисов Н. С. Указ. соч. С. 236.

⁷ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России. 1945 год — начало XXI века. М., 2024. С. 14, 121, 309, 437.

⁸ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России. 1825–1914 гг. М., 2025. 399 с.

⁹ Левандовский А. А. История России XVIII–XIX веков. М., 2008. 256 с.

¹⁰ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России. 1825–1914 гг. ... С. 250.

¹¹ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России. 1945 год — начало XXI века. М., 2024. С. 174, 279.

¹² Там же. С. 126.

¹³ Там же. С. 14, 121, 309, 437.

как «ворота в Сибирь» и территорию государственного расширения. Сюжет о Демидовых и Строгановых формирует образ Урала как «колыбели российской промышленности». Сюжет о Великой Отечественной войне создаёт образ «промышленного щита» и «арсенала победы». Сюжет о социально-экономической ситуации в XX в. рисует более противоречивый образ:

Урал предстаёт и как «ресурсная база», и как «территория демографического роста», и одновременно как «зона социального неблагополучия». Однако все эти образы фрагментарны, не связаны между собой и не складываются в целостный нарратив об Урале как о регионе, а выступают лишь как пример, подтверждающий общероссийские тенденции.

Библиографический список

1. Борисов, Н. С. История России с древнейших времен до конца XVII века. 10 класс : учебник для общеобразовательных учреждений, базовый уровень. 4-е изд. / Н. С. Борисов. — М. : Просвещение, 2009. — 256 с.
2. Загладин, Н. В. История России. XX — начало XXI века : учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. 5-е изд. / Н. В. Загладин, С. И. Козленко, С. Т. Минаков, Ю. А. Петров. — М. : Русское слово, 2007. — 480 с.
3. Левандовский, А. А. Россия в XX веке : учебник для 10–11 класса общеобразовательных учреждений / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов. — М. : Просвещение, 1997. — 384 с.
4. Левандовский, А. А. История России XVIII–XIX веков : учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений: базовый уровень. 4-е изд. / А. А. Левандовский. — М. : Просвещение, 2008. — 256 с.
5. Мединский, В. Р. История России. 1825–1914 гг. : 9 класс, учебник / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов. — М. : Просвещение, 2025. — 400 с.
6. Мединский, В. Р. История России. 1945 год — начало XXI века : 11-й класс, базовый уровень, учебник. 3-е изд. / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов. — М. : Просвещение, 2024. — 447 с.
7. Сахаров, А. Н. История России с древнейших времен до конца XVII века : 10 класс, учебник для общеобразовательных учреждений. 18-е изд. / А. Н. Сахаров, В. И. Буганов. — М. : Просвещение, 2012. — 336 с.

Эволюция теоретических подходов к преподаванию истории в российской школе в конце XX — первой четверти XXI вв.

Капелюшник А. Р.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Гришина Н. В. (ЧелГУ)

В статье анализируется эволюция теоретических подходов к преподаванию истории в российских школах в 1993–2024 гг. На основе контент-анализа нормативно-правовых документов выявлены ключевые методологические «повороты» в историографии и их отражение в образовательных стандартах. Показано асинхронное влияние научных направлений на школьное историческое образование, усиление мемориального и цифрового подходов в 2020-х гг., а также вытекающий из этого рост значимости исследований национальной идентичности и экологической проблематики.

Ключевые слова: историческое образование, методологические повороты, образовательные стандарты, историко-культурный стандарт, мемориальная история, цифровизация, национальная идентичность.

Трансформация преподавания истории в российской школе на рубеже XX–XXI вв. отражает масштабные социально-политические изменения в стране. Смена идеологических парадигм, развитие исторической науки и государственные приоритеты в сфере образования обусловили эволюцию теоретических подходов к историческому образованию. Актуальность исследования заключается в выявлении закономерностей влияния научных направлений современной историографии на содержание школьного исторического образования.

Источниковая база исследования включает в себя нормативно-правовые акты и концептуальные документы, регулирующие преподавание истории в школе, которые можно сгруппировать по хронологии.

Ранний постсоветский период (1993–1999 гг.) характеризовался активным поиском новых подходов после распада СССР. В это время происходило формирование новой структуры исторического образования (1993), определялись методологические ориентиры для изучения советского периода (1994), вводился обязательный минимум содержания для единого образовательного пространства (1997), а также осуществлялась дифференциация на отечественную и всеобщую историю (1999)¹.

Период стабилизации (2000–2012 гг.) отмечен совершенствованием образовательных стандартов и интеграцией истории с обществознанием. В 2000 г. акцент был сделан на формировании гражданской идентичности, в 2010 г. внедрялся деятельностный подход в рамках ФГОС, а в 2012 г. утверждался историко-культурный стандарт (ИКС), который вводил концепцию «единого культурно-исторического пространства»².

учреждений Российской Федерации». Приказ Министерства образования РФ от 07.06.1993 № 237 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=26597> (дата обращения: 01.05.2026); «О переходе на новую структуру исторического и обществоведческого образования». Письмо Министерства образования РФ от 11 мая 1993 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/9010982> (дата обращения: 01.05.2026); «О преподавании курсов истории и обществознания в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации в 1999/2000 учебном году». Письмо Департамента общего среднего образования Министерства образования РФ от 07.06.1999 № 916/11 12 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753834> (дата обращения: 01.05.2026); «О стратегии развития исторического и обществоведческого образования в общеобразовательных учреждениях». Решение коллегии Министерства образования РФ от 28 декабря 1994 г. № 24/1 // URL: <https://studfile.net/preview/1094065/page:13/#33> (дата обращения: 01.05.2026).

² Историко-культурный стандарт (2012 г.) // URL: <https://spadilo.ru/wp-content/uploads/2019/07/Историко-культурный-стандарт.pdf> (дата обращения: 01.05.2026); «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». Приказ Министерства

¹ «Об обязательном минимуме содержания образовательных программ основной общеобразовательной школы». Письмо Министерства образования РФ от 18.07.1997 № 974/14 12 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=25988> (дата обращения: 01.05.2026); «Об утверждении базисных учебных планов общеобразовательных

Современный этап (2015–2024 гг.) характеризуется усилением роли национальной истории и государственной политики. В документе о школьном историческом образовании 2015 г. делается упор на цифровизацию и междисциплинарность. Начиная с 2020 г. в концепции преподавания курса «История России» подчеркиваются взаимосвязь советского и постсоветского периодов, прослеживается курс на патриотизм. В 2021–2022 гг. усилилось внимание к локальной истории и критическому анализу источников, а в 2024 г. историческая память была закреплена как элемент национальной безопасности¹.

образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501761> (дата обращения: 01.05.2026); «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утверждённый приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413». Приказ Министерства просвещения РФ от 12 августа 2022 г. № 732 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209120008> (дата обращения: 01.05.2026); «О преподавании курсов истории и обществознания в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации в 2000/2001 учебном году». Письмо Министерства образования Российской Федерации от 16 мая 2000 г. № 718/11 13 // URL: <https://ps.lsept.ru/article.php?ID=200007310> (дата обращения: 01.05.2026).

¹ Концепция преподавания учебного курса «История России»: утверждена решением Министерства просвещения РФ (протокол от 23.10.2020 № ПК 1вн) // URL: <https://base.garant.ru/75023299/> (дата обращения: 01.05.2026); «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». Указ Президента России от 08 мая 2024 г. № 314 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 01.05.2026); «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования». Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 286 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/> (дата обращения: 01.05.2026); «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования». Приказ Минпросвещения России от 09 октября 2024 г. № 704 // URL: https://shmezhdurechinskaya-smezhdureche-r82.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/215/2975/Ob_izmeneniyah_v_FOOP.pdf (дата обращения: 01.05.2026); «О школьном историческом образовании». Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 августа 2015 г. № МОН П 3370 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/420307080> (дата обращения: 01.05.2026).

Исследование основано на контент-анализе нормативно-правовых актов и концептуальных документов, регулирующих преподавание истории в школе (1993–2024 гг.). Работа включала несколько этапов. На первом этапе были определены методологические «повороты»², представленные в терминологическом словаре³. На втором — осуществлялся отбор релевантных документов и перенос их текстов в программу «Адвего» (advego.com) для проведения контент-анализа. Третий этап заключался в анализе семантического ядра: определялась частота употребления и смысловая нагрузка лексических единиц, связанных с ключевыми методологическими поворотами в историографической традиции. На четвёртом — проводилась систематизация данных в таблице Microsoft Excel: фиксировались документ-источник, релевантные лексические единицы и частота их употребления, а результаты визуализировались в виде диаграмм.

Анализ динамики упоминаний методологических поворотов (табл. 1) в нормативно-методических документах показал следующие тенденции. В 1990-е гг. доминировали социальный (пик в 1997 г. — 53 упоминания), антропологический (пик в 1999 г. — 48 упоминаний), мемориальный (пик в 1997 г. — 4 упоминания), социоестественный (пик в 1994 г. — 16 упоминаний) и визуальный (пик в 1994 г. — 6 упоминаний) повороты. В 2000-е гг. наблюдался рост влияния лингвистического поворота (пик в 2010 г. — 24 упоминания). После 2012 г. зафиксирован резкий рост социального (112 упоминаний), антропологического (156 упоминаний) и лингвистического (53 упоминания) поворотов, что связано с введением ИКС. В 2020-е количество упоминаний слов, связанных с визуальным поворотом, выросло с 21 в 2020 г. до 23 в 2024-м, а число

² Методологический «поворот» в исторической науке — это существенная трансформация исследовательских подходов и принципов познания прошлого, выражающаяся в переосмыслении целей, методов и логики исторического исследования под влиянием новых интеллектуальных течений и междисциплинарного взаимодействия. Термин в отечественной историографии получил распространение в начале 1990-х гг. См.: Подлевских Л. Г. Понятийно-категориальный аппарат теории исторического познания: проблемы и перспективы // Терминология исторической науки. Историописание / отв. ред. М. С. Бобкова, С. Г. Мереминский. М., 2010. С. 80–114.

³ Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014. 576 с.

Динамика упоминаний методологических поворотов в нормативно-правовых актах (1993–2024 гг.)

Методологический поворот	Пик упоминаний (год)	Количество упоминаний	Ключевые документы
Социальный	1997*; 2012	53*; 112	Обязательный минимум содержания... (1997) *; ИКС (2012)
Антропологический	1999*; 2012	48*; 156	Методические рекомендации... (1999)*; ИКС (2012)
Мемориальный	1997*; 2022–2024	4*; 17–21	Обязательный минимум содержания... (1997)*; Основы государственной политики... (2024)
Социоестественный	1994*; 2024	16*; 36	Методические рекомендации... (1994)*; Изменения в программах... (2024)
Визуальный	1994*; 2020–2024	6*; 21–23	Методические рекомендации... (1994)*; Концепция преподавания курса «История России»... (2020); Изменения в программах... (2024)
Лингвистический	2010*; 2012	24*; 53	ФГОС (2010)*; ИКС (2012)
Цифровой	2020	32	Изменения в программах... (2020)

* — документы, принятые до введения Историко-культурного стандарта.

упоминаний цифрового поворота составило 32 в 2020 г., мемориальный поворот (17–21 упоминание в 2022–2024 гг.) и социоестественный поворот (36 упоминаний в 2024 г.).

Таким образом, «новые научные направления» историографии влияли на школьное историческое образование асинхронно — с временным лагом между появлением идей и их закреплением в нормативных документах. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. под влиянием исторической антропологии и истории повседневности акцент сместился на изучение человека в исто-

рии, что способствовало гуманизации образования. В 2020-х гг. приоритетом стала мемориальная история (17–21 упоминание в 2022–2024 гг.) для формирования национальной идентичности. Одновременно усилились два других тренда. Во-первых, цифровой поворот (32 упоминания в 2020 г.) — он связан с внедрением онлайн-ресурсов в образовательный процесс. Во-вторых, социоестественный поворот (36 упоминаний в 2024 г.): в школьную программу стали активнее включать темы о влиянии климата и природных катастроф на ход истории.

Библиографический список

1. Подлевских, Л. Г. Понятийно-категориальный аппарат теории исторического познания: проблемы и перспективы / Л. Г. Подлевских // Терминология исторической науки. Историописание / Отв. ред. М. С. Бобкова, С. Г. Мереминский. — М. : ИВИ РАН, 2010. — С. 80–114.
2. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. — М. : Аквилон, 2014. — 576 с.

Эволюция образа Ивана Грозного в школьных учебниках 1990–2025 гг.

Халимова К. Р.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Назыров П. Ф. (ЧелГУ)

В статье на основе сравнительного анализа десяти школьных учебников постсоветского периода выявлена трансформация образа Ивана Грозного. Зафиксирован переход от критической модели 1990-х гг. с акцентом на тиранию и опричный террор к многомерной модели 2010–2025 гг. с персонализацией, признанием государственных достижений и ослаблением прямой причинно-следственной связи между правлением царя и Смутным временем. Показана связь эволюции образа со сменой ценностных парадигм российского общества.

Ключевые слова: *школьный учебник истории, Иван Грозный, опричнина, Смутное время, постсоветский период, ценностные парадигмы.*

Фигура Ивана IV Грозного остаётся одной из самых сложных и противоречивых в отечественной истории. Школьный учебник истории — это сложный социально-культурный феномен, который отражает актуальное состояние исторической науки, транслирует государственные оценки и формирует ценностные ориентиры подрастающего поколения. Актуальность исследования обусловлена тем, что эволюция образа первого русского царя на всём протяжении постсоветского периода до сих пор не получила комплексного осмысления во взаимосвязи с изменением ценностных ориентиров общества. Сравнительный анализ того, как представлен Иван Грозный в учебниках постсоветского периода (в данной статье рассматриваются учебники 1990–2025 гг.), позволяет зафиксировать изменение исторического нарратива и выявить идеологическую и социокультурную обусловленность этих изменений.

Методологическую основу исследования составляют: сравнительно-исторический анализ для сопоставления рекомендуемых и допущенных школьных учебников в период с 1990-х по 2025 гг. и выявления динамики оценок в отношении политики царя; структурно-семантический анализ — для выявления ключевых оценочных суждений, слов-маркеров в текстах учебников; метод историографического анализа — для оценки преемственности и расхождения с советской историографической традицией.

Источниковая база представлена постсоветскими школьными пособиями по истории России, среди которых учебник для 8 класса Л. Л. Юганова и Л. А. Кацвы (1994), учебник для 10–11 классов А. П. Богданова (1996), учебник

для 10–11 классов И. Н. ИONOVA (1995), пособие для студентов высших учебных заведений под редакцией А. П. Новосельцева (1997), учебник для 10–11 классов А. Н. Сахарова (2010), учебник для 7 класса И. Л. Андреева, И. Н. Фёдорова и И. В. Амосовой (2016), учебник для 7 класса Е. В. Пчелова и П. В. Лукина (2017), учебник для 7 класса Н. М. Арсентьева, А. А. Данилова, И. В. Курукина (2023), учебник для 7 класса Т. В. Черниковой и Р. В. Пазина под общей редакцией В. Р. Мединского (2023), а также новейший учебник для 7 класса В. Р. Мединского и А. В. Торкунова (2025). Результаты исследования показали комплексные различия между учебниками 1990-х — начала 2000-х гг. и учебниками 2010–2025 гг.

Период 1990-х — начала 2000-х гг. ознаменовался отказом от советской традиции центральной роли царя и переходом к описанию его образа с точки зрения отрицательных последствий его правления для страны. Основная характеристика сопоставляется с обликом «кровавого тирана». В этом контексте авторы учебников уделяют особое внимание таким аспектам правления Ивана Грозного, как опричнина, массовые казни, неудачная внешняя политика и жестокость царя (Л. А. Кацва и Л. Л. Юганов)¹. При этом А. П. Богданов даёт подробный психологический портрет Ивана, основываясь на принципе, что жестокость в детстве привела к агрессивному поведению во взрослой жизни². В учебниках, изданных в этот период, уделяется мало внимания

¹ Юганов Л. Л., Кацва Л. А. История России XVI–XVIII вв. М., 1994. С. 46.

² Богданов А. П. История России до Петровских времен. М., 1996. С. 184.

внешнеполитическим успехам государства, а Ливонская война преподносится как недостойное поражение, приведшее к экономической разрухе в стране.

Учебники, изданные в период с 2010 по 2025 гг., претерпели радикальные изменения. Акцент сместился с негативных аспектов правления на позитивные, включая создание централизованного государства, присоединение Казани и Астрахани, начало освоения Сибири и роль царя в проведении реформ, которые ранее приписывались Избранной раде. В учебнике В. Р. Мединского и А. В. Торкунова 2025 г. особо отмечаются успехи правителя на Востоке¹.

В советский период в учебниках подчёркивалось, что социально-экономические факторы были основными причинами государственной политики Ивана Грозного. Однако в 1990-х гг. произошла переоценка прошлого. В постсоветских учебниках Л. А. Кацвы и Л. Л. Юганова, И. Н. Ионова, А. П. Богданова, А. П. Новосельцева опричнина рассматривается как результат личной жестокости царя, его стремления к неограниченной власти или детской травмы. И. Н. Ионов напрямую связывает провал попытки построить сословную монархию с выбором царя в пользу деспотизма². Современные учебники (2010–2025 гг.) предлагают более широкую палитру для объяснения эпохи Грозного. Так, И. Л. Андреев, И. Н. Фёдоров и И. В. Амосова в своём учебнике вводят подпараграф «В поисках смысла», перечисляя там различные версии историков³. Е. В. Пчелов и П. В. Лукин характеризуют опричнину как инструмент утверждения «неограниченной, абсолютной монархии»⁴. В. Р. Мединский и А. В. Торкунов трактуют опричнину как «вынужденную меру» в условиях войны и вероломства бояр, инструмент укрепления самодержавия⁵.

Стоит также отметить, что учебники 1990-х — начала 2000-х гг., как правило, для описания обра-

за царя используют характерные слова-маркеры, среди которых преобладают следующие: «деспот», «тиран», «кровавый», «террор», «разорение». А. П. Новосельцев называет царя «жестоким и беспощадным тираном»⁶. А. Н. Сахаров трактует опричнину как «безумный эксперимент», основанный на религиозности и личной паранойе царя, который своими действиями привёл страну к необратимым последствиям⁷. Современные учебники, как правило, более нейтральны, сбалансированы и многогранны в своих оценках. Например, Е. В. Пчелов и П. В. Лукин используют двойной образ, показывая противоречивость царя: с одной стороны — это «человек удивительного ума», с другой — царь «был очень жесток»⁸. В. Р. Мединский и А. В. Торкунов в большей мере указывают на положительные черты Ивана, такие как его образованность, благочестие и государственная мудрость⁹. В учебнике И. Л. Андреева, в котором сохраняется критика опричнины, появляются такие маркеры, как «централизация» и «укрепление власти»¹⁰.

Причина таких изменений объясняется сменой ценностных парадигм российского общества. Учебники 1990-х — начала 2000-х гг. создавались в контексте приоритета гражданских свобод, прав человека и критического отношения к государственному насилию. Страна переживала неприятие своего советского прошлого и осмысляла тоталитарный опыт. В этом контексте Иван Грозный изображался как «кровавый тиран», а опричнина рассматривалась как символ бессмысленной жестокости. Учебники 2010–2025 гг. основаны на другой ценностной парадигме: державность, суверенитет, сильная государственная власть, патриотизм. С принятием Историко-культурного стандарта происходит закрепление единых подходов к преподаванию истории. В этих условиях на первый план выходят достижения: создание централизованного государства, присоединение Казани и Астрахани, начало освоения

¹ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России, XVI–XVII вв. 7-й класс. М., 2025. С. 46–60.

² Ионов И. Н. Российская цивилизация, IX — начало XX в. М., 1995. С. 107–109.

³ Андреев И. Л., Фёдоров И. Н., Амосова И. В. История России: XVI — конец XVII в. 7-й класс. 6-е изд. М., 2016. С. 54–57.

⁴ Пчелов Е. В., Лукин П. В. История России. XVI–XVII века. 7 класс. М., 2017. С. 38.

⁵ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России, XVI–XVII вв. 7-й класс. М., 2025. С. 13–24.

⁶ Новосельцев А. П., Сахаров А. Н., Буганов В. И., Назаров В. Д. История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1997. С. 428.

⁷ Сахаров А. Н., Боханов А. Н., Шестаков В. А. История России с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 253–257.

⁸ Пчелов Е. В., Лукин П. В. История России. XVI–XVII века. 7 класс. М., 2017. С. 22.

⁹ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России, XVI–XVII вв. 7-й класс. М., 2025. С. 7–24.

¹⁰ Андреев И. Л., Фёдоров И. Н., Амосова И. В. История России: XVI — конец XVII в. 7-й класс. 6-е изд. М., 2016. С. 40.

Сибири. Связь между правлением Ивана Грозного и Смутой в современных учебниках всё больше проявляется как косвенная, а в учебнике В. Р. Мединского и А. В. Торкунова она становится практически разорванной¹.

Таким образом, эволюция фигуры Ивана Грозного в школьных учебниках по истории России обусловлена закономерным результатом смены ценностных ориентиров общества. Критическая модель 1990-х гг. постепенно преобразуется в многомерную модель 2010–2025 гг., в которой образ царя становится более значимым, а в отношении его деятельности внимание

переключается с «кровавого террора» на государственные достижения, укрепление самодержавия и централизацию. Для учителя истории необходимо осознавать, что каждый учебник является продуктом своего времени и отражает определённые ценностные установки, свойственные конкретному периоду. Так, при изучении темы на внеурочных занятиях целесообразным является использование учебников разных лет или фрагментов из них, чтобы наглядно продемонстрировать школьникам изменчивость исторических интерпретаций в зависимости от исторического контекста. Такой подход к преподаванию позволит сформировать у обучающихся критическое мышление.

¹ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России, XVI–XVII вв. 7-й класс. М., 2025. С. 100–108.

Библиографический список

1. Андреев, И. Л. История России: XVI — конец XVII в. : учебник для 7-го класса / И. Л. Андреев, И. Н. Фёдоров, И. В. Амосова. — 6-е изд. — М. : Дрофа, 2016. — 253 с.
2. Арсентьев, Н. М. История России. 7 класс: в 2 ч. Ч. 1. / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, И. В. Курукин ; под ред. А. В. Торкунова. — М. : Просвещение, 2023. — 127 с.
3. Богданов, А. П. История России до Петровских времен : 10–11 классы, учебник для общеобразовательных учебных заведений / А. П. Богданов. — М. : Дрофа, 1996. — 336 с.
4. Ионов, И. Н. Российская цивилизация, IX — начало XX в. : учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений / И. Н. Ионов. — М. : Просвещение, 1995. — 320 с.
5. История России. XVI — конец XVII вв. : 7 класс, учебник ; под общ. ред. В. Р. Мединского ; Т. В. Черникова, Р. В. Пазин. — М. : Просвещение, 2023. — 306 с.
6. Мединский, В. Р. История России, XVI–XVII вв. : 7-й класс, учебник / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов. — М. : Просвещение, 2025. — 271 с.
7. Новосельцев, А. П. История России с древнейших времен до конца XVII века / А. П. Новосельцев, А. Н. Сахаров, В. И. Буганов, В. Д. Назаров. — М. : АСТ-ЛТД, 1997. — 576 с.
8. Пчелов, Е. В. История России. XVI–XVII века : 7 класс, учебник / Е. В. Пчелов, П. В. Лукин ; под науч. ред. Ю. А. Петрова. — М. : Русское слово, 2017. — 224 с.
9. Сахаров, А. Н. История России с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1 / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков ; под ред. А. Н. Сахарова. — М. : Проспект, 2010. — 544 с.
10. Юрганов, Л. Л. История России XVI–XVIII вв. : экспериментальный учебник для 8 класса средних учебных заведений / Л. Л. Юрганов, Л. А. Кацва. — М. : МИРОС, 1994. — 424 с.

Образовательные концепции XVIII столетия в современных учебных программах

Чистякова К. А.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Осипова Я. В. (ЧелГУ)

В статье анализируется репрезентация образовательных концепций XVIII века в современных школьных учебниках по истории России для 7–8 классов. С помощью количественного контент-анализа установлено, что при формальном сохранении объема материала его содержательное наполнение претерпело заметные изменения: произошло вытеснение общественной и научной составляющей просветительских реформ в пользу описания государственной политики, исчез европейский контекст и педагогическая терминология.

Ключевые слова: учебники по истории России, XVIII век, образовательные концепции, Екатерина II, контент-анализ.

При изучении эпохи Просвещения в школьном курсе истории основное внимание обычно уделяется государственным преобразованиям и развитию культуры. Образовательные проекты данного периода являются не менее важными, так как в это время в Российской империи впервые была поставлена задача создания целостной государственной системы воспитания и обучения. По оценке современных исследователей, вторая половина XVIII в. заложила основы всей отечественной педагогической мысли. Эта основа и определила ее дальнейшее развитие¹.

Действующие стандарты ФГОС и Федеральная рабочая программа определяют лишь общие рамки курса истории, оставляя выбор конкретных фактов и сюжетов за авторами школьных учебников и учителями². В связи с этим представляется возможным рассмотреть ряд проблем: насколько качественно современные учебники передают суть образовательных концепций XVIII столетия? Какие идеи, имена и реформы становятся известны школьникам, а какие аспекты остаются неосвещенными?

Чтобы ответить на данные вопросы, был проанализирован корпус из семи учебников по истории России для 7–8 классов, рекомендованных Министерством просвещения РФ и допущенных к использованию в современных школах. Хроно-

логические рамки выхода учебников охватывают период с 2009 по 2025 гг.³

В основе работы лежит проблемно-хронологический метод, который позволил проанализировать содержание учебников в соответствии с логикой исторического процесса. Подобный подход дает возможность проследить логику изложения событий XVIII в. в учебных пособиях. В качестве основного приёма исследования использовался количественный контент-анализ по четырём группам маркеров: представленные в учебном материале отечественные деятели, учебные учреждения, западноевропейские мыслители, исторические труды и документы, ключевые педагогические понятия. Анализ показал, на каких фигурах и темах фокусировались авторы учебников.

В процессе работы подсчитывалось абсолютное количество упоминаний каждого маркера. Учитывались только параграфы, посвященные отечественной системе образования во второй половине XVIII столетия. Данный метод позволил определить, какие сюжеты присутствуют в тексте, а какие освещены недостаточно. Также

¹ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. 640 с.

² Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Утвержден приказом Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287.

³ Черникова Т. В. История России. XVII–XVIII века: 7 класс. М., 2009. 272 с.; Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. Конец XVI — XVIII вв. 7 класс. М., 2012. 240 с.; Баранов П. А., Ганелин Р. Ш. История России. XVI–XVIII вв. 7 класс: учебник. М., 2013. 304 с.; Захаров В. Н., Пчелов Е. В. История России. XVIII век. М., 2017. 240 с.; Черникова Т. В., Агафонов С. В. История России. Конец XVII — XVIII век. 8 класс: учебник. М., 2023. 308 с.; Арсентьев Н. М., Данилов А. А. и др. История России. 8 класс: учебник. В 2 ч. Ч. 2. М., 2023. 128 с.; Мединский В. Р., Торкунов А. В. История России. XVIII — начало XIX вв. 8 класс: учебник. М., 2025. 384 с.

это позволило понять, насколько часто и подробно авторы обращаются к конкретным фигурам и идеям. По полученным данным была составлена табл. 1.

Полученные результаты позволяют судить о наличии или отсутствии того или иного сюжета, а также о степени внимания авторов к определенным фигурам и идеям.

Таблица 1

Данные контент-анализа учебных программ

Маркер	Черникова (2009)	Данилов, Косулина (2012)	Баранов, Ганелин (2013)	Захаров, Пчелов (2017)	Арсентьев, Данилов и др. (2023)	Черникова, Агафонов (2023)	Мединский, Торкунов (2025)
И. И. Бецкой	3	1	4	2	2	2	3
Екатерина II	2	3	7	4	4	3	2
Ф. И. Янкович де Мириево	0	0	1	1	1	2	0
Н. И. Новиков	2	3	4	4	2	0	3
А. Н. Радищев	2	3	3	3	2	0	2
М. В. Ломоносов	2	6	5	5	5	7	3
Смольный институт	2	2	3	2	2	2	2
Московский воспитательный дом	1	1	2	2	2	2	2
Народные училища	1	1	3	1	2	2	1
Кадетские корпуса	1	3	3	2	1	3	2
Академия наук	0	0	0	0	0	0	0
Дж. Локк	0	0	0	0	1	0	0
Д. Дидро	0	1	3	3	2	2	0
Ж.-Ж. Руссо	2	1	2	3	1	2	2
К. А. Гельвеций	0	0	0	0	0	0	0
Энциклопедисты	0	0	1	1	0	0	0
«Наказ» Екатерины II	0	1	4	2	1	1	0
«Генеральное учреждение о воспитании...»	0	0	0	0	0	1	0
«Генеральный план Московского воспитательного дома»	0	0	0	0	0	0	0
«Устав народным училищам» (1786)	1	1	2	1	1	1	1
«Эмиль, или О воспитании»	0	0	0	0	0	0	0
«Мысли о воспитании» (Локк)	0	0	0	0	0	0	0
Журнал «Детское чтение для сердца и разума»	0	0	2	1	1	0	1
Естественное воспитание	1	0	0	1	0	0	1
Свободное воспитание	0	0	0	0	0	0	0
Tabula rasa / «чистая доска»	0	0	0	0	0	0	0
Сенсуализм / чувственный опыт	0	0	0	0	0	0	0
Новая порода людей	2	1	1	2	1	1	2
Воспитание / образование (концепция)	5	5	5	10	>10	>10	>5
Общественное воспитание	0	0	0	2	0	0	2
Сословное образование	1	3	3	2	2	3	1
Закрытые учебные заведения	2	2	2	2	2	2	2

Во всех учебниках присутствует устойчивый круг отечественных деятелей Просвещения. Это И. И. Бецкой, Екатерина II, М. В. Ломоносов, а также конкретные учреждения: Смольный институт, Московский воспитательный дом, кадетские корпуса и народные училища. Частота упоминаний маркеров меняется.

При этом заметны различия. Так, И. И. Бецкой встречается чаще всего в учебнике Баранова (2013) — 4 упоминания, по три упоминания зафиксировано в изданиях Мединского (2025) и Черниковой (2009), в остальных пособиях он фигурирует 1–2 раза. Екатерина II как деятель в сфере образования упоминается наиболее часто: 7 раз в учебнике Баранова, по 4 раза — в изданиях Арсентьева, Захарова с Пчеловым (2017) и Арсентьева и др. (2023), по 3 раза — у Данилова и Косулиной (2012) и у Черниковой (2023); при этом в новейшем пособии Мединского (2025) этот показатель снижается до 2, что может свидетельствовать о смещении акцента с персоналий в сторону обезличенных процессов. Отдельно отмечены Н. И. Новиков и А. Н. Радищев в учебниках Захарова (2017) и Арсентьева (2023): Новиков упоминается соответственно 4 и 2 раза, Радищев — 3 и 2 раза. В учебнике Черниковой (2009) оба деятеля упомянуты по 2 раза. Однако в издании с тем же автором, но 2023 г., оба имени исчезают полностью.

Ф. И. Янкович де Мириево, фигура которого практически отсутствует в 7 классе (только одно упоминание у Баранова), появляется в учебниках 8 класса, но везде по 1 разу (Захаров, Арсентьев) или дважды (Черникова, 2023). В учебнике Мединского (2025) он опять исчезает, что говорит о незначительной роли Янковича де Мириево в текстах учебников.

Ломоносов в учебнике Арсентьева, Данилова и др. упомянут 5 раз — это один из самых высоких показателей по всей выборке (столько же у Захарова и Пчелова, выше только у Черниковой 2023 г. — 7 раз).

Западноевропейские мыслители представлены весьма ограниченно. В учебнике Арсентьева, Данилова и др.: Руссо — 1 раз, Вольтер — 2 раза, Дидро — 2 раза, Локк — 1 раз. Однако общее число упоминаний европейских авторов невысокое: в учебнике Баранова для 7 класса (2013) показатель составляет 7 упоминаний, а в учебнике Черниковой (2009) также для 7 класса — 3 раза. Наиболее полную картину европейского Просвещения нам дает учебник Баранова.

Данные по трудам и документам практически не отличаются цифрами. Ни в одном учебнике не упоминаются «Мысли о воспитании» Локка. «Эмиль» Руссо не назван ни разу. «Генеральный план Московского воспитательного дома» отсутствует во всех семи изданиях. «Генеральное учреждение о воспитании» упомянуто лишь один раз — в учебнике Черниковой (2023). Чаще встречается «Наказ» Екатерины II (4 раза у Баранова, 2 у Захарова, 1 у Данилова, Арсентьева и Черниковой (2023)). Журнал Новикова «Детское чтение для сердца и разума» упомянут единично лишь в трех учебниках — у Баранова (2013), Захарова (2017) и Мединского (2025). Таким образом, документы, на которых строились образовательные реформы, остаются за рамками учебного текста.

Далее перейдем к терминологии. Термин «естественное воспитание» встречается в трех учебниках: у Черниковой (2009) — 1 раз, Баранова (2013) — 1 раз, Захарова (2017) — 1 раз. Вместе с тем связь идей Бецкого с концепциями Руссо и Локка признается историко-педагогической наукой очевидной¹. Понятия «свободное воспитание» или «сенсуализм» не присутствуют в учебниках. Выражение «новая порода людей» есть в шести учебниках из семи (кроме учебника Данилова и Косулиной, где оно упомянуто 1 раз), но частота небольшая — всего 1–2 раза. Термин «общественное воспитание» появляется лишь в трех изданиях: Баранов (2013) — 2 раза, Захаров (2017) — 2 раза, Мединский (2025) — также 2 раза. Итак, авторы новейших учебников все реже прибегают к педагогической терминологии, заменяя ее общеадминистративными формулировками.

Таким образом, за период с 2009 по 2025 гг. информация в школьных учебниках о системе образования и воспитания в России второй половины XVIII в., сохраняя объем, стала краткой и поверхностной. Эпоха идей и дискуссий представлена перечнем дат и указов. Школьные учебники обходят стороной главные вопросы изучаемого периода: зачем воспитывать людей, как это делать и кто должен этим заниматься — государство, общество или отдельная личность.

¹ Смагина Г. И. Санкт-Петербургская Академия наук и просвещение в России XVIII века: образование и распространение знаний. М., 2007. 54 с.

Библиографический список

1. Андреев, А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы / А. Ю. Андреев. — М. : Знак, 2009. — 640 с.
2. Арсентьев, Н. М. История России. 8 класс : в 2 ч. Ч. 2. / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов [и др.] ; под ред. А. В. Торкунова. — М. : Просвещение, 2023. — 128 с.
3. Баранов, П. А. История России. 7 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений / П. А. Баранов, Р. Ш. Ганелин [и др.]. — М. : Вентана-Граф, 2013. — 304 с.
4. Данилов, А. А. История России. Конец XVI–XVIII вв. 7 класс : учеб. для общеобразоват. организаций / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. — М. : Просвещение, 2012. — 240 с.
5. Захаров, В. Н. История России. XVIII век. 8 класс : учеб. для общеобразоват. организаций / В. Н. Захаров, Е. В. Пчелов. — М. : Русское слово, 2017. — 240 с.
6. Мединский, В. Р. История России. XVIII — начало XIX вв. 8 класс : учеб. для общеобразоват. организаций / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов. — М. : Просвещение, 2025. — 384 с.
7. Смагина, Г. И. Санкт-Петербургская Академия наук и просвещение в России XVIII века: образование и распространение знаний / Г. И. Смагина. — М., 2007. — 54 с.
8. Черникова, Т. В. История России. XVII–XVIII вв. 7 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений / Т. В. Черникова. — М. : Дрофа, 2009. — 272 с.
9. Черникова, Т. В. История России. Конец XVII–XVIII вв. 8 класс : учеб. для общеобразоват. организаций / Т. В. Черникова, С. В. Агафонова. — М. : Просвещение, 2023. — 308 с.

Использование делопроизводственной документации партийных и советских органов на уроках истории родного края

Яруллина Л. С.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Баканов С. А. (ЧелГУ)

В статье представлен опыт разработки учебных заданий на основе подлинных архивных документов — протоколов заседаний Миасского горисполкома и горкома КПСС за 1960 г. В работе показано, какие возможности даёт работа с такими источниками для формирования ряда исследовательских навыков у школьников. Предложены три разноуровневых задания с методическими рекомендациями, обладающие универсальностью для использования в курсе «История нашего края» (7 класс) и при изучении темы «Оттепель» в 11 классе.

Ключевые слова: делопроизводственная документация, исторический источник, уроки истории, краеведение, горком КПСС, горисполком.

Современный федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) смещает акцент с простого усвоения фактов на формирование у учащихся умения работать с информацией, критически её осмысливать, анализировать и интерпретировать. Это положение приобретает особую значимость в контексте введения с 2025 г. в российских школах обязательного курса «История родного края» для 5–7 классов¹. При изучении локальной истории необходим конкретный материал, который позволил бы школьнику «прикоснуться к подлиннику» и увидеть, как общие исторические процессы, например, хрущёвская «оттепель» или экономические реформы, преломлялись в повседневной жизни его малой родины.

Делопроизводственная документация партийных и советских органов, в частности протоколы заседаний, отчётные доклады и постановления, является именно таким уникальным источником. В отличие от адаптированного текста учебника, архивные документы сохраняют язык эпохи, её проблемы, заботы реальных людей². Однако, как показал историографический анализ, при наличии ряда трудов по истории советского государственного аппарата и общих педагогических подходов к использованию источников, специальных исследований по интеграции делопроизводственной документации в школьную систему на локальном материале недостаточно.

¹ Приказ Минпросвещения РФ «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования» от 12.08.2022 № 732.

² Соколов А. К. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика : учебник. М., 2004. С. 116.

Цель работы — на основе анализа делопроизводственной документации горкома КПСС и горисполкома г. Миасса разработать комплекс учебных заданий и методических рекомендаций для их эффективного использования на уроках истории родного края.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе был выполнен источниковедческий анализ делопроизводственных документов, отложившихся в фондах муниципального бюджетного учреждения «Миасский окружной архив»³ и государственного учреждения «Объединённый государственный архив Челябинской области»⁴. Первую группу источников образуют протоколы заседаний горисполкома, вторую — протоколы пленумов и бюро горкома КПСС, а также отчётный доклад горкома на XVI партийной конференции.

На втором этапе применялись общенаучные и специально-исторические методы: сравнительно-исторический, герменевтический анализ, контент-анализ. Если говорить о классификации документов, применяемых в обучении истории, то она значительно проще той, что принята в исторической науке. Документы, используемые в обучении истории, подразделяются на две основные группы: актовые и повествовательно-описательные⁵.

На основе протоколов были составлены разноуровневые задания, направленные на формирование трёх ключевых компетенций: исследовательских

³ МОА. Ф. 29. Оп. 1. Д. 238, 239, 240.

⁴ ОГАЧО. Фонд №125. Оп. 9. Д. 31, 33, 33а, 33б.

⁵ Короткова М. В., Студеникин М. Т. Методика обучения истории в схемах, таблицах, описаниях. Практическое пособие для учителей. М., 1999. С. 126.

навыков, критического мышления и локальной идентичности.

Задание 1 (базовый уровень)

В отчетном докладе Миасского ГК КПСС на XVI отчетно-выборной партийной конференции говорится о планах по улучшению жизни в городе. Прочитайте фрагмент на стр. 19 (отчетный доклад). Какие задачи городские власти ставили перед собой на 1961 г.? Выпишите 3–4 задачи.

Задание направлено на формирование умения выделять главное в тексте, понимание социальных проблем прошлого, возникновение эмоциональной связи поколений.

Задание 2 (причинно-следственный анализ)

На пленуме горкома 10 февраля 1960 г. обсуждали проблему: план строительства жилья под угрозой срыва.

Используя текст протокола (стр. 2–11), составьте список причин, из-за которых образовалась проблема срыва жилищного строительства:

Причина 1: _____

Причина 2: _____

Причина 3: _____

Задание формирует навык установления причинно-следственных связей, развивает элементы исторического мышления.

Задание 3 (сравнительный анализ, групповая работа)

Вы уже познакомились с документами Миасского горисполкома (заседание от 17 марта 1960 г.) и горкома КПСС (пленум от 10 февраля 1960 г.). Теперь ваша задача — выступить в роли исследователей и сравнить, чем занимались эти два органа.

1. Используя выдержки из протоколов, заполните таблицу (курсивом в таблицу вписаны возможные варианты ответов).

2. Проанализируйте таблицу. Кто, по вашему мнению, играл главную роль в управлении городом и почему? Свой ответ аргументируйте.

Для выполнения этого задания эффективно разделить класс на две группы. Одна группа получает задание проанализировать документы горисполкома, другая — горкома. Затем группы обмениваются результатами, и в ходе совместного обсуждения заполняют общую таблицу.

Сравнительная таблица функций горкома и горисполкома г. Миасса в 1960 г.

Критерий для сравнения	Горисполком (Протокол № 5 от 17.03.1960)	Горком КПСС (Пленум от 10.02.1960)
Главные вопросы повестки дня (приведите 2–3 примера)		
Какие конкретные проблемы города решал орган?		
Какие меры воздействия применял к нарушителям?		
Какую роль выполнял орган в управлении городом?		

Целью этого задания является формирование у школьников навыков сравнения, аргументации и командной работы, понимания различия между формальной и реальной структурой власти.

Исследование подтвердило, что делопроизводственная документация партийных и советских органов является не только ценным историческим источником, но и мощным образовательным инструментом. Разработанные в ходе данной работы задания позволяют сделать историю родного края живой и конкретной. Они способствуют формированию у школьников навыков работы с подлинными текстами, развивают критическое мышление через сравнение формальной и реальной структуры власти. Помимо этого, задания могут подготовить учащихся к проектной и исследовательской деятельности, так как на основе документов можно создавать учебные проекты.

Методика работы с делопроизводственной документацией, предложенная в данной работе, носит универсальный характер. На основе аналогичных источников из архивов других городов педагог может самостоятельно создать подобные задания, адаптировав их к краеведческому материалу своего региона. Разработанные задания могут быть использованы в курсе истории России в 11 классе при изучении темы «СССР в 1953–1964 гг.» и в новом курсе «История родного края» в 7 классе.

Библиографический список

1. Вяземский, Е. Е. Теория и методика преподавания истории : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Е. Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова. — М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. — 384 с.
2. Короткова, М. В. Методика обучения истории в схемах, таблицах, описаниях. Практическое пособие для учителей / М. В. Короткова, М. Т. Студеникин. — М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. — 192 с.
3. Соколов, А. К. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика : учебник / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова [и др.]; под ред. А. К. Соколова. — М. : Высшая школа, 2004. — 687 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО

Формирование лингвострановедческой компетенции в процессе обучения студентов-инофонов на программах бакалавриата негуманитарного направления

Лахтачева К. В.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Редькина О. Ю. (ЧелГУ)

Статья посвящена актуальной проблеме формирования лингвострановедческой компетенции у студентов-инофонов, которые обучаются на программах бакалавриата негуманитарного направления. Данная компетенция обеспечивает адекватное общение с носителями русского языка и обучение в высших учебных заведениях, а также способствует формированию адекватных представлений о социальных и культурных особенностях России. Исследование направлено на выявление учебных дисциплин, способствующих формированию лингвострановедческой компетенции согласно требованиям УК-5 ФГОС. Анализируется содержание учебных дисциплин, предусмотренных программами негуманитарного профиля, с точки зрения формирования данной компетенции. Выявлены лексические единицы, не входящие в обязательный лингвострановедческий минимум, но имеющие важное значение для полноценного освоения учебного материала студентами-инофонами.

Ключевые слова: лингвострановедческая компетенция, лингвострановедение, русский язык как иностранный, инофоны, ФГОС, компетенции, универсальные компетенции.

В современных условиях в образовательном пространстве российских вузов особую актуальность приобретает задача формирования межкультурной компетенции у студентов-инофонов, обучающихся на программах бакалавриата негуманитарного профиля. Данная компетенция является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки иностранных обучающихся, поскольку обеспечивает не только эффективное взаимодействие с носителями русского языка, но и знакомство с социокультурными реалиями, нормами и традициями российского общества. Это определяет актуальность исследования.

Целью исследования является выявление роли общеобразовательных дисциплин в процессе формирования межкультурной коммуникативной компетенции у студентов-инофонов, обучающихся на программах бакалавриата негуманитарного направления.

Проблема исследования определяется противоречием между необходимостью формировать у студентов-инофонов УК-5 и отсутствием системной работы в этом направлении на занятиях по общеобразовательным дисциплинам. Хотя язы-

ковые курсы закладывают основы, учебный процесс на предметах требует от студентов владения специфической лексикой и понимания российских реалий. Отсутствие методических инструментов для освоения этого материала в рамках непрофильных предметов создаёт барьер для их успешной учёбы и социокультурной адаптации.

Материалом исследования послужили тексты учебных программ и рабочих программ дисциплин («Философия», «Безопасность жизнедеятельности», «Основы российской государственности») для студентов негуманитарных направлений подготовки, действующие учебно-методические комплексы, а также нормативная база — Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО).

Для решения поставленной задачи в работе использовались следующие методы: анализ научной литературы и нормативных документов (ФГОС ВО), позволяющий определить понятийный аппарат и требования к компетенциям; контент-анализ содержания действующих учебных программ и методических пособий для выявления потенциала общеобразовательных дисциплин

в формировании УК-5; выборка и систематизация лексических единиц из текстов учебных пособий.

Лингвострановедение — «это ознакомление иноязычных учащихся с современной российской действительностью через посредство языка титульной нации — русского языка и в процессе его изучения»¹. Язык входит в понятие национальной культуры, репрезентирует специфику жизненного уклада народа, выступает носителем страноведческой информации. «Сущность предмета общего страноведения составляют сведения о стране изучаемого языка в контексте внематериальной информации, которую можно получить из других общественных и гуманитарных дисциплин»². Следовательно, лингвострановедческая компетенция — это не только знание языка, но и понимание культурных реалий, традиций, истории и особенностей страны. Для студентов-инофонов эта компетенция становится ключевым фактором интеграции в образовательную среду России. Формирование лингвострановедческой компетенции способствует успешной коммуникации инофонов с носителями языка, эффективному освоению профессиональных знаний, а также «даёт возможность „включаться“ в диалог культур, „погружаться“ не только в национальную, но и в общечеловеческую культуру, понимать роль родного языка и культуры в зеркале культуры другого народа»³.

В условиях развития и внедрения федерального государственного образовательного стандарта (далее — ФГОС) компетентностная модель образования приобретает статус одной из наиболее востребованных и широко признанных. Ключевым результатом обучения становится не сумма знаний, умений и навыков, а сформированность компетенций, обеспечивающих способность обучающихся эффективно применять приобретённые знания и опыт в реальных профессиональных ситуациях. «Освоение компетенций происходит в процессе изучения каких-либо дисциплин в вузе, модулей, циклов, дидактических единиц, интегрирующих в специальных и общепрофессиональных дисциплинах»⁴.

¹ Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1983. С. 41.

² Ашурова Т. М. Место лингвострановедения в современной лингводидактике // Вестник Педагогического университета, 2020. № 4. С. 82.

³ Винокурова М. А. Лингвострановедение : учебно-методическое пособие. Барнаул, 2024. С. 6.

⁴ Мамалова Х. Э., Плиева А. О., Журтов А. Б. Понятие компетенции в стандартах высшего профессио-

Универсальные компетенции (далее — УК) — «это термин, используемый во ФГОС для обозначения непредметных компетентностей»⁵. УК представляют собой совокупность общенаучных знаний, коммуникативных и личностных способностей, которые обеспечивают успешную адаптацию выпускников в различных сферах деятельности, вне зависимости от специфики и направления обучения.

В соответствии с ФГОС высшего образования лингвострановедческая компетенция соотносится с УК-5 «Межкультурное взаимодействие». УК-5 формирует следующие личностные результаты: 1) «усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества; воспитание чувства ответственности и долга перед Родиной; 2) формирование осознанного, уважительного и доброжелательного отношения к другому человеку, его мнению, мировоззрению, культуре, языку, вере, гражданской позиции; 3) освоение социальных норм, правил поведения, ролей и форм социальной жизни в группах и сообществах, включая взрослые и социальные сообщества»⁶.

Универсальные компетенции реализуются через содержание учебных дисциплин, внеаудиторную работу, проектную деятельность.

В ходе анализа учебных планов ФГБОУ ВО «ЧелГУ», где обучаются иностранные студенты (40.03.01 Юриспруденция. Уголовно-правовой; 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности. Уголовно-правовая; 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности. Гражданско-правовая; 40.05.02 Правоохранительная деятельность. Административная деятельность полиции; 38.03.01 Экономика. Финансовая аналитика и аудит; 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Экономика и информатика; 39.03.02 Социальная работа. Социальное проектирование и предпринимательство; 30.05.01 Медицинская биохимия; 49.03.03; Рекреация и спортивно-оздоровительный

нального образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71–2. С. 240.

⁵ Оценка универсальных компетентностей как результатов высшего образования. Аналитический доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / С. М. Авдеева, П. В. Гасс, Е. Ю. Карданова, Ю. Н. Корешникова [и др.] М., 2021. С. 6.

⁶ Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета / Под. науч. ред. д. п. н. И. Ю. Тархановой. Ярославль, 2018. С. 148–149.

туризм. Экскурсионная и инструкторская деятельность; 49.03.03 Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм. Менеджмент спортивной индустрии, 49.03.03 Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм. Менеджмент индустрии спорта и туризма; 38.05.02 Таможенное дело. Таможенное декларирование и таможенный контроль перемещаемых товаров) выявлены общие дисциплины, которые присутствуют на всех направлениях обучения: 1) история России (УК-5); 2) философия (УК-5); 3) основы российской государственности (УК-5); 4) иностранный язык / русский язык как иностранный (УК-5); 5) безопасность жизнедеятельности (УК-8 (Способность создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций)). Последний предмет является обязательным и обладает лингвокультурологическим потенциалом, потому что формирует представление о культурных и социальных аспектах взаимодействия граждан Российской Федерации.

Таким образом, указанные дисциплины направлены на формирование УК-5 и содержат в себе лингвострановедческую лексику. В большинстве случаев слова, связанные с особенностями национальных традиций, быта, географии страны, изучаются на подготовительном факультете на уроках русского языка как иностранного (далее — РКИ), обществознания, истории, языка специальности.

Формирование УК-5 на данных дисциплинах реализуется через: 1) интеграцию лингвокультурологических элементов в учебные курсы; 2) акцент на безэквивалентной фоновой лексике; 3) использование текстов, отражающих национальные традиции, историю и государственность России.

Проанализировав учебные пособия по курсу «Безопасность жизнедеятельности»¹ (далее — БЖД), мы выявили, что в текстах присутствует лингвострановедческая лексика, которая не входит в обязательный лингвострановедческий минимум.

Можно их разделить на следующие группы: 1) географические пункты (Поволжье, Забайкалье, Курилы (вместо Курильские острова)); 2) государственные институты (жилищно-коммунальное хозяйство, МЧС России, аварийно-спасательные и поисково-спасательные формирования, федеральные органы государственной власти, Российская система предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях (РСЧС), Федеральная

служба безопасности (ФСБ), Космические войска (КВ)); 3) природные явления (лесные, степные, торфяные пожары, заморозки); 4) термины (чрезвычайная ситуация (ЧС), атомная электростанция (АЭС)); 5) реалии (гражданская оборона, Федеральный закон РФ, нормативно-правовой акт, убежище, ритуал как торжественный официальный акт), штандарт, медаль «Золотая звезда», Звезда ордена Святого Георгия I степени); 6) фразеологизмы («безопасность превыше всего», «предупреждён — значит вооружён» — можно встретить в контексте изучения БЖД).

Таким образом, включение лингвострановедческой лексики в курс БЖД способствует не только усвоению терминологии, но и формированию у студентов-инофонов понимания культурных и социальных аспектов, связанных с безопасностью в России. Это, в свою очередь, помогает им лучше адаптироваться к образовательной среде и эффективно взаимодействовать с носителями языка.

При анализе пособий по курсу «Философия»² была выделена лингвострановедческая лексика, которую можно разделить на следующие блоки: 1) русские философы, литературоведы, ученые (Н. Я. Грот, М. М. Бахтин, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, Н. В. Федоров, А. Л. Чижевский, Г. В. Плеханов, Ю. М. Лотман, М. М. Рубенштейн); 2) ключевые понятия (русский космизм, марксистская философия, ленинизм, соборность, толстовство, всеединство, почвенничество); 3) коннотативная лексика (Бог, вера, нигилизм, мировоззрение, картина мира).

Лингвострановедческая лексика, связанная с Россией и используемая в курсе философии, отражает уникальные культурные, исторические и духовные реалии, которые формируют специфику русской философской традиции.

Лингвострановедческая лексика, используемая в курсе «Основы российской государственности», включает слова и выражения, которые отражают уникальные реалии, традиции, исторические и культурные особенности России. В учебных пособиях по этому курсу³ можно выделить несколько тематических блоков: 1) фразеологизмы и устойчивые выражения («Что русскому здорово, то немцу смерть», «Умом Россию не понять, / Аршином общим

¹ Шрага М. Х. Социальная безопасность (безопасность жизнедеятельности людей): учебное пособие. Архангельск, 2014. 280 с.; Смирнов А. Т., Шахрамьян М. А., Дурнев Р. А., Крючек Н. А. Безопасность жизнедеятельности : учебное пособие. М., 2009. 375 с.

² Алексеев П. В., Панин А. В. Философия : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015. 608 с.; Словарь философских понятий для студентов всех форм обучения / сост. С. В. Краснов. Самара, 2018. 137 с.

³ Гуляков А. Д. Основы российской государственности : учебник. М., 2026. 266 с.; Харичев А. Д., Полосин А. В., Селезнева А. В. Основы российской государственности. М., 2024. 448 с.

не измерить»); 2) реалии (Федеральное Собрание, республика, Государственная Дума); 3) фоновая лексика (держава, знамя); 4) коннотативная лексика (орел, земля, грамота, многонациональность, Отечество); 5) реалии (статуя Родина-мать, церковь Покрова на Нерли); 6) известные личности (Л. С. Выготский, И. В. Курчатов, А. С. Попов, И. Е. Репин, Е. П. Глинка); 7) литературные персонажи (Петр Гринев, Данко).

Лингвострановедческая лексика в курсе «Основы российской государственности» помогает студентам не только освоить терминологию, но и глубже понять культурные и исторические корни становления современной России.

Анализ программ показывает, что лингвострановедческая компетенция у студентов-иностранцев на программах бакалавриата негуманитарного направления формируется системно

и междисциплинарно. Включение лингвострановедческой лексики и культурных реалий в содержание общеобразовательных дисциплин, в том числе философии, основ государственности и безопасной жизнедеятельности, обеспечивает не только освоение терминологического аппарата, но и глубокое понимание российской социокультурной среды.

Выявленные в ходе анализа лексические единицы, не входящие в обязательный минимум, но значимые для иностранных студентов, свидетельствуют о необходимости постоянного обновления и адаптации учебных материалов к современным реалиям. Такой подход способствует формированию у обучающихся не только профессиональных, но и общекультурных компетенций, что отвечает требованиям ФГОС.

Библиографический список

1. Алексеев, П. В. Философия : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. / П. В. Алексеев, А. В. Панин. — М. : ТК Велби; Издательство Проспект, 2015. — 608 с.
2. Ашурова, Т. М. Место лингвострановедения в современной лингводидактике / Т. М. Ашурова // Вестник Педагогического университета. — 2020. — № 4. — С. 80–88.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М. : Русский язык, 1983. — 269 с.
4. Винокурова, М. А. Лингвострановедение : учебно-методическое пособие / М. А. Винокурова. — Барнаул : АлтГПУ, 2024. — 80 с.
5. Гуляков, А. Д. Основы российской государственности : учебник / А. Д. Гуляков. — М. : РИОР; ИНФРА-М, 2026. — 266 с.
6. Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета ; под. науч. ред. И. Ю. Тархановой. — Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. — 383 с.
7. Мамалова, Х. Э. Понятие компетенции в стандартах высшего профессионального образования / Х. Э. Мамалова, А. О. Плиева, А. Б. Журтов // Проблемы современного педагогического образования. — 2021. — № 71–2. — С. 238–241.
8. Оценка универсальных компетентностей как результатов высшего образования. Аналитический доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / С. М. Авдеева, П. В. Гасс, Е. Ю. Карданова, Ю. Н. Корешникова, А. А. Куликова, Е. А. Орел, Т. В. Пащенко, П. С. Сорокин. — М. : НИУ ВШЭ, 2021. — 52 с.
9. Словарь философских понятий для студентов всех форм обучения / сост. С. В. Краснов. — Самара : Самарск. гос. экон. акад., 2018. — 137 с.
10. Смирнов, А. Т. Безопасность жизнедеятельности : учебное пособие / А. Т. Смирнов, М. А. Шахрамьян, Р. А. Дурнев, Н. А. Крючек. — М. : Дрофа, 2009. — 375 с.
11. Харичев, А. Д. Основы российской государственности / А. Д. Харичев, А. В. Полосин, А. В. Селезнев. — М. : РАНХиГС, 2024. — 448 с.
12. Шрага, М. Х. Социальная безопасность (безопасность жизнедеятельности людей) : учебное пособие / М. Х. Шрага. — Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет, 2014. — 280 с.

Создание тематического учебного словаря «Путешествия» для уровня А2

Соснина А. Д.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Редькина О. Ю. (ЧелГУ)

Разработка и внедрение современных тематических словарей для изучающих русский язык как иностранный (РКИ) является актуальной задачей. Целью исследования является моделирование тематического учебного словаря «Путешествия» для уровня А2. В рамках исследования мы охарактеризовали лексико-семантическую группу «Путешествие» по лексическим и грамматическим параметрам и сформировали словарные статьи.

Ключевые слова: РКИ, учебный словарь, лексико-семантическая группа.

Сложность изучения русского как иностранного заключается в том, что инофон знакомится с обширным пластом лексики, причем чем ниже уровень владения языком, тем большее количество слов оказывается в активном словаре обучающегося. Эффективное усвоение лексики требует систематического подхода. Овладеть лексической компетенцией — значит понимать и знать словарный состав языка, включающий лексические и грамматические элементы, а также способность их использования в речи. По мнению Н. Д. Гальсковой, важно не просто заучивать отдельные слова, а понимать их взаимосвязи, видеть общие закономерности в языке¹. Здесь на помощь приходят тематические словари, которые объединяют слова по смыслу и грамматическим признакам. Таким образом, разработка и внедрение современных тематических словарей для изучающих РКИ является актуальной и важной задачей.

Целью исследования является моделирование тематического учебного словаря «Путешествия» для уровня А2. При определении лексического значения мы использовали «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова². При определении синонимов к данному слову использовался «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова³. Для создания словарной статьи мы отобрали слова из групп «Путешествие, туризм»,

«Транспорт, поездки» «Лексического минимума по русскому языку как иностранному. Базовый уровень»⁴. Эти группы мы объединили в одну и назвали её «Путешествие». В данной группе с точки зрения количества лексических значений преобладает полисемантическая лексика, с прямым денотативным значением (42 лексемы). С точки зрения системных отношений в лексике преобладают лексемы, у которых нет синонимов (34 лексемы) и антонимов (47 лексем). С точки зрения наличия стилистических особенностей существенно преобладает лексика с нейтральной коннотацией (61 лексема). Все описанные категории необходимо учитывать, выбирая способ семантизации при составлении словарной статьи.

Мы также охарактеризовали грамматические параметры, на которые необходимо обратить внимание при формировании словаря и выяснили, что с точки зрения частеречной принадлежности представлены практически в равной мере существительные (28 лексем) и глаголы (33 лексемы), а прилагательные отсутствуют. В грамматической категории имен существительных в семантической группе преобладают неодушевленные существительные (27 лексем), а также слова мужского (13 лексем) и женского рода (11 лексем). В грамматической категории глаголов семантическая группа практически в равной мере представлена глаголами совершенного вида (14 лексем) и глаголами несовершенного вида (18 лексем). Преобладают непереходные глаголы (27 лексем). В грамматической категории наречий семантическая группа представлена наречиями, производящая основа которых не была изучена на элементарном уровне. В целом с точки зрения

¹ Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений . М., 2006. 336 с.

² Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. 1534 с.

³ Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1994. 499 с.

⁴ Андрушина П. Н., Козлова Т. В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение. СПб., 2014. 94 с.

наличия производящей основы в группе одинаково представлены непроизводные (34 лексемы) и производные (29 лексем) слова, причем в минимум входят как производные слова, так и производящая основа, что позволяет сформировать словообразовательные гнезда. При этом с точки зрения грамматической сочетаемости преобладают глаголы с особенностями связей слов в словосочетании. Среди них больше всего лексики, которая управляет В. п. в конструкциях *в/на* в значении «направление движения» и Р. п. в конструкциях *из/с/от* в значении «пункт движения».

Таким образом, проведенное исследование позволило определить ключевые параметры для формирования тематического словаря «Путешествия» на уровне А2, учитывающие как семантические особенности лексики, так и грамматические характеристики.

Словарная статья должна быть представлена в следующем виде:

1. Заглавное слово. Оно приводится в начальной форме, сопровождается ударением, а в случае произносительной сложности — транскрипцией¹.

2. Грамматическая информация, то есть указание на частеречную принадлежность и основные грамматические категории, которые должны быть представлены лаконично, в виде вопроса к лексеме.

3. Семантизация. Это могут быть иллюстрации (рисунки, фотографии), синонимы, антони-

¹ Редькина О. Ю. Интерактивный словарь в обучении фонетике, графике и лексике инофонов // Информационно-коммуникационные и интерактивные технологии в обучении иностранных студентов. Сборник научно-методических трудов. Иркутск, 2021. С. 53–65.

Библиографический список

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: ок. 5000 синонимич. рядов; 20 000 синонимов / Н. Абрамов. — М. : Русские Словари, 1994. — 499 с.
2. Андрюшина, П. Н. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина, Т. В. Козлова. — СПб. : Златоуст, 2014. — 80 с.
3. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова. — М. : Академия, 2006. — 336 с.
4. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998. — 1534 с.
5. Редькина, О. Ю. Интерактивный словарь в обучении фонетике, графике и лексике инофонов / О. Ю. Редькина // Информационно-коммуникационные и интерактивные технологии в обучении иностранных студентов. Сборник научно-методических трудов. — Иркутск : Иркутский гос. ун-т, 2021. — С. 53–65.

Рис. 1. Иллюстрация словарной статьи

мы, выявление морфемной структуры, соотношение с производящей основой либо знакомыми производными словами.

4. Лексические связи, то есть родовые / видовые понятия — при наличии.

5. Грамматические связи — в виде представления словоформ в разных грамматических конструкциях.

Таким образом, мы выделили следующую методику составления словарной статьи. Слова из группы «Путешествие» мы разделили на группы, исходя из частеречной принадлежности. Затем определили способ семантизации: для существительного — иллюстрация, для глагола — GIF; для наречия — синонимы и антонимы. Далее подбирали пример на основе учебников и, если это было возможно, синонимы и гипероним. Последний этап — оформление и редактирование. Пример словарной статьи представлен на рис. 1.

При моделировании учебного тематического словаря мы исходили из того, что его цель — не только семантизация лексической единицы, но и выстраивание связей этой единицы с другими единицами языка и грамматическая характеристика.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Использование сериалов для формирования навыка аудирования при подготовке к ЕГЭ по английскому языку в старших классах (на примере сериалов «Phil of the Future», «Drake and Josh», «Girl Meets World»)

Ильиных О. Д.

*Челябинский государственный университет
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Минина Е. И. (ЧелГУ)

В статье рассматривается проблема подготовки старшеклассников к разделу «Аудирование» ЕГЭ по английскому языку. Обосновывается необходимость использования аутентичных видеоматериалов для преодоления разрыва между учебными аудиозаписями и реальной спонтанной речью. Выявлены преимущества телесериалов как дидактического инструмента. Предложена трехуровневая методика работы с сериалами «Phil of the Future», «Drake and Josh», «Girl Meets World», включающая этапы предпросмотра, просмотра и последующей работы, а также система упражнений, ориентированных на форматы заданий ЕГЭ.

Ключевые слова: аудирование, ЕГЭ, английский язык, аутентичные сериалы, старшие классы, методика, экзаменационная подготовка.

Аудирование является одним из самых сложных разделов ЕГЭ по английскому языку. Оно требует не только владения лексикой и грамматикой, но и развитых когнитивных стратегий: вероятностного прогнозирования, оперативной памяти, устойчивости к стрессу и умения работать с однократно предъявляемой информацией¹. Традиционные учебные аудиоматериалы часто адаптированы: речь в них замедлена, лишена естественных пауз, акцентов и эмоциональной окраски. Это создает разрыв между подготовкой и реальными условиями экзамена, где используются образцы спонтанной речи носителей языка².

Цель исследования — обосновать и разработать методику использования аутентичных телесериалов для формирования аудитивных навыков при подготовке к ЕГЭ. Задачи: определить критерии отбора видеоматериалов, выявить преимущества сериалов перед другими форматами, предложить систему упражнений, соответствующую типам заданий экзамена.

Критерии отбора аутентичных видеоматериалов включают: аутентичность (материал создан

носителями для носителей), лингвистическую доступность (уровень B1–B2 по CEFR), мотивационный потенциал (лично значимые для подростка темы), техническое качество звука, структурно-временную пригодность (длительность фрагмента 2–5 минут) и возможность интеграции в учебный процесс³.

Преимущества телесериалов перед полнометражными фильмами или учебными видео: эпизодичность (дозирование материала), протяженность (погружение в языковую среду), повторяемость речевых ситуаций (естественное закрепление), аутентичность диалогов (разные акценты, темпы, идиомы), визуальная поддержка (мимика, жесты, артикуляция) и высокий вовлекающий потенциал⁴.

В качестве образцов выбраны три американских ситкома:

1. «Phil of the Future» (2004–2006) — умеренно-быстрый темп, четкая артикуляция, лексика по темам «семья», «школа», «технологии». Юмор на языковой игре развивает умение распознавать имплицитную информацию.

¹ Гончар, И. А. Аудема как единица обучения аудированию иноязычного текста / И. А. Гончар // Педагогические технологии. Филологический класс. 2021. № 3 (33). С. 51–55.

² Бояркина Л. М., Боброва А. В. Использование видеоматериалов при обучении аудированию на уроке английского языка // Научное обозрение. 2018. № 4. С. 12–17.

³ Гусева А. А., Калинина Е. А. Подкасты для развития навыков говорения и аудирования на уроках английского языка // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2020. № 12. С. 177–181.

⁴ Конышева Ю. Р. Видеоматериалы в современной системе обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 60–2. С. 204–208.

2. «Drake and Josh» (2004–2007) — высокая скорость речи, эмоциональность, обилие междометий и фразовых глаголов. Тренирует восприятие бытовых диалогов с конфликтными и комическими интонациями.

3. «Girl Meets World» (2014–2017) — умеренный темп, аргументированные монологи, абстрактная лексика (дружба, честность, выбор). Готовит к пониманию развернутых высказываний и имплицитных смыслов.

Этапы работы с сериалом на уроке:

1. Предпросмотровый этап — снятие языковых трудностей (8–12 ключевых слов/идиом), активизация фоновых знаний, формулировка коммуникативной задачи (например, «определите, верны ли утверждения»).

2. Просмотровый этап — двукратное предъявление фрагмента (без пауз — для общего понимания, с остановками — для детального). Выполнение заданий на *gist*, *specific information* или *full comprehension*.

3. Последующий этап — проверка ответов, анализ ошибок, обсуждение языковых особенностей (фразовые глаголы, интонация), ролевая игра, написание резюме или пересказ¹.

Система упражнений, ориентированная на типы заданий ЕГЭ:

I. Понимание основного содержания (аналог задания 1 ЕГЭ).

Пример (сериал «Girl Meets World», сцена обсуждения проекта). Задание: You will listen to a conversation. Determine the main problem. Choose one of three options: 1) uneven distribution of responsibilities; 2) loss of materials; 3) conflict over topic. (Правильный ответ — 1).

II. Установление соответствия (аналог задания 2 ЕГЭ).

Пример (сериал «Drake and Josh», диалог о пропавшем питомце). Задание: Match each speaker (Drake, Josh, Mom) with their position (1–5). 1) wants to wait; 2) suggests checking the yard; 3) blames the other; 4) calls the shelter; 5) stays calm.

III. Полное понимание (True/False/Not Stated, аналоги заданий 3–9).

Пример (сериал «Phil of the Future», объяснение работы устройства). Задание: Listen and mark T/F/NS. 1) The device was damaged during an experiment (T). 2) A spare part from the future is needed (T). 3) It can be replaced with a modern equivalent (F). 4) Mother knows where spare parts are hidden (NS). 5) Father fears attracting neighbors' attention (F — he fears the authorities).

IV. Интегративные упражнения — заполнение пропусков в монологе, восстановление перемешанных реплик диалога, выписывание фразовых глаголов с последующим составлением своих примеров, прогнозирование развития сцены с опорой на интонацию и мимику².

Все задания снабжены эталонными ответами и критериями оценивания (например, за каждое верное соответствие — 1 балл, ошибка в различении False и NS штрафует).

Предложенная методика позволяет не только целенаправленно тренировать экзаменационные форматы, но и развивает подлинную способность понимать живую английскую речь, повышает мотивацию и расширяет социокультурный кругозор учащихся. Систематическая работа с сериалами в рамках трехэтапной модели готовит старшеклассников к восприятию спонтанной речи с разными акцентами и темпами, что является ключевым фактором успешной сдачи раздела «Аудирование» ЕГЭ.

² Букин А. В., Буянов Д. В., Киреев Н. М., Отарова Е. Н. Характеристика аудирования как вида речевой деятельности // Материалы X Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018008186> (дата обращения: 26.12.2025).

¹ Земляненко Н. В. Использование аутентичных трейлеров фильмов и сериалов // Наука в жизни человека. 2024. № 3. С. 110–122.

Библиографический список

- Бояркина, Л. М. Использование видеоматериалов при обучении аудированию на уроке английского языка / Л. М. Бояркина, А. В. Боброва // Научное обозрение. — 2018. — № 4. — С. 12–17.
- Гончар, И. А. Аудема как единица обучения аудированию иноязычного текста / И. А. Гончар // Педагогические технологии. Филологический класс. — 2021. — № 3 (33). — С. 51–55.
- Гусева, А. А. Подкасты для развития навыков говорения и аудирования на уроках английского языка / А. А. Гусева, Е. А. Калинина // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. — 2020. — № 12. — С. 177–181.
- Коньшева, Ю. Р. Видеоматериалы в современной системе обучения аудированию на уроках английского языка в школе / Ю. Р. Коньшева // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — № 60–2. — С. 204–208.
- Земляненко, Н. В. Использование аутентичных трейлеров фильмов и сериалов как инструмента повышения мотивации и развития навыков прогнозирования на уроках английского языка / Н. В. Земляненко // Наука в жизни человека. — 2024. — № 3. — С. 110–122.
- Букин, А. В. Характеристика аудирования как вида речевой деятельности / А. В. Букин, Д. В. Буянов, Н. М. Киреев, Е. Н. Отарова // Материалы X Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018008186> (дата обращения: 26.12.2025).

Использование рассказов для детей на уроках английского языка в 5–6 классах

Киселева М. А.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Борисенко Т. В. (ЧелГУ)

В статье рассматривается использование детских рассказов на уроках английского языка в 5–6 классах. На основе анализа требований Федеральной рабочей программы и типовых заданий ВПР формулируются критерии отбора текстов. Представлены шесть рассказов и комплекс упражнений на примере «Dick Whittington», включающий дотекстовые, текстовые и послетекстовые задания. Материалы направлены на развитие речевых навыков, навыков грамматики и лексики и могут применяться на уроках и во внеклассной работе.

Ключевые слова: *детские рассказы, английский язык, ВПР, обучение чтению, дидактические материалы.*

Цель работы состоит в том, чтобы разработать и теоретически обосновать комплекс упражнений на основе рассказов для использования на уроках английского языка в 5–6 классах. Актуальность исследования обусловлена тем, что использование детских рассказов на уроках английского языка способствует усвоению культурных особенностей страны изучаемого языка, развитию всех видов речевой деятельности и творческих способностей.

Как отмечает Е. Н. Соловова, чтение — это важный и сложный навык, состоящий из восприятия и понимания текста¹. Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез указывают, что наиболее предпочтительный формат текста для работы на уроках иностранного языка — рассказ, поскольку его объём позволяет изучить произведение в рамках одного урока².

Ключевым в теоретическом плане является выделение этапов работы с текстом: дотекстовый этап, текстовый этап и послетекстовый этап. Что касается практического аспекта использования рассказов, важно, чтобы разработанные на их основе упражнения соответствовали образовательным стандартам и реальным потребностям школьников. В связи с этим мы изучили требования Федеральной рабочей программы (ФРП) к предметным результатам и проанализировали актуальные контрольно-измерительные материалы (на примере заданий для подготовки к ВПР).

¹ Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций : пособие для студентов пед. вузов и учителей, М., 2005. С. 149.

² Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М., 2005. С. 239.

В качестве материалов для анализа мы использовали задания, вошедшие в февральские тренировочные варианты на сайте «Сдам ГИА: решу ВПР»³. Всего нами было рассмотрено 96 заданий всех типов. Так, нам удалось выявить темы, которые часто встречаются в вариантах для подготовки и которые наиболее часто вызывают трудности.

В тренировочных вариантах для 5 класса преобладали тексты, связанные с досугом и увлечениями современного подростка, а также со школьной жизнью детей и их окружением. В 6-м классе часто встречаются материалы, посвящённые культуре и другим особенностям родной страны и стран изучаемого языка.

Анализ грамматического содержания заданий позволил выделить несколько важных особенностей. В заданиях для 5-го класса преобладают времена группы Simple. В заданиях для 6-го класса набор времен расширяется (Past Simple, Present Perfect).

В результате изучения содержания Федеральной рабочей программы и анализа материалов для подготовки к ВПР мы сформулировали критерии отбора детских рассказов для использования на уроках английского языка в 5–6-х классах: 1) доступность языкового материала для данного этапа обучения, т. е. тексты могут быть адаптированы при необходимости; 2) оптимальный объём, позволяющий прочитать рассказ и выполнить упражнения к нему в течение одного-двух уроков; 3) наличие эмоционального или проблемного компонента, способного

³ Сдам ГИА решу ВПР. Образовательный портал для подготовки к экзаменам. URL: <https://vpr.sdangia.ru/> (дата обращения: 26.06.2026).

вызвать интерес и способствовать обсуждению; 4) воспитательная и культурная ценность рассказа; 5) соответствие тематики рассказа теме/темам, указанным в ФРП; 6) наличие в тексте изучаемых или повторяемых грамматических структур и лексики.

На основе выдвинутых критериев нами было отобрано 6 рассказов, которые соответствуют тематическому содержанию ВПР и ФРП для 5–6-х классов. Для 5 класса были выбраны следующие рассказы:

«Let's go on a litter hunt!» Sue Adams, повествующий о том, как семья наводит порядок и убирает мусор во дворе¹. Подходит для работы в рамках тематических блоков о семье и досуге подростков.

«School trip», опубликованный на сайте BBC Learning English в разделе Stories for Children. Повествует о школьной поездке в зоопарк, которая пошла не по плану². История может использоваться при изучении тем, посвященных досугу детей, их семье и школьной жизни.

«Football match», также размещенный на сайте BBC. В тексте описывается история первого футбольного матча школьника Джо, которого поддерживали сестра и бабушка³. Рассказ соответствует блокам, посвященным увлечениям современных подростков и семейным ценностям.

Повествование преимущественно строится в Present Simple Tense и Past Simple Tense.

Для работы в 6 классе нами были отобраны рассказы:

«How to catch an Easter bunny» Jade Maitre о том, как мальчик строит необычные планы на Пасху⁴. Может использоваться в рамках занятий, посвященных национальным праздникам родной страны и стран изучаемого языка.

«George and the dragon», размещенный на сайте British Council Kids в разделе Short Stories, знакомит обучающихся с одним из важнейших для британской культуры мифов о святом покровителе

Англии⁵. Рассказ может использоваться при изучении культурных особенностей и традиций Великобритании.

«Dick Whittington», опубликованный там же, написан по мотивам традиционной британской истории, которая легла в основу широко известной одноименной пантомимы⁶. История подходит для обучения в рамках тематических блоков о культурных особенностях, традициях и выдающихся людях Великобритании.

Повествование преимущественно строится в Past Simple Tense и Present Simple Tense, расширяется разнообразие грамматических конструкций.

В рамках нашей работы допускается адаптация некоторых частей рассказа (замена грамматических конструкций на более соответствующие программе, замена некоторых лексических единиц синонимами) для лучшего понимания текста обучающимися и соответствия текстов ФРП для конкретного класса.

В результате исследования были разработаны дидактические материалы (комплексы заданий) к двум текстам: «School trip» и «Dick Whittington». В качестве примера представим одну из наших разработок на основе рассказа «Dick Whittington» может быть использована в рамках изучения блока «Родная страна и страна (страны) изучаемого языка», поскольку ученики узнают о британской народной легенде, рождественской традиции посещения семейных представлений (пантомим) и важной исторической личности, прообразе главного героя рассказа — Ричарде Уиттингтоне.

Урок включает следующие этапы и задания:

На предтекстовом этапе ученики:

1. Обсуждают цитату Бенджамина Дизраэли «Diligence is the mother of good luck», связанную с темой рассказа (трудолюбие). Чтобы ученикам было проще выразить свои мысли, даны опорные слова; также допускается перевод с русского на английский при помощи учителя.

2. Работают с ключевыми словами: соединяют английские слова с их русским переводом. Эти слова будут использоваться в дальнейшей работе. Затем ученикам предоставляется возможность проверить, правильно ли они выполнили задание.

3. Просматривают несколько предложений с пропусками и предполагают, какое слово там может быть. Прочитав текст, сравнивают свой вариант предложения с оригинальным текстом и оценивают, насколько их догадка была близка.

⁵ British Council: Learn English Kids. Short stories. URL: <https://learnenglishkids.britishcouncil.org/listen-watch/short-stories> (дата обращения: 25.02.2026).

⁶ Там же.

¹ Storyberries: Free Kids Books and Stories. URL: <https://www.storyberries.com/> (дата обращения: 26.02.2026).

² BBC Learning English: Stories for Children. URL: <https://www.bbc.co.uk/learningenglish/english/features/childrens-stories> (дата обращения: 25.02.2026).

³ BBC Learning English: Stories for Children. URL: <https://www.bbc.co.uk/learningenglish/english/features/childrens-stories> (дата обращения: 25.02.2026).

⁴ Storyberries. URL: <https://www.storyberries.com/storybooks-online-how-to-catch-an-easter-bunny-bedtime-stories-free-kids-audio-books/> (дата обращения: 26.06.2026).

В ходе текстового этапа ученики знакомятся с историей, работают с получившимся глоссарием, ищут слова для 3-го задания.

На послетекстовом этапе выполняются следующие задания:

1. «Правда или ложь». Учащимся дано 5 утверждений, им нужно определить, какие из них верны, а также исправить неверные. Содержит элемент типового задания ВПР № 1.

2. Выбор правильных ответов на вопросы о сюжете рассказа. Типовое задание ВПР.

3. Задание на развитие лексических навыков включает несколько предложений с пропусками, которые ученики должны заполнить словами из упражнения 2, опираясь на контекст предложений.

4. Упражнение на развитие грамматических навыков составлено по типу задания типа 3 ВПР.

5. Задание «Письмо другу» построено в соответствии с заданием типа 4 ВПР.

6. В креативном задании учащимся предлагается написать историю от лица кота Дика Уиттингтона: о том, как он помогал Дику, путешествовал на корабле, а затем наслаждался жизнью кота лорд-мэра.

7. В завершение занятия ученикам предлагается поиграть в шарады. Это отсылает нас к пантомимам, актеры которых показывают различные истории без слов.

Спроектированные материалы соответствуют выделенным ранее критериям. Разработанные комплексы заданий имеют практическую ценность, поскольку могут использоваться в рамках нескольких уроков английского языка или на внеклассных занятиях.

Библиографический список

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., испр. / Н. Д. Гальскова, Н. Н. Гез. — М. : Академия, 2005. — 333 с.

2. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций : пособие для студентов педагогических вузов и учителей / Е. Н. Соловова. — М. : АСТ: Астрель, 2008. — 238 с.

Стрип-комиксы как средство формирования лексического навыка на уроках английского языка в 9 классе

Копылова Е. А.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Двинина С. Ю. (ЧелГУ)

В данной статье рассматривается потенциал стрип-комиксов как инструмента по формированию лексических навыков в 9-м классе. Приведены психолого-педагогические особенности учащихся среднего школьного возраста. Рассмотрены этапы работы над лексикой. Созданы собственные стрип-комиксы, отвечающие задачам и основанные на темах УМК. Описан процесс создания стрип-комиксов с использованием искусственного интеллекта. Разработана система упражнений с их использованием для формирования лексического навыка. Описан педагогический эксперимент на основе созданных стрип-комиксов и упражнений, а также приведены результаты эксперимента. Несмотря на внешние факторы, учащиеся экспериментальных классов показали более высокий уровень сформированности лексического навыка. Они также проявляли большую заинтересованность в учебном материале.

Ключевые слова: *стрип-комикс, лексический навык, формирование лексических навыков, обучение иностранному языку.*

В Российской Федерации иностранные языки являются неотъемлемой частью школьной программы. Основной целью иноязычного обучения по ФГОС является не просто овладение иностранным языком, но формирование коммуникативной компетенции у обучающихся, одной из важнейших составляющих которой являются лексические навыки. Однако у многих учащихся, включая учеников 9-х классов, достаточно часто лексические навыки сформированы недостаточно, что объясняется возрастными особенностями подростков, а также сниженной мотивацией к учению в общем, а также к выполнению типовых упражнений из учебников.

Актуальность нашей работы заключается в необходимости поиска таких приёмов обучения иностранному языку, которые могли бы сделать процесс формирования лексических навыков более результативным и увлекательным, повысить мотивацию учащихся к изучению языка, а также помочь им усваивать знания быстрее и легче. Стрип-комиксы, созданные с учетом интересов конкретной аудитории, могут стать инструментом, позволяющим обеспечить вовлеченность учащихся в процесс обучения, а их целенаправленное применение именно для формирования лексического навыка позволит дополнить ещё недостаточно разработанную методику применения стрип-комиксов в существующих исследованиях. Цель нашего исследования состояла в теоретическом обосновании и эмпирической оценке результативности применения авторских стрип-комиксов для развития лексического на-

выка на уроках английского языка в 9 классе. В соответствии с заданной целью нами был также поставлен ряд задач, решение которых представлено ниже.

Первой задачей было изучение психолого-педагогических особенностей учащихся среднего школьного возраста. Мы выяснили, что потребности, мотивы, а также интенсивность эмоциональных реакций проявляются у подростков с особой силой ввиду сопутствующих изменений как в физиологии, так и в их психической сфере. Потребность подростков в эмоциональном насыщении значительно выше, чем у взрослых, и очень часто это сопровождается неосознанным желанием сохранить ту или иную переживаемую эмоцию. Благодаря этому влияние внешней мотивации к учению отходит на второй план, а главенствующее место занимает внутренняя мотивация самого обучающегося. Учебные интересы этого возраста становятся более устойчивыми и приобретают личностный характер. Л. И. Божович пишет, что «этот личностный характер выражается в том, что интерес перестает быть эпизодическим, а становится как бы присущим самому ребенку и независимо от ситуации начинает побуждать его к активному поиску путей и средств своего удовлетворения»¹. Это приводит к тому, что новой задачей преподавателя становится подкрепление этого внутреннего интереса учащихся к предмету познания.

¹ Божович Л. И., Благоннадежина Л. В. Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972. С. 27.

На следующем этапе мы рассмотрели понятие лексического навыка и особенности его формирования у учащихся основной школы. Э. Г. Азимов так определяет лексический навык — «автоматизированное действие по выбору лексической единицы адекватно замыслу и в соответствии с нормами сочетания с другими единицами в продуктивной речи, а также автоматизированное восприятие и ассоциирование со значением в рецептивной речи»¹. Владение лексическим навыком предполагает умение выполнять следующие операции: вызывать слова, т. е. переводить лексические единицы из долговременной памяти в оперативную; сочетать лексические единицы с другими; определять адекватность и соответствие выбора и сочетания единиц в контексте ситуации. По классификации Н. Д. Гальсковой к основным этапам работы над лексикой относятся: 1) ознакомление с новым материалом (включая семантизацию); 2) первичное закрепление; 3) развитие навыков и умений использования лексики в разных формах устного и письменного общения².

Выбор наиболее подходящих способов семантизации словарных единиц зависит от особенностей самого слова и от специфики целевой аудитории и остается за преподавателем. В методике обучения иностранным языкам существуют различные способы семантизации, включая использование визуальных средств. А. А. Вербицкий понимает визуализацию следующим образом: «Процесс визуализации – это свертывание мыслительных содержаний в наглядный образ; будучи воспринятым, образ может быть развернут и служить опорой адекватных мыслительных и практических действий»³.

Третьей задачей в нашем исследовании стала разработка системы упражнений с использованием стрип-комиксов для формирования лексического навыка. Стрип-комикс по своей сути является одной из форм обычного комикса. Принципиальным отличием является формат: несколько кадров выстраивают горизонтально в ряд друг за другом либо по два кадра в два ряда. Стрип-комиксы могут служить дополнением к изучаемому материалу, а могут быть независимой единицей и использоваться для развития различных навыков и видов речевой деятельности.

¹ Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М., 2009. С. 121.

² Гальскова Н. Д., Василевич А. П., Коряковцева Н. Ф., Акимова Н. В. Основы методики обучения иностранным языкам : учебное пособие. М., 2017. С. 296.

³ Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., 1991. С. 113.

Основой для наших разработок стал лексический материал из учебно-методического комплекса «Английский язык. 9 класс» за авторством Ю. А. Комаровой, И. В. Ларионовой и Ф. Мохлина⁴. Темы были выбраны в связи с их актуальностью на момент проведения эксперимента. После отбора лексического материала создавался сюжет будущего комикса. Содержание должно было быть простым, логичным и приближенным к реальным коммуникативным ситуациям. Изображения, в свою очередь, создавались различными генеративными языковыми моделями, которым мы делали определенный запрос, а после изображения проходили ручную постобработку. В промпте мы использовали следующие ключевые слова: сгенерировать стрип-комикс, использовать прикрепленное изображение за основу, четыре панели горизонтально, мультяшный стиль. После этого мы писали буквальную раскадровку сценария комикса, то есть что должно происходить на каждой панели и какие при этом реплики должны быть у персонажей. Для каждой изучаемой темы создавался комплект комиксов, предполагающий использование на различных этапах работы с новой лексикой.

Так, одной из лексических тем стали устойчивые словосочетания с глаголами «say», «tell», «make», «take». В теме были представлены подобные целевые фразы: «say thank you», «tell the truth», «make a mistake», «take a risk» и др. Пример промпта для комикса по данной теме представлен ниже.

Пример: *Generate a strip-comic. It should be 4 horizontal frames. Use the man from the picture as the main character of the comic. Make it a cartoony style. Characters: C and a couple of people. Scene: near a broken bridge. Panel 1: C comes near the broken bridge. A couple of people are following him. C says: "I feel this is the right place." One person says: "Should we take a risk and go there?" Panel 2: One person goes on the bridge. C says: "Wait! You're making a mistake!" Panel 3: The person is still standing on the bridge. C says: "Let's say a prayer for him". Panel 4: The man returns from the bridge. C says: «Say thank you that you've returned».*

Четвертая задача — непосредственное проведение педагогического эксперимента. В эксперименте принимали участие три экспериментальные и одна контрольная группы. В каждой группе было по 15 человек. Педагогический

⁴ Английский язык. 9 класс. Книга для учителя / Ю. А. Комарова, И. В. Ларионова, Ф. Мохлин. М., 2015. С. 224.

эксперимент проходил в несколько этапов. На первом этапе нами был оценен первичный уровень сформированности лексического навыка на примере уже пройденной темы, а также проведено анкетирование учащихся с целью определения зоны их интересов. Мы попросили участников экспериментальных групп написать несколько своих любимых персонажей из различных источников массовой культуры, чтобы в дальнейшем использовать их в наших разработках.

На следующем этапе мы апробировали разработанные нами стрип-комиксы. Методика работы с ними строилась по тем же этапам, по которым формируется лексический навык: введение новой лексики в контексте готового комикса, выполнение подстановочных упражнений на первичное закрепление и, наконец, самостоятельное конструирование предложений с использованием целевых фраз. Отметим, что у учащихся нередко возникали проблемы с запоминанием именно словосочетаний; например, в представленной выше теме учащиеся нередко путали глаголы «say» и «tell» в соответствующих коллокациях, что связано со сложностью разграничения этих глаголов в целом. Тем не менее, благодаря системному подходу к изучению лексики, целенаправленному повторению и разбору ошибок, в большей степени нам удалось решать возникающие проблемы.

Последней задачей нашего исследования и финальным этапом педагогического эксперимента стала оценка результативности применения авторских стрип-комиксов на уроках английского языка. В течение эксперимента проводилось несколько срезов: вводный, по результатам освоения лексической темы и итоговый. Тестирования предполагали заполнение учащимися пропусков в предложениях подходящими по смыслу словами из пройденной темы. Таким образом мы проверяли не только то, насколько прочно закрепилась графическая форма слова в памяти учащихся, но и насколько сформировалась связь семантики слова с его графической формой. Для каждой группы рассчитывался средний показатель.

Перед проведением первой оценки работа с лексической темой шла исключительно по учебному пособию, без использования наших разработок. По итогам вводного среза мы получили следующие данные: 1) контрольная группа — 3,2; 2) экспериментальная группа 1 — 3,23; 3) экспериментальная группа 2 — 3,92; 4) экспериментальная группа 3 — 3,25.

Вышеприведённые результаты позволяют сделать вывод о том, что работа исключительно с учебником в данных группах позволила сформировать лексический навык учащихся на удовлетворительном уровне: верхний показатель не превысил отметки «4».

Сравнив результаты вводного и финального срезов, мы можем заключить, что итогами нашего педагогического эксперимента стала следующая динамика изменения средних показателей: 1) контрольная группа — 3,2–3,44; 2) экспериментальная группа 1 — 3,23–4,0; 3) экспериментальная группа 2 — 3,9–4,77; 4) экспериментальная группа 3 — 3,25–3,64.

По сравнению с вводным тестированием, все группы показали более высокие результаты. Так, в первой группе итоговый средний балл по сравнению с вводным тестированием вырос на 0,77, во второй — на 0,85, в третьей — на 0,39. Опираясь на результаты контрольной группы, в которой также прослеживается определенная динамика (итоговый балл был на 0,24 больше изначального), мы, тем не менее, можем сделать вывод: на формирование лексического навыка во многом влияют внешние факторы, такие как уровень мотивации учащихся, личная заинтересованность в теме, физическое и психическое состояние и т. д. Эти внешние факторы дают погрешность примерно в 0,27 балла. Тем не менее, даже с учетом этой погрешности учащиеся экспериментальных классов показали более высокий уровень сформированности лексического навыка по сравнению с первичным тестированием, лексики для которого подавалась без использования стрип-комиксов, а также с контрольной группой, в которой также не использовались наши разработки. Это объясняется тем, что стрип-комиксы задействуют одновременно зрительный и вербальный каналы восприятия, что способствует лучшему удержанию лексики в долговременной памяти. В целом учащиеся экспериментальных групп проявляли большую заинтересованность в учебном материале и активнее участвовали в образовательном процессе.

Таким образом, использование стрип-комиксов в качестве визуализации учебного материала может быть достаточно результативным инструментом не только для повышения интереса к урокам английского языка, но и языку, к культуре и истории англоязычных стран, так как они позволяют моделировать аутентичные ситуации общения с использованием привычных для аудитории персонажей. Дальнейшие исследования в этой области представляются нам возможными.

На следующем этапе мы планируем охватить более широкий тематический список и дополнить наши разработки новыми, более разнообразными материалами, которые преподаватели могли бы включить в иноязычный образовательный про-

цесс. Кроме того, следующее наше исследование будет посвящено изучению влияния использования стрип-комиксов на уроках английского языка на формирование грамматических навыков у учащихся той же возрастной категории.

Библиографический список

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. — М. : Издательство ИКАР, 2009. — 448 с.
2. Английский язык. 9 класс. Книга для учителя / Ю. А. Комарова, И. В. Ларионова, Ф. Мохлин. — М. : Русское слово, 2015. — 224 с.
3. Божович, Л. И. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Л. И. Божович, Л. В. Благондежина. — М. : «Педагогика», 1972. — 349 с.
4. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе : контекстный подход. Метод. пособие / А. А. Вербицкий. — М. : Высш. шк., 1991. — 207 с.
5. Гальскова, Н. Д. Основы методики обучения иностранным языкам : учебное пособие / Н. Д. Гальскова, А. П. Василевич, Н. Ф. Коряковцева, Н. В. Акимова. — М. : КНОРУС, 2017. — 390 с.

Использование игровых методов обучения на уроках английского языка на среднем этапе (5–9 классы)

Могиленец В. А.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Минина Е. И. (ЧелГУ)

В статье рассматривается использование игровых методов обучения английскому языку на среднем этапе обучения (5–9 классы). На основе анализа психолого-педагогических особенностей подросткового возраста и теоретических исследований (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Е. И. Пассов) обосновывается, что игровые методы могут создавать условия для естественной иноязычной коммуникации, активизации лексико-грамматического материала и формирования учебного интереса. Представлены три авторские методические разработки игровых уроков («Нераскрытое дело», «Галактический баттл», «Загаданное слово») с подробным описанием целей, этапов проведения и критериев оценивания. Для каждой игры прописаны цели, этапы и критерии оценки. Эти сценарии в практике могут использовать учителя английского языка.

Ключевые слова: *игровые методы обучения, английский язык, средний этап обучения, подростковый возраст, методические разработки, ролевая игра.*

Современные требования к уровню владения английским языком в школе постоянно повышаются. При этом средний этап обучения (5–9 классы) характеризуется рядом психолого-педагогических особенностей: переход от наглядно-образного к абстрактно-логическому мышлению, потребность в самоутверждении и признании со стороны сверстников, эмоциональная неустойчивость. Всё это накладывается на период, когда у многих школьников пропадает интерес к учёбе. Поэтому учителя ищут такие приёмы, которые бы держали внимание учеников и давали возможность говорить на языке естественно, а не только по учебнику.

Если посмотреть научную литературу, то видно, что игровые методы обучения иностранным языкам прошли путь от вспомогательного и развлекательного элемента до признанной педагогической технологии. Фундаментальные работы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и Д. Б. Эльконина рассматривают игру как ведущую деятельность, создающую «зону ближайшего развития»¹. Во второй половине XX в. с развитием коммуникативного подхода (Е. И. Пассов, Г. В. Рогова) игра начинает использоваться для моделирования ситуаций реального общения². На современном этапе, как отмечают исследователи, игра не должна быть самоцелью, она обязательно должна встраиваться в учебный

процесс и иметь чёткие дидактические задачи³. Психолого-педагогические особенности подростков определяют специфику применения игровых методов на среднем этапе. В. И. Ковалёв отмечал, что устойчивый интерес к предмету возникает постепенно, по мере накопления знаний, а его отсутствие может вести к формализму в усвоении материала⁴.

Исходя из этого, игра на среднем этапе должна отвечать следующим требованиям: включать элементы проблемности и анализа, ориентироваться на групповое взаимодействие, создавать психологически безопасную среду для преодоления языкового барьера и завершаться рефлексией. На основе этих теоретических положений были разработаны три игровых урока, которые могут быть использованы учителями английского языка в практической работе.

Ролевая игра «Нераскрытое дело». Сюжет: пропажа школьного талисмана. Учащиеся выступают в ролях детективов, свидетелей, подозреваемых. Цели: развитие спонтанной диалогической речи, активизация лексики, отработка вопросов в Past Simple и модальных глаголов. Игра включает в себя вводную часть, лексико-грамматическую подготовку, распределение ролей, серию вопросов, построение версий и рефлексия. Критерии оценивания: активность, качество речи, логичность версии, работа в команде. Эмоциональная

¹ Выготский Л. С. Психология развития ребёнка. М., 2004. С. 208.

² Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М., 1991. С. 223.

³ Рябус И. М. От игры до геймификации в условиях цифрового образования. М., 2021. С. 56.

⁴ Ковалев В. И. Мотивы поведения и деятельности. Азовский район, 1988. С. 191.

вовлечённость в расследование позволяет снизить языковой барьер, а элемент тайны поддерживает интерес на протяжении всего урока.

Командная игра «Галактический батл». Класс делится на экипажи космических кораблей. Типы заданий: лексический раунд (назвать слова по теме), грамматический раунд (исправить ошибку), коммуникативный раунд (разыграть диалог, выразить мнение). Добавлены «космические препятствия» (метеоритный дождь, встреча с инопланетянами). Игра направлена на развитие навыков быстрого принятия решений, командного взаимодействия и использования английского языка как инструмента для достижения общей цели.

Игра на скорость реакции «Загаданное слово». У каждого ученика карточка с одинаковыми словами, расположенными в разном порядке. «Загадчик» называет слово; пока остальные ищут

его на своих карточках, «загадчик» заполняет пустые клетки. Игра обеспечивает многократное визуальное и аудиальное повторение лексики, способствуя переводу её из пассивного запаса в активный, а также развивает концентрацию и быстроту реакции.

Таким образом, на основе теоретического анализа можно сделать вывод, что игровые методы на среднем этапе обучения английскому языку обладают потенциалом. Успешная игра — это не просто развлечение, а социально ориентированная проблемная задача, которая позволяет применить языковые знания в условиях, приближенных к реальности, и удовлетворить возрастные потребности подростков в общении и самоутверждении. Представленные методические разработки могут быть рекомендованы учителям английского языка для использования на уроках в 5–9 классах.

Библиографический список

1. Выготский, Л. С. Психология развития ребёнка / Л. С. Выготский. — М. : Эксмо. 2004. — 208 с.
2. Ковалев, В. И. Мотивы поведения и деятельности / В. И. Ковалев. — М. : Наука, 1988. — 191 с.
3. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. — М. : Просвещение, 1991. — 223 с.
4. Рябус, И. М. От игры до геймификации в условиях цифрового образования. Методические рекомендации / И. М. Рябус. — Азовский район : [б. и.], 2021. — 36 с.

Использование мнемотехнических приемов в обучении иностранному языку школьников 7-х классов

Чернорецкая Е. А.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Шелховская М. Р. (ЧелГУ)

В статье рассматриваются возможности использования мнемотехнических приемов для обучения английскому языку учащихся 7-х классов. На основе анализа психолого-педагогической литературы описаны возрастные особенности памяти подростков 12–13 лет, обоснована целесообразность применения ассоциативных методов. Представлен комплекс мнемотехник (фонетические ассоциации, рифмовка, метод Цицерона, буквенный код, создание историй), адаптированных к программе «Spotlight-7». Результаты педагогического эксперимента демонстрируют повышение успеваемости экспериментальной группы на 10 %, подтверждается эффективность мнемотехники для оптимизации запоминания лексики и грамматики.

Ключевые слова: мнемотехника, обучение английскому языку, возрастная психология, лексические навыки, грамматические навыки, ассоциативное запоминание, педагогический эксперимент.

Изучение иностранного языка в средней школе сопряжено с необходимостью усвоения большого объема лексического и грамматического материала, что особенно затруднительно для учащихся 7-х классов в силу их возрастных особенностей. В период 12–13 лет, на фоне активного развития логического мышления, продуктивность механической памяти снижается¹, что требует поиска методов, которые переводили бы запоминание из пассивного заучивания в осознанную, управляемую деятельность. Решение данной проблемы может быть найдено в использовании мнемотехники — системы приемов, основанной на создании искусственных ассоциаций и преобразовании информации в зрительные образы². Современные авторы (Ю. В. Барановская, М. Р. Ванягина, Е. Е. Калиш, Е. В. Ревина) рассматривают мнемотехнику как эффективную педагогическую технологию, позволяющую переводить информацию из кратковременной памяти в долговременную³. Важно, что возраст 12–13 лет создает благоприятную почву для внедрения мнемотехники: у подростков формируется способность к оперированию гипотезами, развивается логическая память, по-

является интерес к способам улучшения запоминания⁴. Однако эмоциональная нестабильность и ведущая роль общения⁵ требуют интерактивных и творческих форм работы, что мнемотехника успешно обеспечивает.

На основе анализа научных статей современных педагогов нами были отобраны и адаптированы для 7-го класса (УМК «Spotlight-7») следующие приемы: метод фонетических ассоциаций (например, cereal — «ел крупу во время СЕРИАЛА»), рифмовка для запоминания неправильных глаголов, метод Цицерона (распределение лексики по теме «Гаджеты» в пространстве комнаты), метод буквенного кода (правила порядка прилагательных OSASCOMP и порядка слов SVOMPT), а также метод создания историй. Весь материал был оформлен в виде комплекта из 8 красочных карточек, размещенных в группе «ВКонтакте» (рис. 1). Для проверки целесообразности использования наших методических разработок был проведен педагогический эксперимент на базе МОУ «СОШ № 64 имени Б. Ручьева» г. Магнитогорска. В эксперименте приняли участие 19 учащихся 7 «Б» класса. На первом этапе было проведено вводное тестирование по ранее пройденным темам. Результаты показали низкий уровень знаний: 12 неудовлетворительных оценок, общий балл класса — 3,0. Затем класс был разделен на экспериментальную группу (10 человек), которая в течение месяца использовала

¹ Немов Р. С. Психология: учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. Кн. 2: Психология образования. 2-е изд. М., 1995. С. 117–122.

² Зиганов М. А., Козаренко В. А. Мнемотехника. Запоминание на основе визуального мышления. М., 2001. С. 6–10.

³ Ванягина М. Р. Применение мнемотехники для обучения иноязычной лексике // Педагогика и психология образования. 2019. № 3. С. 71–85.

⁴ Немов Р. С. Психология... С. 117–122.

⁵ Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека: учебное пособие. М., 2001. С. 200–205.

Рис. 1. Пример карточки с реализацией метода буквенного кода: правило SVOMPT, порядок слов в английском языке.

мнемотехнические карточки, и контрольную группу (9 человек), которая не подвергалась каким-либо воздействиям.

Итоговое тестирование показало положительную динамику в экспериментальной группе (рис. 2). Общая оценка повысилась до 3,4 (рост на 10 %), количество неудовлетворительных оценок сократилось на две при увеличении числа удовлетворительных и хороших отметок. В контрольной группе значимых изменений не произошло. Субъективные отзывы учащихся свиде-

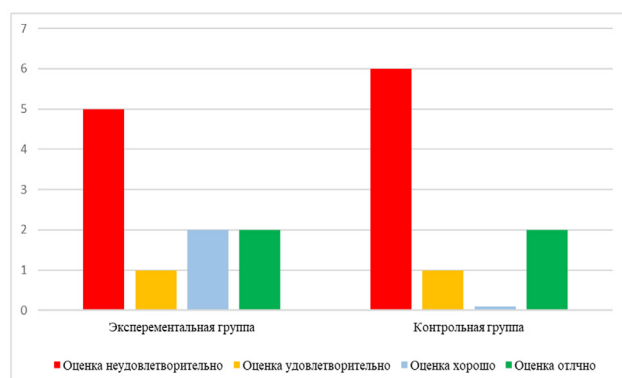

Рис. 2. Результаты финального тестирования.

тельствовали о том, что мнемотехника сделала процесс запоминания более легким, интересным и менее рутинным.

Таким образом, результаты эксперимента подтвердили гипотезу исследования: системное использование мнемотехнических приемов, адаптированных к возрастным особенностям учащихся 7-х классов и к содержанию УМК «Spotlight-7», способствует повышению успеваемости, улучшению запоминания лексического и грамматического материала и росту интереса к учебной дисциплине. Перспективой исследования является создание полноценного методического пособия по мнемотехнике для учителей английского языка и распространение разработанной методики на другие классы и иностранные языки.

Библиографический список

1. Ванягина, М. Р. Применение мнемотехники для обучения иноязычной лексике / М. Р. Ванягина // Педагогика и психология образования. — 2019. — № 3. — С. 71–85.
2. Зиганов, М. А. Мнемотехника. Запоминание на основе визуального мышления / М. А. Зиганов, В. А. Козаренко. — М. : Школа рационального чтения, 2001. — 173 с.
3. Кулагина, И. Ю. Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека : учебное пособие / И. Ю. Кулагина, В. Н. Колюцкий. — М. : Сфера, 2001. — 464 с.
4. Немов, Р. С. Психология : учебник для студентов высших педагогических учебных заведений: в 3 кн. 2-е изд. Кн. 2: Психология образования / Р. С. Немов. — М. : Просвещение; ВЛАДОС, 1995. — 496 с.

Языковое портфолио как методический инструмент для обучения чтению на английском языке в 3–4 классах

Чигарева В. Е.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Селютин А. А. (ЧелГУ)

В данной статье обосновывается использование одноцелевого языкового портфолио для обучения чтению на английском языке в 3–4 классах. На основе анализа психолого-возрастных особенностей младших школьников, а также требований ФГОС к формированию самооценки предлагается авторская модель портфолио как дополнение к действующим УМК. Портфолио включает пять разделов и помогает ученику визуализировать свой прогресс в чтении, развитии лексико-грамматических и творческих навыков. Даны практические рекомендации по организации работы.

Ключевые слова: одноцелевое языковое портфолио, обучение чтению, самооценка, английский язык, формирующее оценивание, младшие школьники.

На начальном этапе обучения иностранному языку в школе закладываются основы предмета, развивается интерес и формируются навыки чтения. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО) требует, чтобы в 3–4 классах у детей развивалась способность оценивать себя, видеть свой прогресс и учиться самостоятельно¹. Однако процесс обучения чтению на английском языке в начальной школе сопровождается рядом объективных трудностей, которые требуют особого внимания и поиска дополнительных инструментов. Так, чтение на английском языке сопряжено с лексическими, смысловыми и психологическими трудностями. Страх допустить ошибку и неуверенность в своих силах могут привести к отказу от чтения на английском языке². Указанные трудности усугубляются тем, что в 3–4 классах происходит переход от обучения технике чтения к чтению как смысловой деятельности. Ученик должен понять содержание прочитанного, выделить главное, запомнить новую информацию.

Чтобы прогресс ребёнка был наглядным и комфортным, необходимо использовать соответствующие средства поддержки. Языковое портфолио является подходящим инструментом. В отличие от традиционных портфолио,

охватывающих все виды речевой деятельности, предлагается одноцелевое портфолио, ориентированное на развитие навыков чтения. Такой инструмент позволяет ученику отслеживать свои достижения, фиксировать новые слова, оценивать прочитанный материал и рефлексировать по поводу трудностей, которые могли возникнуть в процессе чтения. В исследовании использовались следующие методы: теоретический анализ психолого-педагогической и методической литературы; сравнительный анализ УМК «Английский в фокусе» и «Звёздный английский»; моделирование структуры портфолио; качественный анализ текстового материала; синтез и обобщение.

Концепция языкового портфолио получила развитие в конце 1990-х гг. с созданием Европейского языкового портфеля (ELP), включившего языковой паспорт, языковую биографию и досье³. Основная педагогическая функция портфолио, по определению Н. Ф. Коряковцевой, заключается в развитии у учащихся способности к рефлексии и автономии в учебной деятельности⁴. Для российской начальной школы эта модель была адаптирована Н. Д. Гальсковой и З. Н. Никитенко, которые разработали «Российский языковой портфель» в формате

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Утвержден приказом Минпросвещения РФ от 31.05.2021 № 286 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012021070500028> (дата обращения: 11.02.2026).

² Петрикова А. А. Проблемы овладения иноязычным чтением в начальной школе (английский язык) // Молодой учёный. 2010. № 12. С. 145–148.

³ Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Companion Volume. Strasbourg, 2020 // URL: <https://rm.coe.int/common-european-framework-of-reference-for-languages-learning-teaching/16809ea0d4> (дата обращения: 20.12.2025).

⁴ Коряковцева Н. Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык. М., 2002. 176 с.

«Дневника успехов» с доступными для детей формулировками дескрипторов¹.

Младший школьный возраст (8–10 лет) характеризуется развитием словесно-логического мышления, произвольности познавательных процессов и возникновением рефлексии как ключевого новообразования². Эти изменения создают психологическую основу для формирования самооценки и самоконтроля, в том числе в процессе чтения на английском языке. Систематические неудачи в чтении могут привести к формированию «выученной беспомощности» и к снижению мотивации³. Для предотвращения этих проблем необходим текстовый материал, соответствующий ряду критериев: небольшой объем, наличие иллюстраций, знакомый сюжет, повторяемость лексико-грамматических конструкций, адаптированный материал. Всем этим требованиям отвечают адаптированные сказки серии «Primary Classic Readers» — «Little Red Riding Hood», «Jack and the Beanstalk» и «The Three Little Pigs».

В нашем исследовании были проанализированы два учебно-методических комплекса, наиболее распространенных в российской начальной школе: «Английский в фокусе» (Spotlight) и «Звездный английский» (Starlight) для 3 класса. В состав УМК «Английский в фокусе» входит компонент «Языковой портфель», который, однако, носит комплексный характер и включает задания по всем видам речевой деятельности⁴. Раздел самооценки чтения в нем представлен дескрипторами общего характера («Now I can understand short texts about culture»), что не позволяет детально проработать именно этот вид речевой деятельности. В УМК «Звездный английский» отдельного компонента портфолио не предусмотрено, хотя в книге для учителя даны рекомендации по созданию «My Junior Language Portfolio» на основе материалов учебника⁵. Таким образом, ни один из рассмотренных УМК не предлагает одноцелевого портфолио по чтению или другим видам речевой деятельности. Разработанная в данном исследовании модель

¹ Гальскова Н. Д., Никитенко З. Н. Российский языковой портфель для начальной школы. М., 2003. 402 с.

² Эльконин Д. Б. Детская психология. М., 2007. 384 с.

³ Петрикова А. А. Проблемы овладения иноязычным чтением в начальной школе... С.147.

⁴ Быкова Н. И., Дули Д., Поспелова М. Д., Эванс В. Английский язык. Языковой портфель. 3 класс. М., 2018. 48 с.

⁵ Баранова К. М., Дули Д., Копылова В. В., Мильруд Р. П., Эванс В. Английский язык. Книга для учителя. 3 класс. В 2 ч. Ч. 1. М., 2021. 158 с.

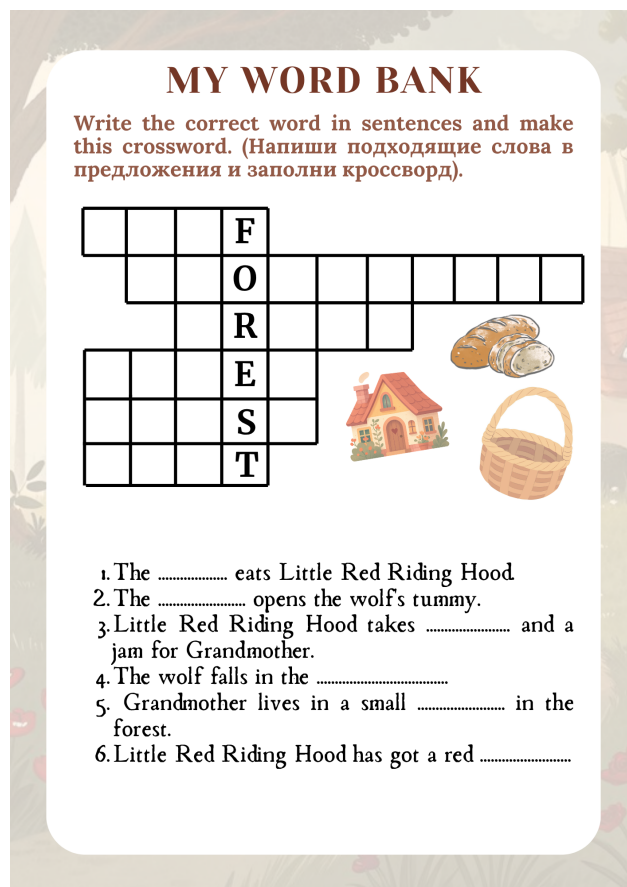

Рис. 1. Кроссворд по адаптированной сказке «Little Red Riding Hood» серии «Primary Classic Readers».

может рассматриваться как дополнительный дидактический инструмент, который можно интегрировать в работу с УМК и расширить его возможности.

Предлагаемое портфолио состоит из пяти разделов, соответствующих этапам работы с текстом. My Reading Map (карта чтения) — визуальный трекер в виде книжной полки с пустыми корешками. По завершении работы над каждой сказкой ученик заполняет корешок (название, дата) и ставит оценку произведению (звёздочки). Данный раздел выполняет мотивационную функцию и наглядно демонстрирует прогресс. My Word Bank (банк слов) содержит задания на отработку ключевой лексики: вставить слова с опорой на иллюстрацию, решить кроссворд, сделать упражнение на соответствие. Например, к сказке «Little Red Riding Hood» предлагается заполнить кроссворд по словам из сказки (рис. 1).

Далее раздел My Reading Portfolio (портфель читателя) включает задания на понимание текста, соответствующие разным видам чтения: восстановление последовательности событий по картинкам (ознакомительное чтение), отметка верных / неверных утверждений True / False (поисковое чтение), составление плана по прочитанной сказке (изучающее чтение). Данный раз-

дел формирует умение работать с текстом на разных уровнях глубины. Следующий раздел, *My Creative Corner* (уголок творчества), направлен на закрепление лексико-грамматического материала через выполнение творческих заданий: описание героя по анкете, создание современной версии сказки с использованием конструкции, раскраска обложки сказки. Такие задания поддерживают познавательный интерес, превращая чтение в увлекательное занятие. Последний раздел, *My Achievements* (мои достижения), посвящен рефлексии и самооценке. Включает вопросы о понравившемся герое, интересном моменте из сказки, шкалу самооценки со смайликами и вопросами о трудностях, которые возникли в процессе чтения / выполнения заданий.

Работа с портфолио рассчитана на внеурочное время, чтобы не перегружать уроки и развивать у учащихся самостоятельность. Заполнение портфолио по чтению может быть организовано в формате проектной деятельности. Одна сказка может быть рассчитана на 3–4 недели. На уроках рекомендуется проводить короткие «читательские сверки» один раз в месяц: дети демонстрируют заполненные страницы портфолио, обсуждают свои трудности с учителем. Это создает поддерживающую среду и может стимулировать интерес. Система оценивания — формирующая, безотметочная или с использованием зачёта. Критерии зачёта: заполнены все разделы портфолио не менее чем по двум сказкам из трёх. При частичном выполнении даётся дополнительное время и при необходимости проводится

индивидуальная консультация. Однако отметка «отлично» может быть выставлена при полном и аккуратном заполнении всех разделов по всем сказкам. Важно подчеркнуть, что портфолио не является обязательным отчетным документом, оно служит инструментом поддержания учебной вовлеченности.

Таким образом, в работе предложена структурно-содержательная модель портфолио, включающая пять разделов. Логика расположения разделов соответствует этапам работы с текстом. Для наполнения портфолио были отобраны три адаптированные сказки серии «*Primary Classic Readers*» (level 1), удовлетворяющие критериям отбора языкового материала. Разработанные задания на примере одной из сказок («*Little Red Riding Hood*») охватывают основные виды смыслового чтения (ознакомительное, поисковое, изучающее) и включают творческие задания для закрепления лексико-грамматического материала.

Разработанные методические рекомендации ориентированы на внеурочное использование портфолио с периодическим сопровождением на уроках; система оценивания строится на качественной обратной связи, самооценке по дескрипторам и фиксации факта выполнения.

Перспективы дальнейшей работы включают апробацию портфолио или его элементов в реальном образовательном процессе, уточнение дескрипторов самооценки на основе обратной связи от учащихся и педагогов, расширение текстового материала, а также создание цифровой версии портфолио.

Библиографический список

1. Баранова, К. М. Английский язык. Книга для учителя. 3 класс : учеб. пособие для общеобразоват. организаций и шк. с углубл. изучением англ. яз. : в 2 ч. Ч. 1. 4-е изд. / К. М. Баранова, Д. Дули, В. В. Копылова, Р. П. Мильруд, В. Эванс. — М. : Express Publishing : Просвещение, 2021. — 158 с.
2. Быкова, Н. И. Английский язык. Языковой портфель. 3 класс : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / Н. И. Быкова, Д. Дули, М. Д. Поспелова, В. Эванс. — М. : Просвещение, 2018. — 48 с.
3. Гальскова, Н. Д. Российский языковой портфель для начальной школы : руководство для учителей и родителей / Н. Д. Гальскова, З. Н. Никитенко. — М. : МГЛУ, 2003. — 402 с.
4. Коряковцева, Н. Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык : пособие для учителей / Н. Ф. Коряковцева. — М. : АРКТИ, 2002. — 176 с.
5. Петрикова, А. А. Проблемы овладения иноязычным чтением в начальной школе (английский язык) / А. А. Петрикова // Молодой учёный. — 2010. — № 12. — С. 145–148.
6. Эльконин, Д. Б. Детская психология : учеб. пособие. 4-е изд., стер. / Д. Б. Эльконин. — М. : Академия, 2007. — 384 с.

Образ фейри в наивной картине мира кельтов

Ефименко Е. А.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Шелестюк Е. В. (ЧелГУ)

Статья посвящена анализу образа фейри в наивной картине мира древних кельтов на основе народных сказок. Автор характеризует отношение людей к ним через семантический и этимологический анализ лексики, использованной для их описания, и приходит к выводу о том, что, несмотря на часто положительную коннотацию слов, которые использовались для описания фейри, исследуемые существа в наивной картине мира были связаны со смертью и роком, часто являясь персонификацией двух упомянутых явлений. Это нашло свое отражение в языке.

Ключевые слова: фольклор, сказка, фейри, смерть, рок.

Картина мира — это термин, который ввёл Вильгельм фон Гумбольдт. Он полагал, что язык обуславливает «языковое сознание народа»¹. Другими словами, через свою речь человек транслирует определённую систему знаний и представлений об окружающем мире, присущую обществу, в котором он существует. Данная система является результатом взаимодействия индивида с объективной реальностью и отражает мировоззрение говорящего.

Вильгельм фон Гумбольдт выделял научную и наивную картины мира. Наивную картину мира характеризуют как чувственное отражение обывательских представлений о мире. Она находит свое воплощение в фольклоре², особенно в сказках, которые, по словам Владимира Проппа, являлись трансформированным мифом³.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению культурного наследия различных народов. В результате миграционных процессов и культурного взаимодействия происходил синтез мифологических систем, что приводило к появлению общих элементов в фольклоре разных этносов. Из этого следует, что изучение кельтского фольклора по-

зволяет выявить универсальные закономерности, которые могут быть применены при анализе фольклорных традиций других народов. Анализ сказочных текстов предоставляет возможность реконструировать наивную картину мира древних народов, понимание которой необходимо при интерпретации исторических и литературных текстов. Понимание мировоззренческих установок и культурных кодов прошлого позволяет проследить эволюцию мышления и переход от одного типа культурной парадигмы к другой.

Объектом исследования выступает кельтская фольклорно-мифологическая традиция в ее отражении в наивной картине мира древних кельтов. Предметом исследования являются лингвокультурологические и мифонарративные особенности концептуализации образа фейри в шотландских, ирландских и уэльских народных сказках. В процессе работы были использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический метод, диахронический метод, историко-генетический метод, этимологический анализ, концептуальный анализ.

Ирландское словосочетание «aos sí» переводится как «люди из курганов фей»⁴. Также существует более ранняя форма данного словосочетания — «aes sídhe». Древнеирландское слово «síd» означает «холм, где живут феи». Оно, в свою очередь, восходит к праиндоевропейскому

¹ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. М., 2000. С. 397.

² Шустова А. П. Система мифологических персонажей как отражение наивной картины мира // *Studia Humanitatis*. 2019. № 4. С. 1–14.

³ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 2022. С. 561.

⁴ Определение слов: сайт. URL: <https://www.definitions.net/definition/aos+sí> (дата обращения: 03.02.2026).

корню «seds» или «seat», что указывает на место, где феи сидят или обитают¹. От этого слова также происходит лексема, обозначающая в ирландском языке одну фею — «síóg». Согласно системе фонетической записи, указанное слово является омографом к слову «síth» («мир»).

На шотландском языке фейри известны как «daoine sith». Слово «daoine» происходит от протоевропейского *d^hew- («умирать») в значении «смертный». Также встречается термин «daoine maithe», перевести который можно как «добрый народ»². Несмотря на положительную коннотацию, термин отражает стремление избежать прямых негативных обозначений сверхъестественных существ. Данный эвфемизм свидетельствует о страхе древних кельтов перед фейри. Такой вывод можно сделать, основываясь на мифологическом мышлении, которое было присуще людям в прошлом. Согласно ему, прямое именование или негативная характеристика сущности может спровоцировать её гнев или привлечь нежелательное внимание.

В числе существ кельтской мифологии, объединяемых понятием фейри, значимое место занимает банши. Под данным термином подразумевается антропоморфный женский образ, чья основная функция связана с пророчеством смерти посредством скорбного пения, крика или плача. Согласно фольклорным текстам и поверьям, банши появлялись после смерти плакальщиц, чья душа трансформировалась в потустороннее существо, сохранив свою ритуально-траурную функцию. Этимологически термин «банши» восходит к древнеирландскому слову «ben síde» (современное ирл. «bean sídhe»), что буквально означает «женщина из сида» — то есть из потустороннего мира, локализованного в курганах или холмах. Этимологический анализ слов, обозначающих фейри в кельтских языках, свидетельствует о связи существ со смертью³.

Связь смерти и фейри обнаруживается и в лексиконе викингов, которые, согласно историческим исследованиям, на протяжении десятилетий сосуществовали и взаимодействовали с кельтами. Так, существовало особое слово, которым называли человека, на лице которого был явственно виден знак неминуемой и скорой смерти.

Такого человека называли «фей» («feigr») — обречённый, отмеченный смертью. Этимологически это слово находится в родственной связи со среднеанглийским словом «fey». Так, одной стороны, слово «fey» служило для описания фейри (или сидов), а с другой также означало мёртвого человека⁴.

Проведённый этимологический анализ позволяет выявить связь фейри с представлениями о смерти, несчастьях и всевозможных бедствиях. В наивной картине мира кельтов данные существа, воспринимавшиеся как обитатели иного мира (иного измерения пространства и времени), концептуально сближались с миром мёртвых. Они нередко выступали в роли персонифицированных сил рока и гибели, что отражается в этимологии слов, которые использовались по отношению к ним. Основываясь на результатах анализа, можно сделать вывод, согласно которому фейри в представлении древних кельтов были своего рода жнецами смерти, определяющими судьбу человека. Эта угрожающая природа данных сущностей, чья власть простиралась на грани жизненного и загробного пространства, являлась основой для устойчивого, глубоко укоренённого страха перед ними в языковом народном сознании.

Говоря о смерти, стоит отметить, что отношение кельтов к ней было неоднозначным. С одной стороны, она мыслилась как переход в иное состояние бытия, которое воспринималось как источник высшего знания и вневременного благополучия. С другой же, кельты видели смерть как нечто неожиданное и неизбежное, а оттого и тревожное. Мифы кельтов вовсе не смягчают образ смерти. Мифы не лишают смерть её значимости, не пытаются её принизить или обойти стороной. Тем самым они не умаляют и самого человека, и его благородства⁵.

Доказательство этому можно найти при анализе слов, которые обозначали смерть или были с ней связаны. Слово «bás» (ирл. «смерть») восходит к пракельтским формам *bāstom или *bāssom, которые, в свою очередь, основаны на праиндоевропейском корне *g^weh₂-, имеющем значение «идти, двигаться», либо корне *(s)g^wes, означающем «гаснуть, угасать»⁶. Этимология

¹ Этимология слова fairy: сайт. URL: <https://thesanghakkommune.org/2020/06/10/etymology-of-the-word-fairy/> (дата обращения: 03.02.2026).

² Online Etymology Dictionary: website. URL: <https://www.etymonline.com/> (date of access: 03.01.2026).

³ Lysaght P. The Banshee: The Irish Death Messenger. Colorado, 1997. 440 p.

⁴ Old Norse Dictionary website. URL: <https://oldnorsedictionary.com/home/word/feigr> (date of access: 12.02.2026).

⁵ Рис А., Рис Б. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. СПб., 2023. 351 с.

⁶ Online Etymology Dictionary: website. URL: <https://www.etymonline.com/> (date of access: 03.01.2026).

слова демонстрирует отсутствие в указанной лексеме негативных коннотаций, характерных для позднейших культурных традиций. Семантика движения и угасания, заложенная в корне, репрезентирует смерть не как абсолютное прекращение существования, а как естественное продолжение жизненного пути, как затухание, которое не подразумевает бесповоротного конца. В кельтских языках также есть слова «marbh», «éag», «angau», каждое из которых обозначает смерть или процесс умирания без привнесения дополнительных негативных смыслов¹.

Таким образом, смерть с одной стороны, репрезентировалась в текстах как устрашающая, неумолимая и жестокая реальность, а с другой стороны, воспринималась как переход, портал в потусторонний мир, характеризующийся вечной молодостью, изобилием и беззаботным счастьем. Страх перед физической смертью и сопутствующими ей страданиями не отменяет веры в посмертное блаженство, а сосуществует с ней, формируя сложное, трагически-оптимистическое восприятие смерти как сурового, но необходимого рубежа, отделяющего земное существование от вневременного идеала.

Фейри неразрывно связаны с языческими высшими силами. Помимо их происхождения от богини Дану, в кельтской народной традиции выделяется фигура богини Айне, связанной с плодородием и солнечным светом. Этот факт служил причиной, из-за которой важную роль в формировании образа фейри в наивной картине мира древних кельтов сыграла христианизация. Согласно христианскому Священному Писанию существует дихотомия духовных сил: сакральная власть принадлежит исключительно Богу, тогда как дьявол обладает лишь ограниченной, но значительной силой, дозволенной свыше (Иов 1:12; 2 Коринфянам 4:4; Откровение 20:2). Любая магия и колдовство в данной картине мира — это область дьявола. Христианство официально отвергает языческую мифологию и фольклор как «бессмысленные басни» (1 Тим. 4:7), ассоциируя их с идолопоклонством и демонами².

С укреплением христианства языческие верования о фейри были переосмыслены через призму новой религии. Представители христианства стали объяснять их происхождение через библейские сюжеты. Так появилась одна из са-

мых популярных легенд: фейри — это не древние боги или духи природы, а падшие ангелы. Так, из существ, которых можно было задобрить или избежать при помощи оберегов, они превратились в сущности, связанные с грехом и падением.

Отражение этого можно найти во многих сказках. В одной из сказок связь с христианством отражена уже в названии — «The fairy and the Bible-reader». В небольшом тексте повествуется о том, что фейри умерла, когда прочла строки из Библии, так как фейри, существо иной природы, оказывается за пределами божественного замысла. Её встреча с истиной христианства не оставляет для неё места в мире: «...those pages there was no mention of salvation for any but the sinful sons of Adam». Данная сказка является примером пропаганды христианского дискурса. Для описания реакции фейри на невозможность спасения используются лексемы с выраженной эмоционально-оценочной коннотацией, призванные акцентировать трагичность и скорбь: «On hearing this, the fairy flung her arms despairingly above her head, and with a shriek plunged into the sea». Слово *despairingly* обозначает «showing that you feel that there is no hope and that you can do nothing to improve a difficult or worrying situation»³ и выражает интенсивное чувство подавленности грустью или потерей. В литературе оно подчёркивает глубину эмоциональных переживаний. Идиому «*fling arms up*» можно перевести как «всплеснуть руками», а слово «*fling*», в свою очередь, отражает действие, связанное с быстрыми и стремительными движениями, которые часто совершаются под влиянием эмоций или настроения⁴. Слово «*shriek*» имеет смысловой оттенок, указывающий на резкий, пронзительный и неожиданный крик от ужаса, сильной боли, страха или злости⁵. Так, посредством использования эмоционально окрашенной лексики в данной сказке в языковом сознании древних кельтов закреплялась религиозная установка, согласно которой человек, в отличие от этих сверхъестественных существ, является субъектом божественного спасения. Страх перед участью, постигшей, в данном

³ Cambridge Dictionary: website. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/wretch> (date of access: 15.03.2025).

⁴ Idioms: сайт. URL: <https://www idioms online/> (date of access: 15.03.2026).

⁵ Cambridge Dictionary: website. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/wretch> (date of access: 15.03.2025).

¹ Ibid.

² Characteristics of Christian myth and legend: website. URL: <https://www.britannica.com/topic/Christianity/History-of-Christian-myth-and-legend> (date of access: 22.01.2026).

случае, фейри, трансформировался в благодарность за дарованное спасение, что усиливало религиозную лояльность.

Таким образом, реинтерпретация сверхъестественных существ в рамках христианской религии укрепила страх, который в дохристианской картине мира кельтов был вызван верой в то, что фейри представляют собой персонификацию смерти и рока. Идентификация фейри как падших ангелов или существ, исключённых из плана божественного спасения, придала страху перед ними новое обоснование. Следовательно, христианство превратило инстинктивную осторожность в религиозно санкционированную неприязнь и необходимость активной защиты от сущностей, официально отнесённых к сфере греховного и опасного для человеческой души.

Только под влиянием христианства фейри стали считаться либо злыми, либо добрыми. Однако такая классификация является некорректной, поскольку она накладывает позднейшие христианские этические категории на архаическое мировоззрение. Правильнее будет рассматривать этих существ как амбивалентных сущностей, чьи действия определялись не моральным выбором, а их природой, неразрывно связанной с законами мироздания, так что ближе им разделение на «порядок» и «хаос». В контексте интерпретации фейри как персонифицированных сил рока и гибели необходимо учитывать специфику восприятия смерти у кельтских народов.

Подобная дуальность мировосприятия закономерно образом проецировалась на образ фейри, выступавших в наивной картине мира персонификацией смерти и рока. В силу своей амбивалентной природы, унаследованной от архаических представлений о потустороннем мире и пути попадания в него, фейри не поддаются бинарной классификации в категориях добра и зла, имплицитно моральную оценку. Им в большей степени свойственно принципиально иное разделение, основанное на их отношении к человеку: с одной стороны, фейри выступают как вестники гибели, несущие несчастья и разрушение; с другой стороны, они почитаются как дарители сакрального знания, хранители изобилия и покровители, способные одарить смертного благами. Данная дуальность отражает сущность мировоззрения, присущего наивной картине мира: смерть и жизнь, гибель и возрождение, страдание и блаженство мыслятся не как непримиримые противоположности, а как взаимосвязанные ипостаси единого циклического процесса.

В качестве доказательства рассматриваемого тезиса можно привести в пример сказку «Sir Godfrey Macculloch», в которой подчёркивается принцип взаимности как фундаментальная основа взаимодействия между человеком и потусторонним миром, представителем которого является фейри. Этот сюжет может быть интерпретирован как метафора принципа равноценности, лежащего в основе архаического миропонимания. Сказка, таким образом, транслирует не только поведенческую норму, но и глубинную мировоззренческую установку, согласно которой мироздание функционирует по принципу справедливого обмена, и человек, вступающий в контакт с иномирьем, а соответственно, и со смертью, обязан этот принцип неукоснительно соблюдать.

Анализ лингвистической части текста демонстрирует отсутствие альтруистической направленности у фейри, при этом акцентируется опасность конфликта с данными сверхъестественными сущностями. Так, выбор глагола «accost» во фразе «accosted by a little old man» является семантически значимым, поскольку данная лексема в английском языке несёт значение «to go up to or stop and speak to someone in a threatening way». Употребление именно этого глагола, а не нейтральных вариантов, вводит коннотацию враждебности и потенциальной угрозы, обозначая встречу с фейри как изначально конфликтную ситуацию. Кроме этого, фразы, используемые для описания взаимодействия человека с потусторонними силами, характеризуются преобладанием негативной коннотации над нейтральной. Например, фразы «gave Sir Godfrey to understand», «he [фейри] had great reason to complain» предполагают коммуникацию, обладающую принудительным или устрашающим характером. Подобный лингвистический выбор формирует представление о том, что фейри не являются доброжелательными по отношению к человеку, а их поведение не подчиняется законам альтруизма или бескорыстной помощи, и раздор с этими существами чреват серьёзными последствиями. Это соотносится с кельтскими представлениями о смерти.

Дополнительным подтверждением служит сказка «The Laird O' Co», которая выделяет великодушие как этическую доминанту, демонстрируя, что проявление душевной щедрости инициирует ответную реакцию со стороны потусторонних сил, которые наделяют протагониста благами, недоступными в обычном мире. Данный сюжет может быть интерпретирован как

метафора круговорота поступков, репрезентирующая циклическую модель причинно-следственных связей, пронизывающих отношения между миром людей и иномирьем. Подобно тому, как в наивной картине мира всякое деяние не исчезает бесследно, но возвращается к своему инициатору в трансформированном виде, акты великодушия и самопожертвования порождают ответный поток благодати, замыкающий сакральный круг обмена между профанным и сакральным, человеческим и потусторонним, жизнью и смертью.

Анализ языкового уровня позволяет выделить ряд лексических единиц, которые, будучи употребленными в отношении фейри, несут важную смысловую нагрузку. Лексема «*miraculously*» обладает семантикой «*by supernatural or uncommon causes, e.g. by a god; that cannot be explained in terms of normal events*». Употребление данного наречия намекает на присутствие в тексте христианской парадигмы, упомянутой ранее в данной научной работе. Наибольший интерес в контексте настоящего исследования представляют две последующие лексемы. Слово «*departed*» можно расценивать как эвфемизм, имеющий значение «*to die*», что позволяет интерпретировать уход фейри как смерть. Аналогичным образом лексема «*vanished*» несёт семантику «*to stop existing*», также имплицитно глгбелъ сверхъестественного существа. Таким образом, на лексическом уровне осуществляется привязка образа фейри к концепту смерти.

Заклучая всё вышеизложенное, можно сформулировать следующие выводы. В наивной картине мира древних кельтов фейри воспринимались как персонификация рока и смерти, что находило отражение на лингвистическом уровне. Этимологический анализ демонстрирует, что значительный пласт лексики, относящейся к фейри и их атрибутам, обнаруживает семантические связи с концептом смерти. Аналогичным образом, лексические единицы, используемые в сказках для описания внешности, поведения и статуса сверхъестественных существ, фиксируют их причастность к пространству гибели и трансформации.

Немаловажную роль сыграла христианская парадигма, которая, идентифицировав фейри с падшими ангелами или существами, исключёнными из божественного замысла спасения, усилила страх кельтов перед ними. Тем не менее, квалификация фейри как исключительно злых или добрых существ является некорректной. Анализ архаических текстов свидетельствует об их принципиальной амбивалентности: фейри выступали одновременно как дарители благ, сакрального знания и изобилия, а также как грозные вестники гибели, вершители неумолимого возмездия. Данная дуальность отражает наивную картину мира, в которой смерть мыслилась не как абсолютное зло, а как необходимый переход, естественный рубеж между формами бытия.

Библиографический список

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / В. Гумбольдт. — М. : Прогресс, 2000. — 400 с.
2. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — СПб., 2022. — 561 с.
3. Рис, А. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / А. Рис, Б. Рис. — СПб. : Альма Матер, 2023. — 351 с.
4. Шустова, А. П. Система мифологических персонажей как отражение наивной картины мира / А. П. Шустова // *Studia Humanitatis*. — 2019. — № 4. — С. 1–14.
5. Cambridge Dictionary: website. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/wretch> (date of access: 15.03.2025).
6. Characteristics of Christian myth and legend: website. — URL: <https://www.britannica.com/topic/Christianity/History-of-Christian-myth-and-legend> (date of access: 22.01.2026).
7. Lysaght, P. The Banshee: The Irish Death Messenger / P. Lysaght. — Colorado : Roberts Rinehart Publishers, 1997. — 440 p.
8. Old Norse Dictionary: website. — URL: <https://oldnorsedictionary.com/home/word/feigr> (date of access: 12.02.2026).
9. Online Etymology Dictionary: website. — URL: <https://www.etymonline.com/> (date of access: 03.01.2026).

Лексико-грамматические особенности текстов песен группы Zoloto (на примере песен альбома «Перевоплотиться»)

Малюга А. Ю.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Минина Е. И. (ЧелГУ)

В статье на материале музыкального альбома «Перевоплотиться» группы Zoloto выявлены лексико-грамматические особенности современного песенного текста. Установлено, что деформация темпоральности, обилие нелитературной лексики и номинаций, значение которых связано с употреблением психоактивных веществ, маркируют деструктивное пространство лирического героя. Доказано, что циклизация и неразрешимые бинарные оппозиции формируют модель замкнутого круга, ведущую к разрушению субъектной целостности героя при отсутствии целостного «я».

Ключевые слова: музыкальный альбом, песенный текст, Zoloto, лексико-семантические группы, бинарные оппозиции.

Современная музыкальная культура, в частности её тексты, представляет собой уникальный феномен, включающий в себя поэзию, перформативность и культурный код эпохи. В таком контексте творчество российской музыкальной группы «Zoloto» представляет особую актуальность, поскольку его комплексный лингвистический анализ до сих пор не становился предметом научного исследования.

Песенный текст — синкретический феномен, находящийся на стыке разнородных культур. Однако методологическая проблема заключается в отсутствии интегративного подхода, способного охватить его многоуровневую природу. В нашем исследовании мы, вслед за О. Д. Ли и В. Э. Муратовой, отметили, на что стоит обращать внимание при анализе песенного текста:

1. На лексический состав. Необходимо выявлять тематические группы лексем, анализировать частотность употребления разговорной лексики, сленга и заимствований, а также изучать лексическую сочетаемость элементов текста. Это позволяет определить стилистическую направленность песни и её принадлежность к определенному культурному контексту¹.

2. На синтаксическую организацию текстов. Там же акцентируется значимость изучения частотности типов предложений и выявления синтаксических фигур, которые придают тексту ритмическую и экспрессивную выразительность².

3. На концептуальную структуру. Анализ ключевых понятий в их парном противопостав-

лении позволяет глубже понять ориентиры, заложенные в песенном дискурсе, и вписать текст в более широкий культурный контекст³.

Мы, вслед за автором музыкального альбома Владимиром Золотухиным, анализировали следующий корпус текстов: 1) «Сколько уже дней»; 2) «Осенний пожар»; 3) «XI XI XI»; 4) «Непроизошло»; 5) «Останусь один»; 6) «Вот-вот апрель»; 7) «Перевоплотиться»; 8) «Капала вада»; 9) «Идиллия».

В целях последующего системного анализа и обеспечения репрезентативности выборки обозначим основные критерии отбора лексических особенностей:

1. С точки зрения «лексико-семантических групп»⁴.

2. С точки зрения наличия в тексте нелитературной лексики.

3. С точки зрения наличия в тексте лексики, связанной с употреблением запрещённых веществ/алкоголя.

4. С точки зрения «бинарных оппозиций»⁵.

Во всех анализируемых текстах фиксируется деформация темпоральной семантики, устанавливаемая лексико-семантической группой со значением времени, зафиксированной нами в качестве сквозной для всего корпуса текстов.

³ Муратова В. Э. Бинарные концепты «любовь / love» и «ненависть / hate (hatred)» в английском и русском песенных дискурсах: сопоставительный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. С. 64.

⁴ Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М., 2010. С. 9.

⁵ Муратова В. Э. Бинарные концепты «любовь / love» и «ненависть / hate (hatred)» в английском и русском песенных дискурсах ... С. 45.

¹ Ли О. Д. Песенный текст как объект лингвистического исследования // МНИЖ. 2020. № 8–3 (98). С. 87.

² Там же. С. 88.

Вышеуказанная группа представлена следующими единицами: «сколько дней», «две недели», «десять лет», «не помню число», «не наблюдаем часов», «вроде май», «карусель» (контекст), «рассвет», «время куда-то шло», «сто лет назад», «миг ускользающий», «ночь», «солнце упадет за домами», «вот-вот апрель», «световых лет», «время», «пять тридцать», «восемнадцать», «двадцать семь», «ночной», «год спустя», «утро». Однако детальный анализ данного аспекта выносится в грамматический блок анализа, поскольку он непосредственно связан с категорией темпоральности, релевантной именно для грамматического уровня языка.

В текстах была зафиксирована система бинарных оппозиций, которые не разрешаются в пользу одного из полюсов, а демонстрируют невозможность различить противоположные категории.

В песенном тексте «Сколько уже дней» выделяются следующие оппозиции:

1. Конкретное / неконкретное («сколько дней» — «две недели»). Неконкретное время («сколько») противопоставлено конкретному («две недели»), но конкретное оказывается здесь ложной конкретикой — две недели в пустоте не наполнены событиями, то есть также неконкретны. Оппозиция, таким образом, сближает два разнородных аспекта.

2. Жизнь / смерть («моя маленькая жизнь» — «парашют не раскрылся»). Вторая часть, заявленная нами, — метафора смерти. «Парашют не раскрылся», выступает здесь в контексте надежды лирического героя на удачное лишение себя жизни вследствие передозировки наркотическими веществами, то есть смерть воспринимается лирическим героем в позитивном ключе. При этом для характеристики своей жизни лирический герой использует прилагательное «маленькая», которое может восприниматься как в значении ее протяженности во времени, так и в значении «незначительный по силе, степени проявления».

В песенном тексте «Непроизошло» представлена оппозиция разрушительное / гармоническое («траки — роса»). «Траки» (от англ. track — в значении «транспорт»). «Роса» — природное, чистое, утреннее, гармоничное. Оппозиция между искусственным (разрушительным) и естественным (гармоническим) подчеркивает резкую разобщенность лирического героя с физическим миром.

В «Вот-вот апрель» — жизнь / смерть («днями рождения — похоронами»). Нестандартно

лексически представленная бинарная оппозиция жизни и смерти демонстрирует продолжающийся мотив метаний главного героя между двумя полюсами.

В «Капалавада» — жизнь / смерть («аминь — бросая тело в камин»). Обращение к богу, часть молитвы, приветствие жизни, в данном случае употребляется наряду с актом уничтожения, то есть сожжения тела.

Ключевой является оппозиция в песенном тексте «Идиллия»: жизнь / смерть, которая воплощается через лексемы «идиллия» / «яды». В стандартной семантической системе «яды» — субстанции, вызывающие смерть, тогда как «идиллия» — гармоническое состояние. Отождествление этих понятий означает инверсию традиционной оппозиции: смерть становится положительным полюсом, а саморазрушение — условием покоя.

В текстах фиксируются следующие единицы нелитературной лексики: «нап...здеть» (обценная лексика), «шлюха» (сниженное), «порошок», «положить» (разговорное), «водила», «шмоток», «вау», «туса», «пялится», «зайка», «убер». Данная лексика выполняет не столько функцию стилизации, сколько маркировку среды лирического героя: мир, в котором он находится, — это деструктивное пространство, при этом герой не протестует, а воспринимает его как норму, являясь частью этого мира.

В корпусе текстов зафиксированы лексические единицы, связанные с употреблением запрещённых веществ / алкоголя: «порошок» (сленговое наименование наркотического вещества), «шоты» (алкогольные напитки, употребляемые залпом), «джин», «колесо» (жаргонное обозначение лекарственного препарата в контексте зависимости), «выпил», «коньяк», «macallan» (бренд виски), «вискарь» (сниженное, фамильярное наименование), «пьем», «жидкое искомое» (окациональное сочетание, интерпретируемое как алкоголь или наркотик). Выбор разностилевых номинаций — от нейтрально-бытовых до криминального жаргона и молодёжно-клубного сленга — свидетельствует о диффузности социальных регистров в языковом сознании героя и указывает на разрушение нормативных стилистических границ как отражение семиотической дезорганизации личности.

Теперь мы перейдем к анализу грамматических и синтаксических особенностей альбома «Перевоплотиться».

Критерии отбора грамматических особенностей включают:

1. Синтаксические особенности (преобладание предложений какого-либо типа, обилие сравнительных оборотов и т. д.).

2. Морфологические особенности (преобладание определённых морфологических глагольных категорий, использование частиц, кратких причастий, местоименной системы и т. д.).

Темпоральная семантика, выявленная на лексическом уровне, грамматически реализуется следующим образом:

В песенном тексте «Сколько уже дней» посредством употребления вопросительно-неопределённой конструкции «сколько уже дней», конкретизирующего словосочетания «две недели (в пустоте)» моделируется темпоральная размытость и психологическое исчисление времени.

В песенном тексте «Осенний пожар» присутствует словосочетание «десять лет», однако наряду с ним фиксируются единицы: «не помню число», «не наблюдаем часов». Единственной конкретизирующей точкой выступает «май», однако она сопровождается частицей «вроде», что нивелирует её конкретизацию. В песенном тексте «Перевоплотиться» на фоне общей темпоральной размытости возникает аномалия — конкретная временная единица «пять тридцать», не вступающая в оппозицию с антиконкретизирующей номинацией. В «Капалавада» точные числительные «восемнадцать», «двадцать семь» выполняют иную функцию, вероятно, репрезентируют возраст лирических героев.

Принципиально иную темпоральную модель мы можем увидеть в «Идиллии»: «миг и миллионы равны нулям» — семантическое уравнение, где любая длительность (от мгновения до миллионов лет) приравнивается к нулю, то есть к отсутствию. Ноль в данном контексте выступает не как математическая абстракция, а категория, обозначающая пустоту, аннигиляцию темпоральности.

В «Осеннем пожаре» доминируют безличные предложения («Десять лет назад, а может быть

и сто», «как жаль»), в которых отсутствует агенс действия, что грамматически кодирует пассивность субъекта. В «Сколько уже дней» фиксируется резкий грамматический сдвиг от безличной формы («не моросило») к личной конструкции («ты выглядишь»), формирующий разрыв между обезличенным состоянием среды и включением адресата. В песенном тексте «Перевоплотиться» доминирует конструкция «как бы мне + инфинитив», где частица «бы» вводит ирреально-желательное значение. В песенном тексте «Сколько уже дней» фиксируется 8-кратный повтор начальной строки, создающий эффект ритмического заклинания и циклической синтаксической незавершённости. В «Останусь один» происходит 6-кратный повтор финальной строки «останусь один в этот раз», функционирующий как формула самовнушения в будущем времени. В «XI XI XI» — междометный повтор, который вступает в контраст с семантикой вопросительных конструкций («как я стал таким плохим?»).

Проведённый лексико-грамматический анализ позволяет заключить, что циклизация выступает фундаментальным принципом организации языковой картины мира лирического героя: сквозные лексико-семантические группы (временная, погодная, религиозная лексика) пронизывают все тексты, формируя циклическое единство, тогда как бинарные оппозиции (жизнь / смерть, конкретное / неконкретное) ни в одном из текстов не разрешаются. На грамматическом уровне циклизация реализуется через множественные повторы (8-кратный повтор начальной строки, 6-кратный повтор финальной строки, междометный повтор), создающие эффект замкнутого круга и синтаксической незавершённости. Темпоральная модель «миг и миллионы равны нулям» из песенного текста «Идиллии» своеобразно подводит итог всему альбому. Результатом циклического существования становится разрушение субъектной целостности лирического героя — мир не разрушен, но герой в нём уже отсутствует как целостное «я».

Библиографический список

1. Ли, О. Д. Песенный текст как объект лингвистического исследования / О. Д. Ли // МНИЖ. — 2020. — № 8–3 (98). — С. 86–88.
2. Муратова, В. Э. Бинарные концепты «любовь / love» и «ненависть / hate (hatred)» в английском и русском песенных дискурсах: сопоставительный аспект : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / В. Э. Муратова. — Казань, 2010. — 194 с.
3. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. — М. : Айрис-пресс, 2010. — 448 с.

Эпическая традиция в мировой литературе XX века сквозь призму «нобелевского формата»

Лопатин Д. Я.

*Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск*

Научный руководитель: Полушкин А. С. (ЧелГУ)

В статье рассматривается эволюция эпической традиции: от классической формы до трансформации в XX веке. На материале «формулы присуждения» Нобелевской премии по литературе анализируется, как эпическое начало отмечалось в творчестве ряда лауреатов. Делается вывод о смещении акцента с жанровой формы на масштаб художественного мышления и репрезентацию коллективного опыта.

Ключевые слова: *эпическая традиция, роман-эпопея, «нобелевский формат», «формула присуждения».*

Термин «эпос» в литературоведении обозначает прежде всего род литературы, а также (при отсутствии отождествления) соотносится с мировой эпической традицией, её жанровыми формами. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под эпосом понимается «род литературы, в котором действительность изображается в форме объективного повествования о событиях и судьбах людей»¹. Е. М. Мелетинский в своей монографии, посвящённой поэтике мифа, определяет эпос как «повествовательный жанр, восходящий к мифу и героическим преданиям, в котором отражаются коллективные представления народа о мире, его историческом прошлом и идеальных героях»².

Эпос как жанр (эпическая поэма) в традиционном понимании связан с памятниками дописьменного периода развития литературы и соотносится, прежде всего, с национальными эпическими поэмами, такими как кыргызский «Манас» или якутский «Олонхо», а также с античной и средневековой литературой: от гомеровских поэм до «Беовульфа» и «Песни о Нибелунгах». В XVI–XVII вв. эпос по своим функциям и роли в литературе уступил место роману. Об этом пишет М. М. Бахтин в работе «Эпос и роман», где он выделяет процесс т. н. «романизации» эпоса, говоря о том, что эпос фиксирует

завершённый мир прошлого, а роман сфокусирован на открытом настоящем³. С развитием жанра романа в XVIII в. эпос в чистом виде, казалось бы, пришел в упадок, но в XIX–XX вв. мы наблюдаем заметное возрождение эпической традиции, хотя и в трансформированном виде.

Это возрождение во многом обусловлено историческим контекстом: XX в. стал эпохой масштабных потрясений: революций, мировых войн, геноцидов, тоталитарных режимов. Эти события потребовали новых форм художественного осмысления — форм, способных охватить судьбы не отдельных людей, а целых народов, показать исторические переломы в их глубине и протяжённости.

Постепенно эпос перестаёт быть преимущественно поэтическим жанром. Его функции берет на себя проза, прежде всего роман-эпопея и масштабные повествовательные циклы. При этом отдельные попытки сохранить традицию эпической поэмы всё же остаются, но они скорее единичны и связаны с экспериментами в отношении жанровой формы, например, эпическая драма Томаса Харди «Династы», написанная в стихах. К подобным экспериментам можно отнести и незавершённую поэму «Cantos» Эзры Паунда.

Актуализация эпической традиции находит отражение и в институциональном признании

¹ Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 1238.

² Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 262.

³ Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 447–483.

литературы, в частности — в рамках «нобелевского формата». Наше исследование строится на определении «нобелевского формата», предложенном А. С. Полушкиным. Под ним понимается совокупность критериев как литературных, так и внелитературных, определяющих выбор лауреатов и формирование своеобразного канона мировой литературы¹.

Основным материалом анализа стали формулы присуждения Нобелевской премии — краткие формулировки, в которых фиксируются заслуги писателей. Именно в них можно проследить, как и в каких случаях эксплицитно отмечается эпическое начало.

Результаты анализа показывают, что эпос как категория находился в центре внимания Нобелевского комитета преимущественно в XX в. За последние 25 лет прямые упоминания эпоса в формулах присуждения практически отсутствуют. За более чем столетнюю историю премии эпическое начало было специально отмечено в ряде случаев — в формулах присуждения Генрика Сенкевича («За его выдающиеся заслуги как создателя эпосов»), Карла Шпиттелера («За несравненный эпос «Олимпийская весна»»), Владислава Реймонта («За выдающийся национальный эпос — роман «Мужики»»), Перл Бак («За многогранное, поистине эпическое описание жизни китайских крестьян и за биографические шедевры»), Хальдоура Лакснеса («За яркую эпическую силу, которая возродила великое повествовательное искусство Исландии»), Михаила Шолохова («За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время»), Патрика Уайта («За эпическое и психологическое мастерство, благодаря которому был открыт новый литературный материк»), Надин Гордимер («За то, что своим великолепным эпосом принесла огромную пользу человечеству») и Дорис Лессинг («За эпическое выражение женского опыта...»). Условно к этому ряду можно также отнести Кнута Гамсуна, награждённого за «монументальный роман...»².

Интересно проследить, как именно формируется рецепция эпического наследия в формулах присуждения. Первым лауреатом, названным

«создателем эпосов», стал Генрик Сенкевич, причём без указания конкретного произведения³. Можем предположить, что здесь подразумевается трилогия, посвящённая периоду XVII в. истории Польши: романы «Огнём и мечом», «Пан Володыевский» и «Потоп». Кроме этого, Сенкевич — автор романов «Камо грядеши» о первых христианах Рима и «Крестоносцы» о победе Речи Посполитой над Тевтонским орденом. Сюжеты произведений содержат повествование о масштабных исторических событиях, переломных моментах истории. В них задействовано множество героев, в том числе исторические личности.

В дальнейшем подходы Шведской академии к признанию эпического наследия варьируются: в одних случаях подчеркивается конкретное произведение, как у Шпиттелера с его поэмой «Олимпийская весна»⁴, поскольку его эпическая поэма является переработкой античных мифов и повествует о жизни и борьбе богов Олимпа, каждый из которых ведёт себя как живой человек, а их образы символизируют как духовные устремления человека, так и его пороки. Похожий случай — формула присуждения В. Реймонта с его романом «Мужики», который повествует о жизни польских крестьян, живущих неподалёку от Лодзи. Сюжет затрагивает четыре времени года, каждое из которых соотносится с определённым периодом истории Польши. В случаях с другими нобелиатами конкретные произведения не называются, а говорится об эпическом масштабе творчества в целом⁵.

В большинстве случаев эпическое начало связывается с прозой. Романы Перл Бак «Земля», Михаила Шолохова «Тихий Дон» или Хальдоура Лакснеса «Исландский колокол» интерпретируются как эпические по своему замыслу и охвату⁶. Исключением является К. Шпиттелер, чья поэма воспринимается как одна из последних попыток возродить классический эпос в его традиционной форме⁷. Это позволяет сделать вывод: для Шведской академии важен не столько жанр, сколько масштаб художественного мышления.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что эпическое начало чаще всего подчеркивается в произведениях, изображающих жизнь народных масс, прежде всего крестьянства. Причём речь нередко идёт о культурах, воспринимаемых

¹ Полушкин А. С. Август Стриндберг и «нобелевский формат»: поле взаимодействия // Неизвестный Стриндберг. Материалы Международной научной конференции к 100-летию со дня смерти Августа Стриндберга. М., 2015. С. 42.

² Сайт Нобелевской премии по литературе: сайт. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/> (дата обращения: 13.03.2026).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

европоцентрично настроенным Нобелевским комитетом как «периферийные» или «экзотические»: китайские крестьяне у Пёрл Бак, донские казаки у Шолохова, польские крестьяне у Реймонта или норвежские батраки и хуторяне у Гамсуна¹. Через судьбы этих сообществ раскрываются глобальные исторические процессы и социальные трансформации.

Кроме того, эпическая традиция проявляется и в форме семейных саг. Такие произведения, как «Сага о Форсайтах» или «Семья Тибо», хотя и не всегда в формулах присуждения прямо обозначаются как эпос, фактически продолжают его линию, предлагая изображение истории и общества в течение значительного временного отрезка². Например, в «Саге о Форсайтах» повествование затрагивает временной отрезок рубежа XIX и XX вв., а также жизнь и судьбу нескольких поколений. В нобелевских формулировках это эпическое измерение присутствует имплицитно.

Таким образом, эпос, изначально связанный с мифологическим мышлением и героическими преданиями, со временем утратил свою классическую форму, характерную для дописьменной и ранней письменной традиции, как, например, в эпосах «Манас» или «Беовульф». Однако это не означает его исчезновения — напротив, он трансформировался и продолжил существование в новых жанровых формах.

В условиях исторических катаклизмов XX в. возникла потребность в художественных моделях, способных отразить судьбы не отдельных

личностей, а целых народов. Именно это привело к «перерождению» эпического начала в прозе, прежде всего в форме романа-эпопеи. Таким образом, эпическое мышление оказалось более устойчивым, чем конкретная жанровая форма.

Анализ формул присуждения Нобелевской премии свидетельствует, что эпическое начало занимало важное место в оценке литературного творчества в XX в. В ряде случаев оно фиксируется прямо (например, у М. А. Шолохова), в других — проявляется имплицитно через характеристику масштаба, глубины и исторического охвата произведений. Однако в последние десятилетия наблюдается снижение явного интереса к эпосу как категории. Для Нобелевского комитета принципиально важен не столько жанр, сколько масштаб художественного мышления. Это подтверждается тем, что эпическое начало чаще всего связывается с крупной прозой (например, «Тихий Дон»), а не с традиционной эпической поэмой.

Эпическая традиция в призме нобелевского формата часто сопряжена с изображением жизни народных масс и «большой истории», особенно в контексте культур, воспринимаемых как периферийные. Через частные судьбы героев раскрываются глобальные исторические процессы, что соответствует классической функции эпоса — репрезентации коллективного опыта. Таким образом, эпос следует рассматривать не как исчезнувший жанр, а как трансформированную форму художественного мышления, продолжающую играть значимую роль в осмыслении истории, общества и человеческого опыта.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М. : Худож. лит., 1975. — С. 447–483.
2. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — М. : Наука, 1976. — 407 с.
3. Николюкин, А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николюкин. — М. : Интелвак, 2001. — 1596 с.
4. Полушкин, А. С. Август Стриндберг и «нобелевский формат»: поле взаимодействия / А. С. Полушкин // Неизвестный Стриндберг. Материалы Международной научной конференции к 100-летию со дня смерти Августа Стриндберга / под ред. Т. А. Тоштендаль-Салычевой. — М. : 2015. — С. 42–62.

Феномен мифологического мышления в романе Давида Диопа «Ночью вся кровь черная»

Рухлин А. Д.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Институт филологии и журналистики, Нижний Новгород

Научный руководитель: Куликов Е. А. (ННГУ)

Статья основана на материале романа современного французского писателя Давида Диопа «Ночью вся кровь черная», посвященного событиям Первой мировой войны, показанным с точки зрения сенегальских солдат. В ней рассматривается феномен мифологического мышления и его влияние на поведение персонажей произведения. Мифологическое мышление и такие его свойства, как анимизм, тотемизм и фетишизм, обуславливают мировоззренческую специфику героев романа и трансформируют их военный опыт через оптику африканской мифологии.

Ключевые слова: мифологическое мышление, Давид Диоп, анимизм, фетишизм, тотемизм.

Роман современного французского писателя Давида Диопа (David Diop, 1966 г.р.) «Ночью вся кровь черная» был опубликован во Франции в 2018 г. В оригинале он называется *Frère d'ame* (фр. «Брат по душе»). В 2021 г. роман перевели на английский язык под названием *At Night All Blood Is Black*; именно этим вариантом и воспользовались российские переводчики. Произведение посвящено проблеме участия коренных жителей Сенегала в Первой мировой войне на стороне Франции. Сам Давид Диоп имеет африканские корни, чем и объясняется его интерес к данной теме.

Одним из важных аспектов романа является воспроизведение традиционных верований африканцев. Д. Диоп вступает в диалог с ранним течением африканских авторов, писавших на французском языке, — негритюдом. Данное направление осуждало колониализм и ставило своей целью реабилитацию традиционных ценностей Африки. Важными элементами таких произведений являлись обожествление предков и слияние с природой¹. Цельность мироощущения африканцев, их магическая интуиция противопоставлялись европейскому рационализму и индивидуализму². Исследователи отмечают субъективную нацеленность авторов на исключительно африканский контекст, обращение к национальным традициям и закрепление «аф-

риканской почвы» в качестве «эстетически значимого и полноценного объекта художественного творчества»³.

Одним из первых произведений, где осмысливается опыт сенегальских стрелков периода Первой мировой войны, является повесть Бакари Диалло «Сила — Доброта», опубликованная в 1926 г. Здесь, в частности, автор поднимает вопрос об идентичности африканских солдат. В рамках описания военного лагеря сенегальцев Б. Диалло отмечает, что некоторые из стрелков уже европеизировались и переняли соответствующие привычки, тогда как другие оставались верны традиционным обычаям и, например, красили ногти в красный цвет, символизирующий гордость⁴.

Кроме этого, Д. Диоп опирается на традицию франкоязычной африканской литературы *Afrique-sur-Seine*, в рамках которой авторы поднимали проблему поиска самоидентичности. Д. Диоп в своем произведении углубляется во внутренний мир героя, выбирая повествование от первого лица. При этом герой, как будет показано ниже, удален как от собственной культуры, так и от культуры колониальной Франции. Такая стратегия равноудаленности и была характерна для *Afrique-sur-Seine*⁵.

³ Прожогина С. В. Франкоязычная литература Африки в мировом литературном процессе // Культуры Африки в мировом цивилизационном процессе. М., 1996. С. 175.

⁴ Никифорова И. Д. Роман в литературе Сенегала // История романов форм в литературах Африки. М., 2010. С. 478.

⁵ Найденова Н. С. *Afrique-sur-Seine*: новое направление в африканской литературе на французском языке // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика, 2011. № 3. С. 103.

¹ Найденова Н. С. Становление литературы Тропической Африки на французском языке и влияние на нее концепции негритюда // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. 2012. № 1. С. 65.

² Ильина Л. Е. Движение негритюда и его значение в становлении франкоязычной африканской литературы // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. № 2 (2). С. 84.

Данное исследование ставит целью рассмотреть, как современный писатель переосмысляет проблему столкновения традиционных верований с реалиями жестокой войны, и проследить трансформацию мифологического мышления главного героя. Актуальность обусловлена присуждением в 2018 г. роману Д. Диопа «Ночью вся кровь черная» Гонкуровской премии лицеистов¹. Кроме того, в 2021 г. книга удостоилась престижной международной премии The Man Booker International Prize², которая выделяет особенно значимые литературные произведения, переведенные на английский язык.

Мифологическое мышление определяется как «архаическая форма осмысления действительности, в которой соединялись первобытные верования, образное отношение к миру, зачатки эмпирических знаний»³. В качестве синонима нередко используется сочетание «магическое мышление». Изучением представлений о магии в первобытных культурах, например, занимался британский антрополог Бронислав Малиновский. Он писал, что магия возникает из идеи о существовании безличной мистической силы. Именно эта сила и движет всеми остальными силами, которые важны для человека, и является причиной всех важных событий, относящихся к сфере сакрального. По словам исследователя, именно эта сила определяет «минимум религии»⁴.

Советский исследователь Е. М. Мелетинский писал, что для мифологического типа мышления характерно отсутствие различий между человеком и природой, в результате чего последняя часто очеловечивалась. Как следствие, мы имеем дело с появлением таких явлений, как анимизм, фетишизм, тотемизм и др.⁵

В мифологии тотем часто представлен в образе какого-либо животного. Данное явление широко распространено в Африке, вследствие чего африканскую мифологию стали называть зоототемической. При встрече с подобным

животным африканец воспринимает его и как находящегося здесь льва, слона или леопарда, и как нечто связанное с тотемом-предком. На охоту на такое животное наложено табу, нарушение которого строго карается. Таким образом, в тотеме воплощается образ общественного контроля⁶.

Именно такое представление о тотемах мы и обнаруживаем в романе Д. Диопа. В произведении упоминаются тотемы домов главного героя Альфы Ндие и его лучшего друга Мадембы Диопа: лев и журавль соответственно. Для них тотемы представляют собой нечто особенное и сакральное. Так, например, описывается отношение к тотему в семье Мадембы: «Но тотем — это серьезнее. Тотем — это табу. Его не едят, его оберегают. Диопы готовы были бы рисковать жизнью, защищая от опасности павлина или венценосного журавля, потому что это их тотем»⁷. Немного иначе о своем тотеме рассуждает Альфа: «Людам из рода Ндие нет нужды защищать от опасности льва. Льву опасность никогда не грозит. Правда, рассказывают, что и львы никогда не едят людей из рода Ндие. Так что защита тут обоюдная»⁸.

Впоследствии Мадемба погибает на руках Альфы. Перед смертью Мадемба просит Альфу добить его, но последний не может пойти на это, потому что прислушивается к голосам предков. Это связано с таким проявлением мифологического мышления, как анимизм, который выступал фундаментом для формирования культа предков. Эдвард Тайлор определял его как «глубоко присущее человеку учение о духовных существах, которое служит воплощением сущности спиритуалистической философии в противовес материалистической»⁹. Он также делил анимизм на две составляющие, образующие единое целое: на души отдельных существ, существующих и после смерти, и на остальных духов¹⁰. Духи предков можно отнести к первому типу. Почитание предков являлось основным проявлением религиозных верований в эпоху первобытного строя¹¹. Кроме того, духи пред-

¹ Lauréats depuis 1988... // Académie Goncourt. URL: <https://www.academiegoncourt.com/goncourt-des-lyceens> (date of access: 25.02.2026).

² The International Booker Prize 2021 // The Booker Prizes. URL: <https://thebookerprizes.com/the-booker-library/prize-years/international/2021> (date of access: 25.02.2026).

³ Кузнецов В. Г. Словарь философских терминов. М., 2005. С. 333.

⁴ Малиновский Б. Магия, наука, религия. М., 1998. С. 22.

⁵ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М., 2000. С.165–169.

⁶ Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975. С. 93.

⁷ Диоп Д. Ночью вся кровь черная. М., 2022. С. 44.

⁸ Там же.

⁹ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 211.

¹⁰ Там же.

¹¹ Субботин В. А. Первобытнообщинный строй и его разложение // История Африки в XIX — начале XX вв. М., 1967. С. 91.

ков выступали воплощением социального контроля за поведением людей и могли наказывать нарушителей¹. Именно поэтому Альфа и не смог совершить убийство: «Именно ради того, чтобы не переступить людских законов, законов наших предков, я не сжалился над Мадембой и позволил Мадембе, моему больше чем брату, моему другу детства, умирать с глазами, полными слез»².

Однако в дальнейшем Альфа решает отказаться от голоса предков как морального ориентира. Герой начинает «думать самостоятельно» и считает, что ему было необходимо добить Мадембу: «Я должен был, Мадемба, добить тебя как друг, чтобы ты перестал плакать, метаться, извиваться, пытаясь засунуть обратно в живот то, что из него вывалилось, хватая ртом воздух, будто только что выловленная рыба»³. То, что Альфа не смог сделать для друга, он решает сделать по отношению к противнику, таким образом прося прощения у погибшего «больше чем брата». Это приводит к тому, что Альфа становится одержимым идеей мести, и никакие предки не могут ему помешать: «И ни один голос не раздавался у меня в голове, чтобы остановить меня: голоса предков, голоса моих родителей замолкли, когда я задумал сделать то, что в конце концов сделал»⁴. Так, Давид Диоп переосмысляет традицию негритюда, связанную с обожествлением предков. Следствием отказа Альфы от предков становится то, что он начинает постепенно откалываться от коллектива.

Жестокая месть Альфы выражается в том, что он отрезает немецким солдатам руки. При этом самому Альфе кажется, что эти руки сохраняют силу своих обладателей, когда они «заряжали, разряжали винтовку, которую держали» до того, как тесак «отделил их от предплечья»⁵. Можно заметить, что для Альфы отрубленные руки становятся подобными фетишу. Эдвард Тайлор описывал фетиши как предметы, в которых обитает дух. Фетиш является главным местопребыванием данного духа⁶. И действительно, по отрубленным рукам Альфа мог определить их обладателя: «Это мои руки, я знаю, каким голубым глазам они принадлежали»⁷.

¹ Традиционные культуры африканских народов: прошлое и настоящее / Отв. ред. Р. Н. Исмаилов. М., 2000. С. 107.

² Диоп Д. Ночью вся... С. 12.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 153.

⁶ Тайлор Э. Б. Первобытная культура... С. 339.

⁷ Диоп, Д. Ночью вся... С. 56.

Показательной является реакция однополчан Альфы на его жестокость. Поначалу сам факт возвращения боевого товарища с очередным трофеем вызывал у них радость. Но постепенно отрубленные руки начинают ассоциироваться со страхом перед Альфой, и в результате тот становится изгоем. Этим и завершается процесс отдаления героя от солдатского коллектива: «Так вражеские руки — начиная с четвертой — стали причиной моего одиночества»⁸.

Несмотря на то, что отказ от голосов предков и последовавшая за этим месть немецким солдатам имели негативные последствия для Альфы, герой добивается своей цели и искупает вину перед Мадембой, поскольку в финале романа субъектность Альфы умирает, и в его теле оживает дух погибшего друга: «Видит Бог, я знаю, я понимаю, что из дружбы, из сострадания Альфа уступил мне место в своем теле борца. <...> Видит Бог, клянусь тебе, что, когда я думаю, кто мы такие, я понимаю, что отныне он — это я, а я — это он»⁹. Это связано с особенностями мифологического мышления Альфы, поскольку после смерти душа предка может найти отражение в одном или нескольких своих родственниках. В них могут проявляться как черты характера предка, так и особенности его внешности¹⁰. Финал романа может рассматриваться также как примирение между Альфой и Мадембой, так как последний продолжит жить.

Подводя итоги, отметим, что феномен мифологического мышления в романе Давида Диоп «Ночью вся кровь черная» раскрывается на нескольких уровнях: тотемизм, анимизм, фетишизм. Все эти явления напрямую влияют на поведение главного героя романа. Отказавшись от предков, Альфа не перестает воспринимать мир в русле тотемических и анимистических представлений. Кроме того, в этом можно усмотреть продолжение принципов негритюда, выраженных в изображении традиций западноафриканских народов. Однако Давид Диоп переосмысляет принципы данного литературного направления через фигуру другого, непонятого для остальных и оторванного от коллектива.

⁸ Там же. С. 41

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Татаровская И. Г. Сверхъестественное в африканской мифологии // Ученые записки Института Африки РАН. 2018. № 4 (45). С. 117.

Библиографический список

1. Диоп, Д. Ночью вся кровь черная / Д. Диоп. — М. : Эксмо, 2022. — 160 с.
2. Дэвидсон, Б. Африканцы. Введение в историю культуры / Б. Дэвидсон. — М. : Наука, 1975. — 280 с.
3. Ильина, Л. Е. Движение негритюда и его значение в становлении франкоязычной африканской литературы / Л. Е. Ильина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2022. — № 2 (2). — С. 81–88.
4. Кузнецов, В. Г. Словарь философских терминов / В. Г. Кузнецов. — М. : Инфра-М, 2005. — 731 с.
5. Малиновский, Б. Магия, наука, религия / Б. Малиновский. — М. : Академический проект, 1998. — 330 с.
6. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное / Е. М. Мелетинский. — М. : Восточная литература, 2000. — 407 с.
7. Найденова, Н. С. Становление литературы Тропической Африки на французском языке и влияние на нее концепции негритюда / Н. С. Найденова // Вестник РУДН, серия «Теория языка, семиотика, семантика». — 2012. — № 1. — С. 64–68.
8. Найденова, Н. С. Afrique-sur-Seine: новое направление в африканской литературе на французском языке / Н. С. Найденова // Вестник РУДН, серия «Лингвистика». — 2011. — № 3. — С. 102–109.
9. Никифорова, И. Д. Роман в литературе Сенегала / И. Д. Никифорова // История романных форм в литературах Африки. — М. : Наука, 2010. — С. 476–495.
10. Прожогина, С. В. Франкоязычная литература Африки в мировом литературном процессе / С. В. Прожогина // Культуры Африки в мировом цивилизационном процессе. — М. : Восточная литература, 1996. — С. 172–180.
11. Субботин, В. А. Первобытнообщинный строй и его разложение / В. А. Субботин // История Африки в XIX — начале XX в. — М. : Наука, 1967. — С. 90–108.
12. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор. — М. : Политиздат, 1989. — 573 с.
13. Татаровская, И. Г. Сверхъестественное в африканской мифологии / И. Г. Татаровская // Ученые записки Института Африки РАН. — 2018. — № 4 (45). — С. 111–121.
14. Традиционные культуры африканских народов: прошлое и настоящее ; отв. ред. Р. Н. Исмаилов. — М. : Восточная литература, 2000. — 271 с.

Семиотическое развитие ребенка младшего школьного возраста средствами отечественной и зарубежной анимации (на примере мультсериалов «Смешарики» и «Леди Баг и Супер-Кот»)

Ларионова Е. Е.

Челябинский государственный университет,
историко-филологический факультет, Челябинск

Научный руководитель: Месеняшина Л. А. (ЧелГУ)

В статье рассматривается влияние отечественной и зарубежной анимации на семиотическое развитие детей младшего школьного возраста. На основе опроса родителей и структурно-семантического анализа мультсериалов «Смешарики» и «Леди Баг и Супер-Кот» выявлены различия в знаковых системах: российский сериал тяготеет к культурным символам и многозначности, зарубежный — к иконам и индексам с жёсткой причинно-следственной связью. Сформулированы практические рекомендации для осознанного использования анимации в развитии мышления ребёнка.

Ключевые слова: семиотика, семиотическое развитие, младший школьник, анимация, знаковые системы.

Сегодня дети младшего школьного возраста проводят перед экраном значительное время. Согласно анализу проведённого опроса родителей, 75 % детей смотрят мультфильмы ежедневно, и лишь 25 % — только по выходным. Мультфильмы стали не просто развлечением, а одним из главных «учителей» ребёнка: они транслируют модели поведения, эмоциональные реакции, формируют моральные ценности и — самое главное в рамках нашего исследования — знаковые системы. Именно через мультфильмы ребёнок учится расшифровывать визуальные, звуковые и сюжетные знаки: понимать, почему у героя после удара летят звёздочки, что означает смена музыки, как по мимике отличить грусть от злости. Особый интерес представляет сравнение отечественной и зарубежной анимации, поскольку они строятся на разных культурных пластах. Проблема в том, что ни родители, ни педагоги, как правило, не осознают, какие именно мыслительные навыки развивает тот или иной мультфильм.

Объект нашего исследования — процесс семиотического развития детей младшего школьного возраста (овладение знаками) под влиянием просмотра анимации. Предмет исследования — знаковые системы (визуальные, звуковые, словесные, сюжетные, культурные) в двух мультсериалах: «Смешарики» (Россия)

и «Леди Баг и Супер-Кот» (Франция / Корея / Япония). Цель — выявить, как устроены знаки в этих мультфильмах, и определить, какие семиотические способности они развивают. Задачи: 1) объяснить понятие семиотики применительно к младшему школьнику; 2) провести опрос родителей для выявления уровня понимания детьми анимационных знаков; 3) выполнить детальный структурно-семантический анализ двух мультсериалов; 4) сравнить полученные данные и сделать выводы для практики.

В исследовании используется методология семиотики, науки о знаках. Согласно классификации Ч. С. Пирса, выделяют три типа знаков: икона (основана на сходстве), индекс (указывает на причину или следствие), символ (значение задано культурной традицией)¹. Семиотическое развитие ребёнка — это постепенное овладение умением распознавать иконы, индексы и символы, понимать их в контексте. Для младшего школьника особенно важно: понимать условные изображения (иконическое мышление), выстраивать причинно-следственные связи (индексальное мышление), расшифровывать культурные

¹ Мустафин А. А. К вопросу о ключевых понятиях теории знаков Чарльза Пирса и Чарльза Морриса // Вестник БГУ. Серия «Философия». 2022. № 3. С. 33–41; Morris Ch. Foundations of the theory of signs. Chicago, 1970. 59 p.

символы, понимать структуру истории и считать эмоции. Анимация — идеальный тренажёр для этого, так как объединяет картинку, звук и сюжет в движении¹.

Нами был проведён опрос среди родителей детей 7–10 лет, всего опрошено 35 человек (табл. 1).

Вывод из опроса: дети активно впитывают анимационный контент, но не всегда глубоко его понимают. Российские мультфильмы, по мнению родителей, чаще побуждают к диалогу. Это подтверждает необходимость семиотического анализа конкретных произведений.

Но для повышения достоверности и объективности, и учета реальных просмотровых предпочтений широкой аудитории мы обратились к аналитике онлайн-кинотеатра «Кинопоиск» — одной из крупнейших платформ в России. Согласно данным пресс-службы сервиса,

¹ Усова Л. В., Лабутина А. В., Усов Е. А. Мультпликационные предпочтения современных школьников как фактор социализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2026. № 2. С. 86–91.

на начало 2026 г. общее число пользователей «Кинопоиска» достигло 60 млн, из которых более 18 млн являются активными подписчиками Плюса. Это широкий и репрезентативный срез современной детской и семейной аудитории, что делает статистику платформы значимым ориентиром для исследовательского отбора.

По анализу публикаций, посвященных итогам 2025 г. мы выявили, что широкую популярность, продолжительные просмотры и высокие рейтинги имеет «Маша и Медведь»; мультсериал преодолел планку в 10 млн смотрящих подписчиков, став самым популярным тайтлом за всю историю онлайн-кинотеатра.

Если говорить про зарубежную сферу анимации, то платформа «Кинопоиск» фиксирует интерес к американскому сериалу «Аватар: Легенда об Аанге». Оригинальный мультсериал, выходявший на канале Nickelodeon с 2005 по 2008 гг., получил на «Кинопоиске» зрительскую оценку 8,7 балла из 10.

По данным опроса, лидеры российской анимации — «Три кота», «Маша и Медведь»,

Таблица 1

Результаты опроса родителей

Категория	Показатель	Данные / Результаты	Комментарий / Интерпретация
Частота и репертуар просмотра	Частота	75 % — ежедневно; 25 % — только по выходным	Мультфильмы — значимая часть жизни ребёнка.
	Российские фавориты	«Три кота», «Маша и Медведь», «Фиксики», «Смешарики», «Барбоскины», «Простоквашино», «Винни-Пух»	«Смешарики» — в пятёрке, выбраны для анализа.
	Зарубежные фавориты	«Губка Боб», «Винкс», «Тоботы», принцессы Disney, «Леди Баг и Супер-Кот»	Для анализа взят «Леди Баг и Супер-Кот» (популярен у 8–12 лет, образец западной супергеройской анимации, хотя не вошёл в топ опроса).
Понимание условных знаков (звёздочки, лампочка)	Доля понимающих	100 % родителей подтвердили, что ребёнок понимает такие знаки	Базовый уровень индексального мышления сформирован у всех детей.
Понимание эмоций и мотивов героев	Всегда понимают	62,5 %	
	Понимают иногда	25 %	Тревожный сигнал: более трети детей испытывают трудности с семиотической эмпатией (чтение мимики, поз, интонаций).
	Требуют объяснений взрослого	12 %	
Коммуникативные навыки	Копирование поведения героев	50 % — иногда; 12,5 % — точно; 37 % — редко / не замечали	
	Использование фраз из мультфильмов	37,5 % — не используют; 7,5 % — редко; 25 % — часто	Примеры цитат: «Спокойствие, только спокойствие» (Карлсон), «Лунная призма, дай мне сил» (Сейлор Мун), «Трансформация» (Леди Баг).
	Мультфильмы учат решать конфликты?	50 % — да; 25 % — скорее нет; 25 % — затруднились	
	Какие мультфильмы лучше стимулируют обсуждение?	50 % — российские; 12,5 % — зарубежные; 25 % — одинаково; 12,5 % — никакие	Российские мультфильмы заметно чаще побуждают к диалогу.

«Фиксики», «Смешарики», «Барбоскины», а также советская классика («Простоквашино», «Винни-Пух»). Зарубежные лидеры — «Губка Боб», «Винкс», «Тоботы», принцессы Disney, «леди Баг и Супер-Кот». Для семиотического анализа были выбраны следующие анимации: «Смешарики» и «Леди Баг и Супер-Кот», поскольку они очень популярны и при этом представляют два полюса знакового строя.

Для решения поставленных задач был использован метод структурно-семантического анализа — то есть мультфильм был разложен на коды: визуальный, аудиальный, вербальный (словесный), нарративный (сюжетный), культурный.

Анализ сериала «Смешарики»

Метод — структурно-семантический анализ (разложение на коды).

1. Визуальный код: шарообразная форма — икон дружелюбия и символ универсальности; индивидуальные черты (уши, иголки) — индексы вида животного и характера; гиперболизированная мимика — икон эмоций; одежда (очки Лосяша, галстук Кар-Карыча) — символ социальной роли.

2. Аудиальный код: звуки «бум», «хрясь» — условные знаки действия; тембр голоса, закреплённый за персонажем, — индекс характера (звонкий голос Кроша — неутомимость, низкий Бараша — меланхолия).

3. Вербальный код: лексика-маркеры («феноменально», «укуси меня пчела») — социолекты; диалоги — столкновение точек зрения, истина рождается в споре; языковые игры (тарабарский язык) — метазнак о знаке.

4. Нарративный код: отсутствие антагониста, конфликт внутренний или из-за недопонимания; мораль не декларируется, ребёнок извлекает урок сам; открытые финалы — толерантность к неопределённости.

5. Культурный код: отсылки к Пушкину, Гоголю, Блоку, к «Гамлету», музыка Грига, философские концепции экзистенциализма, сциентизма.

Вывод: «Смешарики» развивают символическое мышление, способность к интерпретации, культурную осведомлённость, критическое мышление.

Анализ сериала «Леди Баг и Супер-Кот»

1. Визуальный код: доминируют иконы (костюм божьей коровки, кошачьи уши) и индексы (маска — индекс связи с квами); одежда — символ богатства/демократичности; пространство Парижа — географические индексы достоверности.

2. Аудиальный код: звуки способностей («джууд», «взрыв») — аудиальные индексы магического действия; смена интонации при трансформации — индекс смены идентичности.

3. Вербальный код: фразы «Талисман Удачи!», «Чудесное исцеление!» — перформативные знаки (слово равно действию); кошачьи каламбуры Супер-Кота — знак игривости; архаичная речь Бражника — знак злодея-манипулятора.

4. Нарративный код: формула эпизода (проблема → негативная эмоция → акума → злодей → битва → победа → восстановление) — знак жанра, развивает прогностическое чтение; два уровня конфликта (внешний и «любовный квадрат») — знак несовпадения маски и сущности; мораль эксплицитна (негативные эмоции превращают в монстра).

5. Культурный код: универсальные символы (божья коровка — удача, чёрный кот — неудача, дуализм инь-ян); отсылки к сюжетам о двойной жизни («Зорро», «Джекилл и Хайд»).

Вывод: «Леди Баг» развивает иконическое и индексальное мышление, причинно-следственные связи, эмоциональный интеллект, но оставляет меньше пространства для самостоятельной интерпретации.

Выводы

1. Семиотическое развитие младшего школьника — важная задача, анимация играет в ней огромную роль.

2. Опрос показал: с базовыми условными знаками дети справляются хорошо (100 %), но более четверти (25 % + 12 %) испытывают трудности с пониманием мотивов героев. Российские мультфильмы, по мнению родителей, чаще стимулируют обсуждение (50 % против 12,5 %).

3. «Смешарики» тяготеют к символу — знаки многозначны, требуют интерпретации, отсылают к культурной традиции. «Леди Баг» тяготеет к знаку-иконе и индексу — знаки прозрачны, причинно-следственные связи жёстки, мораль дана в готовом виде.

4. Ни один тип не лучше и не хуже. Для гармоничного развития ребёнка нужно сочетание: сначала зарубежная анимация помогает освоить базовые знаки (иконы, индексы, эмоции), затем отечественная подключает более сложные уровни (многозначность, культурные отсылки, самостоятельное извлечение морали).

5. Практическая рекомендация: не просто включать мультфильм, а обсуждать его знаковое устройство (спрашивать «почему у героя такой голос?», «что означают звёздочки?»). Тогда просмотр превращается в активное семиотическое развитие.

Таким образом, анимация — это не просто фон детства, а мощный тренажёр мышления, и понимание того, как устроены её знаки, позволяет взрослым использовать её осознанно.

Библиографические ссылки

1. Мустафин, А. А. К вопросу о ключевых понятиях теории знаков Чарльза Пирса и Чарльза Морриса / А. А. Мустафин // Вестник БГУ. Серия: Философия. — 2022. — № 3. — С. 33–41.
2. Усова, Л. В. Мультипликационные предпочтения современных школьников как фактор социализации / Л. В. Усова, А. В. Лабутина, Е. А. Усов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2026. — № 2. — С. 86–91.
3. Morris, Ch. Foundations of the theory of signs / Ch. Morris. — Chicago : University of Chicago Press, 1970. — 59 p.

Сетевое научное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ЮЖНОГО УРАЛА**

Выпуск 10

Научный ежегодник

Выходит 1 раз в год

Главный редактор: Гришина Наталья Владимировна
Ответственный секретарь: Петров Федор Николаевич

Корректура и вёрстка *С. В. Ястребовой*

Подписано к использованию: 21.09.26.

Выход в свет 22.09.26.

Формат 60×84 1/8.

Гарнитура «Times New Roman».

Уч.-изд. л. 20. Заказ 464.

Издатель:

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Подготовлено в издательстве Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 576

